

Социальная психология

- А.Г. Караяни, Ю.М. Караяни
Информационно-психологическое воздействие в контексте парадигмы стратегических коммуникаций 3
- В.Г. Маралов
Проблема чувствительности к угрозам: обзор исследований 15
- В.В. Ермолаев, Ю. Воронцова, Д.К. Насонова, А.И. Четверикова
Динамика социальных страхов у российских граждан в период первой и второй волны COVID-19 27
- В.С. Собкин, М.М. Смылова, Д. В. Адамчук
Социально-психологические особенности ценностных ориентаций аспирантов 39
- С.А. Избасарова
Вербальные и невербальные методы в исследовании социальных представлений о счастье 53
- М.В. Алагуев
Вступление в межкультурный брак: факторы выбора брачного партнёра 63

Клиническая психология

- Е.И. Рассказова, А.Ш. Тхостов
Готовность к вакцинации против коронавируса как мера доверия официальным медицинским рекомендациям: роль тревоги и представлений 76
- И.Е. Валитова
Типология взаимодействия матери и ребенка раннего возраста с отклонениями в развитии вследствие неврологической патологии 91
- Н.С. Бурлакова
Клинико-психологическая разработка медико-санитарного дискурса с учетом особенностей поведенческого реагирования детей и подростков в ситуации пандемии COVID-19 103

Психология экстремальных ситуаций

- Ю.С. Шойгу, Л.Н. Тимофеева, Н.В. Толубаева, Е.И. Варфоломеева,
А.А. Соколова, Е.В. Курилова, М.Е. Кармилова
Особенности оказания экстренной психологической помощи при переживании утраты в чрезвычайных ситуациях. 115

Нейропсихология

- Н.А. Хохлов, Е.Д. Федорова
Нейропсихология бессознательного: современное состояние проблемы 127

Спортивная психология

- А.Ю. Акимова, Е.Н. Васильева, О.М. Исаева
Женщина в структуре Федерации бокса России: профессиональная мотивация и связь с психологическим благополучием 149

Возрастная и педагогическая психология

- В.А. Наумова Ж.М. Глозман
Представления старости в детском возрасте 160

Психология творчества

- А.М. Айламазян
Свободный танец как культурно-историческая практика импровизации 175

Social Psychology

- A.G. Karayani, Yu.M. Karayani
Information and psychological impact in the context of strategic communications paradigm 3
- V.G. Maralov
The problem of sensitivity to dangers: a review of research 15
- V.V. Ermolaev, Ju. Voroncova, D.K. Nasonova, A.I. Chetverikova
Dynamics of russian citizens' social fears during the first and second waves of COVID-19. 27
- V.S. Sobkin, M.M. Smyslova, D.V. Adamchuk
Socio-psychological features of value orientations in postgraduate students 38
- S.A. Izbasarova
Verbal and non-verbal methods in studying social representations of happiness. 53
- M.V. Alaguev
Entry into intercultural marriage: factors of spouse choice 63

Clinical Psychology

- E.I. Rasskazova, A.Sh. Tkhostov
Eagerness to be vaccinated against coronavirus as an indicator of trust to official medical
recommendations: the role of anxiety and beliefs 76
- I.E. Valitova
Types of interaction between mother and early age child with developmental disorders caused
by neurological pathology 91
- N.S. Burlakova
Clinical-psychological elaboration of discourse with regard to behavioural reactions typical
of children and adolescents in the situation of COVID-19 pandemic 103

Psychology of Extreme Situations

- Yu.S. Shoigu, L.N. Timofeeva, N.V. Tolubaeva, E.I. Varfolomeeva,
A.A. Sokolova, E.V. Kurilova, M.E. Karmilova
Features of providing emergency psychological aid to people experiencing loss in emergency situations. 115

Neuropsychology

- N.A. Khokhlov, E.D. Fyodorova
Neuropsychology of the unconscious: current state of the problem 127

Psychology of Sport

- A.Yu. Akimova, E.N. Vasilyeva, O.M. Isaeva
Women in the structure of the Russian Boxing Federation: professional motivation and connection
with psychological well-being 149

Developmental Psychology and Pedagogical Psychology

- V.A. Naumova, J.M. Glozman
Representations of old age in childhood 160

Psychology of Creativity

- A.M. Ailamazjan
Free dance as a cultural-historical practice of improvisation 175

Оригинальная статья

УДК 316.475, 366.636, 159.923
doi: 10.11621/npj.2021.0101

Информационно-психологическое воздействие в контексте парадигмы стратегических коммуникаций

А.Г. Караяни*, Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Москва, Россия

ORCID: 0000-0001-9586-9718

Ю.М. Караяни, Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-0926-5182

*Для контактов. E-mail: karayani@mail.ru

Актуальность (контекст) тематики статьи. Смена парадигмы информационно-психологического противоборства вызвала изменения в содержании и архитектонике информационно-психологических воздействий (ИПВ), новые тенденции в формах их практического использования. Выявление особенностей информационно-психологического воздействия в контексте стратегических коммуникаций позволит более целенаправленно обеспечивать информационно-психологическую безопасность личности и общества.

Цель: выявить виды, особенности и тенденции в применении ИПВ в контексте парадигмы стратегических коммуникаций.

Описание хода исследования. Раскрыта сущность стратегических коммуникаций как парадигмы информационно-психологического противоборства. Проанализированы архитектоника и содержание основных видов информационно-психологического воздействия. Обсуждены основные тенденции в развитии методов и форм ИПВ.

Выводы. Контекст стратегических коммуникаций расширяет понимание ИПВ. Его целесообразно рассматривать как целенаправленное распространение (продвижение, блокировка и/или селекция) информации, взаимодействия и движения между участниками коммуникационного процесса. В рамках стратегических коммуникаций используются методы воздействия, относящиеся к метастратегиям «жесткой силы», основанной на принуждении, и «мягкой силы», использующей технологии привлечения. Реализация этих метастратегий сопровождается тенденциями, отражающими переход от воздействия на военного противника к воздействию на мирное население; от «жестких» к «мягким» методам воздействия; от монологических форм (распространение информации, воздействия) к диалогическим (коммуникация); от открытого вторжения в сознание и поведение людей к более скрытым формам воздействия; от тактических форм, рассчитанных на непосредственный эффект, к стратегическим, нацеленным на отдаленный результат; от монотипных форм воздействия к многообразным, сложным, комплексным. Для обеспечения информационно-психологической безопасности личности и общества необходимы знание и учет особенностей ИПВ в рамках актуальной парадигмы информационно-психологического противоборства.

Ключевые слова: информационно-психологическое воздействие, информационно-психологическое противоборство, стратегические коммуникации, мягкая сила, народная дипломатия, умная толпа.

Для цитирования: Караяни А.Г., Караяни Ю.М. Информационно-психологическое воздействие в контексте парадигмы стратегических коммуникаций // Национальный психологический журнал. 2021. № 1 (41). С. 3–14. doi: 10.11621/npj.2021.0101

Поступила 26 февраля 2021 / Принята к публикации 17 марта 2021

Information and psychological impact in the context of strategic communications paradigm

Alexander G. Karayani*, National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-9586-9718

Yuliya M. Karayani, Federal State University “Military University” of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-0926-5182

*Corresponding author. E-mail: karayani@mail.ru

Background. The change in the paradigm of information-psychological confrontation caused changes in the content and architectonics of information-psychological impact, and determined the new trends in the forms of their practical use.

Identifying the features of information and psychological impact in the context of strategic communications will make it possible to ensure the information and psychological security of person and society in a more targeted way.

Objective. To identify the types, features and trends in the application of information-psychological impact in the context of the strategic communications paradigm.

Results. The study reveals the essence of strategic communications as a paradigm of information-psychological confrontation. It analyzes architectonics and content of the main types of information and psychological impact. The study also discusses the main trends in the development of methods and forms of information and psychological impact.

Conclusions. The context of strategic communications extends the understanding of information and psychological impacts. It is advisable to consider it as a deliberate dissemination (promotion, blocking and/or selection) of information, interaction and movement between participants in the communication process.

Strategic communications use impact methods related to “hard power” meta-strategies based on coercion and “soft power” using attraction technologies. The implementation of these meta-strategies is accompanied by trends reflecting the transition from influence on the military enemy to impact on civilians; from “hard” to “soft” methods of exposure; from monological forms (dissemination of information, influence) to dialogical forms (communication); from an open invasion of consciousness and human behavior to more hidden forms of influence; from tactical forms designed for immediate effect to strategic forms aimed at a distant outcome; from monotype forms of influence to diverse, difficult, complex ones.

To ensure the information-psychological security of the person and society, knowledge and consideration of the peculiarities of information and psychological impact are necessary within the framework of the current paradigm of information-psychological confrontation.

Keywords: information-psychological impact, information-psychological confrontation, strategic communications, soft power, popular diplomacy, smart crowd.

For citation: Karayani A.G., Karayani Yu.M. (2021). Information and psychological impact in the context of strategic communications paradigm. National Psychological Journal [Natsional'nyy psikhologicheskiy zhurnal], 14 (1), 3–14. doi: 10.11621/npj.2021.0101

Received February 26, 2021 / Accepted for publication March 17, 2021

Введение

Усиление политического, экономического и военного противостояния в международных отношениях, революционное развитие информационных и телекоммуникационных технологий, новые достижения в области когнитивных, социальных, поведенческих и нейронаук обуславливают эскалацию и повышение изощренности информационно-психологического противоборства между различными полюсами силы в мире. Анализ доктринальных документов, научной литературы и реальной практики информационно-психологического противоборства показывает, что стратегия и тактика информационно-психологического воздействия (ИПВ) на оппонентов постоянно модифицируется.

Трансформации, происходящие в рассматриваемой области, активно обсуждаются в научной литературе. В частности, публикуются работы, посвященные анализу проблем ИПВ (Баранов, 2017; Ситнова, Поляков, 2018), противодействия (Караяни и др., 2016), безопасности (Костюк, Примакин, 2018). Вопросы ИПВ рассматриваются также в контексте анализа гибридных войн (Mattis, Hoffman, 2005), концентрических войн (Комлева, 2015), поведенческих войн (Ларина, Овчинский, 2015), «мягкой силы» (Най, 2006), «умной толпы» (Рейнгольд, 2006), «стратегической коммуникации» (Богданов, 2017) и др. Как правило, авторы этих статей рассматривают ИПВ через оптику собственного (политологического, социологического, военного и др.) научного интереса, вычлняя его конкретный аспект. Наряду с этим, некоторые психологические работы, посвященные исследованию ИПВ, написаны

более 20 лет назад¹ и уже не охватывают всех сторон исследуемого явления.

Между тем анализ современной практики информационно-психологического воздействия в различных сферах противоборства показывает, что оно трансформировалось в глобальное явление, пронизывающее практически все стороны международных отношений, распространилось на внутривнутриполитическую, социальную, культурную жизнь государств. За последнее время изменились не только технологии ИПВ, но и его научные основания. К сожалению, современных психологических работ, раскрывающих специфику ИПВ на современном этапе, явно недостаточно.

Несоответствие между актуальностью, высокой социальной и научной значимостью теории и практики ИПВ для судеб современного мира и недостаточным уровнем его научного осмысления обусловили выбор темы, цели, задач и методов настоящего исследования.

Проведение исследования

Целью данной статьи является осуществление комплексного исследования особенностей ИПВ в рамках новой парадигмы, выявление его актуальных стратегий, форм, методов и специфических черт.

¹ См., например: Караяни А.Г. Психологические операции в современной войне: сущность, содержание, пути противодействия. Самара, 1997. 44 с.; Крысько В.Г. Секреты психологической войны (цели, задачи, методы, формы, опыт). Мн., 1999. 208 с.; Почепцов Г.Г. Информационные войны. М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 2000. 576 с.

Александр Григорьевич Караяни — доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО главный научный сотрудник ФГКУ «ВНИИ МВД России», профессор кафедры методологии психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Заслуженный деятель науки Российской Федерации
ORCID: 0000-0001-9586-9718
<https://istina.msu.ru/profile/karayani/>

Alexander G. Karayani — Ministry of Interior of the Russian Federation, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Honored Scientist of the Russian Federation
ORCID: 0000-0001-9586-9718
<https://istina.msu.ru/profile/karayani/>

Юлия Михайловна Караяни — доктор психологических наук, доцент, профессор РАО, старший преподаватель кафедры психологии ФГКУ «Военный университет» Министерства обороны Российской Федерации
ORCID: 0000-0002-0926-5182
<https://istina.msu.ru/workers/11669220/>

Yuliya M. Karayani — Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Professor of the Russian Academy of Education, senior lecturer at the Department of Psychology of the Federal State University «Military University» of the Ministry of Defense of the Russian Federation
ORCID: 0000-0002-0926-5182
<https://istina.msu.ru/workers/11669220/>

Для достижения этой цели были использованы *методы* междисциплинарного теоретического анализа, синтеза, сравнения, обобщения, систематизации и концептуализации научных идей и парадигм ИПВ,

Анализ современной практики информационно-психологического воздействия в различных сферах противоборства показывает, что оно трансформировалось в глобальное явление, пронизывающее практически все стороны международных отношений, распространилось на внутривнутриполитическую, социальную, культурную жизнь государств.

изучения документов стратегического планирования и положений, определяющих организацию этой деятельности в ведущих государствах мира, научной литературы в исследуемой области, анализа ИПВ (изменение индивидуального, группового и общественного сознания; формирование специфических социальных общностей в форме умных толп, роев; осуществление «цветных революций» и т.д.).

Результаты и обсуждение

В процессе исследования установлено, что современный этап развития теории и практики ИПВ является результатом его эволюции на протяжении более чем 3 тысяч лет. На различных этапах этого развития доминирующими парадигмами ИПВ становились парадигмы *пропаганды* (древние времена — конец 1940-х гг.), психологической войны (конец 1940-х гг. — конец 1950-х гг.), психологических операций (конец 1950-х гг. — начало XXI в.).

В начале XXI в. наступил качественно новый этап в эволюции ИПВ, который характеризуется кардинальным изменением его теоретической парадигмы и технологий. В основе этих трансформаций лежат существенные изменения во многих областях жизнедеятельности человечества. Анализ детерминант этих изменений позволил выделить наиболее значимые из них.

Во-первых, эскалация международной напряженности привела к тому, что на арену информационно-психологического противоборства вышли новые субъекты. Наряду с государственными и специальными структурами здесь появились надгосударственные (интернет-империи Google, Facebook, Twitter, мировые СМИ и фонды и др.), негосударственные (террористические организации, информационные агентства, неструктурированные сетевые сообщества и т.д.) и многочисленные внутривнутригосударственные акторы (Манойло, 2003), в том числе, несистемная оппозиция, некоммерческие организации, инфлюэнсеры социальных сетей, лица с «лайковой» психологией, преследующие собственные цели в потоке ИПВ. Все это коренным образом изменило представление о коммуникаторах в структуре коммуникационного акта.

Во-вторых, смещение вектора в ИПВ с преимущественно военных враждебных аудиторий на широкие массы населения враждебных, нейтральных и дружественных стран, и превращение самого населения в главную силу политических преобразований в лагере

противника привело к изменению взглядов на реципиентов и целевые аудитории.

Развитие социальных сетей обусловило конвергенцию онлайн и офлайн жизни (Солдатова, Рассказова, 2020), возникновение, по существу, гибридной реальности бытия человека, в которой стираются грани между реальным и виртуальным взаимодействием (Бовина, Дворянчиков, 2020, № 3), создаются новые «миры» жизнедеятельности людей (Заякина, 2020), существуют собственные законы, стили общения, статусы, санкции, специфические схемы распространения информации (Володенков, Артамонова, 2020), интерпретации событий (Павлова и др., 2020) и формы поведения (Бовина, Дворянчиков, 2020, № 4). Сегодня информация «челночно» циркулирует из киберпространства в реальную жизнь и обратно, производя изменения в обеих средах («Пересборка митинга», 2018).

Используя ресурсы Big Data и технологии искусственного интеллекта, субъекты ИПВ сегодня получают детальную информацию о реципиентах, могут точно определять и влиять на их пристрастия, привычки, мотивы, социальные установки, жизненные планы, поведение и взаимоотношения. Одновременно воздействие становится все более ступенчатым, осуществляемым через различные промежуточные целевые аудитории, лидеров мнений, информационные капсулы (Володенков, Артамонова, 2020) и т.д.

В-третьих, революционное развитие в последние годы нейро-, когнитивных, поведенческих и социальных наук обусловило трансформацию во взглядах на сущность воздействия в коммуникационных актах. В настоящее время такое воздействие осуществляется как на общественное и групповое сознание в целом, так и на конкретные структуры мозга людей в целях изменения их социальной активности. Оно становится все более опосредствованным информационными, когнитивными и социальными технологиями.

Вместе с тем, имеет место мифологизация в понимании особенностей функционирования когнитивных процессов при восприятии различной информации, в том числе в процессе интернет-коммуникации.

Как следствие перечисленных обстоятельств, монологические и однонаправленные модели воздействия, описанные в свое время Г. Лассуэллом (Лассуэлл, 2005), К. Ховландом (Hovland, 1964) и др., существенно сузили сферу своей эффективности. Стратегия воздействия как принуждения, побуждения и даже убеждения перестали давать ожидаемый результат. Сегодня жизнь востребует диалогические модели воздействия на различные целевые аудитории с учетом их потребностей, интересов, социально-психологических особенностей промежуточных групп влияния, переход от стратегии побуждения к стратегии привлечения и формирования воздействующей среды.

В-четвертых, активный поиск эффективных схем ИПВ на противника в предшествующее время привел к появлению в этой сфере различных, порой кон-

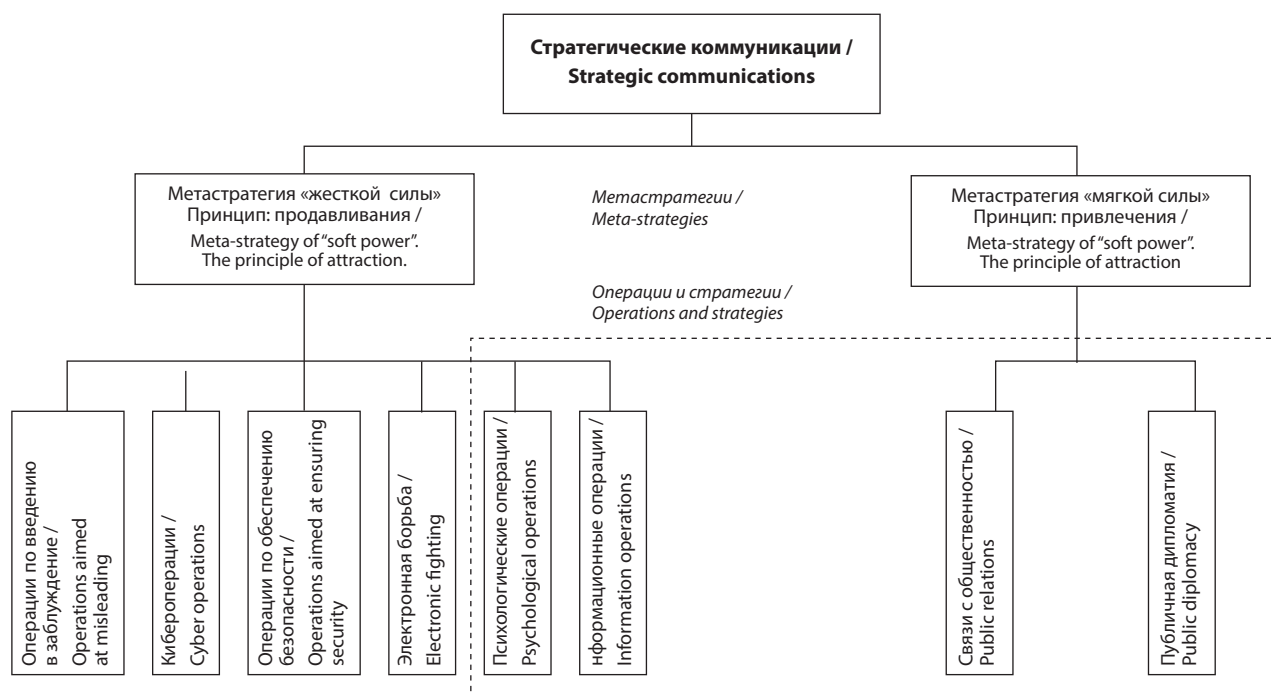

Рис. 1. Структура стратегических коммуникаций

Figure 1. Structure of strategic communications

курующих, доктрин, стратегий, понятий, которые действуют одновременно, вносили хаос в понимание и организацию этой деятельности. К примеру, здесь одновременно циркулировали концепты «информационная война», «информационные операции», «психологические операции», «мягкая сила», «гибридная война» и др. Это вызвало потребность в объединении их в целостную и непротиворечивую систему для последующего комплексного использования всех имеющихся ресурсов, а также в скрытии агрессивного, направленного на вторжение в сознание, ценностную сферу, поведение людей, характера ИПВ.

Своеобразной попыткой ответить на эти потребности стала разработка специалистами США в 2010 г. концепции *стратегических коммуникаций*, как основной доктрины в области ИПВ. В американской трактовке под стратегическими коммуникациями (strategic communication) понимаются целенаправленные усилия правительства государства по пониманию и привлечению ключевых аудиторий для создания, укрепления или сохранения условий, благоприятных для продвижения интересов, политики и целей правительства через использование скоординированных программ, планов, тем, сообщений и продуктов, синхронизированных с действием всех инструментов национальной власти (The Joint Publication (JP) 1-02, 206). При этом под коммуникацией понимаются любые проявления (слова, сообщения, действия, образы и т.д.), направленные на изменение восприятия, общественного и индивидуального сознания и поведения целевых аудиторий.

Главной функцией стратегических коммуникаций является синхронизация и координация всех осуществляемых ИПВ, как в мирное, так и в военное

время на всех уровнях: от локального до глобального, от тактического до оперативного и стратегического. Сферами применения стратегических коммуникаций являются международные отношения, отношения между различными субъектами внутри государства, социально-культурное пространство, военное противоборство.

Одновременно стратегические коммуникации рассматриваются как средство решения конкретных задач. При этом их приоритетной целью является формирование у политической элиты государства-противника устойчивого положительного образа и системы культурных ценностей субъекта воздействия (Богданов, 2017).

Общая структура стратегических коммуникаций² представлена на рис. 1.

Из рисунка видно, что в структуре ИПВ в рамках стратегических коммуникаций выделяются две мета-стратегии: а) «жесткая сила», основанная на принуждении оппонента, и б) «мягкая сила», использующая привлечение оппонента к желаемым видам активности. В рамках стратегий «жесткой» и «мягкой» силы используются все известные виды воздействия (убеждение, внушение, психическое заражение, подражание, формирование благосклонности, просьба, самопродвижение, принуждение, агрессия, манипуляция) и все известные его формы (прямое и косвенное, непосредственное и опосредствованное, индивидуальное, групповое и массовое воздействие, а также воздействие, которое можно квалифицировать как

² См.: The Joint Publication (JP) 1-02, Department of Defense Dictionary of Military and Associated Terms. 8 November 2010 (As Amended Through 15 February 2016).

информационно-знаковое и информационно-действенное).

Одновременно, представление о воздействии как целенаправленном переносе движения и информации от одного участника взаимодействия к другому³ изменяется за счет расширения понятий «информация» и «перенос». Так, лишение оппонентов информации, необходимой для деятельности и взаимодействия, путем кибератак, электронного подавления их информационных и телекоммуникационных средств, «канселлинг» («культурный бойкот», «вычеркивание») из информационной жизни социальных сообществ (определенных персон или, напротив, искусственное повышение социального статуса того или иного участника коммуникации в социальных сетях и медиа посредством «накачки» числа подписчиков, просмотров, «лайков», перепостов и т.д., «закупорка» коммуникантов в «фильтрующие пузыри» и «эхо-камеры» (Володенков, Артамонова, 2020) с помощью контекстной рекламы, формирования новостных лент интернет-поисковиков, создания информационной среды реального и потенциального взаимодействия (астротурфинг), запрещение торговли определенными товарами или участия в спортивных соревнованиях (санкции) с трудом укладываются в понятия «информация» и «перенос информации».

Таким образом, понятие «воздействие» сегодня должно быть расширено и определено как целенаправленное распространение (продвижение, блокировка и/или селекция) информации, взаимодействия, движения между участниками коммуникационного процесса.

Рассмотрим особенности ИПВ в метастратегиях «жесткой» и «мягкой» силы.

Согласно американскому подходу, главным инструментом «жесткой силы» в информационно-психологическом противоборстве и реализации программ стратегических коммуникаций являются информационные операции. Под информационными операциями понимается комплексное применение информационных возможностей в сочетании с другими направлениями работы для воздействия, нарушения, искажения, перехвата процесса принятия решений реальными и потенциальными противниками и защиты своих решений (The Joint Publication (JP) 1-02, 2016).

Информационные операции включают широкий спектр различных операций, которые пересекаются между собой в своих целях воздействовать на психику войск и населения противника: психологические операции (Psychological Operations), операции в киберпространстве (Cyberspace Operations), операции по введению противника в заблуждение (Military Deceptions), операции по обеспечению безопасности подразделений и войск США (Operations Security) и организацию связей с общественностью и работы с журналистами (Public Affairs). То есть информационные операции интегрируют все другие операции, вхо-

дящие в метастратегию «жесткой силы», а также некоторые из стратегий, составляющих «мягкую силу».

Как показывает практика осуществления стратегических коммуникаций для достижения их целей могут использоваться элементы боевых действий, террористические и диверсионные акции, инициирование гражданского неповиновения, протестов, повстанческих и партизанских действий, «цветных революций» и т.д. То есть они содержательно тесно пересекаются с так называемыми «гибридными войнами».

Основные положения концепции «гибридной войны» были сформулированы Ф. Хоффманом (Mattis, Hoffman, 2005). Сегодня под гибридной войной (англ. hybrid warfare) понимается вид враждебных действий, при котором нападающая сторона не прибегает к классическому военному вторжению, а подавляет своего оппонента, используя сочетание скрытых операций, диверсий, кибервойны, а также оказывая поддержку повстанцам, действующим на территории противника (Popescu, 2015).

В современных руководящих доктринах США и НАТО основными методами «гибридного» воздействия на противника-противника считаются: 1) в экономической сфере: санкции против ключевых персоналий или всей экономики страны, с целью закрытия для нее международных рынков и блокирование доступа к определенным технологиям; 2) в информационно-идеологическом пространстве: замещение традиционных ценностей и/или идеологических конструктов общества чужими ценностями и/или идеологическими конструктами; фальсифицирование истории; десакрализация пророков, основных персоналий и основных постулатов базовых религий агрессии; имплантация и/или поощрение децивилизующих социальных практик: промискуитета, насилия в отношении слабых и беспомощных, наркомании, инцеста, бытовой и экономической преступности; 3) в кибернетическом пространстве: вытеснение программного продукта и кибернетических технологий противника с мировых и/или региональных рынков; хакерские атаки против экономических и политических институтов страны-противника; 4) в географическом пространстве: локальные «традиционные» войны в ресурсных регионах страны — объекта агрессии, вовлечение ее в серию «конфликтов малой интенсивности» по периметру ее границ; поощрение сепаратизма и инициирование «цветных революций» в стране — объекте агрессии и в государствах, являющихся ее геополитическими союзниками (Комлева, 2017).

Одним из эффективных инструментов целенаправленного ИПВ на враждебные государства в рамках «гибридной войны» является геополитическая доктрина «управляемого хаоса» (Mann, 1992). Манн утверждает, что мир обречен быть хаотичным, потому что многообразные акторы в динамической политической и социальной системе имеют разные цели и ценности. Если систему (государство) целенаправленно перевести в состояние «политической критичности», далее она — при определенных условиях — сама неизбежно ввергнет себя в катаклизмы хаоса и «перестройства».

³ Краткий психологический словарь / Л.А. Карпенко, А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский. Ростов-на-Дону: ФЕНИКС, 1998. С. 58.

Основными средствами создания «управляемого хаоса» по Манну являются: содействие либеральной демократии; поддержка рыночных реформ; повышение жизненных стандартов у населения, прежде всего у элит; вытеснение ценностей и идеологии.

Наиболее известной стратегией реализации доктрины «управляемого хаоса» в последние два десятилетия стала стратегия «цветных революций».

«Цветные революции» не имеют под собой революционных ситуаций; не выдвигают политических и социальных проектов переустройства жизни общества; они, как правило, инициированы с помощью внешнего вмешательства в жизнь общества и осуществляются посредством превращения больших групп населения в психологическую толпу, постепенного придания этой толпе политического характера и обращения ее энергии на свержение действующей власти; в качестве «катализатора» протестных событий и своеобразного «тарана» используются группы подготовленных, агрессивно настроенных и грамотно взаимодействующих молодых людей (Сундиев и др., 2014). При этом исследования показывают, что молодежь с умеренными взглядами демонстрирует большую готовность к участию в длительных протестах (Камионка, 2020), а молодые люди с низким уровнем самооценки, критическое мышления, защиты от манипуляций, а так же с склонностью к зависимому поведению легче втягиваются в различные социальные группы и движения (Миронова, 2020).

«Цветные революции» являются промежуточной целью ИПВ. Конечная его цель — это власть.

Своеобразной «методичкой» по совершению таких акций является книга Д. Шарпа «От диктатуры к демократии», в которой описано 198 методов «ненасильственных действий по сопротивлению власти» (Шарп, 2005).

В условиях бурного распространения технологий «Web 2.0», мобильных информационно-коммуникационных технологий (карманные компьютеры (PDA), мобильные телефоны, смартфоны и коммуникаторы, устройства GPS, возможности беспроводного выхода в Интернет (Wi-Fi) и др.) в повседневной жизни людей важную роль в подготовке и осуществлении «цветных революций» играет технология «умной толпы» («смартмоб»).

Американский публицист и социальный теоретик Г. Рейнгольд отмечает, что «умные толпы состоят из людей, способных действовать согласованно, даже не зная друг друга <...> благодаря имеющимся у них устройствам, которые обеспечивают связь и вычисления» (Рейнгольд, 2006).

Умные толпы — это реально действующие социальные образования, способные к реальному политическому действию (политические смартмобы) (Быльева, Лобатюк, 2017). В большинстве состоявшихся и не случившихся «цветных революций» и крупных протестных акций широкое применение нашли так называемые «роевые» стратегии образования умной толпы — члены небольших групп единомышленни-

ков оставались рассредоточенными до тех пор, пока сообщения, отправляемые по мобильным телефонам, не призывали их стянуться одновременно отовсюду к определенному месту, согласуясь с другими группами (Абрамов, 2006). Примером «умной толпы» может выступить любая *социальная сеть*, в которой каждый пользователь представляет собой «узел», имеющий социальные связи с другими пользователями. Такие сети могут функционировать в «безлидерном» режиме, при «мерцающем» (изменяющемся) лидерстве (Сундиев, 2014), при «автономном» (Никипорец-Та-

«Цветные революции» не имеют под собой революционных ситуаций; не выдвигают политических и социальных проектов переустройства жизни общества; они, как правило, инициированы с помощью внешнего вмешательства в жизнь общества и осуществляются посредством превращения больших групп населения в психологическую толпу

кигава, 2016) или групповом лидерстве (Ковалева, 2020).

Сила «умной толпы» состоит в том, что ее инициаторы активно используют для достижения своих целей технологию краудсорсинга (англ. crowdsourcing, от crowd — толпа и sourcing — использование ресурсов). С помощью данной технологии организаторы ИПВ с помощью мемов, эмоционального заражения и т.д. вовлекают значительное число людей в процесс самостоятельной разработки и распространения информационной продукции, прежде всего, в социальных медиа и социальных сетях. При этом люди часто не осознают, что являются как субъектами, так и объектами ИПВ и продолжают его по собственной инициативе (Караяни и др., 2018).

Технология краудсорсинга снимает вопрос о руководстве социальными акциями, являющимися средством воздействия на власть. По мнению К. Ширки, такие инструменты как Flickr, WordPress, Twitter, Wikipedia выстраивают внутреннюю структуру так, что потребность в руководстве сверху практически отсутствует. С появлением Интернета и социальных сетей, группы могут формироваться и продуктивно функционировать без какой-либо внешней организации (Shirky, 2009). Из-за важнейшей роли социальных сетей в организации ряда «цветных революций» они получили название «твиттер-революция», «интернет-революция», «фейсбучная революция» и т.д.).

Концепция «мягкой силы» была сформулирована на рубеже XX–XXI в. американским политологом Д. Наем. Под мягкой силой (англ. soft power) Най понимает «форму политической власти, способность добиваться желаемых результатов на основе добровольного участия, симпатии и привлекательности, в отличие от «жесткой силы», которая подразумевает принуждение против воли (Най, 2006). Сегодня «мягкая сила» играет ключевую роль в международных отношениях, влияя прямо, или косвенно, на мировую политику и деловые связи (Лебедева, 2017).

Специалисты отмечают, что «мягкая сила» активизирует стереотипы общественного восприятия, приводя в действие архетипичные образы и коллективные представления. Она использует психологически

привлекательные для субъекта инструменты влияния в целях «незаметного переформатирования в нужном направлении его ментальных структур», что «позволяет без усилий прямого и жесткого давления тонко и гибко осуществлять воздействие на ментальные структуры массового сознания — общественные представления, предпочтения, увлечения, развле-

Специалисты отмечают, что «мягкая сила» активизирует стереотипы общественного восприятия, приводя в действие архетипичные образы и коллективные представления. Она использует психологически привлекательные для субъекта инструменты влияния в целях «незаметного переформатирования в нужном направлении его ментальных структур».

чения, удовольствия, переживания, мечты, идеалы, грезы» (Леонова, 2014).

Привлекательность идей, мировоззрения, культуры, социального устройства, экономики, образования, спорта, образа и стиля жизни, публичной дипломатии в рассматриваемой концепции противопоставляются методам принуждения, силового давления, шантажа. Это в принципе и должно отличать «мягкую силу» от пропаганды и других подобных способов «жесткого» воздействия, включая обман, подмену фактов и т.п. (Лебедева, 2017). Однако, в процессе практического воплощения концепции «мягкой силы» в реальную практику международных отношений, она превратилась из идеи, объединяющей народы, в стратегию «жесткого» ИПВ. Извращенные формы «мягкой силы» чаще всего реализуются посредством *тактики «салями»*, то есть последовательного парциального нанесения противнику ущерба в одной или в нескольких сферах (экономические санкции и блокады, инициирование допинговых скандалов в спорте, образовательная экспансия, насаждение неприемлемого образа жизни, культуры и искусства).

ИПВ с помощью «мягкой силы» направляется на достижение как *краткосрочных*, так и *долгосрочных целей*. Так, публикации в СМИ используются обычно в целях достижения краткосрочных целей. В то время, как культура, наука, образовательные программы, направлены, главным образом, на достижения долгосрочных целей. Например, студенты должны получить профессиональное признание и достичь определенных позиций в обществе, чтобы позже ретранслировать заложенные в годы учебы знания и ценности и тем самым быть проводниками «мягкой силы» (Панова, 2012). В последние годы наблюдается тенденция преобладания долгосрочных, многоходовых, рассчитанных на перспективу стратегий воздействия.

В сегодняшней практике информационно-психологического противоборства все более активно применяются такие виды воздействия как подталкивание к активности и втягивание в активность.

Технология «подталкивания» предложена нобелевским лауреатом Р. Талером и нашла широкое применение в различных сферах жизни и деятельности людей. «Подталкивание» определяется как исполь-

зование положительного подкрепления и не прямых указаний для предсказуемого влияния на решения и поведение людей (Талер, Санстейн, 2017). «Подталкивание» является не запретом, а, скорее, предложением, от которого трудно отказаться. В связи с этим концепция «подталкивания» органично вписывается в теорию «мягкой силы» действует по механизму «Эффекта бабочки», реализует принцип «Большие изменения малыми средствами».

В контексте ИПВ «подталкиванием» служат новостные ленты интернет-поисковиков, размещающие на топовых позициях информацию о событиях важных для конкретных субъектов информационно-психологического противоборства, контекстная реклама, предлагающая, с учетом интересов потребителя, соответствующие сайты, блоги, информационные материалы. Подталкивают пользователей к определенной активности «концовки», размещаемые практически во всех информационных материалах по типу: «А что вы думаете...», «как вы оцениваете...», «что вы можете сказать...», «поставьте лайк», «перешлите своим знакомым» и т.п.

Для скрытого побуждения людей к определенной активности используются нативные виды воздействия, то есть встраивание воздействующего сообщения в информационно нейтральные формы, такие как кинофильм, интервью, новости, спектакль, реклама и т.п.

Технология «втягивания в активность» заключается в вовлечении человека в пользование каким-либо материалом посредством своеобразного психологического «крючка» — мема (Докинз, 2013). В качестве мема может рассматриваться яркое, эмоционально насыщенное устойчивое языковое выражение, идея

В контексте ИПВ «подталкиванием» служат новостные ленты интернет-поисковиков, размещающие на топовых позициях информацию о событиях важных для конкретных субъектов информационно-психологического противоборства, контекстная реклама, предлагающая, с учетом интересов потребителя, соответствующие сайты, блоги, информационные материалы.

символ, мелодия, манера или образ действия, мода и т.д., которые осознанно или неосознанно передаются от человека к человеку посредством речи, письма, видео, ритуалов, жестов и т.д.

Мемы легко усваиваются «цифровыми аборигенами» (представителями поколения Z), у которых сформировались «клиповое» восприятие, «серийное сознание» и «кликное» поведение (стремление подменить реальную деятельность «кликом мышки» и действиями в виртуальном пространстве Интернета) (Титов, 2020), своеобразными «гомоинтернетиками» — людьми, воспринимающий информацию максимально дискретно, небольшими, с каждым годом уменьшающимися, «порциями», позволяющими избежать «информационное несварение» (Елистратов, 2018, с. 3).

В войне мемов против российского государства широко использовались мемы, направленные на уничто-

жение внутренних духовных основ и дискредитации русского народа и государства в их собственных глазах, агрессивное разделение общества на касты «своих» и «чужих», когда в разряд чужих попадает большинство народа и государства. Среди таких мемов: «бабло», «блат», «совок», «ватник», «Рашка», «Мордор», «Замкадь», «кремлядь», «русня», «путиноид», «генетическое отребье», «нищеврод» (Баранов, 2018, с. 52, 53).

При реализации политики «мягкой силы» значительное место уделяется стратегии публичной дипломатии. Термин «*публичная дипломатия*» в начале XXI в. ввел в обращение Н. Дж. Калл (Cull, Snow, 2020). Публичная дипломатия, по существу, представляет собой эффективное общение с общественностью по всему миру, осуществляемое для того, чтобы распространять собственное понимание истории, ценностей и перспектив общественного развития, и инспирировать подражание своему стилю жизни. Для этого реализуются специальные международные образовательные программы, стажировки, гранты, научные исследования, создание национально-культурных центров и т.д.

При реализации стратегий «жесткой» и «мягкой» силы субъекты информационно-психологического противоборства используют технологии формирования так называемой «*параллельной реальности*», которую Ж. Бодрийяр называет симулякром. *Симулякры* — это сфабрикованные образы событий и явлений, которые не имеют реальных аналогов. Симулякры создаются искусственно для реализации конкретных политических целей, например, для фабрикации видеoinформации о несуществующих

переход к концепции стратегических коммуникаций сопровождается тенденциями, отражающими переход от воздействия на военного противника к воздействию на население враждебных, нейтральных и дружественных стран; от «жестких» к «мягким» методам воздействия, в том числе таким как «подталкивание», «вовлечение», формирование мотивирующей информационной среды и др.

событиях (войны, протестные акции, политические убийства, репрессии и т.д.). Так, сфабрикованный симулякр «российское вмешательство в американские выборы» породил огромный пласт информационных политических событий и позволил демократической партии США решить многие политические проблемы, привел к практическому разрушению российско-американских отношений.

Сегодня возможности создания «параллельных реальностей» существенно увеличиваются за счет использования технологии *deepfake* — методики синтеза изображения, основанной на искусственном интеллекте. Эта методика позволяет формировать высоко реалистичные фото и видео любого человека в любых условиях и таким образом создавать образы несуществующих событий.

Оценивая возможности новых технологий информационно-психологического воздействия Г.М. Маклюэн отмечает, что «электрическое убеждение с помощью фотографии, кино и телевидения <...> окунает

всё население в новый мир воображения» (Маклюэн, 2007. С. 173–174), в результате чего утрачиваются границы между реальностью и мистификацией.

Выводы

Таким образом, воздействие на оппонентов в современном информационно-психологическом противоборстве осуществляется в рамках парадигмы стратегических коммуникаций. Теоретическое обоснование этой парадигмы содержится в документах стратегического планирования, доктринах, определяющих содержание информационных, психологических, электронных и киберопераций, концепциях «гибридных войн», «цветных революций», «умной толпы», «мягкой силы», «публичной дипломатии».

Широкая интеграция под зонтичным термином «стратегические коммуникации» различных видов (убеждение, внушение, психическое заражение, подражание и др.), форм (прямое, косвенное, непосредственное и опосредствованное, индивидуальное, групповое, массовое, краткосрочное и долгосрочное, информационно-знаковое и информационно-действенное) и уровней (тактический, оперативный и стратегический) воздействия придает ему новые черты. Понятие «воздействие» сегодня может быть определено как целенаправленное распространение (продвижение, блокировка и/или селекция) информации, взаимодействия и движения между участниками коммуникационного процесса.

В рамках стратегических коммуникаций реализуются методы воздействия, относящиеся к метастратегиям «жесткой силы», основанной на принуждении и «мягкой силы», использующей технологии привлечения.

В целом переход к концепции стратегических коммуникаций сопровождается тенденциями, отражающими переход от воздействия на военного противника к воздействию на население враждебных, нейтральных и дружественных стран; от «жестких» к «мягким» методам воздействия, в том числе таким как «подталкивание», «вовлечение», формирование мотивирующей информационной среды и др.; от монологических форм (распространение информации, воздействия) к диалогическим (коммуникация); от открытого вторжения в сознание и поведение людей к более скрытым, нативным, формам воздействия; от тактических форм, рассчитанных на непосредственный эффект, к долгосрочным, нацеленным на отдаленный результат; от монотипных форм воздействия к многообразным, сложным, комплексным.

Знание особенностей ИПВ в рамках актуальной парадигмы информационно-психологического противоборства позволит целенаправленно осуществлять меры по противодействию и обеспечению информационно-психологической безопасности личности и общества.

Литература:

- Абрамов Р.Н. Мобильные коммуникационные технологии и повседневность Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006. 416 с.
- Анохин М.Г., Бочанов М.А. Информационные технологии «цветных революций» // Вестник российского университета дружбы народов. Серия: политология. 2010. № 4. С. 78–85.
- Баранов Е.Г. Информационно-психологическое воздействие: сущность и психологическое содержание // Национальный психологический журнал. 2017. № 1 (25). С. 25–31. doi: 10.11621/npj.2017.0103
- Баранов С. Тринадцатый знак. Мемы в информационной войне против русского народа. Авторский экспертный доклад // Изборский клуб. Русские стратегии. 2018. № 4 (60). С. 50–59.
- Бовина И.Б., Дворянчиков Н. В. Человек в цифровом обществе: объяснительный потенциал одной социально-психологической теории [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Т. 10, № 3. С. 143–157.
- Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В. Поведение онлайн и офлайн: к вопросу о возможности прогноза // Культурно-историческая психология. 2020. Том 16. № 4. С. 98–108. doi: 10.17759/psylaw.2020100310
- Богданов С.В. Стратегические коммуникации: концептуальные подходы и модели для государственного управления // Государственное управление. Электронный вестник. № 61. Апрель 2017 г. С. 132–152. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategicheskie-kommunikatsii-kontseptualnye-podhody-i-modeli-dlya-gosudarstvennogo-upravleniya> (дата обращения: 15.12.2020).
- Быльева Д.С., Лобатюк В.В. Смартмоб: социально-философский анализ // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 4. С. 96–107. doi: 10.31857/S020595920013333-2
- Володенков С.В., Артамонова Ю.Д. Информационные капсулы как структурный компонент современной политической интернет-коммуникации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 53. С. 188–196. doi: 10.17223/1998863X/53/20
- Докинз Р. Эгоистичный ген / Пер. с англ. Н. Фоминой. М.: АСТ:CORPUS, 2013. 512 с.
- Елистратов В. Господин Мем. Нам навязали очередной дарвинизм — информационный: представление о борьбе мемов, в которой выживают сильнейшие // Изборский клуб. Русские стратегии. 2018. № 4 (60). С. 2–7.
- Заякина Р.А. Социальное конструирование в сетевом подходе // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 57. С. 52–59.
- Камионка М.М. Юный революционер? Уровень радикализма как фактор протестных настроений украинской молодежи // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 57. С. 225–235.
- Караяни А.Г., Караяни Ю.М., Зинченко Ю.П. Противодействие информационно-психологическим акциям противника в современной войне: учебное пособие. М.: ВУ, 2016. 228 с.
- Караяни А.Г., Караяни Ю.М., Цыганков С.В. Использование краудсорсинговых технологий в информационно-психологическом противоборстве в социальных сетях // Военный академический журнал. 2018. № 1 (17). С. 75–82.
- Ковалева Ю.В. Психологические типы субъектности членов сетевого сообщества (на примере социальной сети «Твиттер») // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 1. С. 45–55. doi: 10.31857/S020595920007308-4
- Комлева Н.А. Глобальная концентриальная война: основные тренды // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2015. № 2. С. 1–17. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 20.11.2020).
- Комлева Н.А. Гибридная война: сущность и специфика // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. 2017. Т. 12. № 3 (167). С. 128–137. doi: 10.31857/S020595920007308-4
- Костюк А.В., Примакин А.И. Информационно-психологическая безопасность личности: проблемы и подходы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 3 (79). С. 227–230.
- Ларина Е., Овчинский В. Новая военная стратегия США и поведенческие войны // Информационные войны. 2015. № 3. URL: <http://svop.ru/main/18520/> (дата обращения: 20.12.2020). doi: 10.46272/2587-8476-2015-0-3-136-143
- Лебедева М.М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 3 (54). С. 212–223. doi: 10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223
- Лассуэлл Г.Д. Психопатология и политика: Монография / Пер. с англ. Т.Н. Самсоновой, Н.В. Коротковой. М.: Издательство РАГС, 2005. 352 с.
- Леонова О.Г. Интерпретация понятия «мягкая сила» в науке // Обозреватель–Observer. 2014. № 3. С. 80–89.
- Маклюэн Г.М. Понимание медиа: внешние расширения человека = Understanding Media: The Extensions of Man. М.: Кучково поле, 2007. 464 с.
- Манойло А.В. Государственная информационная политика в особых условиях : монография. Москва : МИФИ, 2003. 388 с.
- Миронова О.И. Психологические особенности молодых людей, вовлеченных в религиозные и культовые организации через интернет пространство // Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 189–210. doi: 10.17759/psylaw.2020100313
- Най Дж. Гибкая власть: Как добиться успеха в мировой политике / пер. с англ. В. И. Супруна. Новосибирск: ФСПИ «Тренды», 2006. 221 с.
- Никипорец-Такигава Г.Ю. О лидерстве в сетевых социальных движениях // PolitBook. 2016. № 3. С. 50–65.
- Панова Е.П. «Мягкая власть» как способ воздействия в мировой политике: дис. ... канд. полит. н. М.: МГИМО, 2012. 160 с.
- Павлова Н.Д., Гребенщикова Т.А., Афиногенова В.А., Зачесова И.А., Кубрак Т.А. Интенциональное пространство пост-событийного дискурса на различных интернет-площадках // Психологический журнал. 2020. Т. 41, № 3. С. 78–91. doi: 10.31857/S020595920009327-5

- «Пересборка митинга»: Интернет в протесте и протест в интернете / Архипова А.С., Радченко Д.А., Титков А.С., Козлова И.В., Югай Е.Ф., Белянин С.В., Гаврилова М.В. // *Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены*. 2018. № 1. С. 12–35.
- Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция / Пер. с англ. А. Гарькавого. М.: ФАИР ПРЕСС, 2006. 416 с.
- Ситнова И.В., Поляков А.А. Информационно-психологическое воздействие как практика ведения войн четвертого поколения // *Власть*. 2018. Том. 26. № 7. С. 70–75.
- Солдатова Г.У., Рассказова Е.И. Итоги цифровой трансформации: от онлайн-реальности к смешанной реальности // *Культурно-историческая психология*. 2020. Т. 16. № 4. С. 87–97. doi: 10.17759/chp.2020160409
- Сундиев И.Ю. Исследование деструктивных технологий «цветных революций» и профилактики возможности их применения в Российской Федерации: Пособие / И.Ю. Сундиев, А.А. Смирнов, А.И. Кундетов, Д.А. Трофимов. М. : ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2014. 86 с.
- Талер Р., Санстейн К. Nudge. Архитектура выбора. Как улучшить наши решения о здоровье, благосостоянии и счастье / Пер. с англ. Е. Петровой. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2017. 240 с.
- Титов В.В. К вопросу о конструировании национально-гражданской идентичности российской молодежи в цифровую эпоху // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2020. № 57. С. 257–264. doi: 10.17223/1998863X/57/24
- Шарп Д. От диктатуры к демократии: стратегия и тактика освобождения / пер. с англ. Н. Козловской. М.: Новое издательство, 2005. 84 с.
- Hovland C.I. (1964). *Communication and persuasion* / C.I. Hovland, I.L. Janis, H.H. Kelly. – New Haven, London: Yale university press, 315 p.
- Mattis J.N., Hoffman F.G. (2005). Future Warfare: The Rise of Hybrid Wars. *US Naval Institute Proceedings Magazine*, November. L(132/11/1, 233), 18–19.
- Mann S.R. (1992). Chaos theory and strategic thought URL: https://archive.org/stream/1992Mann/1992%20mann_djvu.txt (accessed 10.01.2021).
- Popescu N. (2015). Hybrid tactics: neither new nor only Russian European Union Institute for Security Studies. January, 1–2.
- (2020), *Routledge Handbook of Public Diplomacy* (Cull N.J, Snow N.) 2nd edition. –London, Routledge.
- Shirky C. (2009). *Here Comes Everybody*. – London, Penguin Books Ltd. 352 p.

References:

- (2020), *Routledge Handbook of Public Diplomacy* (Cull N.J, Snow N.) 2nd edition. – London, Routledge.
- «Reassembling a meeting»: The Internet in protest and protest in the Internet. *Monitoring public opinion: economical and social changes*. [*Monitoring obshhestvennogo mnenija: Jekonomicheskie i social'nye peremeny*], 1, 12–35. (in Russ.)
- Abramov R.N. (2006). Mibile communication technologies and everyday life. Rejngol'd G. Smart crowd: new social revolution. Moscow: FAIR-PRESS, 416 p. (in Russ.)
- Anohin M.G., Bochanov M.A. (2010). Information technologies of “color revolutions”. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Politologiya series*. [*Vestnik rossijskogo universiteta družby narodov. serija: politologija*], 4, 78–85. (in Russ.)
- Baranov E.G. (2017). Information-psychological impact: the essence and psychological content. *National journal of psychology*. [*Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal*], 1(25), 25–31. (in Russ.) doi: 10.11621/npj.2017.0103
- Baranov S. (2018). Thirteenth symbol. Memes in information war against the Russian people. Authorial expert report. *Izborsk club. Russian strategies*. [*Izborskij klub. Russkie strategii*], 4 (60), 50–59. (in Russ.)
- Bogdanov S.V. (2017). Strategic communications: conceptual approaches and models for public administration. Public administration. Electronic bulletin. [Gosudarstvennoe upravlenie. Jelektronnyj vestnik], 2017, 61, pp. 132–152. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategicheskie-kommunikatsii-kontseptualnye-podhody-i-modeli-dlya-gosudarstvennogo-upravleniya> (accessed: 15.12.2020). (in Russ.)
- Bovina I.B., Dvorjanchikov N.V. (2020). Human in digital society: explanatory force of one social-psychological theory. [Electronic resource]. *Psychology and law*. [*Psihologija i parvo*], 10 (3), 143–157. (in Russ.) doi: 10.17759/psylaw.2020100310
- Bovina I.B., Dvorjanchikov N.V. (2020). Online and offline behaviour: on the possibility of prognosis. *Cultural-historical psychology*. [*Kul'turno-istoricheskaja psihologija*], 16 (4), 98–108. (in Russ.) doi: 10.17759/chp.2020160410
- Byl'eva D.S., Lobatjuk V.V. (2017). Smartmob: social-philosophic analysis. *SPbGPU scientific-technical records. Social sciences and humanities*. [*Nauchno-tehnicheskie vedomosti SPbGPU. Gumanitarnye i obshhestvennye nauki*], 8 (4), 96–107. (in Russ.)
- Dokinz R. (2013). Egoistic gene. / Transl. from Eng. by N. Fomina. Moscow: AST:CORPUS, 512 p. (in Russ.)
- Elistratov V. (2018). Mister Meme. We are forced to believe in another darvinist conception: the idea that memes struggle, and the most apt ones survive. *Izborsk club. Russian strategies*. [*Izborskij klub. Russkie strategii*], 4 (60), 2–7. (in Russ.)
- Hovland C.I. (1964). *Communication and persuasion* / C.I. Hovland, I.L. Janis, H.H. Kelly. – New Haven, London: Yale university press, 315 p.
- Kamionka M.M. (2020). Young revolutionary? Level of radicalism as predicting factor of protest tendencies in the Ukrainian young people. *Bulletin of Tomsk state university. Philosophy. Sociology. Politology*. [*Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija*], 57, 225–235. (in Russ.)
- Karajani A.G., Karajani Ju. M., Cygankov S.V. (2018). Using crowdsourcing technologies for information-psychological struggle in social networks. *Military academic journal*. [*Voennyj akademicheskij zhurnal*], 1 (17), 75–82. (in Russ.)
- Karajani A.G., Karajani Ju.M., Zinchenko Ju.P. (2016). Resistance to informational-psychological actions of the enemy in modern war: handbook. Moscow: VU, 228 p.

- Komleva N.A. (2015). Global conscience war: the main trends. *Bulletin of Moscow state regional university (electronic journal). [Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (jelektronnyj zhurnal)]*, 2, 1–17. URL: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 20.11.2020). (in Russ.)
- Komleva N.A. (2017). Hybrid war: essence and specific features. *Bulletin of Ural federal university. Ser. 3, Humanities. [Izvestija Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 3, Obshhestvennye nauki]*, 12, 3 (167), 128–137. (in Russ.)
- Kostjuk A.V., Primakin A.I. (2018). Informational-psychological security of personality: problems and approaches. *Bulletin of Saint Petersburg university of the Ministry of Interior of the Russian Federation. [Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii]*, 3 (79), 227–230. (in Russ.)
- Kovaleva Ju.V. (2020). Psychological types of subjectness of social network members (the example of “Twitter” social network). *Journal of psychology. [Psichologicheskij zhurnal]*, 41 (1), 45–55. (in Russ.) doi: 10.31857/S020595920007308-4
- Larina E., Ovchinskij V. (2015). The new military strategy of the USA and behaviour wars. *Information wars. [Informacionnye voyny]*, 3. URL: <http://svop.ru/main/18520/> (accessed: 20.12.2020). (in Russ.) doi: 10.46272/2587-8476-2015-0-3-136-143
- Lassujell G.D. (2005). Psychopathology and politics: monography / Transl. from Eng. by T.N. Samsonova, N.V. Korotkova. Moscow: Izdatel'stvo RAGS, 352 p. (in Russ.)
- Lebedeva M.M. (2017). “Soft power”: concept and approaches. *Bulletin of MGIMO University. [Vestnik MGIMO-Universiteta]*, 3 (54), 212–223. (in Russ.) doi: 10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223
- Leonova O.G. (2014). Interpretation of the concept “soft power” in science. *Observer. [Obzrevatel']*, 3, 80–89. (in Russ.)
- Maklujen G.M. (2007). Understanding media: external extensions of man. Moscow: Kuchkovo pole, 464 p. (in Russ.)
- Mann S.R. (1992). Chaos theory and strategic thought URL: https://archive.org/stream/1992Mann/1992%20mann_djvu.txt (accessed 10.01.2021).
- Manojlo A.V. (2003) State informational policy in special circumstances. Monography. Moscow: MIFI, 388 p. (in Russ.)
- Mattis J.N., Hoffman F.G. (2005). Future Warfare: The Rise of Hybrid Wars. *US Naval Institute Proceedings Magazine*, November. L(132/11/1, 233), 18–19.
- Mironova O.I. (2020). Psychological peculiarities of young people involved in religious and cult societies through Internet. *Psychology and law. [Psihologija i pravo]*, 10 (3), 189–210. (in Russ.) doi: 10.17759/psylaw.2020100313
- Naj Dzh. (2006). Flexible power. How to be successful in the world policy / Transl. from Eng. by V.I. Suprun. Novosibirsk: FSPI “Trendy”, 221 p. (in Russ.)
- Nikiporec-Takigava G.Ju. (2016). On leadership in network social movements. *PolitBook*, 3, 50–65. (in Russ.)
- Panova E.P. (2012). “Soft power” as means of influence in the world policy. PhD dissertation in Political sciences. Moscow: MGIMO, 160 p. (in Russ.)
- Pavlova N.D., Grebenshnikova T.A., Afinogenova V.A., Zachesova I.A., Kubrak T.A. (2020) Intentional space of post-event discourse in various Internet resources. *Journal of psychology. [Psichologicheskij zhurnal]*, 41 (3), 78–91. (in Russ.) doi: 10.31857/S020595920009327-5
- Popescu N. (2015). Hybrid tactics: neither new nor only Russian European Union Institute for Security Studies. January, 1–2.
- Rejngol'd G. (2006). Smart crowd: new social revolution / Transl. from Eng. by A. Gar'kavy. Moscow: FAIR PRESS, 416 p. (in Russ.)
- Sharp D. (2005). From dictatorship to democracy: strategy and tactics of getting free / Transl. from Eng. by N. Kozlovskaya. M.: Novoe izdatel'stvo, 84 p. (in Russ.)
- Shirky C. (2009). Here Comes Everybody. London, Penguin Books Ltd. 352 p.
- Sitnova I.V., Poljakov A.A. (2018). Informational-psychological impact as a practice of making fourth-generation wars. *Power. [Vlast']*, 26 (7), 70–75. (in Russ.)
- Soldatova G.U., Rasskazova E.I. (2020) Summing up the digital transformation: from online reality to hybrid reality. *Cultural-historical psychology. [Kul'turno-istoricheskaja psihologija]*, 16 (4), 87–97. (in Russ.) doi: 10.17759/chp.2020160409
- Sundiev I. Ju. (2014). Studying the destructive technologies of “color revolutions” and the possibility of preventing their use in the Russian Federation. Handbook / I.Ju. Sundiev, A.A. Smirnov, A.I. Kundetov, D.A. Trofimov. Moscow: FGKU “VNII MVD Rossii”, 86 p. (in Russ.)
- Taler R., Sanstejn K. Nudge. (2017). Architecture of choice. How we can improve our decisions on health, well-being and happiness / Transl. from Eng. by E. Petrova. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber, 240 p. (in Russ.)
- Titov V.V. (2020). On construing national-citizenship identity of young Russians in the digital age. *Bulletin of Tomsk state university. Philosophy. Sociology. Politology. [Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija]*, 57, 257–264. (in Russ.) doi: 10.17223/1998863X/57/24
- Volodenkov S.V., Artamonova Ju.D. (2020). Information capsules as structural component of modern political Internet communication. *Bulletin of Tomsk state university. Philosophy. Sociology. Politology. [Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija]*, 53, 188–196. (in Russ.) doi: 10.17223/1998863X/53/20
- Zajakina R.A. (2020). Social construing with net approach. *Bulletin of Tomsk state university. Philosophy. Sociology. Politology. [Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija]*, 57, 52–59. (in Russ.)

Оригинальная статья

УДК 316.475, 366.636, 159.923
doi: 10.11621/npj.2021.0102

Проблема чувствительности к угрозам: обзор исследований

В.Г. Маралов, Череповецкий государственный университет, г. Череповец, Россия

ODCID: 0000-0002-9627-2304

Для контактов. E-mail: vgmaralov@chsu.ru

Актуальность (контекст) тематики статьи. Успешное решение задач, связанных с обеспечением безопасности человека на всех уровнях его функционирования, связано с тем, как он относится к опасностям. Одной из важнейших сторон такого отношения является чувствительность или сензитивность к угрозам.

Цель: научный обзор исследований, обобщение и систематизация наиболее значимых публикаций по проблеме чувствительности к угрозам за последние 25–30 лет в современной психологии.

Описание хода исследования. В качестве теоретического подхода к анализу чувствительности к угрозам использовалась системно-динамическая модель безопасности как деятельности (Зинченко, 2011). Чувствительность к угрозам понималась как опосредующий фактор влияния внешних причин на внутреннее состояние личности (Харламенкова, 2013), обусловленного опытом обнаружения несоответствия между ожиданиями и сложившимися обстоятельствами (Jonas, 2014). В соответствии с этими подходами был выстроен отбор и анализ литературы по проблеме чувствительности к угрозам.

Результаты исследования. Осуществлен научный обзор и обобщение исследований по следующим направлениям: 1) чувствительность к угрозам как способность к обнаружению сигналов опасности; 2) чувствительность к угрозам и бдительность; 3) чувствительность к угрозам и способы реагирования в ситуациях опасности; 4) взаимосвязь чувствительности к угрозам с внешними и внутренними факторами.

Заключение. Обсуждены дискуссионные вопросы, связанные с ролью и значением чувствительности к угрозам в структуре отношения людей к опасностям и возможностями ее формирования. Делается вывод о важности и актуальности дальнейшего исследования чувствительности к угрозам в контексте решения психологических проблем обеспечения безопасности.

Ключевые слова: отношение к опасностям, чувствительность (сензитивность) к угрозам, бдительность, способы реагирования на опасности, факторы, влияющие на чувствительность к угрозам.

Для цитирования: Маралов В.Г. Проблема чувствительности к угрозам: обзор исследований // Национальный психологический журнал. 2021. № 1 (41). С. 15–26. doi: 10.11621/npj.2021.0102

Поступила 19 февраля 2021 / Принята к публикации 15 марта 2021

The problem of sensitivity to dangers: a review of research

Vladimir G. Maralov, Cherepovets State University, Cherepovets, Russia

ODCID: 0000-0002-9627-2304

*Corresponding author. E-mail: vgmara1ov@chsu.ru

Background. Successful management of the tasks that have to do with ensuring people's security in all situational contexts is dependent on how people deal with dangers. One of the most important aspects here is one's susceptibility, or sensitivity, to dangers.

Objective. A review of the existing research; summing up and highlighting the most relevant scientific publications in the field of danger sensitivity in the last 25-30 years.

Design. The theoretical model used to assess danger sensitivity was the system-dynamic one that views security as activity (Zinchenko, 2011), while danger sensitivity is viewed as mediating factor of the influence that external causes produce on the inner state of a person (Kharlamenkova, 2013). The factor in question is determined by the experience of finding discrepancy between the expectations and the actual circumstances (Jonas, 2014). This approach guided the choice and analysis of literature on the problem of danger sensitivity.

Results. The research was reviewed and grouped in accordance with the following aspects: 1) danger sensitivity as ability to detect signals of danger; 2) danger sensitivity and vigilance; 3) danger sensitivity and types of response in dangerous situations; 4) correlation between danger sensitivity, external and internal factors.

Conclusion. The study reviewed the discussion topics having to do with the role and meaning of danger sensitivity in the context of people's perception of danger and of the possibility to form such a perception. The conclusion made within the present study regards the importance and actuality of further research in the field of danger sensitivity as something relevant to solving the psychological problems of providing security.

Keywords: perception of dangers, sensitivity to danger, vigilance, types of response to dangers, factors influencing danger sensitivity.

For citation: **Maralov V.G.** (2021). The problem of sensitivity to dangers: a review of research. National Psychological Journal [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal], 14 (1), 15–26. doi: 10.11621/npj.2021.0102

Received: February 19, 2021 / Accepted for publication: March 15, 2021

Введение

Среди многообразных проблем современности проблема обеспечения безопасности занимает одно из ведущих мест, так как непосредственно касается поддержания существования окружающего мира. И речь идет не только об обеспечении безопасности природы, живых существ и человека, но и всего рукотворного и рукотворного мира — машин, механизмов, систем, информации и др. Обеспечение безопасности — это специфическая деятельность по созданию условий, способствующих повышению уровня защищенности живых и неживых систем от внешних и внутренних опасностей и угроз.

Возникает вопрос: что собой представляет опасность. Наиболее широкое определение опасности дает В. Заплатинский. Опасность, по его мнению, — это «обстоятельства, при которых материя, поле, информация, энергия, или их сумма может повлиять на сложную систему таким образом, что это воздействие приведет к негативным последствиям» (Zaplatynskiy, 2012, P. 275). Угроза рассматривается автором как производное от опасности и характеризует вероятность наступления неблагоприятного события.

Таким образом, опасность — это все то, что способно нанести вред и ущерб животному, человеку, механизму, системе и пр., а угроза — вероятностная опасность. Опасности, которые могут угрожать человеку, многообразны, даже одно их перечисление заняло бы достаточно много времени. В широком плане угрозы делят на угрозы жизни и здоровью, психологическому и социальному благополучию. В общественном и индивидуальном сознании угрозы обычно идентифицируются на четырех уровнях: личностном, социальном, национальном и глобальном (Stevens & Vaughan-Williams, 2020).

К настоящему времени сложилось несколько подходов к обеспечению безопасности человека. Например, Н.А. Лызь выделяет ограждающий, образовательный, личностно-развивающий и созидательный подходы (Лызь, 2005). Реализация каждого из них, особенно третьего и четвертого, предполагает опору на то, как личность сама относится к опасностям. От-

ношение к опасностям складывается из двух компонентов: чувствительности (сензитивности) к угрозам и выбора способов реагирования на них. Чувствительность к угрозам проявляется в способности обнаружения сигналов из внешнего или внутреннего мира, идентифицируемых как опасность или угроза. Далее следует уже реакция на опасность, которая может быть адекватной или не адекватной сложившейся ситуации.

В процессе организации деятельности по обеспечению безопасности людей чаще всего внимание обращается именно на деятельный компонент отношения к опасностям, например, на типы поведения в экстремальных ситуациях (Милерян, 2013) или на стратегии самообеспечения безопасности (Краснянская, 2005). Чувствительность к угрозам, к сожалению, нередко «выпадает» из поля зрения ученых.

Обеспечение безопасности – это специфическая деятельность по созданию условий, способствующих повышению уровня защищенности живых и неживых систем от внешних и внутренних опасностей и угроз.

Поэтому возникает ряд вопросов, касающихся психологических аспектов чувствительности к угрозам. Какова роль и значение чувствительности к угрозам в контексте обеспечения безопасности? Чем чувствительность к угрозам человека отличается от аналогичной чувствительности у животных? Какой уровень чувствительности к угрозам (высокий или низкий) является оптимальным с позиций обеспечения безопасности, и как он связан с адекватным или неадекватным реагированием на опасности? Какие внешние и внутренние факторы обуславливают проявление высокого или низкого уровня чувствительности к угрозам? Этот перечень вопросов можно продолжить.

Необходимость ответов на эти и другие вопросы явилось стимулом для организации специального исследования данной проблемы. Это и определило нашу цель: осуществление научного обзора, обобщения и систематизации наиболее значимых публикаций по проблеме чувствительности к угрозам за последние 25–30 лет в современной психологии.

Основываясь на теоретических положениях по проблемам психологии безопасности в отечественной (Зинченко, 2011; Краснянская, Тылец, 2016; Хар-

Владимир Георгиевич Маралов — доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии Череповецкого государственного университета

ODCID: 0000-0002-9627-2304

https://www.chsu.ru/instituts/ipip/kafedri/psihologii/prepodavateli/-/asset_publisher/dO9N/content/maralov-vladimir-georgievic

Vladimir G. Maralov —

Doctor of Psychological Sciences, Professor, Professor of the Department of Psychology Cherepovets State University

ODCID: 0000-0002-9627-2304

ламенкова, 2013) и зарубежной психологии (Jonas et al., 2014), мы проанализировали следующие основные направления исследований по проблемам чувствительности к угрозам:

- 1) чувствительность к угрозам как способность к обнаружению сигналов опасности;
- 2) чувствительность к угрозам и бдительность;
- 3) чувствительность к угрозам и способы реагирования в ситуациях опасности;
- 4) взаимосвязь чувствительности к угрозам с внешними и внутренними факторами.

Описание хода исследования

Термин «чувствительность (сензитивность)» широко используется в общей, возрастной психологии, психофизиологии, психологии личности и других науках. Он обозначает в обобщенном виде способность живого существа реагировать на раздражители. Соответственно, чувствительность к угрозам — это способность реагировать на такие раздражители, которые могут сигнализировать об опасности. Согласно Д. Моббс (Mobbs et al., 2015), чувствительность к угрозам органически включена в стратегии выживания, которые люди и животные используют для защиты от повторяющихся и новых угроз. В концепции С. Томпсон и М. Шлехофер (Thompson and Schlehofe, 2008) чувствительность, наряду с контролем и отрицанием (оптимистическим и избегающим), выступает в качестве диспозиционного ответа на угрозы. В американской «Энциклопедии личности и индивидуальных различий» отмечается, что чувствительность к угрозе «относится к аффективным, когнитивным, поведенческим и физиологическим реакциям на угрожающие (способные причинить вред или опасность) стимулы, информацию или сигналы. Угроза может быть реальной, предполагаемой или потенциальной. Показатели чувствительности к угрозе отражают степень, в которой индивид проявляет повышенное возбуждение и готовность до, во время или после взаимодействия с вызывающим отвращение стимулом» (Denefrio, Dennis-Tiwary, 2018, P. 2).

В настоящем исследовании в качестве теоретического подхода к анализу работ, посвященных проблеме чувствительности к угрозам в современной психологии, были выбраны: системно-динамическая

В настоящем исследовании мы понимаем чувствительность к угрозам в качестве одной из сторон отношения человека к опасностям, проявляющуюся в способности к обнаружению, идентификации и оценке сигналов из внешнего и внутреннего мира как угрожающих или безопасных в виде повышения уровня возбуждения и готовности отвечать определенным образом на раздражитель.

модель безопасности как деятельности, предложенная Ю.П. Зинченко (Зинченко, 2011), уровневая модель безопасности Т.М. Краснянской и В.Г. Тылец (Краснянская, Тылец, 2016), положение Н.Е. Харламенковой (Харламенкова, 2013) о понимании чув-

ствительности к угрозам как опосредующего фактора влияния внешних причин на внутренне состояние личности, положение Е. Джонас (Jonas et al., 2014) о том, что чувствительность к угрозам проявляется в особом переживании в виде тревоги или повышении бдительности, обусловленных опытом обнаружения несоответствия между ожиданиями и сложившимися обстоятельствами.

Основываясь на этих идеях, в настоящем исследовании мы понимаем чувствительность к угрозам в качестве одной из сторон отношения человека к опасностям, проявляющуюся в способности к обнаружению, идентификации и оценке сигналов из внешнего и внутреннего мира как угрожающих или безопасных в виде повышения уровня возбуждения и готовности отвечать определенным образом на раздражитель. Такая чувствительность выступает в качестве опосредующего фактора между угрозами и принятием решения о выборе способов реагирования на них. Исходя из такого понимания, нами были проанализированы исследования, посвященные вопросам:

- 1) описания функций и назначения чувствительности к угрозам;
- 2) изучения особенностей ее проявлений (бдительность, сторожевое поведение);
- 3) выявления ее роли в выборе индивидом способов реагирования в ситуациях опасности;
- 4) влияния на чувствительность внешних и внутренних факторов.

Результаты и их обсуждение

Чувствительность к угрозам как способность к обнаружению сигналов опасности. Когда речь идет о чувствительности к угрозе как к вероятной опасности, то имеется в виду способность живого существа, в том числе человека идентифицировать сигнал как опасный или безопасный, что является важнейшим условием выбора способа дальнейшего реагирования на него. Здесь возникает вопрос: каким образом осуществляется «опознание» сигнала как опасного? Как отмечает Р. Симпсон (Simpson, 1996), среда предоставляет информацию, которая сама по себе не несет опасности или безопасности, оценку сигнала как опасного определяют представления человека, сформировавшиеся в процессе его социализации, научения и приобретения собственного опыта. Е. Джонас с соавторами (Jonas et al., 2014) установили, что восприятие какого-либо события или явления как угрозы обусловлено наличием опыта обнаружения несоответствия между ожиданиями и наличной ситуацией, сложившимися обстоятельствами. Это обнаружение приводит к ощущению тревоги, повышению бдительности и стремлению избавиться от тревожного состояния. Такой опыт, безусловно, у разных людей может существенно отличаться. Э. Вуди и Х. Шехтман (Woody,

Szechtman, 2011) приходят к выводу о существовании специфической системы мотивации безопасности, которая выступает в качестве побудительной силы для обнаружения признаков реальной и потенциальной угрозы. В других исследованиях показывается, что идентификация сигнала как опасного или безопасного определяется двумя факторами: отрицательной значимостью его для индивида и способностью к вероятностной оценке его наступления (Котик, 1994).

Принципиальное значение для понимания механизмов функционирования чувствительности к угрозам является открытие британского психолога Дж. Грея (Gray, 1978), который предложил две различные неврологические системы, регулирующие чувствительность человека: систему BIS (торможение поведения) и систему BAS (активация поведения). Их совместное функционирование позволяет живому существу оценивать стимулы, идущие из внешней или внутренней среды, как опасные или безопасные, что находит выражение в соответствующих ощущениях (сердцебиение, потоотделение, высвобождение кортизола и др.). Идеи Дж. Грея стимулировали психологов на проведение многочисленных исследований и создание соответствующего диагностического инструментария. Так, К. Карвер и Т. Уайт (Carver, White, 1994) разработали специальный опросник, диагностирующий системы BIS и BAS. Р. Торрубиа с коллегами (Torrubia et al., 2001) создали «Опросник чувствительности к наказанию и чувствительности к вознаграждению», которые нашли широкое применение в современной психологии.

В рамках этого подхода активно изучается также специфика проявлений чувствительности к различного вида угрозам. Например, сложились самостоятельные направления исследования проблем чувствительности людей к отвержению (Romero-Canyas et al., 2010; Back, 2015; Gao et al., 2017), чувствительность к угрозам в процессе ведения переговоров (Campbell et al., 2003; Tuncel et al., 2020) и др.

Чувствительность к угрозам и бдительность. С понятием чувствительности к угрозам тесно связано понятие бдительности (внимательности). Если в основе чувствительности, являющейся более широким из этих двух понятий, лежит несоответствие между ожиданиями и текущими обстоятельствами, то в основе бдительности, как указал еще в 1956 году Н. Макворт, — готовность «обнаруживать и реагировать на определенные заданные небольшие изменения, происходящие в случайные промежутки времени во внешней среде» (Mackworth, 1956, P. 1375). И бдительность, и чувствительность к угрозам в целом дают возможность контролировать ситуации, сопряженные с возможной опасностью, держать их в фокусе своего внимания (Warm, 2015), на этой основе прогнозировать свои действия и поведение, а также поведение других людей.

Бдительность является важным аспектом жизни животных, особенно в отношении трех областей: внешней опасности, эксплуатации природных ресурсов и внутривидовой коммуникации (Dimond,

Lazarus, 1974). Основными функциями, приписываемыми бдительности, являются: обнаружение хищников, наблюдение за членами группы, расположение пищи и предотвращение клептопаразитизма (присвоение пищи, жилища) (Quenette, 1990). У людей проявления бдительности примерно такие же, как и у животных. Смысл ее состоит в том, чтобы не пропустить сигналы возможной опасности, вовремя отреагировать на них.

В психологии активно исследуются факторы, влияющие на бдительность. К ним относят особенности сигнала, сложность задачи, интеллектуальные и личностные особенности и др. (Stroh, 1971). Бдительность нередко требует напряженной умственной работы и вызывает стресс (Warm et al., 2008). В качестве мозговых структур, поддерживающих высокий уровень бдительности, выступают норадренергическая ретикулярная формация, интраламнарные таламические ядра, базальная холинергическая система переднего мозга и префронтальная (Parasuraman et al., 1998). И у животных, и у человека бдительность лежит в основе так называемого сторожевого или дозорного поведения, которое дает возможность вовремя обнаруживать угрозы и предупреждать других об опасности (Ein-Dor et al., 2011).

Значительное число исследований посвящено изучению бдительности людей различных профессий, которые требуют повышенного внимания и осторожности: хирургов (Zheng et al., 2011), водителей транспортных средств (Lin et al., 2014), операторов (Nelson, 2014), рабочих строительной отрасли (Wang et al., 2017).

Чувствительность к угрозам и способы реагирования в ситуациях опасности. После открытия неврологических систем BIS (торможение поведения) и BAS (активация поведения) была выделена и описана поведенческая система реагирования на опасность под названием «Борьба — бегство — замирание (замораживание)» («Fight-Flight-Freeze System»). Под ней понимается «нейроповеденческая система, призванная опосредовать защитные реакции на безусловные и условные раздражители угрозы, субъективно связанная с эмоцией страха» (Donahue, 2020, P. 1).

Выделяют три базовые реакции организма на опасность: «борьбу», «бегство» и «замирание». Борьба и бегство — это реакции на опасность, выбор которых зависит от очень многих факторов. На основе эмпирических исследований установлено, что страх способствует ориентации на удаление от угрозы, то есть на бегство (Perkins et al., 2010), а гнев — на приближение к угрозе и борьбу (Veenstra et al., 2017). Наиболее дискуссионным в этой системе оказался такой компонент, как «замирание». Традиционно считается, что замирание предшествует реагированию на опасность, выполняя ориентировочную функцию (Lojowska et al., 2015). Оно может носить даже мобилизирующий характер, когда человек не может справиться с тревогой и страхом, в результате просто замирает на месте (Riskind et al., 2016). В других

исследованиях доказано, что замирание может следовать и за активным реагированием (Молчанова, Нелюбова, 2013).

Из сказанного понятно, что чувствительность к угрозе есть механизм, который выполняет некоторую ориентировочную функцию, предвывая запуск системы «Борьба — бегство — замирание». В зависимости от оценки реакции на опасность как адекватной, преувеличивающей или преуменьшающей значение

В зависимости от оценки реакции на опасность как адекватной, преувеличивающей или преуменьшающей значение угрозы в сочетании с высоким или низким уровнем чувствительности выделяются разные типы отношения людей к опасностям.

угрозы в сочетании с высоким или низким уровнем чувствительности выделяются разные типы отношения людей к опасностям (Маралов и др., 2013). Было показано, что высокий уровень чувствительности к угрозе не гарантирует того, что личность будет реагировать на нее адекватно. В зависимости от индивидуальных особенностей человека могут иметь место различные сочетания чувствительности к угрозам и выборов способов реагирования на них: адекватные, тревожные (преувеличение опасностей) и игнорирующие (преуменьшение опасностей).

Взаимосвязь чувствительности к угрозам с внешними и внутренними факторами. Как показывают многочисленные исследования, чувствительность к угрозам связана со многими факторами. Существенное влияние на чувствительность к угрозам оказывает уровень информированности человека об опасностях. Это, в свою очередь, связано с социальным доверием, под которым понимают «убеждение в том, что другие люди не причинят нам умышленно или сознательно вреда, если они могут этого избежать, и будут заботиться о наших интересах, если это возможно» (Delhey, Newton, 2005, P. 311). Доказано, что люди, которые хорошо ориентируются в социальных явлениях с точки зрения оценки их как опасных или безопасных, в меньшей степени доверяют властям, управляющими этими опасностями, чем люди, которые не обладали достаточными знаниями о них (Siegrist, Svetkovich, 2000). Исследования показывают, что высокий или низкий уровень чувствительности к угрозам зависит от той среды, в которой живет человек, т.е. немаловажную роль играет его социально-экономическое положение. Так, М. Краус с соавторами (Kraus et al., 2011), установили зависимость уровня чувствительности людей к угрозам от принадлежности их к той или иной социально-экономической группе. Например, люди более низкого социально-экономического положения оказались более чувствительны к социальным угрозам, чем люди из, как их называют авторы, высших классов.

Чувствительность к угрозам связана с личным жизненным опытом людей и их ранними переживаниями, а также с некоторыми чертами характера. Изучение застенчивых детей 4–7 лет показало, что они

имеют повышенную чувствительность к социальным признакам угрозы. Это, в свою очередь, может служить предиктором их последующей социально-эмоциональной дезадаптации (Lobue, Pérez-Edgar, 2014). К.Л. Томпсон с коллегами (Thompson et al., 2014) исследовали особенности чувствительности к угрозам у людей, переживших жестокое обращение в детстве. Между этими параметрами была установлена прямая зависимость. М. Радоман с соавторами (Radoman et al., 2019) обнаружили, что среди молодых людей, подвергающихся запугиванию в настоящее время, особенно уязвимы к депрессии и тревоге те, кто чувствителен к непредсказуемой угрозе. Они входят

в группу высокого риска развития интернализирующей психопатологии.

Обратимся к работам, характеризующим взаимосвязь чувствительности к угрозам с внутренними факторами, в частности, с личностными качествами и характеристиками человека. Хотелось бы обратить внимание на многочисленную группу исследований, посвященных взаимосвязи чувствительности к угрозам и тревожности и связанных с ней черт личности. Например, Дж. Бриттон с коллегами (Britton et al., 2011) установили, что тревожные индивиды проявляют повышенную чувствительность к угрозам на разных уровнях обработки информации, причем, в качестве угрожающих для них могут выступать факторы «нейтрального» плана. А. Гутьеррес-Гарсия и М.Г. Кальво (Gutiérrez-García, Calvo, 2017) выявили, что социально тревожные испытуемые, в отличие от не тревожных, склонны «нейтральные» лица других людей воспринимать как злые и недоброжелательные, а не как счастливые или грустные. Когда тревожность достигает очень высокого уровня и перерастает в заболевания, связанные с депрессией, паническими атаками и т.п., тогда для таких пациентов характерно искажение интерпретации в процессе обработки угрожающей информации (McNally et al., 1999). В целом отмечается, что повышенная чувствительность к угрозам может быть неадаптивной, приводить к различного рода расстройствам, способствовать формированию высокого уровня социальной тревожности (Kambourpoulos, 2014).

Если высокая чувствительность к угрозе связывается с повышенной тревожностью, то низкая чувствительность, наоборот, — с пониженной эмоциональной реактивностью. Так, в работе Р. Уоллер и Н. Вагнер (Waller, Wagner, 2019) приводятся данные о том, что низкая чувствительность к угрозе проявляется в низком уровне «боязливости» возбуждения от социальной и несоблюдения угрозы и определяется отсутствием эмпатии, просоциальности, чувства вины, а также сниженной чувствительностью к эмоциям других людей. В тех же случаях, когда люди способны проявлять высокую эмоциональную самоэффективность, они так же менее чувствительны к социальным угрозам, но такая чувствительность носит адекватный характер (Nowland, Qualter, 2020).

Выявлена тесная связь чувствительности к угрозам с когнитивными факторами, в частности, с вниманием. Установлено, что оптимальный баланс между эмоциональной реактивностью и способностью к когнитивному контролю ситуации способствуют адекватному восприятию угрозы (Dennis, Chen, 2007). Предвзятое отношение к угрозе проявляется в избирательном и преувеличенном к ней внимании, что находит отражение в повышении бдительности, трудностях с отключением и избеганием угрозы (Roy et al., 2015).

Заключение

Проанализировав ряд теоретических положений отечественной и зарубежной психологии, мы выявили суть чувствительности к угрозам как опосредующего фактора влияния внешних причин на внутреннее состояние личности, проявляющееся в способности к обнаружению и идентификации сигналов опасности.

Завершая этот далеко не полный обзор публикаций по вопросам чувствительности к угрозам, отметим неизменно высокий интерес психологов к этой проблематике и в последней четверти XX столетия, и в настоящее время. Этот интерес не случаен и обусловлен значимостью чувствительности к угрозам как механизма, запускающего различные формы «защитного поведения» в виде реагирования на конкретную угрозу конкретного лица, либо — на более высоких уровнях социальной организации людей — «защитного поведения», касающегося социума, общества, мира в целом. К сожалению, значительная доля работ проведена зарубежными психологами. Но и в отечественной науке имеется немало интересных работ. Особо хотелось бы отметить работы методологического и теоретического характера, а вот конкретных эмпирических исследований явно недостаточно.

В представленном обзоре была осуществлена попытка совершить экскурс в проблематику изучения чувствительности к угрозам. Из многих сотен работ были отобраны те, которые наиболее ярко отражают ту или иную сторону данной проблематики — особенности чувствительности к угрозам либо ее взаимосвязи с другими психологическими факторами или явлениями. Проанализировав ряд теоретических положений отечественной и зарубежной психологии, мы выявили суть чувствительности к угрозам как опосредующего фактора влияния внешних причин на внутреннее состояние личности, проявляющееся в способности к обнаружению и идентификации сигналов опасности. Рассмотрели специфику проявления бдительности как одной из форм выражения чувствительности к угрозам. Показали взаимосвязь чувствительности к угрозам с выбором способов реагирования на опасности. Оха-

актеризовали влияние социальных и личностных факторов на ее проявления.

В ходе анализа литературы по означенным проблемам выявились и некоторые дискуссионные вопросы, связанные с пониманием роли и значения чувствительности к угрозам в контексте решения проблем, связанных с обеспечением безопасности.

Во-первых, дискуссионным остается вопрос, какой же уровень чувствительности к угрозам должен быть оптимальным. Во многих работах высокая чувствительность к угрозам связывается с повышенной тревожностью, подверженностью стрессам, вплоть до расстройств личности. В то же время, установлено, что низкая чувствительность к угрозам может быть связана с низкой просоциальностью, враждебностью и агрессивностью. Оценки же чувствительности к угрозам, с точки зрения оптимального решения задач обеспечения безопасности, в проанализированных работах фактически не обнаружено.

Во-вторых, недостаточно работ, в которых бы изучалась взаимосвязь чувствительности к угрозам с выбором способов и средств реагирования на опасности. В результате за бортом анализа остался вопрос, почему при высокой чувствительности к угрозам одни люди реагируют адекватно, другие склонны к преувеличению или даже к преуменьшению значения угроз?

В-третьих, остается не раскрытой в должной мере проблема дифференциации чувствительности в зависимости от личностного опыта человека, его компетентности в сфере обеспечения безопасности. Известно, что один и тот же человек может проявлять разную чувствительность в зависимости от того, как он оценивает данный класс явлений с позиций безопасности.

В-четвертых, остается не проясненным вопрос о возрастных и половых особенностях проявления чувствительности к угрозам, не выделена структура факторов, обуславливающих тот или иной уровень чувствительности, не ясно, нужно ли целенаправлен-

Несмотря на обилие публикаций по частным проблемам чувствительности к угрозам, явно недостает работ обобщающего характера, в которых бы задавались наиболее общие векторы, как для построения теории, так и для решения практических вопросов, связанных непосредственно с обеспечением безопасности.

но формировать чувствительность к угрозам, а если нужно, то каковы психолого-педагогические условия такого формирования?

Все эти проблемы и множество других ждут своего разрешения.

Несмотря на обилие публикаций по частным проблемам чувствительности к угрозам, явно недостает работ обобщающего характера, в которых бы задавались наиболее общие векторы, как для построения теории, так и для решения практических вопросов, связанных непосредственно с обеспечением безопасности.

Представленный здесь обзор по проблемам чувствительности к угрозам может служить отправной точкой для постановки новых задач и организации теоретических, эмпирических и экспериментальных исследований по вопросам отношения людей к опас-

ностям и психологическим аспектам обеспечения безопасности. Он может быть также использован в процессе разработки специальных курсов по актуальным проблемам обеспечения безопасности для студентов соответствующих направлений подготовки.

Литература

- Зинченко Ю.П. Методологические основы психологии безопасности // Национальный психологический журнал. 2011. № 2 (6). С. 11–14.
- Котик М.А. Новый метод экспериментальной оценки отношения людей к волнующим их событиям // Вопросы психологии. 1994. № 1. С. 97–104.
- Краснянская Т.М., Тылец В.Г. Психологический анализ уровней безопасности человека // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. 2016. № 2 (95). С. 31–36.
- Краснянская Т.М. Стратегии организации психологического самообеспечения безопасности субъекта в экстремальной ситуации // Известия Южного Федерального университета. Технические науки. 2005. № 5. С. 207–213.
- Лызь Н.А. Модельные представления о безопасной личности // Известия Южного Федерального университета. Технические науки. 2005. № 7. С. 21–25.
- Маралов В.Г., Малышева Е.Ю., Маралова Т.П., Перченко Е.Л., Смирнова О.В., Табунов И.А. Развивающаяся личность в зеркале угроз / под ред. проф. В.Г. Маралова. Череповец, 2013. 144 с.
- Милерян Е.А. Психология труда и профессионального образования. Киев : Интерсервис, 2013. 290 с.
- Молчанова Е.С., Нелюбова Т.А. Типы реагирования на острый стресс // Оказание психологической и психиатрической помощи при чрезвычайных ситуациях : учеб. пособие. Бишкек : Папирус-Print, 2013. С. 27–33.
- Харламенкова Н.Е. Научные основания и теоретико-эмпирическое переосмысление принципа детерминизма в субъектно-деятельностном подходе // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 2. С. 17–28.
- Back, E.A., Bäck, H., Knapton, H.M. (2015). Group belongingness and collective action: Effects of need to belong and rejection sensitivity on willingness to participate in protest activities. *Scandinavian Journal of Psychology*, 56 (5), 537–544. doi: 10.1111/sjop.12225.
- Britton, J.C., Lissek, S., Grillon, C., Norcross, M.A. & Pine, D.S. (2011). Development of anxiety: The role of threat appraisal and fear learning. *Depression and Anxiety*, 28 (1), 5–17. URL: <https://doi.org/10.1002/da.20733> (accessed 01.02.2021)
- Campbell, W.K., Baumeister, R.F., Dhavale, D., & Tice, D.M. (2003). Responding to major threats to self-esteem: A preliminary, narrative study of ego-shock. *Journal of Social and Clinical Psychology*, 22 (1), 79–96. URL: <https://doi.org/10.1521/jscp.22.1.79.22762> (accessed 01.02.2021)
- Carver, C.S., & White, T.L. (1994). Behavioral inhibition, behavioral activation, and affective responses to impending reward and punishment: The BIS/BAS Scales. *Journal of Personality and Social Psychology*, 67 (2), 319–333. URL: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.67.2.319> (accessed 01.02.2021)
- Delhey, J., & Newton, K. (2005). Predicting cross-national levels of social trust: global pattern or Nordic exceptionalism? *Eur. Sociol. Rev.* 21, 311–327. doi: 10.1093/esr/jci022
- Denefrio, S., Dennis-Tiwary, T.A. (2018). Threat Sensitivity. In: Zeigler-Hill V., Shackelford T. (eds) *Encyclopedia of Personality and Individual Differences*. Springer, Cham. URL: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-28099-8> (accessed 01.02.2021)
- Dennis, T.A., & Chen, C.C. (2007). Neurophysiological mechanisms in the emotional modulation of attention: The interplay between threat sensitivity and attentional control. *Biological Psychology*, 76 (1–2), 1–10. URL: <https://doi.org/10.1016/j.biopsycho.2007.05.001> (accessed 01.02.2021)
- Dimond, S., Lazarus, J. (1974). The Problem of Vigilance in Animal Life. *Brain Behav Evol*, 9, 60–79. doi: 10.1159/000123655
- Donahue, J.J. (2020). Fight-Flight-Freeze System. In: Zeigler-Hill V., Shackelford T.K. (eds) *Encyclopedia of Personality and Individual Differences*. Springer, Cham. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-319-24612-3_751 (accessed 01.02.2021)
- Ein-Dor, T., Mikulincer, M., & Shaver, P.R. (2011). Attachment insecurities and the processing of threat-related information: studying the schemas involved in insecure people's coping strategies. *J. Pers. Soc. Psychol.* 101, 78–93. doi: 10.1037/a002250
- Gao, S., Assink, M., Cipriani, A., & Lin, K. (2017). Associations between rejection sensitivity and mental health outcomes: A meta-analytic review. *Clinical Psychology Review*, 57, 59–74. URL: <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2017.08.007> (accessed 01.02.2021)
- Gray, J.A. (1978). The neuropsychology of anxiety. *British Journal of Psychology*, 69 (4), 417–434. URL: <https://doi.org/10.1111/j.2044-8295.1978.tb02118.x> (accessed 01.02.2021)
- Gutiérrez-García, A., & Calvo, M. G. (2017). Social anxiety and threat-related interpretation of dynamic facial expressions: Sensitivity and response bias. *Personality and Individual Differences*, 107, 10–16. URL: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.11.025> (accessed 01.02.2021)
- Jonas, E., McGregor, I., Klackl, J., Agroskin, D., Fritsche, I., Holbrook, C., Nash, K., Proulx, T., Quirin, M. (2014). Threat and Defense: From Anxiety to Approach. In: James M. Olson, Mark P. Zanna (eds): *Advances in Experimental Social Psychology*. Vol. 49, Burlington: Academic Press. Pp. 219–286.
- Kambouropoulos, N., Egan, S., O'Connor, E.J., Staiger, P.K. (2014). Escaping threat: Understanding the importance of threat sensitivity in social anxiety. *Journal of Individual Differences*, 35 (1), 47–53. URL: <https://doi.org/10.1027/1614-0001/a000126> (accessed 01.02.2021)
- Kraus, M.W., Horberg, E.J., Goetz, J.L., Keltner, D. (2011). Social Class Rank, Threat Vigilance, and Hostile Reactivity. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 37 (10), 1376–1388. doi:10.1177/0146167211410987

- Lin, C.T, Chuang, C.H, Huang, C.S, et al. (2014). Wireless and wearable EEG system for evaluating driver vigilance. *IEEE Transactions on Biomedical Circuits and Systems*, 8 (2), 165–176. doi: 10.1109/tbcas.2014.2316224
- Lobue, V., & Pérez-Edgar, K. (2014). Sensitivity to social and non-social threats in temperamentally shy children at-risk for anxiety. *Developmental Science*, 17 (2), 239–247. URL: <https://doi.org/10.1111/desc.12110> (accessed 01.02.2021)
- Lojowska, M., Gladwin, T. E., Hermans, E. J., & Roelofs, K. (2015). Freezing promotes perception of coarse visual features. *Journal of Experimental Psychology: General*, 144 (6), 1080–1088. <https://doi.org/10.1037/xge0000117> (accessed 01.02.2021)
- Mackworth, N. (1956). Vigilance. *Nature*, 178, 1375–1377. URL: <https://doi.org/10.1038/1781375a0> (accessed 01.02.2021)
- McNally, R.J., Hornig, C.D., Hoffman, E.C., & Han, E.M. (1999). Anxiety sensitivity and cognitive biases for threat. *Behavior Therapy*, 30 (1), 51–61. URL: [https://doi.org/10.1016/S0005-7894\(99\)80045-8](https://doi.org/10.1016/S0005-7894(99)80045-8) (accessed 01.02.2021)
- Mobbs, D, Hagan, C.C, Dalgleish, T, Silston, B. and Prévost, C. (2015). The ecology of human fear: survival optimization and the nervous system. *Front. Neurosci*, 9, 55. doi: 10.3389/fnins.2015.00055
- Nelson, J.T, McKinley, R.A, Golob, E.J, Warm, J.S, Parasuraman, R. (2014). Enhancing vigilance in operators with prefrontal cortex transcranial direct current stimulation (tDCS). *Neuroimage*, 85, 909–917. doi:10.1016/j.neuroimage.2012.11.061.
- Nowland, R, Qualter, P. (2020). Influence of social anxiety and emotional self-efficacy on pre-transition concerns, social threat sensitivity, and social adaptation to secondary school. *The British Journal of Educational Psychology*, 90 (1), 227–244. doi: 10.1111/bjep.12276.
- Parasuraman, R., Warm, J. S., & See, J. E. (1998). Brain systems of vigilance. In: R. Parasuraman (Ed.), *The attentive brain* (p. 221–256). The MIT Press.
- Perkins, A.M., Cooper, A., Abdelall, M., Smillie, L.D., Corr, P.J. (2010). Personality and defensive reactions: Fear, trait anxiety, and threat magnification. *Journal of Personality*, 78 (3), 1071–1090. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.2010.00643.x> (accessed 01.02.2021)
- Quenette, P.-Y. (1990). Functions of vigilance behaviour in mammals: a review. *Acta oecologica*, 11 (6), 801–818.
- Radoman, M, Akinbo, F.D, Rospenda, K.M, Gorka, S.M. (2019). The impact of startle reactivity to unpredictable threat on the relation between bullying victimization and internalizing psychopathology. *Journal of Psychiatric Research*, 119, 7–13. doi: 10.1016/j.jpsychires.2019.09.004.
- Riskind, J.H., Sagliano, L., Trojano, L., Conson, M. (2016). Dysfunctional freezing responses to approaching stimuli in persons with a looming cognitive style for physical threats. *Frontiers in Psychology*, 7, 521. URL: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2016.00521> (accessed 01.02.2021)
- Romero-Canyas, R., Downey, G., Berenson, K., Ayduk, O., & Kang, N. J. (2010). Rejection sensitivity and the rejection-hostility link in romantic relationships. *Journal of Personality*, 78 (1), 119–148. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.2009.00611.x> (accessed 01.02.2021)
- Roy, A.K., Dennis, T.A., & Warner, C.M. (2015). A critical review of attentional threat bias and its role in the treatment of pediatric anxiety disorders. *Journal of Cognitive Psychotherapy*, 29 (3), 171–184. doi: 10.1891/0889-8391.29.3.171.
- Siegrist, M. & Cvetkovich, G. (2000). Perception of Hazards: The Role of Social rust and Knowledge. *Risk Analysis*, 20, 713–720. doi:10.1111/0272-4332.205064
- Simpson, R. (1996). Neither Clear nor Present: The Social Construction of Safety and Danger. *Sociological Forum*, 11 (3), 549–562. URL: <http://www.jstor.org/stable/684900> (accessed 01.02.2021)
- Stevens, D., & Vaughan-Williams, N. (2020). The scope of security threats and their causes. In: *Everyday security threats*. Manchester, England: Manchester University Press. URL: <https://www.manchesterhive.com/view/9781526108999/9781526108999.00009.xml> (accessed 01.02.2021)
- Stroh, C.M. (1971). *Vigilance: The Problem of Sustained Attention*, Oxford: Pergamon Press.
- Thompson, S.C, Schlehofer, M.M. (2008). Control, Denial, and Heightened Sensitivity Reactions to Personal Threat: Testing the Generalizability of the Threat Orientation Approach. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 34 (8), 1070–1083. doi:10.1177/0146167208318403
- Thompson, K.L., Hannan, S.M., & Miron, L.R. (2014). Fight, flight, and freeze: Threat sensitivity and emotion dysregulation in survivors of chronic childhood maltreatment. *Personality and Individual Differences*, 69, 28–32. URL: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2014.05.005> (accessed 01.02.2021)
- Torrubia, R., Ávila, C., Moltó, J., & Caseras, X. (2001). The Sensitivity to Punishment and Sensitivity to Reward Questionnaire (SPSRQ) as a measure of Gray's anxiety and impulsivity dimensions. *Personality and Individual Differences*, 31 (6), 837–862. [https://doi.org/10.1016/S0191-8869\(00\)00183-5](https://doi.org/10.1016/S0191-8869(00)00183-5) (accessed 01.02.2021)
- Tuncel, E, Kong, D.T, McLean Parks, J., van Kleef, G.A. (2020). Face threat sensitivity in distributive negotiations: Effects on negotiator self-esteem and demands. *Organ Behav Hum Decis Process*, 161, 255–273. doi: 10.1016/j.obhdp.2020.07.004.
- Veenstra, L., Schneider, I.K. Brad J. Bushman, B.J., Koole, S.L. (2017). Drawn to danger: trait anger predicts automatic approach behaviour to angry faces. *Cognition and Emotion*, 31 (4), 765–771. doi: 10.1080/02699931.2016.1150256
- Waller, R., Wagner, N. (2019). The Sensitivity to Threat and Affiliative Reward (STAR) model and the development of callous-unemotional traits. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*, 107, 656–671. URL: <https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2019.10.005> (accessed 01.02.2021)
- Wang, D, Chen, J, Zhao, D, Dai, F, Zheng, C, Wu, X. (2017). Monitoring workers' attention and vigilance in construction activities through a wireless and wearable electroencephalography system. *Automation in Construction*, 82, 122–137. URL: <https://doi.org/10.1016/j.autcon.2017.02.001> (accessed 01.02.2021)
- Warm, J.S, Parasuraman, R, Matthews, G. (2008). Vigilance Requires Hard Mental Work and Is Stressful. *Human Factors*, 50 (3), 433–441. doi:10.1518/001872008X312152
- Warm, J.S., Finomore, V.S., Vidulich, M.A., Funke, M.E. (2015). Vigilance: A perceptual challenge. In: R. R. Hoffman, P. A. Hancock, M. W. Scerbo, R. Parasuraman, & J. L. Szalma (Eds.). *Cambridge handbooks in psychology*. The Cambridge handbook of applied

perception research. 2015. Vol. 1 (p. 241–283). Cambridge University Press. URL: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511973017.018> (accessed 01.02.2021)

Woody, E.Z., & Szechtman, H. (2011). Adaptation to potential threat: The evolution, neurobiology, and psychopathology of the security motivation system. *Neuroscience and Biobehavioral Reviews*, 35 (4), 1019–1033. URL: <https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2010.08.003> (accessed 01.02.2021)

Zaplatynskiy, V. (2013). The new concept of the most general term “danger” // International scientific conference security, extremism, terrorism 2012. December 13th–14th, 2012. Podhájska Slovak Republic. Požiarnotechnický a expertízny ústav MV SR v Bratislave, 2013. Pp. 267–278.

Zheng, B, Tien, G, Atkins, S.M, Swindells, C, Tanin, H, Meneghetti, A, Qayumi, K.A, Neely, O, Panton, M. (2011). Surgeon's vigilance in the operating room. *Am J Surg*, 201 (5), 673–7. doi: 10.1016/j.amjsurg.2011.01.016. PMID: 21545920.

References:

Back, E.A, Bäck, H, Knapton, H.M. (2015). Group belongingness and collective action: Effects of need to belong and rejection sensitivity on willingness to participate in protest activities. *Scandinavian Journal of Psychology*, 56 (5), 537–544. doi: 10.1111/sjop.12225.

Britton, J. C., Lissek, S., Grillon, C., Norcross, M. A. & Pine, D. S. (2011). Development of anxiety: The role of threat appraisal and fear learning. *Depression and Anxiety*, 28 (1), 5–17. Available at: <https://doi.org/10.1002/da.20733> (accessed 01.02.2021)

Campbell, W.K., Baumeister, R.F., Dhavale, D., & Tice, D.M. (2003). Responding to major threats to self-esteem: A preliminary, narrative study of ego-shock. *Journal of Social and Clinical Psychology*, 22 (1), 79–96. Available at: <https://doi.org/10.1521/jscp.22.1.79.22762> (accessed 01.02.2021)

Carver, C.S., & White, T.L. (1994). Behavioral inhibition, behavioral activation, and affective responses to impending reward and punishment: The BIS/BAS Scales. *Journal of Personality and Social Psychology*, 67 (2), 319–333. Available at: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.67.2.319> (accessed 01.02.2021)

Delhey, J., & Newton, K. (2005). Predicting cross-national levels of social trust: global pattern or Nordic exceptionalism? *Eur. Sociol. Rev*, 21, 311–327. doi: 10.1093/esr/jci022

Denefrio, S., Dennis-Tiwary, T.A. (2018). Threat Sensitivity. In: Zeigler-Hill V., Shackelford T. (eds) *Encyclopedia of Personality and Individual Differences*. Springer, Cham. Available at: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-28099-8> (accessed 01.02.2021)

Dennis, T.A., & Chen, C.C. (2007). Neurophysiological mechanisms in the emotional modulation of attention: The interplay between threat sensitivity and attentional control. *Biological Psychology*, 76(1–2), 1–10. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.biopsycho.2007.05.001> (accessed 01.02.2021)

Dimond, S, Lazarus, J. (1974). The Problem of Vigilance in Animal Life. *Brain Behav Evol*, 9, 60–79. doi: 10.1159/000123655

Donahue, J.J. (2020). Fight-Flight-Freeze System. In: Zeigler-Hill V., Shackelford T.K. (eds) *Encyclopedia of Personality and Individual Differences*. Springer, Cham. Available at: https://doi.org/10.1007/978-3-319-24612-3_751 (accessed 01.02.2021)

Ein-Dor, T., Mikulincer, M., & Shaver, P.R. (2011). Attachment insecurities and the processing of threat-related information: studying the schemas involved in insecure people's coping strategies. *J. Pers. Soc. Psychol.* 101, 78–93. doi: 10.1037/a002250

Gao, S., Assink, M., Cipriani, A., & Lin, K. (2017). Associations between rejection sensitivity and mental health outcomes: A meta-analytic review. *Clinical Psychology Review*, 57, 59–74. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2017.08.007> (accessed 01.02.2021)

Gray, J.A. (1978). The neuropsychology of anxiety. *British Journal of Psychology*, 69 (4), 417–434. Available at: <https://doi.org/10.1111/j.2044-8295.1978.tb02118.x> (accessed 01.02.2021)

Gutiérrez-García, A., & Calvo, M.G. (2017). Social anxiety and threat-related interpretation of dynamic facial expressions: Sensitivity and response bias. *Personality and Individual Differences*, 107, 10–16. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.11.025> (accessed 01.02.2021)

Jonas, E., McGregor, I., Klackl, J., Agroskin, D., Fritsche, I., Holbrook, C., Nash, K., Proulx, T., Quirin, M. (2014). Threat and Defense: From Anxiety to Approach. In: James M. Olson, Mark P. Zanna (eds): *Advances in Experimental Social Psychology*. Vol. 49, Burlington: Academic Press. Pp. 219–286.

Kambouropoulos, N., Egan, S., O'Connor, E. J., Staiger, P.K. (2014). Escaping threat: Understanding the importance of threat sensitivity in social anxiety. *Journal of Individual Differences*, 35 (1), 47–53. Available at: <https://doi.org/10.1027/1614-0001/a000126> (accessed 01.02.2021)

Kharlamenkova, N.E. (2013). Scientific foundations and theoretic-empirical rethinking of the principle of determinism in the subjective-activity approach. [*Psichologicheskij zhurnal*], 34 (2), 17–28. [In Russ]

Kotik, M.A. (1994). New method of experimental assessment of people's attitude to their events. [*Voprosy psichologii*], 1, 97–104. [In Russ]

Krasnyanskaya, T.M. (2005). Strategies for organizing psychological self-sufficiency of the safety of the subject in an extreme situation [*Izvestiya YUzhnogo Federal'nogo universiteta. Tekhnicheskie nauki*], 5. [In Russ]

Krasnyanskaya, T.M., Tylec, V.G. (2016). Psychological analysis of human safety levels. [*Izvestiya Gomel'skogo gosudarstvennogo universiteta imeni F. Skoriny*], 2 (95), 31–36. [In Russ]

Kraus, M.W, Horberg, E.J, Goetz, J.L, Keltner, D. (2011). Social Class Rank, Threat Vigilance, and Hostile Reactivity. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 37 (10), 1376–1388. doi:10.1177/0146167211410987

Lin, C.T, Chuang, C.H, Huang, C.S, et al. (2014). Wireless and wearable EEG system for evaluating driver vigilance. *IEEE Transactions on Biomedical Circuits and Systems*, 8 (2), 165–176. doi: 10.1109/tbcas.2014.2316224

Lyz' N.A. (2005). Model ideas about a safe person. [*Izvestiya YUzhnogo Federal'nogo universiteta. Tekhnicheskie nauki*], 7. [In Russ]

- Lobue, V., & Pérez-Edgar, K. (2014). Sensitivity to social and non-social threats in temperamentally shy children at-risk for anxiety. *Developmental Science*, 17 (2), 239–247. Available at: <https://doi.org/10.1111/desc.12110> (accessed 01.02.2021)
- Lojowska, M., Gladwin, T.E., Hermans, E.J., & Roelofs, K. (2015). Freezing promotes perception of coarse visual features. *Journal of Experimental Psychology: General*, 144 (6), 1080–1088. Available at: <https://doi.org/10.1037/xge0000117> (accessed 01.02.2021)
- Mackworth, N. (1956). Vigilance. *Nature*, 178, 1375–1377. Available at: <https://doi.org/10.1038/1781375a0> (accessed 01.02.2021)
- Maralov, V.G., Malysheva, E.YU., Maralova, T.P., Perchenko, E.L., Smirnova, O.V., Tabunov, I.A. (2013). Developing personality in the mirror of threats [*Razvivayushchayasya lichnost' v zerkale ugroz*]. *CHerepovec*. 144 p. [In Russ]
- Milerian E.A. (2013). Psychology of Work and Vocational Education: Selected Scientific Works [*Psihologiya truda i professional'nogo obrazovaniya: izbrannyye nauchnyye Trudy*]. Kiev : Interservice. 290 p. [In Russ]
- McNally, R.J., Hornig, C.D., Hoffman, E.C., & Han, E.M. (1999). Anxiety sensitivity and cognitive biases for threat. *Behavior Therapy*, 30 (1), 51–61. Available at: [https://doi.org/10.1016/S0005-7894\(99\)80045-8](https://doi.org/10.1016/S0005-7894(99)80045-8) (accessed 01.02.2021)
- Mobbs, D., Hagan, C.C., Dalgleish, T., Silston, B. and Prévost, C. (2015). The ecology of human fear: survival optimization and the nervous system. *Front. Neurosci*, 9, 55. doi: 10.3389/fnins.2015.00055
- Molchanova, E.S., Nelyubov, T.A. (2013). Types of Acute Stress Response. In: Psychological and psychiatric care for emergencies: Training manual [*Okazanie psihologicheskoy i psihiatricheskoy pomoshchi pri chrezvychajnyh situatsiyah: Uchebnoe posobie*]. Bishkek: Papyrus-Print. P. 27–33. [In Russ]
- Nelson, J.T., McKinley, R.A., Golob, E.J., Warm, J.S., Parasuraman, R. (2014) Enhancing vigilance in operators with prefrontal cortex transcranial direct current stimulation (tDCS). *Neuroimage*, 85, 909–917. doi: 10.1016/j.neuroimage.2012.11.061.
- Nowland, R., Qualter, P. (2020). Influence of social anxiety and emotional self-efficacy on pre-transition concerns, social threat sensitivity, and social adaptation to secondary school. *The British Journal of Educational Psychology*, 90 (1), 227–244. doi: 10.1111/bjep.12276.
- Parasuraman, R., Warm, J. S., & See, J. E. (1998). Brain systems of vigilance. In: R. Parasuraman (Ed.), *The attentive brain* (p. 221–256). The MIT Press.
- Perkins, A.M., Cooper, A., Abdelall, M., Smillie, L.D., Corr, P.J. (2010). Personality and defensive reactions: Fear, trait anxiety, and threat magnification. *Journal of Personality*, 78 (3), 1071–1090. Available at: <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.2010.00643.x> (accessed 01.02.2021)
- Quenette, P.-Y. (1990). Functions of vigilance behaviour in mammals: a review. *Acta oecologica*, 11 (6), 801–818.
- Radoman, M., Akinbo, F.D., Rospenda, K.M., Gorke, S.M. (2019). The impact of startle reactivity to unpredictable threat on the relation between bullying victimization and internalizing psychopathology. *Journal of Psychiatric Research*, 119, 7–13. doi: 10.1016/j.jpsychi.2019.09.004.
- Riskind, J.H., Sagliano, L., Trojano, L., Conson, M. (2016). Dysfunctional freezing responses to approaching stimuli in persons with a looming cognitive style for physical threats. *Frontiers in Psychology*, 7, 521. Available at: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2016.00521> (accessed 01.02.2021)
- Romero-Canyas, R., Downey, G., Berenson, K., Ayduk, O., & Kang, N.J. (2010). Rejection sensitivity and the rejection-hostility link in romantic relationships. *Journal of Personality*, 78 (1), 119–148. Available at: <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.2009.00611.x> (accessed 01.02.2021)
- Roy, A.K., Dennis, T.A., & Warner, C.M. (2015). A critical review of attentional threat bias and its role in the treatment of pediatric anxiety disorders. *Journal of Cognitive Psychotherapy*, 29 (3), 171–184. doi: 10.1891/0889-8391.29.3.171.
- Siegrist, M. & Cvetkovich, G. (2000). Perception of Hazards: The Role of Social Trust and Knowledge. *Risk Analysis*, 20, 713–720. doi:10.1111/0272-4332.205064
- Simpson, R. (1996). Neither Clear nor Present: The Social Construction of Safety and Danger. *Sociological Forum*, 11 (3), 549–562. Available at: <http://www.jstor.org/stable/684900> (accessed 01.02.2021)
- Stevens, D., & Vaughan-Williams, N. (2020). The scope of security threats and their causes. In: *Everyday security threats*. Manchester, England: Manchester University Press. Available at: <https://www.manchesterhive.com/view/9781526108999/9781526108999.00009.xml> (accessed 01.02.2021)
- Stroh, C.M. (1971). *Vigilance: The Problem of Sustained Attention*, Oxford: Pergamon Press.
- Thompson, S.C., Schlehofer, M.M. (2008). Control, Denial, and Heightened Sensitivity Reactions to Personal Threat: Testing the Generalizability of the Threat Orientation Approach. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 34 (8), 1070–1083. doi:10.1177/0146167208318403
- Thompson, K.L., Hannan, S.M., & Miron, L.R. (2014). Fight, flight, and freeze: Threat sensitivity and emotion dysregulation in survivors of chronic childhood maltreatment. *Personality and Individual Differences*, 69, 28–32. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2014.05.005> (accessed 01.02.2021)
- Torrubia, R., Ávila, C., Moltó, J., & Caseras, X. (2001). The Sensitivity to Punishment and Sensitivity to Reward Questionnaire (SPSRQ) as a measure of Gray's anxiety and impulsivity dimensions. *Personality and Individual Differences*, 31 (6), 837–862. Available at: [https://doi.org/10.1016/S0191-8869\(00\)00183-5](https://doi.org/10.1016/S0191-8869(00)00183-5) (accessed 01.02.2021)
- Tuncel, E., Kong, D.T., McLean Parks, J., van Kleef, G.A. (2020). Face threat sensitivity in distributive negotiations: Effects on negotiator self-esteem and demands. *Organ Behav Hum Decis Process*, 161, 255–273. doi: 10.1016/j.obhdp.2020.07.004.
- Veenstra, L., Schneider, I.K., Brad J. Bushman, B.J., Koole, S.L. (2017). Drawn to danger: trait anger predicts automatic approach behaviour to angry faces. *Cognition and Emotion*, 31 (4), 765–771. doi: 10.1080/02699931.2016.1150256
- Waller, R., Wagner, N. (2019). The Sensitivity to Threat and Affiliative Reward (STAR) model and the development of callous-unemotional traits. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*, 107, 656–671. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2019.10.005> (accessed 01.02.2021)
- Wang, D, Chen, J, Zhao, D, Dai, F, Zheng, C, Wu, X. (2017). Monitoring workers' attention and vigilance in construction activities through a wireless and wearable electroencephalography system. *Automation in Construction*, 82, 122–137. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.autcon.2017.02.001> (accessed 01.02.2021)

- Warm, J.S., Parasuraman, R., Matthews, G. (2008). Vigilance Requires Hard Mental Work and Is Stressful. *Human Factors*, 50 (3), 433–441. doi:10.1518/001872008X312152
- Warm, J.S., Finomore, V.S., Vidulich, M.A., Funke, M.E. (2015). Vigilance: A perceptual challenge. In: R.R. Hoffman, P.A. Hancock, M.W. Scerbo, R. Parasuraman, & J.L. Szalma (Eds.). *Cambridge handbooks in psychology. The Cambridge handbook of applied perception research*. 2015. Vol. 1 (p. 241–283). Cambridge University Press. Available at: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511973017.018> (accessed 01.02.2021)
- Woody, E.Z., & Szechtman, H. (2011). Adaptation to potential threat: The evolution, neurobiology, and psychopathology of the security motivation system. *Neuroscience and Biobehavioral Reviews*, 35 (4), 1019–1033. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2010.08.003> (accessed 01.02.2021)
- Zaplatynskiy, V. (2013). The new concept of the most general term “danger” // International scientific conference security, extremism, terrorism 2012. December 13th–14th, 2012. Podhájska Slovak Republic. Požiarnotechnický a expertízny ústav MV SR v Bratislave, 267–278.
- Zheng, B, Tien, G, Atkins, S.M, Swindells, C, Tanin, H, Meneghetti, A, Qayumi, K.A, Neely, O, Panton, M. (2011). Surgeon’s vigilance in the operating room. *Am J Surg*, 201 (5), 673–7. doi: 10.1016/j.amjsurg.2011.01.016. PMID: 21545920.
- Zinchenko, J.P. (2011). Methodological Basics of Security Psychology. [*Nacional’nyj psihologicheskij zhurnal*], 2 (6), 11–14. [In Russ]

Оригинальная статья

УДК 366.636, 616-036.21, 316.64, 159.923.2
doi: 10.11621/npj.2021.0103

Динамика социальных страхов у российских граждан в период первой и второй волны COVID-19

В.В. Ермолаев, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-9206-9261

Ю. Воронцова*, АО «Нейроком», Москва, Россия

ORCID: 0000-0003-0363-5741

Д.К. Насонова, ООО «Поликониус», Москва, Россия

ORCID: 0000-0001-8989-0940

А.И. Четверикова, АО «Мособлэнерго», Москва, Россия

ORCID: 0000-0003-1172-1041

*Для контактов. E-mail: j.l.voroncova@gmail.com

Актуальность (контекст) тематики статьи. Исследование психологических особенностей социальных страхов в период первой волны COVID-19 свидетельствует о массовом пребывании российских граждан в состоянии страха. Сохраняющаяся на протяжении года угроза пандемии, противоречивость управленческих решений при отсутствии внятной стратегии борьбы с COVID-19 создают растущее социальное напряжение, которое отражается на психологическом состоянии граждан.

Цель исследования. Выявление динамики социальных страхов у российских граждан в период первой и второй волны COVID-19. Гипотеза: существует тенденция роста социальных страхов у российских граждан в период второй волны COVID-19, при продолжении формирования СМИ депрессивной и угнетающей психику «картины мира».

Описание хода исследования. Психодиагностика проводилась дистанционно с применением Google-форм. В исследовании участвовало 497 человек. На первом этапе (первая волна — март/апрель 2020 г.) тестирование прошли 253 человека. На втором этапе (вторая волна — октябрь/ноябрь 2020 г.) тестирование прошли 244 человека, из них 150 принимали участие в периоды первого и на второго этапа, а 94 — только в период второго этапа. На третьем этапе проводился статистический анализ с целью выявления динамики социальных страхов.

Выводы. С момента начала COVID-19 к моменту наступления пика второй волны пандемии у российских граждан наблюдается негативная динамика, характеризующаяся: 1) ростом социальных страхов, связанных неудачами и субъективным ощущением поражения в жизни, а также с принятием и подавлением растущих межличностных конфликтов; 2) увеличением дисбаланса доверия, обусловленного ростом доверия к миру и другим, как заслуживающим доверия источникам информации об актуальной опасности, на фоне устойчиво сниженного доверия к себе; 3) снижением оптимизма и веры в будущее при увеличении интенсивности эмоционального напряжения, а также стремлением к делегированию ответственности за события собственной жизни; 4) общим снижением эффективности деятельности (по результатам самоотчета).

Заключение. Транслируемая СМИ информация о COVID-19 оказывает системное негативное психологическое воздействие посредством демонстрации пессимистичной «картины мира», которая, создавая агрессивное информационное поле, буквально обволакивающее психику, разрушает доверие человека к себе, его социальные связи и групповую сплоченность, а также актуализирует социальные страхи, усиливая ощущение социальной изоляции. Предполагаемые последствия должны нацелить психологическое сообщество на разработку прогностической модели преодоления этой ситуации. Одним из основных направлений работы с последствиями пандемии, должна стать психологическая помощь, основу которой составят методы коррекции когнитивно-аффективной сферы личности, обеспечивающие возвращение доверия к себе и преобразование «картины мира» настоящего и будущего в позитивную. Особое внимание необходимо уделить повышению коллективной сплоченности и постановке групповых целей, рисующих контур будущей позитивной «картины мира» российского общества.

Ключевые слова: динамика социальных страхов, COVID-19, новостная лента, картина мира, доверие, локус контроля.

Для цитирования: Ермолаев В.В., Воронцова Ю., Насонова Д.К., Четверикова А.И. Динамика социальных страхов у российских граждан в период первой и второй волны COVID-19 // Национальный психологический журнал. 2021. № 1 (41). С. 27–38. doi: 10.11621/npj.2021.0103

Поступила 27 января 2021 / Принята к публикации 21 февраля 2021

Dynamics of russian citizens' social fears during the first and second waves of COVID-19

Victor V. Ermolaev, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-9206-9261

Julia Voroncova*, JSC "Neurocom", Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-0363-5741

Daria K. Nasonova, LLS Polikonius, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-8989-0940

Alena I. Chetverikova, JSC Mosoblenergo, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-1172-1041

*Corresponding author. E-mail: jl.voroncova@gmail.com

Background. The study of the psychological characteristics of social fears during the first wave of COVID-19 indicated that Russian citizens were massively in a state of fear. The persisting threat of a pandemic throughout the year, the inconsistency of managerial decisions in the absence of a coherent strategy to combat COVID-19, obviously create growing social tension in Russia, which is projected onto the psychological level of the state of modern society.

Objective. To identify the dynamics of social fears among Russian citizens during the first and second waves of COVID-19. Hypothesis: there is a tendency for the growth of social fears among Russian citizens during the second wave of COVID-19, while the media continues to form a depressive and depressing "picture of the world".

Design. Psychodiagnostics was carried out remotely using Google forms. Sample size: 497 people. At the first stage (the first wave — March / April, 2020), 253 people were tested. At the second stage (second wave — October / November, 2020), 244 people passed testing, of which 150 took part in the periods of both the first and second waves, and 94 — only during the second wave. At the third stage, statistical analysis was carried out in order to identify the dynamics of social fears.

Results. From the moment COVID-19 began to the peak of the second wave, Russian citizens showed negative dynamics, characterized by: 1) an increase in the experience of social fears associated with failure and defeat, as well as rejection and suppression; 2) an increase in the imbalance of trust caused by the growth of trust in the world and others, as trustworthy sources of information about the current danger, against the background of a steadily reduced trust in oneself; 3) a decrease in optimism and faith in the future with an increase in the intensity of emotional stress, as well as a desire to delegate responsibility for the events of one's own life; 4) a general decrease in efficiency (based on the results of self-report).

Conclusion. The information broadcast by the media about COVID-19 has a systemic psychological impact through the demonstration of a pessimistic "picture of the world", which, creating an aggressive information field literally enveloping the psyche, destroys its self-confidence, social ties and group cohesion, and also fills it with social fears, increasing the sense of social deprivation. The intended consequences will send the psychological community to develop a predictive model for overcoming this situation. In our opinion, the main thing in the work with the consequences of the pandemic is psychological assistance, the basis of which should be the methods of correction of the cognitive-affective sphere of the individual — the return of self-confidence and the transformation of the "picture of the world" of the present and future into a positive one. Particular attention should be paid to increasing collective cohesion and setting group goals that outline the future positive "picture of the world" of Russian society.

Keywords: dynamics of social fears, COVID-19, news feed, picture of the world, trust, locus of control.

For citation: Ermolaev V.V., Voroncova Ju., Nasonova D.K., Chetverikova A.I. (2021). Dynamics of russian citizens' social fears during the first and second waves of COVID-19. National Psychological Journal [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal], 14 (1), 27–38. doi: 10.11621/npj.2021.0103

Received January 27, 2021 / Accepted for publication February 21, 2021

Введение в проблему

Согласно экспертному опросу российских психологов, проведенному Институтом психологии РАН в 2020 году, было установлено ожидание серьезных неблагоприятных психологических последствий из-за переживания пандемии (Ушаков и др., 2020). Примечательно, что подобная тенденция наблюдается

и в других странах. Результаты многочисленных зарубежных исследований свидетельствуют о неблагоприятном воздействии пандемии и связанных с ней ограничительных мер на психологическое здоровье населения (Brooks et al., 2020; Duan et al., 2020; Horesh et al., 2020; Liang et al., 2020; Rajkumar, 2020; Rubin et al., 2020; Salari et al., 2020; Thombs et al., 2020; Torales et al., 2020; Wang et al., 2020; Wu et al., 2020). Установлено массовое и повсеместное пребывание людей в состо-

Виктор Владимирович Ермолаев —

кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии труда и психологического консультирования Московского педагогического государственного университета

ORCID: 0000-0002-9206-9261

<http://mpgu.su/staff/ermolaev-viktor-vladimirovich/>

Victor V. Ermolaev —

PhD in psychological sciences, associate professor of department of labor psychology and psychological counseling Moscow Pedagogical State University

ORCID: 0000-0002-9206-9261

Юлия Воронцова —

младший научный сотрудник отдела разработки методов диагностики функциональных состояний, АО «Нейроком»

ORCID: 0000-0003-0363-5741

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=891811

Julia Voroncova —

Junior Researcher of Functional state diagnostic methods development department, JSC «Neurocom»

ORCID: 0000-0003-0363-5741

Дария Камилевна Насонова —

старший специалист-психофизиолог ООО «Поликониус»

ORCID: 0000-0001-8989-0940

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1070058

Daria K. Nasonova —

Senior Specialist Psychophysicologist, LLS Polikonius

ORCID: 0000-0001-8989-0940

Алена Ивановна Четверикова —

главный специалист Службы безопасности АО «Мособлэнерго»

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1172-1041>

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=764872

Alena I. Chetverikova —

Chief specialist Security service, JSC Mosoblenergo

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1172-1041>

янии тревоги (Mazza et al., 2020; Ozamiz-Etxebarria et al., 2020; Qiu et al., 2020; Taylor et al., 2020; Zheng et al., 2020), страха различного характера (Abdullah, 2020; Fitzpatrick et al., 2020; Lima et al., 2020; Trnka et al., 2020) и паники (Islam et al., 2020).

Изучая динамику социальных страхов и его психологических детерминант на фоне продолжающейся пандемии, целесообразно обратить особое внимание на силу влияния СМИ на психическое состояние населения. Установлено, что воздействие СМИ способно исказить представления об опасности в «картине мира» человека, посредством повышения ситуативной тревожности и изменения отдельных параметров представлений об опасности.

При изучении влияния COVID-19 на психическое здоровье в марте 2020 года канадские ученые прибегли к термину «коронафобия» (Asmundson et al., 2020), который, по мнению ученых США можно рассматривать в качестве маркера тревоги и депрессии в период COVID-19 (Lee et al., 2020). В свою очередь, ученые Индии взяли за разработку концептуальной модели «коронафобии» с целью дальнейшего выявления ее психометрических показателей (Amrit et al., 2020).

Изучая динамику социальных страхов и его психологических детерминант на фоне продолжающейся пандемии, целесообразно обратить особое внимание на силу влияния СМИ на психическое состояние населения. Установлено, что воздействие СМИ способно исказить представления об опасности в «картине мира» человека, посредством повышения ситуативной тревожности и изменения отдельных параметров представлений об опасности (Лаврова и др., 2016). Эти данные подтверждаются результатами актуальных исследований, направленных на изучение воздействия содержания информационно-новостных лент о COVID-19 на состояние населения. Так, результаты исследования в Китае свидетельствуют о взаимосвязи роста общего уровня тревожности с вовлеченностью людей в информационный поток СМИ относительно COVID-19 (Yao, 2020). К сходным результатам пришли и ученые США, которые установили, что стремление людей к получению новостной информации о COVID-19 усиливает исходный уровень их тревожности (Garfin et al., 2020; Stainback et al., 2020). Примечательно, что, проводя исследования на российской выборке о взаимосвязи социальных страхов с вовлеченностью в контент информационно-новостной ленты о COVID-19, мы пришли к аналогичным выводам, свидетельствующим о попадании российских граждан, активно интересующихся новостями о COVID-19, в психологический «замкнутый круг циркуляции страха» (Ермолаев и др., 2020, С. 361).

Изучая отношение россиян к информации о COVID-19, А.Л. Журавлев выявил специфическую устойчивость интереса к информации о COVID-19, транслируемой в сети Интернет, связанной с характером проявления пандемии. По его мнению, чем

выше осознание угрозы от COVID-19, тем интенсивнее проявляется выраженность интереса к ней и, в том числе, к информации о COVID-19 (Журавлев и др., 2020). Вместе с тем, выводы о связи социальных страхов с уровнем вовлеченности в информационный поток о COVID-19 (Ермолаев и др. 2020) подтверждаются результатами научного исследования, проведенного группой ученых США в 2014 г. Они установили, что новости в СМИ можно рассматривать как некий канал распространения информации, которая по негативным последствиям их просмотра опережает силу травмирующих событий на людей, непосредственно в них пострадавших (Holman et al., 2014). Эти данные подтверждают вероятность масштабного заражения эмоциональными состояниями через социальные сети (Adam et al., 2014). Кроме того, по мнению Л.В. Куликова, социальные сети оказывают влияние на формирование ахроматического восприятия, снижающего способность психики человека к целостному отражению мира во всей его полноте (Куликов, 2011).

Развитие психологической науки приносит все новые доказательства того, что информация оказывает значительное влияние на психическое состояние общества. В настоящее время возрастает сила, тотальность и системность информации, ее образность и эмоциональность, воздействующие на мировоззренческие основы, ценности и установки населения, трансформирующие отношение и веру людей в будущее, их идеалы социального взаимодействия и доверие к миру. Обобщая результаты современных отечественных и зарубежных исследований, можно заключить, что ежедневные трансляции повторяющихся новостей о COVID-19 в СМИ по всему миру

В настоящее время возрастает сила, тотальность и системность информации, ее образность и эмоциональность, воздействующие на мировоззренческие основы, ценности и установки населения, трансформирующие отношение и веру людей в будущее, их идеалы социального взаимодействия и доверие к миру.

способствуют формированию устрашающего образа пандемии у населения, тем самым формируя актуальную и перспективную «картину мира» через призму страха.

Системное информационное воздействие, фиксирующее внимание населения на росте смертности и неопределенности перспектив в борьбе с COVID-19, угнетающе действует на психику и способствует формированию дистресса, истощению адаптационных ресурсов, снижению иммунитета и усилению страха за собственную безопасность и безопасность семьи, а также принятию агрессивно-опасной «картины мира». При этом перед психологическим сообществом встает задача не столько оказания психологической поддержки населению во время и после окончания пандемии, сколько организации мероприятий, ориентированных на возвращение людям доверия к

себе, устойчивости когнитивной и эмоциональной сферы.

Среди консолидированных предложений отечественных и зарубежных ученых о формах психологической поддержки населения можно выделить следующие:

- снижение негативного воздействия СМИ и пересмотр формы подачи информации в новостях методом исключения сенсационных и тревожных образов (Holman et al., 2014);
- введение четких принципов освещения информации для журналистов (Horesh et al., 2020);
- акцентирование новостных лент на внимании к будущему, его обсуждение в позитивном эмоциональном ключе при прекращении потока негативной информации, нагнетания тревоги и страхов в СМИ (Юревич и др., 2020).

Проблема заключается еще в том, что СМИ зачастую игнорируют рекомендации ученых по включению эмоционально позитивного контента в информационно-новостную ленту о пандемии.

Помимо обозначенных рекомендаций учеными отмечается острая необходимость в оказании психологической помощи населению (Lima et al., 2020; Ozam-

По нашему мнению, для практической реализации рекомендаций ученых необходимо понимать не только масштаб психологических и социально-психологических «разрушений»: изменение норм коммуникации, когнитивно-аффективной сферы личности, но и динамику этих процессов к моменту пика второй волны COVID-19, что и определило характер и направление настоящего исследования.

iz-Etxebarria et al., 2020; Sun et al., 2020; Chen et al., 2020; Islam et al., 2020), в том числе по следующим направлениям: работа с эмоциональными стрессами (Duan et al., 2020; Horesh et al., 2020; Mazza et al., 2020), обучение психологической грамотности (Юревич и др., 2020) и навыкам саморегуляции (Ермолаев и др., 2020; Бойко и др., 2020), восстановление позитивного образа будущего (Бойко и др., 2020), организация стратегически спланированной дистанционной психологической помощи (Ушаков и др., 2020; Rajkumar et al., 2020; Qiu et al., 2020); а также формирование коллективной сплоченности и соответствующих групповых ценностей и установок (Яницкий, 2020).

По нашему мнению, для практической реализации рекомендаций ученых необходимо понимать не только масштаб психологических и социально-психологических «разрушений»: изменение норм коммуникации, когнитивно-аффективной сферы личности, но и динамику этих процессов к моменту пика второй волны COVID-19, что и определило характер и направление настоящего исследования.

Организация исследования

Цель нашего исследования: изучение динамики социальных страхов у российских граждан в период первой и второй волны COVID-19. Выдвигаемая гипотеза: существует рост социальных страхов у российских

граждан в период второй волны COVID-19 на фоне формирования СМИ депрессивной, угнетающей психику «картины мира». Объектом исследования выступили социальные страхи, а предметом — динамика социальных страхов в период первой и второй волны COVID-19.

Всего в исследовании приняло участие 497 человек, которые проходили психодиагностическое тестирование в период первой (март/апрель 2020 г.) и второй (октябрь/ноябрь 2020 г.) волны COVID-19. В период первой волны COVID-19 тестирование прошли 253 человека с высшим образованием в возрасте от 25 до 45 лет, среди которых 141 женщина и 112 мужчин. В период второй волны COVID-19 были протестированы 244 человека с высшим образованием в возрасте от 25 до 46 лет, среди них 129 женщин и 115 мужчин, 150 человек из них принимали участие в исследовании в период и первой, и второй волны COVID-19, а 94 человека — только в период второй волны. Принимая во внимание глобальный характер коронавирусной инфекции и информационного воздействия СМИ на все слои населения, мы не учитывали гендерные и возрастные различия. В связи с принятыми карантинными мерами, ограничивающими возможность реализации очных встреч, психодиагностическая процедура проводилась дистанционно с применением Google форм, что позволило сформировать выборку, представляющую жителей 23 городов России. В качестве диагностического материала применялись следующие методики:

1) авторская анкета о степени вовлеченности в контент информационно-новостной ленты о COVID-19;

2) опросник «Социальные страхи» Л.Н. Грошевой;

3) методика изучения доверия / недоверия личности миру, другим людям, себе А.Б. Купрейченко;

4) тест-опросник «Уровень субъективного контроля» Е.Ф. Бажина, Е.Л. Гольянкиной, А.М. Эткин;

5) методика определения доминирующего состояния ДС-8 Л.В. Куликова.

Обработка эмпирических данных проводилась при помощи статистических методов исследования с применением процедуры проверки гипотез по непараметрическому U-критерию Манна–Уитни в программе Statistica 10.

Результаты и их обсуждение

1. С целью изучения динамики социальных страхов у российских граждан в период первой и второй волны COVID-19, применялся опросник «Социальные страхи» Л.Н. Грошевой, позволяющий выявить 5 следующих шкал: «страх неудачи и поражения»; «страх неприятия и подавления»; «страх потери»; «страх самостоятельности»; «страх коммуникации».

В результате статистического анализа данных, полученных посредством применения опросника «Социальные страхи» были обнаружены достоверные

различия по шкалам «страх неудачи и поражения» и «страх неприятия и подавления», которые представлены на рис. 1.

Обнаруженные различия в показателях по шкалам «страх неудачи и поражения» ($z = -4,10$ при $p \leq 0,01$), а также «страх неприятия и подавления» ($z = -2,85$ при $p \leq 0,01$) в периоды первой и второй волн COVID-19 свидетельствуют о том, что к моменту пика второй волны COVID-19 наблюдается увеличение интенсивности состояния страха, связанного с субъективным восприятием невозможности противостояния усиливающемуся информационному давлению, с растущим чувством неполноценности в связи с рисками социальных неудач; с вероятностью недостижения поставленных целей и потери социального статуса, с изоляцией от общества или его отвержением, с потерей социальной поддержки и боязнью оказаться никому не нужным, а также с повышением рисков конфликтов в семье или на работе и рисков потери работы, достатка.

2. С целью выявления уровня заинтересованности российских граждан новостями о COVID-19, нами применялась авторская анкета о степени вовлеченности в контент информационно-новостной ленты о COVID-19, включающая в себя 15 вопросов.

В результате статистического анализа данных, полученных посредством применения вышеописанного анкетного опроса, было обнаружено отсутствие достоверных различий в уровне интереса к новостям о COVID-19 в период первой и второй волны ($z = 1,297$, при $p \leq 0,195$). Таким образом, можно утверждать об отсутствующей тенденции роста интереса к новостной ленте о COVID-19 к моменту пика второй волны (рис. 1).

Вышеописанные результаты позволяют под другим углом оценить данные, представленные А.Л. Журавлевым, согласно которым интерес к пандемии COVID-19 порождается чувством опасности, которое, в свою очередь, подчиняет аффективные и когнитивные сферы личности. По его мнению, сложившееся когнитивно-аффективное единство зако-

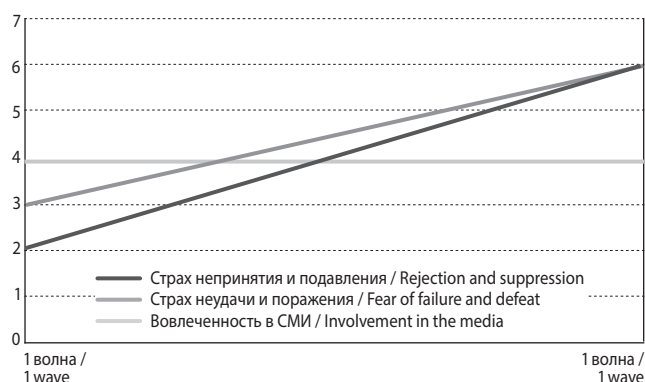

Рис. 1. Динамика социальных страхов и интереса к новостям о COVID-19 у российских граждан в период первой и второй волны COVID-19

Figure 1. Dynamics of social fears and interest in news about COVID-19 among Russian citizens during the first and second waves of COVID-19

номерно проявляется через напряженный интерес к информации о пандемии (Журавлев и др., 2020). Мы полагаем, что отсутствие роста интереса к информации о COVID-19, при росте социальных страхов у российских граждан, объясняется возможным выходом на плато интереса к информации о COVID-19 к моменту пика второй волны.

3. Результаты применения методики изучения доверия/недоверия личности к миру, другим людям, себе А.Б. Купрейченко.

При исследовании феномена доверия, различия в период первой и второй волн пандемии обнаружены только по шкалам доверие к миру ($z = -3,04$ при $p \leq 0,01$) и доверие другим ($z = -2,93$ при $p \leq 0,01$). Полученные данные представлены на рис. 2.

Выявленные различия свидетельствуют об увеличении показателей доверия российских граждан к миру и другим на фоне устойчиво низких показателей доверия к себе. Ранее, изучая доверие при вовлеченности в контент информационно-новостной ленты о первой волне COVID-19, мы установили, что у граждан, активно вовлеченных в новости о COVID-19, имеет место дисбаланс доверия — более выражено доверие к другим на фоне низкого доверия к себе (Ермолаев и др., 2020). Более высокие показатели доверия к миру и другим, обнаруженные на момент пика второй волны COVID-19, свидетельствуют о еще большем увеличении дисбаланса доверия. Результаты показывают, что во время второй волны российским гражданам характерен рост доверия к вакцинации и введению карантинных ограничительных мер, а также к информации, транслируемой СМИ, на фоне сохранения недоверия к себе.

Выявленная динамика роста доверия к миру, воспринимаемому, в том числе, через информационно-новостную ленту о COVID-19, может свидетельствовать о том, что при концентрации внимания человека и социальных групп на значимой информации и, ее принятии, происходит когнитивно-аффективная настройка с ней. В этом контексте информационное пространство является психологически заразным, наполняя включенные в него человека и социальные

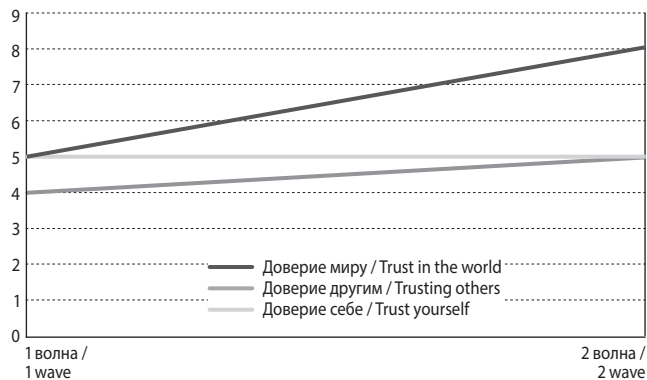

Рис. 2. Динамика доверия российских граждан в период первой и второй волны COVID-19

Figure 2. Dynamics of trust of Russian citizens during the first and second waves of COVID-19

Рис. 3. Динамика уровня субъективного контроля российских граждан в период первой и второй волны COVID-19

Figure 3. Dynamics of the level of subjective control of Russian citizens during the first and second waves of COVID-19

группы тем или иным когнитивно-аффективным контентом, транслируемым СМИ.

4. Результаты применения тест-опросника «Уровень субъективного контроля» Е.Ф. Бажина, Е.Л. Голынкиной, А.М. Эткинд.

Динамика социальных страхов и доверия к моменту пика волны COVID-19 показывает растущее состояние беспомощности при опасности, которое проявляется в усилении показателей экстернальности уровня субъективного контроля. Так, выраженная экстернальность респондентов на этапе первой волны стала еще более выраженной к моменту пика второй волны COVID-19.

Различия были обнаружены в показателях локуса контроля среди шкал общей интернальности «Ио» ($z = 3,60$ при $p \leq 0,01$), интернальности в семейных отношениях «Ис» ($z = 4,28$ при $p \leq 0,01$), а также интернальности производственных отношений «Ип» ($z = 6,90$ при $p \leq 0,01$). Полученные данные представлены на рис. 3.

Выявленные различия свидетельствуют об отрицательной динамике ответственности российских граждан за события собственной жизни, субъективного

В ситуации опасности и неопределенности будущего человек начинает испытывать чувство беспомощности и особо нуждаться в психологической поддержке значимого другого, который обладает ресурсом преодоления опасности или построения позитивной «картины мира» в настоящем и будущем.

ощущения недостаточности личных ресурсов для ограждения себя от опасности в связи с сохранением угрозы пандемии COVID-19. К моменту пика второй волны COVID-19 у российских граждан, принявших участие в настоящем исследовании, имело место желание снять с себя ответственность за недостижение целей в семье и в профессиональной деятельности.

Мы полагаем, что в ситуации опасности и неопределенности будущего человек начинает испытывать чувство беспомощности и особо нуждаться в психологической поддержке значимого другого, который

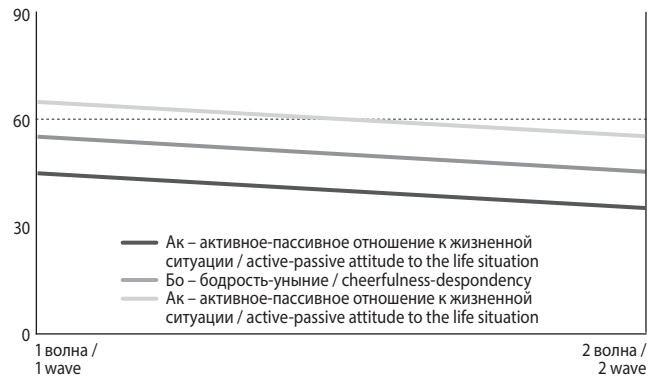

Рис. 4. Динамика психических состояний российских граждан в период первой и второй волны COVID-19

Figure 4. Dynamics of mental states of Russian citizens during the first and second waves of COVID-19

обладает ресурсом преодоления опасности или построения позитивной «картины мира» в настоящем и будущем. Другими словами, человек нуждается в субъекте психологической поддержки, который должен заменить существующую негативную «картину мира», транслируемую СМИ, на позитивную, тем самым формируя для человека благоприятные жизненные перспективы, поддерживая его способности самостоятельно и/или коллективно справиться с опасностью.

В этом контексте особого внимания заслуживает динамика психических состояний.

5. Результаты применения методики определения доминирующего состояния ДС-8 Л.В. Куликова.

Различия в динамике психических состояний в период первой и второй волны COVID-19, обнаружены по шкалам «Ак» — активное-пассивное отношение к жизненной ситуации ($z = 4,89$ при $p \leq 0,01$), «Бо» — бодрость-уныние ($z = 2,65$ при $p \leq 0,01$), «Ра» — раскованность-напряженность ($z = 4,20$ при $p \leq 0,01$). Результаты представлены на рис. 4.

Выявленные различия свидетельствуют о том, что к моменту пика второй волны COVID-19 у респондентов наблюдается снижение оптимизма относительно будущего, а также снижение веры в собственные силы для достижения поставленных целей. Кроме того, наблюдается тенденция стремления к социально одобряемому поведению при увеличении эмоциональной напряженности.

В завершении интерпретации полученных результатов, считаем необходимым сделать акцент на выявленных различиях в самооценке респондентов об эффективности их деятельности к моменту пика второй волны COVID-19, полученных посредством применения авторской анкеты о степени вовлеченности в контент информационно-новостной ленты о COVID-19. Динамика представлена на рис. 5.

В результате статистического анализа были выявлены различия в эффективности деятельности ис-

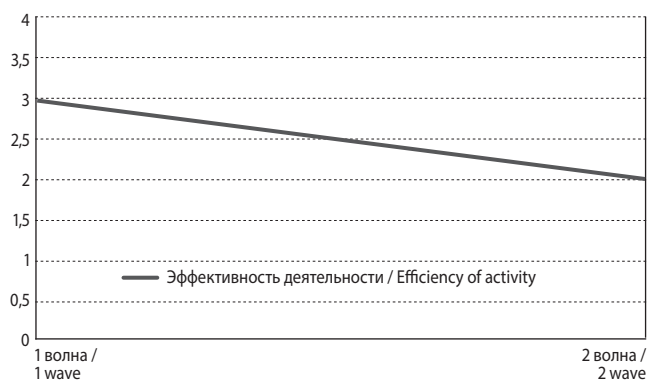

Рис. 5. Динамика эффективности деятельности российских граждан в период первой и второй волны COVID-19

Figure 5. Dynamics of the efficiency of Russian citizens' activities during the first and second waves of covid-19

пытуемых, принявших участие в настоящем исследовании, во время первой и второй волны COVID-19 ($z = -5,06$ при $p \leq 0,01$). Так, эффективность деятельности респондентов, по результатам анкетирования, к моменту пика второй волны COVID-19 значимо понизилась. Полученные данные согласуются с результатами исследования, проведенного в период окончания жестких карантинных мер первой волны COVID-19 (пропускной режим и самоизоляция), согласно которым к завершению карантинных ограничений наблюдалось снижение функционального состояния студентов и общего состояния их здоровья (Сысоева и др., 2020).

Выводы

1. С момента начала COVID-19 к пику второй волны у российских граждан выявлена отрицательная динамика (рост) переживания социальных страхов: неудач и поражения, а также непринятия и подавления.

2. К моменту пика второй волны COVID-19 выявлена тенденция увеличения дисбаланса доверия у российских граждан, обусловленного ростом доверия к миру и другим как заслуживающим доверия источникам информации об актуальной социальной и личной опасности. При этом увеличение дисбаланса доверия происходит на фоне устойчиво сниженного доверия к себе.

3. С момента начала COVID-19 к пику второй волны выявлена отрицательная динамика уровня субъективного контроля, характеризующая рост стремления российских граждан снять с себя ответственность за снижение личных ресурсов для ограждения себя от опасности и неудач в достижении поставленных целей.

4. С момента начала COVID-19 к пику второй волны выявлена отрицательная динамика психических состояний российских граждан, характеризующаяся общим снижением оптимизма и веры в будущее при

увеличении интенсивности эмоционального напряжения.

5. С момента начала COVID-19 к пику второй волны выявлена отрицательная динамика оценки собственной эффективности российскими гражданами.

Заключение

Теоретический анализ и результаты эмпирического исследования динамики социальных страхов первой и второй волн пандемии свидетельствуют о негативном изменении когнитивно-аффективной сферы широких групп населения. Отмечаемая учеными всего мира транслируемая по всем каналам СМИ избирательно негативная информация о COVID-19, о необходимости соблюдения обязательной социальной дистанции и условий самоизоляции, способствует формированию состояния беспомощности у населения перед растущей опасностью. Такая информация оказывает системное психологическое воздействие посредством демонстрации пессимистичной «картины мира» настоящего и будущего. Она, создавая агрессивное информационное поле, буквально обволакивающее психику человека, разрушает его доверие к себе, социальные связи и групповую сплоченность, наполняет его социальными страхами и усиливает ощущение социальной изоляции. Кроме того, по мнению ученых Института психологии РАН, можно ожидать, что у властей некоторых стран по мере нарастания социально-экономических проблем, обусловленных COVID-19, «картина мира» будущего общества будет трансформироваться — концентрироваться на спасении экономики и уходить от планов предоставления психологической помощи населению (Ушаков и др., 2020).

Предполагаемые последствия принятия такой «картины мира» частью российского населения должны нацелить психологическое сообщество на борьбу с последствиями дистресса — негативными изменениями в когнитивно-аффективной сфере личности на фоне снижения иммунитета и роста психосоматических заболеваний. При этом специфика ситуации (динамика социальных страхов первой и второй волн пандемии COVID-19) предполагает активность действий психологического сообщества, которое пока находится в состоянии научного поиска ответа на по-

Главенствующей должна стать психологическая помощь, основу которой составят методы коррекции когнитивно-аффективной сферы личности — возвращение доверия к себе и преобразование «картины мира» настоящего и будущего в позитивную. Особое внимание необходимо уделить повышению коллективной сплоченности и постановке групповых целей, рисующих контур будущей позитивной «картины мира» российского общества.

ступивший вызов — оно пытается «создать точную прогностическую модель преодоления этой ситуации» (Ушаков, 2020, С. 37).

По нашему мнению, нужно пересмотреть формы предоставления психологической помощи населению

после окончания пандемии. Если ранее (по результатам исследования социальных страхов на этапе первой волны COVID-19) мы полагали целесообразным первоочередное предоставление практических психологических технологий гражданам для саморегуляции психического состояния (Ermolaev et al., 2020), то основываясь на результатах выявленной динамики, мы полагаем, что главенствующей должна стать

психологическая помощь, основу которой составят методы коррекции когнитивно-аффективной сферы личности — возвращение доверия к себе и преобразование «картины мира» настоящего и будущего в позитивную. Особое внимание необходимо уделить повышению коллективной сплоченности и постановке групповых целей, рисующих контур будущей позитивной «картины мира» российского общества.

Литература:

- Бойко О.М., Медведева Т.И., Ениколопов С.Н., Воронцова О.Ю., Казьмина О.Ю. Психологическое состояние людей в период пандемии COVID-19 и мишени психологической работы [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2020. Т. 13. № 70 : [сайт]. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 17.12.2020).
- Ермолаев В.В., Насонова Д.К., Воронцова Ю., Четверикова А.И. О соотношении эмоционального интеллекта с уровнем выраженности социальных страхов при вовлеченности в контент информационно-новостной ленты о COVID-19 // Человеческий капитал. 2020. № 11 (143). С. 160–171. doi: 10.25629/HC.2020.11.14.
- Ермолаев В.В., Воронцова Ю., Насонова Д.К., Четверикова А.И. Связь социальных страхов с уровнем доверия к себе и к миру при вовлеченности в информационно-новостную ленту о COVID-19 // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2020. № 8 (186). С. 357–364. doi: 10.34835/issn.2308-1961.2020.8.p357-364.
- Журавлев А.Л., Китова Д.А. Отношение жителей России к информации о пандемии коронавируса (на примере пользователей поисковых систем интернета) // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 4. С. 5–18. doi: 10.31857/S020595920010383-7.
- Куликов Л.В. Социально-психологические аспекты влияния СМИ на сознание // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2011. № 1. С. 3–12.
- Лаврова Е.В., Матвеева Л.В. Содержание новостного дискурса и представление человека об опасности // Психологический журнал. 2016. № 4 (37). С. 5–20.
- Скотникова И.Г., Егорова П.И., Огарков Ю.Л., Жиганов Л.С. Психологические особенности переживания неопределенности при эпидемии COVID-19 // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5. № 2 (18). С. 245–268. doi: 10.38098/ipran.sep.2020.18.2.008.
- Сысоева Е.Ю., Стадник Е.Г., Симинова Е.Т., Татарова С.Ю., Кульгачев Ю.И. Функциональное состояние студентов в условиях самоизоляции // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2020. № 7 (185). С. 378–384. doi: 10.34835/issn.2308-1961.2020.7.p378-384
- Ушаков Д.В. О психологическом механизме передачи вирусной инфекции [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. Наука. № 24. : [сайт]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4501983> (дата обращения 18.12.2020).
- Ушаков Д.В., Юревич А.В., Нестик Т.А., Юревич М.А. Социально-психологические аспекты пандемии COVID-19: результаты экспертного опроса российских психологов // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 5. С. 5–17. doi: 10.31857/S020595920011074-7.
- Юревич А.В. Опыт эмпирической оценки психологического состояния современного российского общества (анализ данных статистики) // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 5. С. 84–94. doi: 10.31857/S020595920006077-0.
- Яницкий О.Н. Восстановление и развитие общества после пандемии [Электронный ресурс] // Официальный портал ФНИСЦ РАН : [сайт]. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=7981>
- Abdullah I. (2020). COVID-19: Threat and fear in Indonesia. *Psychological trauma: theory, research, practice, and policy*. Advance online publication, 12(5), 488–490. URL: <http://dx.doi.org/10.1037/tra0000878> (accessed 17.12.2020). (In Eng.)
- Adam D.I, Kramer, Jamie E, Guillory, Jeffrey T, Hancock (2014). Experimental evidence of massive-scale emotional contagion through social networks. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 111 (24), 8788–8790. doi: 10.1073/pnas.1320040111. (In Eng.)
- Amrit A., Jha A.K., Alat P., Das S.S. (2020). Understanding coronaphobia. *Asian Journal of Psychiatry*, 54: 102384. doi: 10.1016/j.ajp.2020.102384 (In Eng.)
- Asmundson G.J.G., Taylor S. (2020). Coronaphobia: Fear and the 2019-nCoV outbreak. *Journal of Anxiety Disorders*, 70, 102196. URL: <https://doi.org/10.1016/j.janxdis.2020.102196> (accessed 17.12.2020). (In Eng.)
- Brooks S.K., Webster R.K., Smith L.E., Woodland L., Wessely S., Greenberg N., Rubin G.J. (2020). The psychological impact of quarantine and how to reduce it: Rapid review of the evidence. *The Lancet*, 395 (10227), 912–920. URL: <https://medscope.umaryland.edu/pg/cv19/re/Psychological-Impact-of-Quarantine.pdf> (accessed 17.12.2020). (In Eng.)
- Chen Q., Liang M., Li Y., Guo J., Fei D., Wang L., Wang J. (2020). Mental health care for medical staff in China during the COVID-19 outbreak. *The Lancet Psychiatry*, 7 (4), e15–e16. URL: [https://www.thelancet.com/journals/lanpsy/article/PIIS2215-0366\(20\)30078-X/fulltext](https://www.thelancet.com/journals/lanpsy/article/PIIS2215-0366(20)30078-X/fulltext) (accessed 17.12.2020). (In Eng.)
- Duan L., Shao X., Wang Y., Huang Y., Miao J., Yang X., Zhu G. (2020). An investigation of mental health status of children and adolescents in china during the outbreak of COVID-19. *Journal of affective disorders*, 275, 112–118. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0165032720323879> (accessed 17.12.2020). (In Eng.)
- Ermolaev V.V., Sorokoumova E.A., Voronova J., Nasonova D.K., Chetverikova A.I. (2020). Psychological features of social fears associated with the COVID-19 content of news feed in Russia. *Eurasian journal of Bioscience*, 14, 2403–2409.
- Fitzpatrick K.M., Harris C., Drawwe G. (2020). Fear of COVID-19 and the mental health consequences in America. *Psychological trauma: theory, research, practice, and policy*, 12(S1), 17–21. – URL: <https://doi.org/10.1037/tra0000924> (accessed 17.12.2020). (In Eng.)
- Garfin, D.R., Silver, R.C., Holman E.A. (2020). The novel coronavirus (COVID-2019) outbreak: Amplification of public health consequences by media exposure. *Health Psychology*, 39 (5), 355–357. URL: <http://dx.doi.org/10.1037/hea0000875> (accessed 17.12.2020). (In Eng.)

- Holman E.A., Garfin D.R., Silver R.C. (2014). Media's role in broadcasting acute stress following the Boston Marathon bombings. *PNAS*, 111 (1), 93–98 URL: <https://doi.org/10.1073/pnas.1316265110> (accessed 17.12.2020). (In Eng.)
- Horesh D., Brown A.D. (2020). Traumatic stress in the age of COVID-19: A call to close critical gaps and adapt to new realities. *Psychological trauma: theory, research, practice, and policy*, 12 (4), 331–335. URL: <http://dx.doi.org/10.1037/tra0000592> (accessed 17.12.2020). (In Eng.)
- Islam M.S., Ferdous M.Z., Potenza M.N. (2020). Panic and generalized anxiety during the COVID-19 pandemic among Bangladeshi people: An online pilot survey early in the outbreak. *Journal of affective disorders*, 276, 30–37. URL: (accessed 17.12.2020). (In Eng.)
- Lee S.A., Jobe M.C., Mathis A.A., Gibbons J.A. (2020). Incremental validity of coronaphobia: Coronavirus anxiety explains depression, generalized anxiety, and death anxiety. *Journal of anxiety disorders*, 74, 102268. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0887618520300827> (accessed 17.12.2020). (In Eng.)
- Liang L., Ren H., Cao R., Hu Y., Qin Z., Li C., Mei S. (2020). The effect of COVID-19 on youth mental health. *Psychiatric quarterly*. URL: <https://doi.org/10.1007/s1126-020-09744-3> (accessed 17.12.2020). (In Eng.)
- Lima C.K.T., de Medeiros Carvalho P.M., Lima I.D.A.S., de Oliveira Nune, J.V.A., Saraiva J.S., de Souza R.I., da Silva C.G.L., Neto M.L.R. (2020). The emotional impact of Coronavirus 2019-nCoV (new Coronavirus disease). *Psychiatry research*, 287, 112915. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/32199182/> (accessed 17.12.2020). (In Eng.)
- Mazza C., Ricci E., Biondi S., Colasanti M., Ferracuti S., Napoli C., Roma P. (2020). A nationwide survey of psychological distress among Italian people during the COVID-19 pandemic: Immediate psychological responses and associated factors. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17 (9), 3165. URL: <https://www.mdpi.com/1660-4601/17/9/3165> (accessed 17.12.2020). (In Eng.)
- Ozamiz-Etxebarria N., Idoiaga Mondragon N., Dosil Santamaría M., Picaza Gorrotxategi M. (2020). Psychological symptoms during the two stages of lockdown in response to the COVID-19 outbreak: an investigation in a sample of citizens in Northern Spain. *Frontiers in Psychology*, 11, 1491. URL: https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2020.01491/full?&utm_source=Email_to_authors&utm_medium=Email&utm_content=TI_11.5e1_author&utm_campaign=Email_publication&field=&journalName=Frontiers_in_Psychology&id=554695 (accessed 17.12.2020). (In Eng.)
- Qiu J., Shen B., Zhao M., Wang Z., Xie B., Xu Y. (2020). A nationwide survey of psychological distress among Chinese people in the COVID-19 epidemic: implications and policy recommendations. *General psychiatry*, 33(2). URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7061893/> (accessed 17.12.2020). (In Eng.)
- Rajkumar R.P. (2020). COVID-19 and mental health: A review of the existing literature. *Asian journal of psychiatry*, 52, 102066. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1876201820301775> (accessed 17.12.2020). (In Eng.)
- Rubin G.J., Wessely S. (2020). The psychological effects of quarantining a city. *BMJ*. 368: m313. URL: <https://www.med.uminho.pt/pt/covid19/Sade%20Mental/Rubin%202020%20The%20psychological%20effects%20of%20quarantining%20a%20city.pdf> (accessed 17.12.2020). (In Eng.)
- Salari N., Hosseini-Far A., Jalali R., Vaisi-Raygani A., Rasoulpoor S., Mohammadi M., Rasoulpoor S., Khaledi-Paveh B. (2020). Prevalence of stress, anxiety, depression among the general population during the COVID-19 pandemic: a systematic review and meta-analysis. *Globalization and health*, 16 (1), 1–11. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7338126/> (accessed 17.12.2020). (In Eng.)
- Stainback, K., Hearne, B.N., Trieu, M.M. (2020). COVID-19 and the 24/7 News Cycle: Does COVID-19 News Exposure Affect Mental Health? *Socius*, 6. URL: <https://doi.org/10.1177/2378023120969339> (accessed 17.12.2020). (In Eng.)
- Sun S., Lin D., Operario D. (2020). Need for a population health approach to understand and address psychosocial consequences of COVID-19. *Psychological trauma: Theory, research, practice, and policy*, 12 (S1), S25–S27. URL: <http://dx.doi.org/10.1037/tra0000618> (accessed 17.12.2020). (In Eng.)
- Taylor S., Landry C.A., Paluszek M.M., Fergus T.A., McKay D., Asmundson G.J. (2020). COVID stress syndrome: Concept, structure, and correlates. *Depression and anxiety*, 37 (8), 706–714. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1002/da.23071> (accessed 17.12.2020). (In Eng.)
- Thombs B.D et al. (2020). Curating evidence on mental health during COVID-19: A living systematic review. *Journal of psychosomatic research*, 133, 110113. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7185913/> (accessed 17.12.2020). doi:10.1016/j.jpsychores.2020.110113 (In Eng.)
- Torales J., O'Higgins M., Castaldelli-Maia J.M., Ventriglio A. (2020). The outbreak of COVID-19 coronavirus and its impact on global mental health. *The International Journal of Social Psychiatry*, 66 (4). URL: <https://doi.org/10.1177/0020764020915212> (accessed 17.12.2020). (In Eng.)
- Trnka R., Lorencova R. (2020). Fear, anger, and media-induced trauma during the outbreak of COVID-19 in the Czech Republic. *Psychological trauma: theory, research, practice, and policy*, 12 (5), 546–549. URL: <https://doi.org/10.1037/tra0000675> (accessed 17.12.2020). (In Eng.)
- Wang C., Pan R., Wan X., Tan Y., Xu L., Ho C.S., Ho R.C. (2020). Immediate psychological responses and associated factors during the initial stage of the 2019 coronavirus disease (COVID-19) epidemic among the general population in China. *International journal of environmental research and public health*, 17 (5), 1729. URL: <https://www.mdpi.com/1660-4601/17/5/1729/htm> (accessed 17.12.2020). (In Eng.)
- Wu L., Guo X., Shang Z., Sun Z., Jia Y., Sun L., Liu W. (2020). China experience from COVID-19: Mental health in mandatory quarantine zones urgently requires intervention. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*, 12 (S1). URL: <https://doi.org/10.1037/tra0000609> (accessed 17.12.2020). (In Eng.)
- Yao H. (2020). The more exposure to media information about COVID-19, the more distressed you will feel. *Brain Behav Immun*, 87, 167–169. (accessed 17.12.2020). doi: 10.1016/j.bbi.2020.05.031 (In Eng.)
- Zheng L., Miao Miao, JiYoon L., Maorui L., Shu N., Xiaojun Zh. (2020). Is Lockdown Bad for Social Anxiety in COVID-19 Regions?: A National Study in The Sor Perspective. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17 (12), 4561. URL: <https://read.qxmd.com/read/32599911/is-lockdown-bad-for-social-anxiety-in-covid-19-regions-a-national-study-in-the-sor-perspective> (accessed 17.12.2020). (In Eng.)

References:

- Abdullah I. (2020). COVID-19: Threat and fear in Indonesia. *Psychological trauma: theory, research, practice, and policy*. Advance online publication, 12 (5), 488–490. URL: <http://dx.doi.org/10.1037/tra0000878> (accessed 17.12.2020). (In Eng.)
- Adam D.I. Kramer, Jamie E. Guillory, Jeffrey T. Hancock (2014). Experimental evidence of massive-scale emotional contagion through social networks. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 111(24), 8788–8790. doi: 10.1073/pnas.1320040111. (In Eng.)
- Amrit A., Jha A.K., Alat P., Das S.S. (2020). Understanding coronaphobia. *Asian Journal of Psychiatry*, 54. 102384. doi: 10.1016/j.ajp.2020.102384 (In Eng.)
- Asmundson G.J.G., Taylor S. (2020). Coronaphobia: Fear and the 2019-nCoV outbreak. *Journal of Anxiety Disorders*, 70, 102196. URL: <https://doi.org/10.1016/j.janxdis.2020.102196> (accessed 17.12.2020).
- Boiko O.M., Medvedeva T.I., Enikolopov S.N., Vorontsova O.Yu., Kaz'mina O.Yu. (2020). People's psychological state during the COVID-19 pandemic and targets of psychological work [Electronic resource]. *Studies in psychology. [Psikhologicheskie issledovaniya]*, 13 (70): [site]. URL: <http://psystudy.ru> – (accessed 17.12.2020). (In Russ.)
- Brooks S.K., Webster R.K., Smith L.E., Woodland L., Wessely S., Greenberg N., Rubin G.J. (2020). The psychological impact of quarantine and how to reduce it: Rapid review of the evidence. *The Lancet*, 395 (10227), 912–920. URL: <https://medscape.uma-ryland.edu/pg/cv19/re/Psychological-Impact-of-Quarantine.pdf> (accessed 17.12.2020). doi: 10.1016/S0140-6736(20)30460-8 (In Eng.)
- Chen Q., Liang M., Li Y., Guo J., Fei D., Wang L., Wang J. (2020). Mental health care for medical staff in China during the COVID-19 outbreak. *The Lancet Psychiatry*, 7 (4), e15–e16. URL: [https://www.thelancet.com/journals/lanpsy/article/PIIS2215-0366\(20\)30078-X/fulltext](https://www.thelancet.com/journals/lanpsy/article/PIIS2215-0366(20)30078-X/fulltext) (accessed 17.12.2020). doi: 10.1016/S2215-0366(20)30078-X (In Eng.)
- Duan L., Shao X., Wang Y., Huang Y., Miao J., Yang X., Zhu G. (2020). An investigation of mental health status of children and adolescents in china during the outbreak of COVID-19. *Journal of affective disorders*, 275, 112–118. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0165032720323879> (accessed 17.12.2020). doi: 10.1016/j.jad.2020.06.029 (In Eng.)
- Ermolaev V.V., Sorokoumova E.A., Voroncova J., Nasonova D.K., Chetverikova A.I. (2020). Psychological features of social fears associated with the COVID-19 content of news feed in Russia. *Eurasian journal of Bioscience*, 14, 2403–2409 Scopus.
- Ermolaev V.V., Nasonova D.K., Vorontsova Yu., Chetverikova A.I. (2020). On the correlation between emotional intellect and level of social fears in people involved in reading news feed on COVID-19. *Human resource. [Chelovecheskii kapital]*, 11 (143), 160–171. doi: 10.25629/HC.2020.11.14. (In Russ.)
- Ermolaev V.V., Vorontsova Yu., Nasonova D.K., Chetverikova A.I. (2020) Correlation between social fears and level of confidence in oneself and the world in people involved in reading news feed on COVID-19. *Scientific bulletin of P.F. Lesgaft University. [Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta]*, 8 (186), 357–364. doi: 10.34835/issn.2308-1961.2020.8.p357-364 (In Russ.)
- Fitzpatrick K.M., Harris C., Drawwe G. (2020). Fear of COVID-19 and the mental health consequences in America. *Psychological trauma: theory, research, practice, and policy*, 12(S1), 17–21. – URL: <https://doi.org/10.1037/tra0000924> (accessed 17.12.2020). (In Eng.)
- Garfin, D.R., Silver, R.C., Holman E.A. (2020). The novel coronavirus (COVID-2019) outbreak: Amplification of public health consequences by media exposure. *Health Psychology*, 39 (5), 355–357. <http://dx.doi.org/10.1037/hea0000875> (accessed 17.12.2020). (In Eng.)
- Holman E.A., Garfin D.R., Silver R.C. (2014). Media's role in broadcasting acute stress following the Boston Marathon bombings. *PNAS*, 111 (1), 93–98 <https://doi.org/10.1073/pnas.1316265110> (accessed 17.12.2020). (In Eng.)
- Horesh D., Brown A.D. (2020). Traumatic stress in the age of COVID-19: A call to close critical gaps and adapt to new realities. *Psychological trauma: theory, research, practice, and policy*, 12 (4), 331–335. URL: <http://dx.doi.org/10.1037/tra0000592> (accessed 17.12.2020). (In Eng.)
- Islam M.S., Ferdous M.Z., Potenza M.N. (2020). Panic and generalized anxiety during the COVID-19 pandemic among Bangladeshi people: An online pilot survey early in the outbreak. *Journal of affective disorders*, 276, 30–37. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0165032720324460> (accessed 17.12.2020). doi: 10.1016/j.jad.2020.06.049 (In Eng.)
- Kulikov L.V. (2011). Socio-psychological aspects of the influence of media on the mind. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psihologiya. Sociologiya. Pedagogika*, 1, 3–12. (In Russ.)
- Lavrova E.V., Matveeva L.V. (2016). Content of news discourse and people's idea of danger. *Journal of psychology. [Psikhologicheskii zhurnal]*, 4 (37), 5–20. (In Russ.)
- Lee S.A., Jobe M.C., Mathis A.A., Gibbons J.A. (2020). Incremental validity of coronaphobia: Coronavirus anxiety explains depression, generalized anxiety, and death anxiety. *Journal of anxiety disorders*, 74, 102268. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0887618520300827> (accessed 17.12.2020). doi: 10.1016/j.janxdis.2020.102268 (In Eng.)
- Liang L., Ren H., Cao R., Hu Y., Qin Z., Li C., Mei S. (2020). The effect of COVID-19 on youth mental health. *Psychiatric quarterly*. URL: <https://doi.org/10.1007/s1126-020-09744-3> (accessed 17.12.2020). (In Eng.)
- Lima C.K.T., de Medeiros Carvalho P.M., Lima I.D.A.S., de Oliveira Nune, J.V.A., Saraiva J.S., de Souza R.I., da Silva C.G.L., Neto M.L.R. (2020). The emotional impact of Coronavirus 2019-nCoV (new Coronavirus disease). *Psychiatry research*, 287, 112915. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/32199182/> (accessed 17.12.2020). doi: 10.1016/j.psychres.2020.112915 (In Eng.)
- Mazza C., Ricci E., Biondi S., Colasanti M., Ferracuti S., Napoli C., Roma P. (2020). A nationwide survey of psychological distress among Italian people during the COVID-19 pandemic: Immediate psychological responses and associated factors. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17 (9), 3165. URL: <https://www.mdpi.com/1660-4601/17/9/3165> (accessed 17.12.2020). doi: 10.3390/ijerph17093165 (In Eng.)
- Ozamiz-Etxebarria N., Idoiaga Mondragon N., Dosil Santamaria M., Picaza Gorrotxategi M. (2020). Psychological symptoms during the two stages of lockdown in response to the COVID-19 outbreak: an investigation in a sample of citizens in Northern Spain. *Frontiers in Psychology*, 11, 1491. URL: https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2020.01491/full?utm_source=E-

- mail_to_authors&utm_medium=Email&utm_content=T1_11.5e1_author&utm_campaign=Email_publication&field=&journalName=Frontiers_in_Psychology&id=554695 (accessed 17.12.2020). doi: 10.3389/fpsyg.2020.01491 (In Eng.)
- Qiu J., Shen B., Zhao M., Wang Z., Xie B., Xu Y. (2020). A nationwide survey of psychological distress among Chinese people in the COVID-19 epidemic: implications and policy recommendations. *General psychiatry*, 33 (2). URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7061893/> (accessed 17.12.2020). (In Eng.)
- Rajkumar R.P. (2020). COVID-19 and mental health: A review of the existing literature. *Asian journal of psychiatry*, 52, 102066. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1876201820301775> (accessed 17.12.2020). doi: 10.1016/j.ajp.2020.102066 (In Eng.)
- Rubin G.J, Wessely S. (2020). The psychological effects of quarantining a city. *BMJ*. 368: m313. URL: <https://www.med.uminho.pt/pt/covid19/Sade%20Mental/Rubin%202020%20The%20psychological%20effects%20of%20quarantining%20a%20city.pdf> (accessed 17.12.2020). doi: 10.1136/bmj.m313 (In Eng.)
- Salari N., Hosseini-Far A., Jalali R., Vaisi-Raygani A., Rasoulpoor S., Mohammadi M., Rasoulpoor S., Khaledi-Paveh B. (2020). Prevalence of stress, anxiety, depression among the general population during the COVID-19 pandemic: a systematic review and meta-analysis. *Globalization and health*, 16 (1), 1–11. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7338126/> (accessed 17.12.2020). doi: 10.1186/s12992-020-00589-w (In Eng.)
- Skotnikva I.G., Egorova P.I., Ogarkov Yu.L., Zhiganov L.S. (2020). Psychological features of experiencing uncertainty in the course of COVID-19 pandemic. *Institute of psychology of RAS. Social and economics psychology. [Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya]*, 5, 2 (18), 245–268. (accessed 17.12.2020). doi: 10.38098/ipran.sep.2020.18.2.008 (In Russ.)
- Stainback, K., Hearne, B.N., Trieu, M.M. (2020). COVID-19 and the 24/7 News Cycle: Does COVID-19 News Exposure Affect Mental Health? *Socius*, 6. URL: <https://doi.org/10.1177/2378023120969339> (accessed 17.12.2020). (In Eng.)
- Sun S., Lin D., Operario D. (2020). Need for a population health approach to understand and address psychosocial consequences of COVID-19. *Psychological trauma: Theory, research, practice, and policy*, 12(S1), S25–S27. URL: <http://dx.doi.org/10.1037/tra0000618> (accessed 17.12.2020). (In Eng.)
- Sysoeva E.Y., Stadnik E.G., Simina T.E., Tatarova S.Y., Kulgachev Y.I. (2020). Functional state of students in conditions of self-isolation. *Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgaft*, 7 (185) 378–384. (accessed 17.12.2020). doi: 10.34835/issn.2308-1961.2020.7.p378-384 (In Russ.)
- Taylor S., Landry C.A., Paluszek M.M., Fergus T.A., McKay D., Asmundson G.J. (2020). COVID stress syndrome: Concept, structure, and correlates. *Depression and anxiety*, 37 (8), 706–714. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1002/da.23071> (accessed 17.12.2020). doi: 10.1002/da.23071 (In Eng.)
- Thombs B.D et al. (2020). Curating evidence on mental health during COVID-19: A living systematic review. *Journal of psychosomatic research*, 133, 110113. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7185913/> (accessed 17.12.2020). doi: 10.1016/j.jpsychores.2020.110113 (In Eng.)
- Torales J., O'Higgins M., Castaldelli-Maia J.M., Ventriglio A. (2020). The outbreak of COVID-19 coronavirus and its impact on global mental health. *The International Journal of Social Psychiatry*, 66 (4). URL: <https://doi.org/10.1177/0020764020915212> (accessed 17.12.2020). (In Eng.)
- Trnka R., Lorencova R. (2020). Fear, anger, and media-induced trauma during the outbreak of COVID-19 in the Czech Republic. *Psychological trauma: theory, research, practice, and policy*, 12 (5), 546–549. URL: <https://doi.org/10.1037/tra0000675> (accessed 17.12.2020). (In Eng.)
- Ushakov D.V. About psychological mechanism of transmission of viral infection. *Kommersant Nauka*. Retrieved from: <https://www.kommersant.ru/doc/4501983> (accessed 18.12.2020)
- Ushakov D.V, Yurevich A.V., Nestik T.A., Yurevich M.A. (2020). Socio-psychological aspects of the COVID-19 pandemic: results of an expert survey of russian psychologists. *Psichologicheskij zhurnal*, 41, 5, 5–17. (accessed 17.12.2020). DOI: 10.31857/S020595920011074-7 (In Russ.)
- Wang C., Pan R., Wan X., Tan Y., Xu L., Ho C.S., Ho R.C. (2020). Immediate psychological responses and associated factors during the initial stage of the 2019 coronavirus disease (COVID-19) epidemic among the general population in China. *International journal of environmental research and public health*, 17 (5), 1729. URL: <https://www.mdpi.com/1660-4601/17/5/1729/htm> (accessed 17.12.2020). doi: 10.3390/ijerph17051729 (In Eng.)
- Wu L., Guo X., Shang Z., Sun Z., Jia Y., Sun L., Liu W. (2020). China experience from COVID-19: Mental health in mandatory quarantine zones urgently requires intervention. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*, 12 (S1). URL: <https://doi.org/10.1037/tra0000609> (accessed 17.12.2020). (In Eng.)
- Yanitsky O.N. (2020). A society restoration and development after the pandemics. *Oficial'nyj portal FNISC RAN*, 8. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=7981> (accessed 17.12.2020). (In Russ.)
- Yao H. (2020). The more exposure to media information about COVID-19, the more distressed you will feel. *Brain Behav Immun*, 87, 167–169. (accessed 17.12.2020). doi: 10.1016/j.bbi.2020.05.031 (In Eng.)
- Yurevich A.V. (2019). The experience of empirical estimate of psychological state of modern russian society (statistical data analysis). *Psichologicheskij zhurnal*, 40, 5, 84–94. (accessed 17.12.2020). doi: 10.31857/S020595920006077-0 (In Russ.)
- Zheng L., Miao Miao, JiYoon L., Maorui L., Shu N., Xiaojun Zh. (2020). Is Lockdown Bad for Social Anxiety in COVID-19 Regions?: A National Study in The SOR Perspective. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17 (12), 4561. URL: <https://read.qxmd.com/read/32599911/is-lockdown-bad-for-social-anxiety-in-covid-19-regions-a-national-study-in-the-sor-perspective> (accessed 17.12.2020). doi: 10.3390/ijerph17124561 (In Eng.)
- Zhuravlev A.L., Kitova D.A. (2020). Russian people's attitude to information regarding the coronavirus pandemic (the example of internet search engine users). *Journal of psychology. [Psichologicheskij zhurnal]*, 41 (4), 5–18. doi: 10.31857/S020595920010383-7 (In Russ.)

Оригинальная статья

УДК 159.923, 159.9.07, 378.048.2
doi: 10.11621/npj.2021.0104

Социально-психологические особенности ценностных ориентаций аспирантов

В.С. Собкин, Российская академия образования, Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-2339-9080

М.М. Смылова*, Российская академия образования, Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-4114-5316

Д.В. Адамчук, Российская академия образования, Москва, Россия

ORCID: 0000-0003-2431-690X

*Для контактов. E-mail: smyslovamaria@yandex.ru

Актуальность (контекст) тематики статьи. На фоне отмечаемой исследователями кризисной ситуации в системе подготовки научных кадров и дефицита аспирантов, пополняющих кадровый состав отечественных научных учреждений, крайне важным представляется изучение специфики мотивационно-ценностной сферы личности аспирантов.

Цель работы. Анализ социально-психологических особенностей ценностных ориентаций аспирантов.

Описание хода исследования. Статья основана на материалах мониторингового анонимного анкетного опроса аспирантов, который был проведен в 2019 году сотрудниками Информационно-аналитического центра РАО. Эмпирические данные обрабатывались с использованием методов математической статистики (пакеты статистических программ SPSS и StatSoft Statistica). В исследовании приняли участие учащиеся аспирантуры научно-исследовательских организаций, занимающихся подготовкой аспирантов в области наук об образовании, а также педагогических вузов Москвы, Санкт-Петербурга и других регионов РФ. Всего опрошено 803 респондента.

В настоящей работе рассмотрена иерархия жизненных ценностей аспирантов, исследовано влияние социально-демографических, социально-стратификационных и социально-психологических факторов на значимость жизненных ценностей аспирантов.

Результаты исследования. Выявлено, что лидирующие позиции в структуре жизненных ценностей аспирантов занимают «семья», «хорошее здоровье» и «материальное благополучие», а также высшие ценности, связанные с самоактуализацией личности. Показано, что ценностные ориентации аспирантов определяются влиянием ряда социально-демографических (пол, возраст, наличие и состав семьи), социально-стратификационных (материальное положение, образовательный статус родителей) и социально-психологических (отчетливость представлений аспирантов о своем будущем, эмоциональная оценка собственных перспектив, наличие эмиграционных планов) факторов. Сопоставление мнений аспирантов и научных сотрудников выявило более высокую ориентированность аспирантов на ценности, связанные с самоактуализацией.

Выводы. Ядро структуры жизненных ценностей аспирантов, помимо базовых, составляют ценности, связанные с самоактуализацией личности. Ценностные ориентации аспирантов определяются рядом социально-демографических, социально-стратификационных и социально-психологических факторов. Структура жизненных ценностей аспирантов существенно изменяется в соответствии с задачами возрастного развития на разных возрастных этапах. Смена семейного социального статуса аспирантов перестраивает структуру их жизненных ценностей. Перестройка структуры жизненных ценностей аспирантов в соответствии с иерархией, характерной для представителей «западных» стран, способствует формированию эмиграционных установок.

Ключевые слова: аспирантура, подготовка научных и научно-педагогических кадров, ценностные ориентации, демографические факторы, социально-стратификационные факторы, социально-психологическое благополучие, сформированность планов, оценка жизненных перспектив, эмиграционные планы.

Для цитирования: Собкин В.С., Смылова М.М., Адамчук Д.В. Социально-психологические особенности ценностных ориентаций аспирантов // Национальный психологический журнал. 2021. № 1 (41). С. 39–52. doi: 10.11621/npj.2021.0104

Поступила 21 октября 2020/ Принята к публикации 12 ноября 2020

Socio-psychological features of value orientations in postgraduate students

Vladimir S. Sobkin, Russian Academy of Education (RAE) Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-2339-9080

Maria M. Smyslova*, Russian Academy of Education (RAE) Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-4114-5316

Dmitriy V. Adamchuk, Russian Academy of Education (RAE) Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-2431-690X

*Corresponding author. E-mail: smyslovamaria@yandex.ru

Background. In the present situation, which certain studies describe as a crisis in the system of research staff training and which is characterized by low number of postgraduate students filling up the staff of scientific institutions, it is extremely important to study the specifics of motivation and value sphere of postgraduate students' personality.

Objective. Analysis of the socio-psychological characteristics that postgraduate students' values have.

Design. The study is based on a monitoring questionnaire survey of graduate students conducted in 2019 by employees of the RAO Information and the analytical center. The empirical data were processed using methods of mathematical statistics (statistical software packages SPSS and StatSoft Statistica).

The study involved students of postgraduate research bodies that train postgraduate students in the field of education sciences, as well as postgraduates of pedagogical universities situated in Moscow, St. Petersburg and in other regions of the Russian Federation. A total of 803 respondents were interviewed.

The study was aimed at assessing the hierarchy of life values in graduate students and the influence of socio-demographic factors, social stratification, and socio-psychological factors on the relevance of postgraduate students' life values.

Results. The results of the study indicate that the leading positions in the structure of postgraduate students' life values are occupied by basic values ("family", "good health" and "material well-being") and by the most relevant values associated with self-actualization. It is shown that the value orientations of postgraduate students are determined by the influence of a number of socio-demographic factors (gender, age, presence and composition of the family), social stratification (financial status, educational status of parents) and socio-psychological factors (having or not clear-cut future plans, emotional assessment of one's prospects, having or not emigration plans) factors. The comparison of the opinions of postgraduates and research staff showed that postgraduates are more focused on values related to self-actualization, as well as on traditionalist values.

Conclusions. The core of postgraduate students' life values structure is formed by the basic values and, in addition, the values related to self-actualization of individual. The value orientations of postgraduate students are determined by a number of socio-demographic factors, social stratification and socio-psychological factors. It was found out that at a certain age the structure of life values in postgraduate students changes significantly, in accordance with the aims of age development. It is shown that changes in graduate students' family status make them reconsider the structure of life values. It is also noted that the restructuring of life values in graduate students, when it proceeds in accordance with the values of natives in "Western" countries, contributes to the formation of emigration attitudes.

Keywords: postgraduate studies, training of scientific and scientific-pedagogical staff, values, value orientations, demographic factors, social stratification factors, socio-psychological well-being, formation of plans, assessment of prospects, emigration plans.

For citation: Sobkin V.S., Smyslova M.M., Adamchuk D.V. (2021). Socio-psychological features of value orientations in postgraduate students. National Psychological Journal [Natsional'nyy psikhologicheskiy zhurnal], 14 (1), 39–52. doi: 10.11621/npj.2021.0104

Received October 21, 2020 / Accepted for publication November 12, 2020

Введение

Ценности являются междисциплинарным научным понятием, которое рассматривается в рамках различных подходов в философии, культурологии, социологии, психологии. В настоящее время существует множество определений понятия «ценность». В целом ценности можно определить как объекты, явления, их свойства или абстрактные идеи, воплощающие в себе идеалы и выступающие в качестве эталона должного (Здравомыслов, 1986; Фролов, 2006; Чавчавадзе, 1984; Ядов, 1979 и др.).

В научной литературе принято классифицировать ценности на основе видов или сфер человеческой деятельности. Так, например, различают материальные, социальные и духовные ценности (Тугаринов, 1988). В настоящее время в отечественных психологических работах широко используются введенные М. Рокичем в 1970-е годы понятия терминальные (выражают идеалы, цели, смысловые ориентации людей) и инструментальные (ценности — средства деятель-

ности) ценности (Rokeach, 1973). В основе терминальных ценностей лежит мотивационно-целевой компонент, в основе инструментальных — процессуальный. Также широко известна классификация Ш. Шварца (Schwartz, 1992), который постулировал существование 10-ти типов ценностей, характерных для всех культур, каждый из которых может быть упорядочен по двум измерениям: открытость/сохранение и самотрансценденция/самосовершенствование (Schwartz et al., 2001, 2012). Эта теория была подтверждена в ряде современных работ (Roccas et al., 2017, Coelho et al., 2018, Hanel et al., 2018), в том числе при исследовании ценностных ориентаций детей (Collins et al., 2017; Lee et al., 2017). В соответствии с иерархией потребностей А. Маслоу выделяют низшие ценности, которые связаны с удовлетворением физиологических потребностей (жизнь в удовольствие, благополучие); ценности, связанные с удовлетворением потребности в безопасности (здоровье, безопасность); ценности, связанные с удовлетворением потребности в социальных контактах (любовь, семья, общение); ценности, связанные с удовлетворением потребности в самоуважении

Владимир Самуилович Собкин — доктор психологических наук, профессор, академик Российской академии образования, руководитель Информационно-аналитического центра Российской академии образования (ФГБУ РАО)

ORCID: 0000-0002-2339-9080

https://istina.msu.ru/profile/Vladimir_Sobkin/

Vladimir S. Sobkin —

PhD in Psychology, professor, member of the Russian Academy of Education (RAE)

ORCID: 0000-0002-2339-9080

Мария Михайловна Смыслова —

аналитик Информационно-аналитического центра Российской академии образования (ФГБУ РАО)

ORCID: 0000-0002-4114-5316

<http://socioedu.ru/node/173>

Maria M. Smyslova —

analyst of the Information and analytical center, Russian academy of education

ORCID: 0000-0002-4114-5316

Дмитрий Владимирович Адамчук —

ведущий аналитик Информационно-аналитического центра Российской академии образования (ФГБУ РАО)

ORCID: 0000-0003-2431-690X

<https://istina.msu.ru/profile/adamchuck/>

Dmitriy V. Adamchuk —

leading analyst of the Information and analytical center, Russian academy of education

ORCID: 0000-0003-2431-690X

(интересная работа, общественная признание, самостоятельность); и высшие ценности, связанные с самоактуализацией личности (продуктивная жизнь, свобода, творчество, познание) (Плюснин, Давыдова, 1996). В. Гувейя в функциональной теории ценностей различает ценности, с учетом того, какие функции они выполняют — выражают ли ценности потребности или направляют действия (Gouveia, 2013; Gouveia et al., 2014).

Э. Фромм делал особый акцент на необходимости различения официально признанных осознаваемых ценностей (религиозные и гуманистические) и действительных бессознательных (выступающих в роли непосредственных мотивов поведения). Эти две категории ценностей образуют иерархию, в которой высшие определяют все прочие. При этом важная роль отводится и базовым морально-этическим установкам (двум способам бытия): «быть или иметь» (Fromm, 2008).

Ценности являются устойчивыми мотивационными образованиями, мотивирующее действие которых не ограничивается конкретной деятельностью или ситуацией, а соотносится с жизнедеятельностью человека в целом (Леонтьев Д.А., 1997). В этом отношении ценностные ориентации личности, с извест-

Ценности являются устойчивыми мотивационными образованиями, мотивирующее действие которых не ограничивается конкретной деятельностью или ситуацией, а соотносится с жизнедеятельностью человека в целом.

ными оговорками, можно рассматривать как особые иерархически организованные психологические образования в структуре личности (Яницкий, 2000). Таким образом, хотя система ценностных ориентаций является одним из основных источников мотивации человека, наряду с потребностями и мотивами, она детерминирует его поведение именно в наиболее значимых ситуациях социальной активности. Это такие ситуации, где выражается отношение личности к жизненным целям, к средствам их удовлетворения в соответствии с жизненными обстоятельствами, которые, в свою очередь, определяются общими социальными условиями и типом общества.

Интерес к изучению проблемы ценностей существенно возрастает в период кризисов, связанных с культурными, этическими, идеологическими изменениями, и сопряженной с ними переоценкой ценностей (Вязникова, 2002; Равкин, 1995). Заметим, что за последние три десятилетия произошло весьма заметное институциональное смещение науки в нижние слои социальной структуры, что проявляется в снижении престижа профессии ученого, его социального статуса, сокращения участия ученых во власти (Мехришвили, Скрауч, 2012). Эти изменения привели к значительному дефициту аспирантов, остающихся после обучения работать в академической среде. При этом отмечают и существенные изменения в мотивационно-целевых аспектах деятельности ученых

нового поколения (Темнова, Шевченко, 2012). В связи с этим особый интерес представляет изучение специфики мотивационно-ценностной сферы личности аспирантов. Несмотря на то, что в литературе исследование ценностей представлено достаточно широко, работ по изучению социально-психологических особенностей ценностей ученых как социально-профессиональной группы (и тем более аспирантов) немного. Данный аспект требует отдельного изучения.

Проведение исследования

Целью нашего исследования стало изучение социально-психологических особенностей ценностных ориентации аспирантов.

Предмет исследования: содержание, структура и динамика ценностей аспирантов в зависимости от социально-демографических, социально-стратификационных и социально-психологических факторов.

Исследование строилось на следующих предположениях:

1) высшие ценности, связанные с самоактуализацией личности («успешная научная деятельность», «развитие своего творческого потенциала» и «познание,

расширение кругозора») входят в ядро значимых жизненных ценностей аспирантов наряду с базовыми («хорошее здоровье», «семья», «материальное благополучие»);

2) на различных возрастных этапах структура жизненных ценностей аспирантов существенно изменяется в соответствии с основными задачами возрастного развития;

3) смена семейного социального статуса аспирантов (брак, переход в социально-ролевую позицию родителя) перестраивает структуру ценностных ориентаций, повышая значимость традиционалистских семейных ценностей;

4) своеобразие ценностных ориентаций аспирантов зависит от характера их социально-психологического самочувствия.

Данная работа продолжает линию исследований ИАЦ РАО, посвященных изучению социально-психологических особенностей исследователей в сфере образования, где особое внимание уделено выявлению особенностей их жизненных ценностей (Собкин и др., 2018, 2017). Это позволяет сопоставить ответы на аналогичные вопросы аспирантов и научных сотрудников. Подобное сравнение дает возможность

За последние три десятилетия произошло весьма заметное институциональное смещение науки в нижние слои социальной структуры, что проявляется в снижении престижа профессии ученого, его социального статуса, сокращения участия ученых во власти.

охарактеризовать общие тенденции в профессиональном становлении современных ученых.

Материал статьи структурирован относительно четырех разделов. В первом разделе рассмотрена иерархия жизненных ценностей аспирантов, во вто-

ром — исследовано влияние социально-демографических факторов на значимость жизненных ценностей аспирантов, в третьем — проанализировано влияние социально-стратификационных факторов на значимость жизненных ценностей аспирантов, четвертый раздел статьи посвящен исследованию влияния социально-психологического самочувствия аспирантов (отчетливость их представлений о будущем, эмоциональная оценка жизненной успешности, наличие эмиграционных планов) на значимость жизненных ценностей.

Настоящая статья основана на материалах мониторингового анонимного анкетного опроса аспирантов, проведенного в 2019 году сотрудниками Информационно-аналитического центра РАО. Разработанная анкета включает 62 вопроса. В ней используются открытые, закрытые и шкальные вопросы. Вопросы группируются относительно пяти основных содержательных блоков: жизненные ориентации и социальное самочувствие аспирантов, мобильность аспирантов, особенности мотивации обучения в аспирантуре и работы в сфере науки, оценка удовлетворенности обучением в аспирантуре, особенности взаимодействия с научным руководителем. Центральное место в программе исследования занимает выявление социально-психологических особен-

ностей ценностно-мотивационной сферы личности аспирантов.

В исследовании приняли участие учащиеся аспирантуры научно-исследовательских организаций, занимающихся подготовкой аспирантов в области наук об образовании, а также педагогических вузов Москвы, Санкт-Петербурга и других регионов РФ. Всего опрошено 803 респондента. Среди них 26,4% мужчин и 73,6% женщин. Распределение респондентов по возрасту: 21,2% — аспиранты младше 25 лет, 39,1% — от 26 до 30 лет, 28,3% — от 31 до 40 лет, 11,4% — старше 40 лет. Полученные в ходе исследования данные обработаны с применением методов математической статистики (пакеты программ SPSS и StatSoft Statistika).

Результаты

Иерархия жизненных ценностей аспирантов

Для определения ценностных приоритетов аспирантов, им был предложен закрытый вопрос: «Какие жизненные ценности являются для Вас наиболее значимыми?». Отвечая на него, аспиранты могли выбрать не более пяти наиболее значимых для них жиз-

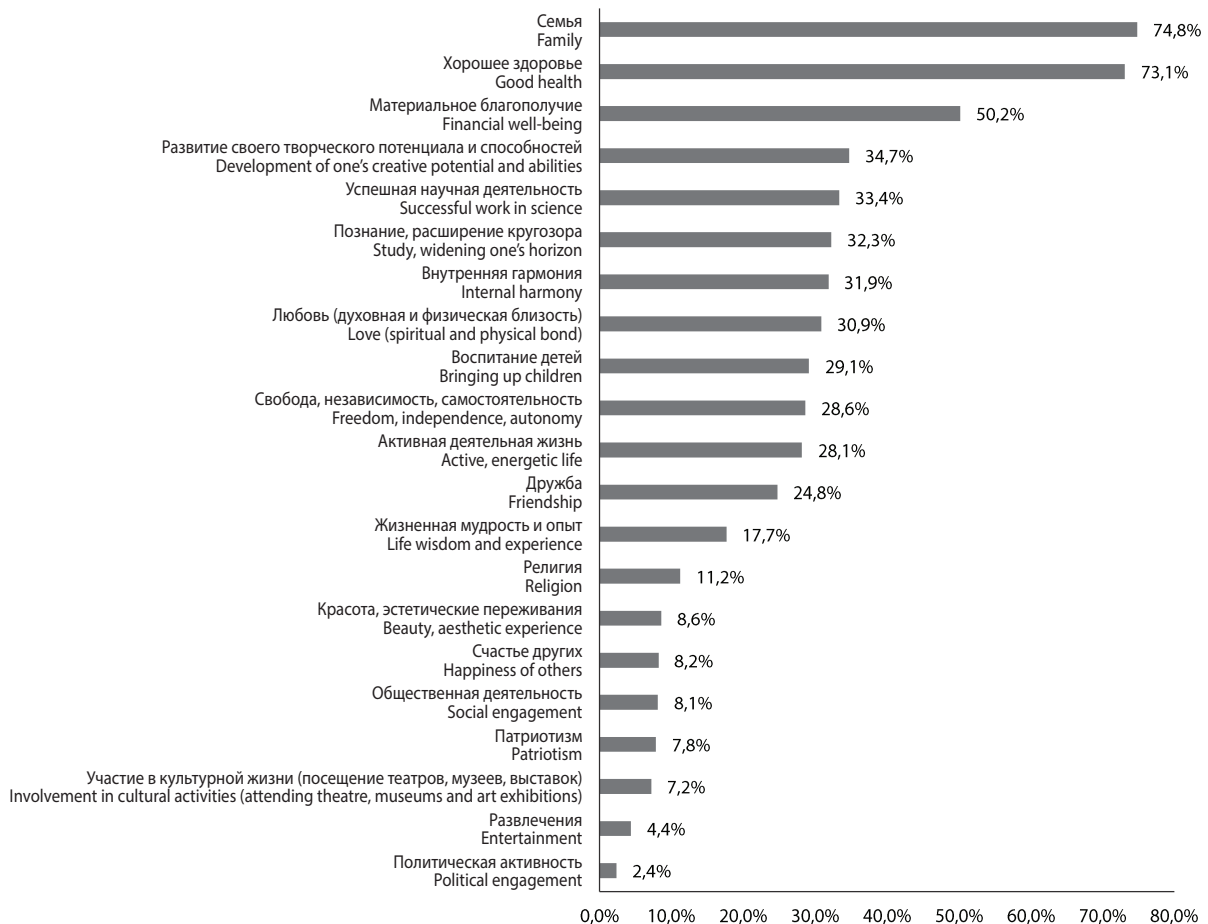

Рис. 1. Распределение значимости жизненных ценностей среди аспирантов (%)

Figure 1. Distribution of life values' relevance in postgraduate students (%)

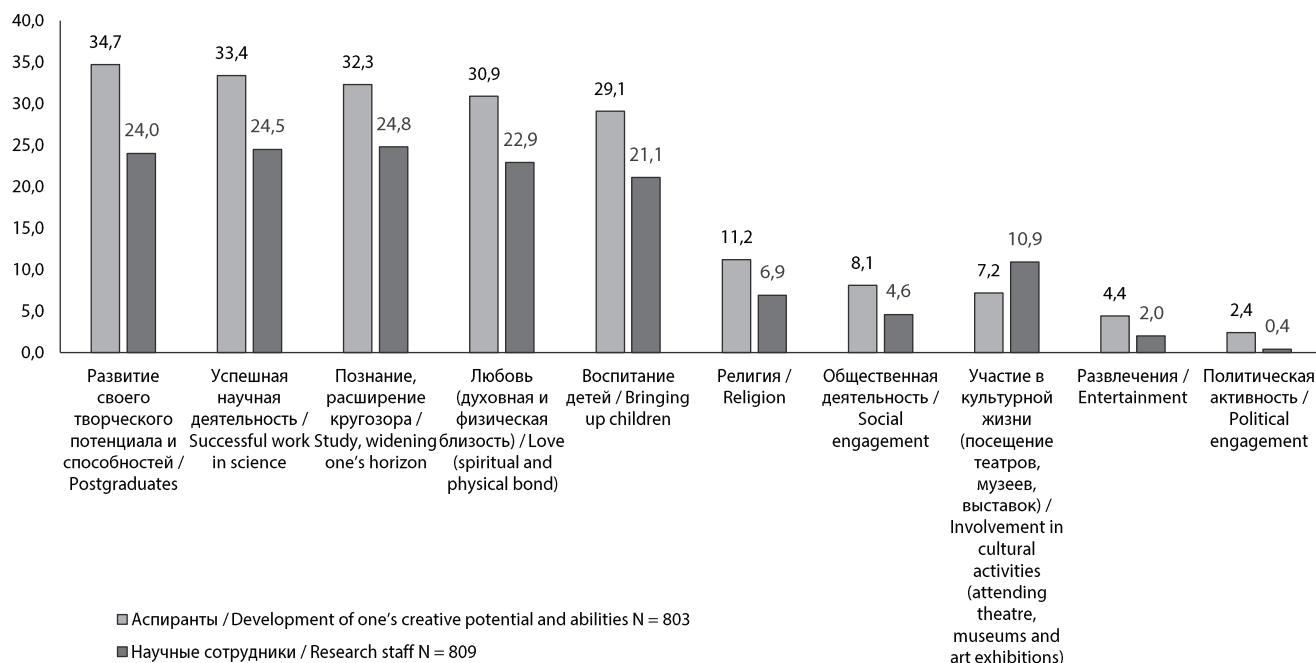

Рис. 2. Распределение значимости жизненных ценностей среди аспирантов и научных сотрудников (%)

Figure 2. Distribution of life values' relevance in postgraduates and research staff (%)

ненных ценностей из 22 предложенных вариантов. Распределение ответов приведено на рис. 1.

Из рис. 1 видно, что лидирующую позицию в структуре жизненных ценностей аспирантов занимают «семья» и «хорошее здоровье». Каждая из них важна для трех четвертей опрошенных. Третьим по значимости в иерархии жизненных ценностей аспиранта выступает «материальное благополучие», которое отметил каждый второй. Далее следует блок ценностей, связанных с саморазвитием и творческой самореализацией: «развитие своего творческого потенциала и способностей», «успешная научная деятельность», «познание, расширение кругозора». Эти ценности, связанные с самоактуализацией личности, важны для каждого третьего респондента. Следующим по значимости выступает блок ценностей: «внутренняя гармония», «любовь (духовная и физическая близость)», «воспитание детей». Данный круг ценностей также важен практически для каждого третьего аспиранта. Далее в порядке убывания следуют ценности: «свобода, независимость, самостоятельность», «активная деятельная жизнь», «дружба». Они связаны с проявлением самостоятельности и активности в различных сферах социального взаимодействия, включая межличностные отношения. В целом приведенная иерархия перечисленных выше ценностей свидетельствуют о социально-психологическом благополучии и, что крайне важно, отражает ценностную значимость научной творческой деятельности.

Остальные ценности существенно менее значимы: «жизненная мудрость и опыт» (17,7%), «религия» (11,2%), «красота, эстетические переживания» (8,6%), «счастье других» (8,2%), «общественная деятельность» (8,1%), «патриотизм» (7,8%), «участие в куль-

турной жизни» (7,2%). Наименее же значимыми для аспирантов оказались такие ценности, как «развлечения» (4,4%) и «политическая активность» (2,4%).

Как было отмечено выше, особый интерес для данного исследования представляет сравнение ценностных ориентаций аспирантов и научных исследователей в сфере образования. Распределение ответов на вопрос о значимости жизненных ценностей аспирантов и научных сотрудников приведено на рис. 2.

Как видно из рис. 2, для аспирантов более значимыми являются высшие ценности, связанные с творческой и профессиональной самоактуализацией («развитие своего творческого потенциала и способностей», «успешная научная деятельность», «познание, расширение кругозора»). Помимо этого, для них более важен, по сравнению с научными сотрудниками, ряд ценностей, связанных с социальной активностью («общественная деятельность», «политическая активность»), семейные ценности («любовь», «воспитание детей»), а также «религия» и «развлечения». В то же время научные сотрудники чаще указывают на значимость для них «участия в культурной жизни». Все отмеченные различия статистически значимы на уровне $p \leq 0,01$.

В целом большая актуальность для аспирантов ценностей интеллектуального развития, творческой и профессиональной самореализации может быть связана с незавершенным для многих из них этапом вхождения в профессию, с их вовлеченностью в процесс обучения и позитивными ожиданиями своей профессиональной успешности. Значимость же в этом комплексе семейных ценностей («любовь (духовная и физическая близость)», «воспитание детей») свидетельствует о второй значимой ценностной доминанте на данном этапе жизненного развития.

Влияние социально-демографических факторов

Перейдем к более подробному рассмотрению влияния социально-демографических факторов на ценностные ориентации аспирантов: пола, возраста и семейного статуса.

В табл. 1 приведены ценности, относительно которых обнаружены значимые различия в ответах аспирантов мужчин и женщин.

Сравнение ответов показывает, что аспиранты мужчины существенно чаще женщин в качестве наиболее значимых ценностей указывают «свободу, независимость, самостоятельность», «жизненную мудрость и опыт», «религию», «счастье других», «патриотизм» и «политическую активность». Подобный набор ценностей может быть соотнесен с феноменом должностования — среди мужских предпочтений оказываются более значимы те ценности, которые имеют отношение к таким понятиям, как моральный и гражданский долг. Женщины же чаще указывают на ценности «семьи» и «внутренней гармонии». Таким образом, полученные данные указывают на соответствие ценностных ориентаций аспирантов традиционалистским полоролевым моделям поведения.

Помимо гендерных различий, выявлены и различия в ответах аспирантов разных возрастных когорт. Здесь можно зафиксировать три содержательных ценностных сдвига. Первый происходит при переходе из возрастной когорты «до 25 лет» в когорту «от 26 до 30 лет». На этом этапе существенно возрастает ценность «семьи» (аспиранты «до 25 лет» — 67,4%, аспиранты «от 26 до 30 лет» — 77,2%, $p = 0,04$). Повышение значимости «семьи» как ценности среди аспирантов старше 25 лет связано с их готовностью к смене социальных ролей и созданию собственной семьи. Второй ценностный сдвиг зафиксирован при сравнении ответов аспирантов «от 26 до 30 лет» и аспирантов возрастной когорты «от 31 до 40 лет» (см. рис. 3).

Как видно из приведенных на рисунке данных, для аспирантов возрастной когорты «от 26 до 30 лет» более значимы такие ценности, как «познание, расширение кругозора» ($p = 0,02$), «дружба» ($p = 0,01$), «раз-

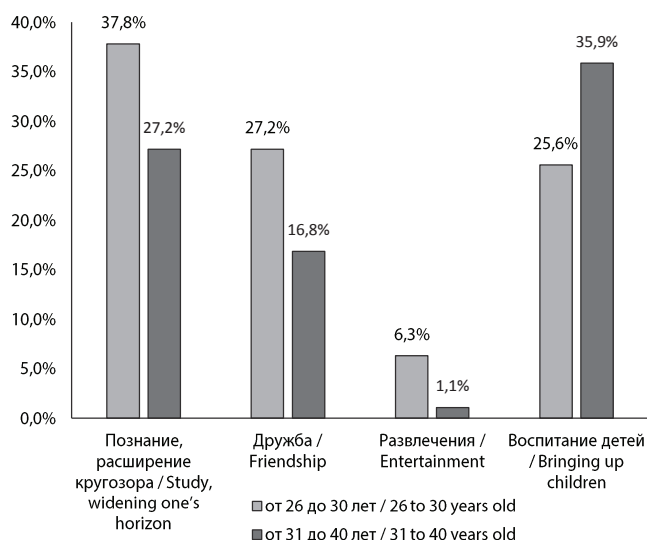

Рис. 3. Распределение ответов аспирантов возрастных когорт «от 26 до 30 лет» и «от 30 до 40 лет» на вопрос о наиболее значимых для них жизненных ценностях (%)

Figure 3. Distribution of answers concerning the most relevant life values among postgraduates of different age groups: “26 to 30 years old” and “30 to 40 years old” (%)

влечения» ($p = 0,007$). В то же время для аспирантов «от 31 до 40 лет» более значимым является «воспитание детей». Таким образом, тридцатилетний возраст выступают как своеобразный возрастной рубеж, на котором происходит переориентация аспирантов с ценностей, связанных с учебной деятельностью, товариществом, гедонизмом, на ценность успешной реализации родительства. Отметим, что актуализация этой ценности в российском обществе традиционно происходит на более раннем этапе («до 30 лет») (Собкин и др., 2018). Однако, как показывают результаты данного опроса, среди аспирантов актуализация ценности родительства происходит несколько позднее, поскольку обучение в аспирантуре заставляет их откладывать планирование рождения детей на более поздний возраст (феномен «отложенного родительства»).

Таблица 1. Различия в значимости жизненных ценностей между аспирантами мужчинами и женщинами (%)

Варианты ответов	Мужчины N = 174	Женщины N = 485	Уровень значимо- сти разли- чий (p)
Семья	62,1%	77,5%	0,0001
Свобода, независимость, самостоятельность	39,1%	26,0%	0,001
Внутренняя гармония	25,3%	35,5%	0,01
Жизненная мудрость и опыт	24,1%	16,5%	0,03
Религия	15,5%	7,2%	0,001
Счастье других	14,9%	5,6%	0,0001
Патриотизм	12,6%	7,0%	0,02
Политическая активность	5,7%	1,0%	0,0003

Table 1. Difference in relevance of life values between male and female postgraduates (%)

Варианты ответов	Men N = 174	Women N = 485	Level of statistical signifi- cance (p)
Family	62.1%	77.5%	0.0001
Freedom, independence, autonomy	39.1%	26.0%	0.001
Internal harmony	25.3%	35.5%	0.01
Life wisdom and experience	24.1%	16.5%	0.03
Religion	15.5%	7.2%	0.001
Happiness of others	14.9%	5.6%	0.0001
Patriotism	12.6%	7.0%	0.02
Political engagement	5.7%	1.0%	0.0003

Таблица 2. Различия в значимости жизненных ценностей аспирантов в зависимости от их семейного статуса (%)

Варианты ответов	Состоят в браке	Не состоят в браке	Уровень значимости различий (p)
Красота, эстетические переживания	5,1%	13,5%	0,0002
Дружба	19,0%	28,7%	0,004
Развлечения	2,3%	6,6%	0,008
Свобода, независимость, самостоятельность	21,9%	36,2%	0,0001
Развитие своего творческого потенциала и способностей	31,8%	39,4%	0,04
Семья	83,6%	64,4%	0,0000
Воспитание детей	42,1%	18,1%	0,0000

Третий ценностный сдвиг происходит на этапе перехода аспирантов из возрастной когорты «от 31 до 40 лет» в когорту «старше 40 лет». После 40 лет среди аспирантов существенно возрастает значимость таких жизненных ценностей, как «религия» — соответственно аспиранты «от 31 до 40 лет» — 5,4%, «старше 40 лет» — 14,9% ($p = 0,01$) и «успешная научная деятельность» — соответственно аспиранты «от 31 до 40 лет» — 26,1%, старше 40 лет — 48,6% ($p = 0,0005$). В то же время после 40 лет существенно снижается значимость «материального благополучия» — соответственно «старше 40 лет» — 35,1%, «до 25 лет» — 49,3%, «от 26 до 30 лет» — 53,5% ($p \leq 0,05$).

Таким образом, с одной стороны, полученные результаты фиксируют смещение при переходе из периода средней зрелости к поздней зрелости ценностных ориентиров в сторону духовных ценностей и реализации своего творческого потенциала, а с другой — снижение значимости материаль-

Таблица 3. Различия в значимых для аспирантов жизненных ценностях в зависимости от наличия/отсутствия детей (%)

Варианты ответов	Нет детей		Уровень значимости различий (p)
	Есть дети	(пока не планирую)	
Семья	82,4%	56,3%	0,0000
Воспитание детей	47,0%	12,0%	0,0000
Познание, расширение кругозора	28,3%	44,8%	0,0002
Свобода, независимость, самостоятельность	21,9%	40,6%	0,0000
Дружба	16,5%	27,6%	0,004
Участие в культурной жизни (посещение театров, музеев, выставок)	4,7%	10,9%	0,01
Красота, эстетические переживания	3,9%	16,7%	0,0000
Развлечения	1,8%	6,3%	0,01
Политическая активность	1,1%	4,2%	0,03

Table 2. Difference in relevance of postgraduates' life values in relation to family status (%)

Answer options	Married	Not married	Level of statistical significance (p)
Beauty, aesthetic experience	5.1%	13.5%	0.0002
Friendship	19.0%	28.7%	0.004
Entertainment	2.3%	6.6%	0.008
Freedom, independence, autonomy	21.9%	36.2%	0.0001
Development of one's creative potential and abilities	31.8%	39.4%	0.04
Family	83.6%	64.4%	0.0000
Bringing up children	42.1%	18.1%	0.0000

ных благ. Сочетание этих тенденций дополняют и подтверждают полученные ранее в ходе данного исследования результаты: с возрастом повышается мотивация, касающаяся творческой самореализации при параллельном снижении значимости размера заработной платы (Собкин, Смылова, 2020). Добавим также, что приближение к самотрансценденции и переориентация с возрастом на ценности «с центральными целями» (надличностными и экзистенциальными) при снижении ценностей, связанных с «продвижением», отмечается также и в ряде зарубежных работ (Borg et al., 2017; Vilar et al., 2020).

Помимо рассмотрения влияния гендерного и возрастного факторов, остановимся на изучении влияния наличия и состава собственной семьи на значимость тех или иных ценностей для аспирантов. Распределение ответов аспирантов в зависимости от их семейного статуса приведено в табл. 2.

Table 3. Difference in relevance of postgraduates' life values in relation to having / not having children (%)

Answer options	Нет детей		Level of statistical significance (p)
	Having children	(not yet planning) children	
Family	82.4%	56.3%	0.0000
Bringing up children	47.0%	12.0%	0.0000
Study, widening one's horizon	28.3%	44.8%	0.0002
Freedom, independence, autonomy	21.9%	40.6%	0.0000
Friendship	16.5%	27.6%	0.004
Involvement in cultural activities (attending theatre, museums and art exhibitions)	4.7%	10.9%	0.01
Beauty, aesthetic experience	3.9%	16.7%	0.0000
Entertainment	1.8%	6.3%	0.01
Political engagement	1.1%	4.2%	0.03

Из представленных в табл. 2 данных видно, что не состоящие в браке аспиранты чаще среди своих значимых жизненных ценностей указывают «красоту, эстетические переживания», «дружбу», «развлечения», «свободу, независимость, самостоятельность» и «развитие своего творческого потенциала и способностей». В то же время для состоящих в браке аспирантов на первый план выходят такие ценности, как «семья» и «воспитание детей». Иными словами, полученные данные фиксируют значимость «гедонистических» установок и установок, связанных с творческой самореализацией, для не состоящих в браке аспирантов и традиционных семейных ценностей — для женатых/замужних. Таким образом, брак выступает фактором, существенно смещающим ценностные ориентации аспирантов с «гедонистических» на «семейные».

Отдельное внимание стоит также уделить рассмотрению влияния наличия у аспиранта детей на значимость тех или иных жизненных ценностей (см. табл. 3).

Сравнивая ответы аспирантов, имеющих детей и тех, кто в ближайшем будущем не планирует их рождение, можно заметить, что здесь в целом повторяется тенденция, обозначившаяся в ответах респондентов, состоящих и не состоящих в браке. Так, аспиранты, не планирующие рождение детей в ближайшем будущем, ориентированы на «удовольствия» («красота, эстетические переживания», «развлечения»), социальную самореализацию и самоактуализацию («дружба», «участие в культурной жизни», «политическая активность», «свобода, независимость, самостоятельность», «познание, расширение кругозора»), в то время как аспиранты-родители сориентированы на семейные ценности.

В связи с этим специальный интерес представляет отдельное рассмотрение ответов аспирантов, планирующих расширение семьи вскоре после окончания аспирантуры. Их ценностные ориентации имеют черты, характерные для обеих выше рассмотренных подгрупп (аспирантов с детьми и аспирантов, не планирующих рождение детей в ближайшем будущем). С одной стороны, им более свойственно фиксировать значимость «красоты, эстетических переживаний» — соответственно 10,6% и 3,9% ($p = 0,004$), «дружбы» 31,9% и 16,5% ($p = 0,0001$), «развлечений» 6,9% и 1,8% ($p = 0,005$) и «участия в культурной жизни» (10,1% и 4,7%, $p = 0,02$), чем аспирантам, имеющим детей. С другой стороны, они чаще указывают на большую значимость для них «семьи» (77,7% и 56,3%, $p = 0,0000$) и меньшую значимость «свободы, независимости, самостоятельности» (29,3% и 40,6%, $p = 0,02$) и «познания» (29,8% и 44,8%, $p = 0,003$), по сравнению с аспирантами, которые не планируют рождение детей. Таким образом, аспиранты, планирующие расширение семьи после окончания аспирантуры, являются транзитивной группой. Они находятся в ситуации самоопределения, когда происходит сложный переход от «гедонистических» ценностей и «независимости» к актуализации значимости традиционных семейных ценностей.

Влияние социально-стратификационных факторов

Рассмотрим влияние на ценностные ориентации аспирантов двух факторов: их материальной обеспеченности и уровня образования родителей.

Сопоставление ответов аспирантов с разным уровнем материального достатка выявило ряд различий. Так, аспиранты, относящие себя к группе низкообеспеченных, существенно чаще, по сравнению с высокообеспеченными, отмечают значимость «красоты, эстетических переживаний» (низкообеспеченные — 14,3%, высокообеспеченные — 6,3%, $p = 0,04$) и «счастья других» (соответственно 10,7% и 3,6%, $p = 0,03$). Чаще, по сравнению со среднеобеспеченными, они также отмечают и важность «политической активности» (низкообеспеченные — 5,0%, среднеобеспеченные — 1,2%, $p = 0,008$). Таким образом, в ответах низкообеспеченных аспирантов более выражено как проявление альтруистических ценностей («счастье других»), так и стремление их отстаивать («политическая активность»).

Более отчетливые тенденции проявляются при анализе влияния такого фактора, как уровень образования родителей аспиранта. Причем, явное дифференцирующее влияние на значимость тех или иных ценностей здесь оказывает наличие у родителей ученой степени. Аспиранты, чьи родители имеют степени кандидатов или докторов наук, существенно чаще тех, чьи родители имеют высшее или среднее специальное образование, отмечают значимость для них «дружбы» (аспиранты, чьи родители имеют степени кандидатов или докторов наук, — 66,7%, аспиранты, чьи родители имеют высшее образование, — 22,2%, аспиранты, чьи родители имеют среднее специальное образование — 24,2%, $p \leq 0,03$) и «участия в культурной жизни» (оба родителя со степенью, — 33,3%, оба родителя с высшим образованием — 8,6%, оба родителя со средним специальным образованием — 8,1%, $p \leq 0,01$). Помимо этого, для них более важной является «политическая активность», чем для тех, чьи родители имеют только высшее образование (соответственно 11,1% и 1,4%, $p = 0,03$). Таким образом, для выходцев из семей с высоким образовательным статусом характерна значимость причастности к коллективу единомышленников и возможность общаться к культуре, стать участником культурных событий. При этом для них достаточно важно и проявление политической активности.

Ценности и социально-психологическое самочувствие

При анализе влияния на ценностные ориентации аспиранта его социально-психологического самочувствия мы рассмотрим следующие три аспекта: сформированность жизненных планов, эмоциональная оценка успешности своих жизненных перспектив, эмиграционные планы.

Одним из индикаторов психологического благополучия является характер прогнозирования своего будущего. Аспирантам был задан специальный вопрос, направленный на определение степени сформиро-

ванности их жизненных планов. При этом варианты ответов фиксируют с одной стороны степень отчетливости/неопределенности планов, а с другой — ориентированность аспирантов на разные жизненные стратегии — либо ситуативное поведение, либо проблематизацию своего будущего (Собкин и др., 2020).

Рассмотрим влияние особенностей сформированности жизненных планов аспирантов на значимость для них различных жизненных ценностей. Аспиранты, отчетливо представляющие свое будущее, существенно чаще остальных отмечают ценность «семьи» — 79,6% (среди тех, чьи планы не определены — 64,9%, $p \leq 0,04$). Для них более значимы, по сравнению с теми, кто не определился в своих планах, ценности «воспитания детей» (соответственно 32,9% и 20,3%, $p = 0,03$) и «успешной научной деятельности» (соответственно 38,3% и 18,9%, $p \leq 0,001$). Таким образом, для тех респондентов, кто имеет сложившиеся жизненные планы, характерна высокая значимость семейных ценностей и успешной научной деятельности. В свою очередь, аспиранты, еще не определившиеся в своих планах на будущее, чаще указывают на значимость для них «свободы, независимости и самостоятельности» (планы не определены — 45,9%, отчетливо представляют будущее — 27,2%, $p \leq 0,004$).

У тех аспирантов, кто придерживается ситуативной стратегии поведения («предпочитаю жить сегодняшним днем, а не строить планы на будущее») реже отмечается значимость ценности «материальное благополучие» — 39,6% (среди тех же, кто «думает о

будущем, но не может определиться» таких 57,1%, а среди тех, для кого «планы не определены» — 58,1%, $p \leq 0,01$). При этом, они существенно чаще остальных указывают на значимость для них «религии» — 20,8% (среди тех, кто проблематизирует свое будущее — «не может определиться» — 6,6%, среди тех, чьи «планы не определены» — 8,1%, $p \leq 0,01$). Таким образом, аспирантов, предпочитающих ситуативную стратегию поведения («живущих сегодняшним днем»), характеризует низкий уровень значимости ценности материального благополучия в сочетании с более высоким уровнем ценности религии.

Другим важным показателем социально-психологического благополучия выступает эмоциональная оценка успешности своих жизненных перспектив. В табл. 4 приведены те ценности, относительно которых выявлены значимые различия между ответами аспирантов «оптимистов» и тех, кто «сомневается» в своей жизненной успешности.

Как видно из приведенных в табл. 4 данных, те аспиранты, кто с оптимизмом оценивает собственное будущее, существенно чаще, по сравнению теми, кто сомневается, что их жизнь сложится успешно, отмечают значимость для себя ценностей «семьи», «воспитания детей» и «активной, деятельной жизни». В то же время, сомневающиеся в своей жизненной успешности чаще указывают на значимость таких ценностей ориентиров, как «свобода, независимость и самостоятельность». Таким образом, эмоциональная оценка собственной жизненной успешности оказывает существенное влияние и на жизненные ориентации аспирантов. При этом, если для «оптимистов» характерны ценностные установки, связанные с активной деятельностью и поддержанием крепких семейных отношений, то для «сомнеющихся» ценностно более значимы «свобода, независимость, самостоятельность». В определенном смысле здесь проявляется оппозиция нормативность/индивидуализм. При этом характерно, что те аспиранты, кто сомневается в своей жизненной успешности, в большей степени сориентированы на возможность проявления своей индивидуальной позиции.

Особым индикатором социально-психологического благополучия аспиранта может служить и такой показатель, как ориентация на эмиграцию за рубеж. Ответы аспирантов на вспомогательный вопрос об их желании переехать за границу на постоянное место жительства фиксируют их выраженную ориентацию на эмиграцию в страны Западной Европы (Собкин и др., 2020). Сопоставим ответы аспирантов, желающих переехать жить в страны Евросоюза, и тех, кто не планирует отъезд из России (см. табл. 5).

Из представленных в табл. 5 данных видно, что аспиранты, ориентированные на эмиграцию в страны Евросоюза, склонны чаще называть среди значимых для них ценностей «познание, расширение кругозора», «свободу, независимость, самостоятельность», «участие в культурной жизни» и «развлечения». Здесь уместно обратиться к материалам международного социологического исследования

Таблица 4. Различия в значимости жизненных ценностей у аспирантов, в зависимости от оценки успешности своих жизненных перспектив (%)

Варианты ответов	Вы с уверенностью и оптимизмом смотрите в завтрашний день	У Вас есть сомнения в том, что жизнь сложится удачно	Уровень значимости различий (p)
Семья	77,50%	66,10%	0,002
Активная деятельная жизнь	30,70%	21,20%	0,01
Воспитание детей	31,70%	22,20%	0,01
Свобода, независимость, самостоятельность	25,30%	39,20%	0,0002

Table 4. Difference in relevance of postgraduates' life values in relation to life perspectives evaluation (%)

Answer options	Optimistic about the future	Having doubts about successful life trajectory	Level of statistical significance (p)
Family	77.50%	66.10%	0.002
Active, energetic life	30.70%	21.20%	0.01
Bringing up children	31.70%	22.20%	0.01
Freedom, independence, autonomy	25.30%	39.20%	0.0002

Таблица 5. Различия значимости жизненных ценностей аспирантов в зависимости от их планов на эмиграцию (%)

Варианты ответов	Желающие эмигрировать в страны Евросоюза	Не желающие эмигрировать из России	Уровень значимости различий (p)
Семья	65,10%	77,70%	0,02
Патриотизм	2,40%	9,70%	0,03
Познание, расширение кругозора	47,00%	33,00%	0,02
Развлечения	12,00%	3,20%	0,007
Свобода, независимость, самостоятельность	37,30%	25,70%	0,03
Участие в культурной жизни (посещение театров, музеев, выставок)	14,50%	7,20%	0,03

Table 5. Difference in relevance of postgraduates' life values in relation to their emigration plans (%)

Answer options	Considering emigration to the EU	Not considering emigration	Level of statistical significance (p)
Family	65.10%	77.70%	0.02
Patriotism	2.40%	9.70%	0.03
Study, widening one's horizon	47.00%	33.00%	0.02
Entertainment	12.00%	3.20%	0.007
Freedom, independence, autonomy	37.30%	25.70%	0.03
Involvement in cultural activities (attending theatre, museums and art exhibitions)	14.50%	7.20%	0.03

жизненных ценностей россиян и жителей других стран, где было показано, что для представителей западных стран ценности самостоятельности, рискованности и гедонизма более значимы, чем для жителей России (Магун, Руднев, 2008; Jowell et al., 2007). К перечисленному выше комплексу жизненных ценностей можно добавить и большую значимость стремления к самореализации (Собкин, Писарский, 1994). Таким образом, аспиранты, сориентированные на эмиграцию в страны Евросоюза, имеют комплекс ценностных установок, который в кросскультурных исследованиях выделяют как характерный для представителей западных стран. Это позволяет сделать вывод о том, что именно перестройка жизненных ценностей в соответствии с «западной» структурой их иерархии во многом и определяет желание аспирантов эмигрировать из России. В то же время те аспиранты, кто не планирует уезжать из России, чаще отмечают значимость для них «семьи» и «патриотизма». Эти жизненные ценности можно определять как «сдерживающие» относительно эмиграционных планов.

Обсуждение результатов

Проведенное исследование позволило выявить своеобразие структуры ценностных ориентаций аспирантов, специализирующихся в сфере наук об образовании. Отметим основные содержательные моменты.

Лидирующие позиции в структуре жизненных ценностей аспирантов занимают «семья», «хорошее здоровье» и «материальное благополучие». При этом своеобразие иерархии их жизненных ценностей как социальной группы определяет значимость высших ценностей, связанных с самоактуализацией («развитие своего творческого потенциала и способностей», «успешная научная деятельность», «познание, расширение кругозора»).

Выявлено влияние на ценностные ориентации аспирантов широкого комплекса гендерных, возрастных и социально-стратификационных факторов. Их сочетание определяет сложную композицию ценностей, определяющих своеобразие жизненной позиции аспиранта. К наиболее важным результатам следует отнести, во-первых, значимость традиционалистских ценностей, определяющих своеобразие полоролевых позиций. Во-вторых, различия в ценностных ориентациях представителей разных возрастных когорт аспирантов, которые отражают, в частности, особенности возрастной периодизации на этапе взрослости, переходы от «ранней взрослости» к «средней» и «поздней взрослости» (Bromley, 1975). Это проявляется в переориентации аспирантов с ценностей, связанных с учебной деятельностью, товариществом, гедонизмом («ранняя взрослость»), на значимость успешной реализации родительской позиции («средняя взрослость») и затем на смещение ориентиров в сторону духовных ценностей и реализации своего творческого потенциала («поздняя взрослость»). В-третьих, смещение ценностных ориентаций с «гедонистических» на «семейные» происходит по мере усложнения состава семьи (супружество, наличие детей). И, наконец, в-четвертых, полученные результаты выявили влияние уровня материальной обеспеченности и образовательного статуса родителей аспиранта на значимость жизненных ценностей, которые связаны с альтруистическими установками, участием в культурных событиях и политической жизни общества.

Особый интерес представляют данные о влиянии социально-психологического самочувствия аспирантов (определенность жизненных планов, эмоциональная оценка собственных жизненных перспектив, наличие эмиграционных планов) на значимость широкого спектра жизненных ценностей. Так, сформированность жизненных планов оказывается связанной с повышением значимости традиционных семейных ценностей и успешной профессиональной деятельностью. Оптимистическая оценка успешности собственных жизненных перспектив влияет на повышение значимости как ценности «семьи», так и ценности «активной, деятельной жизни». В то же время со-

мнение в своей жизненной успешности оказывается связанным с повышенной значимостью такого комплекса ценностей, как «свобода, самостоятельность и независимость». Характерно, что желание эмигрировать из страны связано с актуализацией комплекса ценностных установок, характерных для представителей западных стран, отсутствие же эмиграционных планов — с ценностями «семьи» и «патриотизма».

Выводы

1. В ядро структуры жизненных ценностей аспирантов, помимо базовых, входят ценности, связанные с самоактуализацией личности. Среди них — «успешная научная деятельность», «развитие своего творческого потенциала» и «познание, расширение кругозора». Это определяет своеобразие аспирантов в области наук об образовании (наряду с научными сотрудниками, задействованными в сфере образования (Собкин и др., 2018, 2017) как особой социально-профессиональной группы. Отметим, что подобная значимость «высших» ценностей во многом соответствует философско-ценностной позиции «быть», описанной в трудах Э. Фромма, характеризующей преобладание у человека духовных потребностей.

2. Выделены возрастные этапы, когда структура жизненных ценностей аспиранта претерпевает существенные изменения в соответствии с задачами возрастного развития. Переход от ранней взрослости к средней взрослости характеризуется повышением значимости семейных ценностей и снижением значимости гедонических ценностей и учебной деятельности. При этом полученные данные косвенно свидетельствуют о достаточно позднем начале актуализации ценности родительства среди аспирантов. Период перехода от средней взрослости к поздней

сопровождается возрастанием значимости духовных ценностей и творческой самореализации.

3. Смена семейного социального статуса аспирантов существенно перестраивает структуру ценностей, смещая ценностные ориентиры с «гедонистических» на традиционалистские семейные.

4. Особенности социально-психологического самочувствия определяют отношение аспирантов к широкому спектру жизненных ценностей. При этом перестройка структуры жизненных ценностей аспирантов в соответствии с характерной для представителей «западных» стран иерархией (ценности самостоятельности, риска-новизны, гедонизма, самореализации), способствует формированию эмиграционных установок.

В данной статье мы рассмотрели социально-психологическое своеобразие ценностных ориентаций

Оптимистическая оценка успешности собственных жизненных перспектив влияет на повышение значимости как ценности «семьи», так и ценности «активной, деятельной жизни». В то же время сомнение в своей жизненной успешности оказывается связанным с повышенной значимостью такого комплекса ценностей, как «свобода, самостоятельность и независимость».

аспирантов в сфере наук об образовании, с учетом влияния социально-демографических, социально-стратификационных и социально-психологических факторов. В качестве следующего шага мы предполагаем провести исследование их жизненных страхов. Это обусловлено возможным рассмотрением страхов, с одной стороны, как индикаторов имеющихся у человека ценностей (которые могут не осознаваться, но актуализироваться в кризисные моменты) (Пищик, 2019), а с другой — как важной детерминанты переустройства ценностных ориентаций на определенном этапе. Таким образом, исследование страхов позволит расширить и дополнить изучение ценностно-мотивационных доминант аспирантов как особой социальной группы.

Литература:

- Вязникова Л.Ф. Ценности в образовании: выбор пути развития // Психологическая наука и образование. — 2002. — Т. 7. — № 4. — С. 88–98.
- Здравомыслов А.Г. Потребности. Интересы. Ценности. — Москва : Политиздат, 1986. — 223 с.
- Здравомыслов А.Г. Ценностные ориентации // Философский энциклопедический словарь. — Москва : Советская энциклопедия, 1989. — 732 с.
- Леонтьев Д.А. От социальных ценностей к личностным: социогенез и феноменология ценностной регуляции деятельности // Вестник Московского университета. — Серия 14. Психология. — 1997. — № 1. — С. 20–27.
- Магун В.С., Руднев М.Г. Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами [Электронный ресурс] // Вестник общественного мнения. — 2008. — № 1. — С. 33–57 : [сайт]. URL: <https://www.isras.ru/publ.html?id=1234> — (дата обращения 08.10.2020).
- Мехришвили Л.Л., Скрауч О.Н. Молодые ученые как социальная группа: к вопросу мотивации научной деятельности и профессиональной ориентации [Электронный ресурс] // Специфика педагогического образования в регионах России. — 2012. — № 1. — С. 152–163: [сайт]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18234841> — (дата обращения 08.10.2020).
- Пищик В.И. Ценностные измерения поколений через актуализируемые страхи // Социальная психология и общество. — 2019. — Т. 10. — № 2. — С. 67–81. DOI: 10.17759/sps.2019100206
- Плюснин Ю.М., Давыдова Г.В. Структура ценностных диспозиций личности: проверка гипотезы «социальных качелей» // Гуманитарные науки в Сибири. — 1996. — № 1. — С. 25–32.
- Равкин З.И. Развитие образования в России: новые ценностные ориентиры (концепция исследования) // Педагогика. — 1995. — № 5. — С. 87–90.

- Собкин В.С., Андреева А.И., Рзаева Ф.Р. Исследователь в сфере образования: эскизы к социально-психологическому портрету. — Москва : Издательство Московского университета, 2018. — 248 с.
- Собкин В.С., Андреева А.И., Рзаева Ф.Р. К вопросу о ценностных ориентациях исследователей в сфере образования // Национальный психологический журнал. — 2017. — № 2 (26). — С. 106–115. DOI: 10.11621/npj.2017.0212
- Собкин В.С., Писарский П.С. Жизненные ценности и отношение к образованию: кросскультурный анализ Москва — Амстердам. По материалам социологического опроса учителей, учащихся и родителей. — Москва : Центр социологии образования РАО, 1994. — 151 с.
- Собкин В.С., Смыслова М.М. Воспроизводство научных кадров в сфере образования: стимулы и барьеры // Педагогика. — 2020. — Т. 84. — № 8. — С.5–16.
- Собкин В.С., Смыслова М.М., Коломиец Ю.О. Миграционные установки аспирантов: к вопросу об «утечке мозгов» [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. — 2020. — Т. 12. — № 3. — С. 61–79 : [сайт]. URL: http://psyedu.ru/journal/2020/3/Sobkin_Smyslova_et_al.phtml — (дата обращения 08.10.2020).doi: 10.17759/psyedu.2020120304
- Собкин В.С., Смыслова М.М., Коломиец Ю.О. Социально-психологические особенности жизненных и профессиональных планов аспирантов // Педагогика. — 2020. — Т. 84. — № 11. — С. 37–47.
- Темнова Л.В., Шевченко О.А. Мотивация научной деятельности современных ученых разных поколений [Электронный ресурс] // Социология образования. — 2012. — № 4. — С. 73–85 : [сайт]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17588131> — (дата обращения: 08.10.2020).
- Тугаринов В.П. Избранные философские труды. — Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. — 344 с.
- Фролов И.В. Методологические проблемы изучения социальных ценностей // Философия хозяйства. Спец. вып., — Москва, 2006. — С. 59–67.
- Чавчавадзе Н.З. Культура и ценности. — Тбилиси: Мецниереба, 1984. — 171 с.
- Ядов В.А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности. — Ленинград: Наука, 1979. — 264 с.
- Яницкий М.С. Ценностные ориентации личности как динамическая система. — Кемерово, 2000. — 204 с.
- Borg I., Hertel G., and Hermann D. (2017). Age and personal values: Similar value circles with shifting priorities. *Psychology and Aging*, 32 (7), 636–641. Available at: <https://doi.org/10.1037/pag0000196> (accessed 03.10.2020).
- Bromley D.B. (1975). *The psychology of human ageing*. Harmondsworth (Mddx.) etc.: Penguin books, 441.
- Coelho G.L.D.H., Hanel P.H.P., Johansen M., and Maio G.R. (2018). Mapping the structure of human values through conceptual representations. *European Journal of Personality*, 33 (1), 34–51. doi: 10.1002/per.2170
- Collins P.R., Lee J.A., Sneddon J.N., and Döring A.K. (2017). Examining the consistency and coherence of values in young children using a new Animated Values Instrument. *Personality and Individual Differences*, 104, 279–285. doi: 10.1016/j.paid.2016.08.024
- Gouveia V.V. (2013). *Teoria Funcionalista dos Valores Humanos: Fundamentos, aplicações e perspectivas* [Functional theory of Human Values: Fundamentals, Applications and Perspectives]. Casa do Psicólogo. São Paulo. 240 p. Available at: <https://loja.sapiens-psi.com.br/teoria-funcionalista-dos-valores-humanos?search=TEORIA%20FUNCIO> (accessed 02.08.2020)
- Gouveia V.V., Milfont T.L., and Guerra V.M. (2014). Functional theory of human values: testing its content and structure hypotheses. *Personality and Individual Differences*, 60, 41–47. doi: 10.1016/j.paid.2013.12.012
- Fromm E. (2008). *To Have or to Be?* New York: Continuum, 182.
- Hanel P.H.P., Litzellachner L.F. and Maio G.R. (2018). An Empirical Comparison of Human Value Models. *Frontiers in Psychology*, 9, 16–43. doi: 10.3389/fpsyg.2018.01643
- Jowell R., Roberts C., Fitzgerald R. and Eva G. (2007). *Measuring Attitudes Cross-Nationally: Lessons from the European Social Survey*. London: Sage Publications, 275. doi: 10.4135/9781849209458
- Lee J.A., Ye S., Sneddon J.N., Collins P.R., and Daniel E. (2017). Does the intra-individual structure of values exist in young children? *Personality and Individual Differences*, 110, 125–130. Doi: 10.1016/j.paid.2017.01.038
- Roccas S., Lilach S., and Navon M. (2017). “Methodological issues in studying personal values” in: *Values and Behaviour: Taking a Cross-Cultural Perspective*. Cham: Springer, 15–50. Available at: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-319-56352-7_2 (accessed 27.09.2020)
- Rokeach M. (1973). *The nature of human values*. New York: Free Press, 438.
- Schwartz S.H. (1992). “Universals in the content and structure of values: theoretical advances and empirical tests in 20 countries”. *Advances in Experimental Social Psychology*, 25, 1–65. doi: 10.1016/S0065-2601(08)60281-6
- Schwartz S.H., Cieciuch J., Vecchione M., Davidov E., Fischer R., Beierlein C., et al. (2012). Refining the theory of basic individual values. *Journal of Personality and Social Psychology*, 103, 663–688. doi: 10.1037/a0029393
- Schwartz S.H., Melech G., Lehmann A., Burgess S., Harris M., and Owens V. (2001). Extending the cross-cultural validity of the theory of basic human values with a different method of measurement. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 32, 519–542. doi: 10.1177/0022022101032005001
- Vilar R., Liu J. H.-f., & Gouveia V.V. (2020). Age and gender differences in human values: A 20-nation study. *Psychology and Aging*, 35 (3), 345–356. Available at: <https://doi.org/10.1037/pag0000448> (accessed 20.09.2020)

References

- Borg I., Hertel G., and Hermann D. (2017). Age and personal values: Similar value circles with shifting priorities. *Psychology and Aging*, 32 (7), 636–641. Available at: <https://doi.org/10.1037/pag0000196> (accessed 03.10.2020).
- Bromley D.B. (1975). *The psychology of human ageing*. Harmondsworth (Mddx.) etc.: Penguin books, 441.
- Chavchavadze N.Z. (1984). *Culture and values*. Tbilisi: Publ. Metsniereba, 171 p.
- Coelho G.L.D.H., Hanel P.H.P., Johansen M., and Maio G.R. (2018). Mapping the structure of human values through conceptual representations. *European Journal of Personality*, 33 (1), 34–51. doi: 10.1002/per.2170
- Collins P.R., Lee J.A., Sneddon J.N., and Döring A.K. (2017). Examining the consistency and coherence of values in young children using a new Animated Values Instrument. *Personality and Individual Differences*, 104, 279–285. doi: 10.1016/j.paid.2016.08.024

- Frolov I.V. (2006). Methodological problems of studying social values. *Filosofiya khoz-va* [Philosophy of economy], Special Issue, 59-67.
- Fromm E. (2008). *To Have or to Be?* New York: Continuum, 182.
- Gouveia V.V. (2013). *Teoria Funcionalista dos Valores Humanos: Fundamentos, aplicações e perspectivas* [Functional theory of Human Values: Fundamentals, Applications and Perspectives]. Casa do Psicólogo. São Paulo. 240 p. Available at: <https://loja.sapiens-psi.com.br/teoria-funcionalista-dos-valores-humanos?search=TEORIA%20FUNCIO> (accessed 02.08.2020)
- Gouveia V.V., Milfont T.L., and Guerra V.M. (2014). Functional theory of human values: testing its content and structure hypotheses. *Personality and Individual Differences*, 60, 41–47. doi: 10.1016/j.paid.2013.12.012
- Hanel P.H.P., Litzellachner L.F. and Maio G.R. (2018). An Empirical Comparison of Human Value Models. *Frontiers in Psychology*, 9, 16–43. doi: 10.3389/fpsyg.2018.01643
- Jowell R., Roberts C., Fitzgerald R., Eva G. (2007). *Measuring Attitudes Cross-Nationally: Lessons from the European Social Survey*. London: Sage Publications, 275. doi: <https://dx.doi.org/10.4135/9781849209458>
- Lee J.A., Ye S., Sneddon J.N., Collins P.R., and Daniel E. (2017). Does the intra-individual structure of values exist in young children? *Personality and Individual Differences*, 110, 125–130. doi: 10.1016/j.paid.2017.01.038
- Leont'ev D.A. (1997). From social values to personal values: sociogenesis and phenomenology of value regulation of activity. *Vestnik Mosovskogo Universiteta* [Bulletin of the Moscow University], Ser. 14: Psikhologiya, 1, 20–27.
- Magun V.S., Rudnev M.G. (2008). Vital values of the Russian population: similarities and differences in comparison with other European countries. *Vestnik obshchestvennogo mneniya* [Bulletin of public opinion], 1, 33–57. Available at: <https://www.isras.ru/publ.html?id=1234>. (Accessed: 08.10.2020).
- Mekhrishvili L.L., Skrauch O.N. (2012). Young scientists as a social group: on the issue of motivation of scientific activity and professional orientation. *Spetsifika pedagogicheskogo obrazovaniya v regionakh Rossii* [Specifics of pedagogical education in the regions of Russia], 1, 152–163. Retrieved from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18234841>. (Accessed: 08.10.2020).
- Pishchik V.I. (2019). Value measurements of generations through actualized fears. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestv* [Social Psychology and Society], 10 (2), 67–81. doi: 10.17759/sps.2019100206
- Plyusnin Yu.M., Davydova G.V. (1996). The structure of personal value dispositions: testing the hypothesis of “social swings”. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanity Sciences in Siberia], 1996, 1, 25–32.
- Ravkin Z.I. (1995). Development of education in Russia: new value orientations (research concept). *Pedagogika* [Pedagogy], 5, 87–90.
- Roccas S., Lilach S., and Navon M. (2017). “Methodological issues in studying personal values” in: *Values and Behaviour: Taking a Cross-Cultural Perspective*. Cham: Springer, 15–50. Retrieved from: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-319-56352-7_2 (accessed 27.09.2020)
- Rokeach M. (1973). *The nature of human values*. New York: Free Press, 438.
- Schwartz S.H. (1992). “Universals in the content and structure of values: theoretical advances and empirical tests in 20 countries”. *Advances in Experimental Social Psychology*, 25, 1–65. doi: 10.1016/S0065-2601(08)60281-6
- Schwartz S.H., Cieciuch J., Vecchione M., Davidov E., Fischer R., Beierlein C., et al. (2012). Refining the theory of basic individual values. *Journal of Personality and Social Psychology*, 103, 663–688. doi: 10.1037/a0029393
- Schwartz S.H., Melech G., Lehmann A., Burgess S., Harris M., and Owens V. (2001). Extending the cross-cultural validity of the theory of basic human values with a different method of measurement. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 32, 519–542. doi: 10.1177/0022022101032005001
- Sobkin V.S., Andreeva A.I., Rzaeva F.R. (2018). *Researcher in the field of education: sketches for a socio-psychological portrait*. Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta Publ., 248.
- Sobkin V.S., Andreeva A.I., Rzaeva F.R. (2017). On the issue of value orientations of researchers in the field of education. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal* [National psychological journal], 26, 106–115. doi: 10.11621/npj.2017.0212
- Sobkin V.S., Pisarskii P.S. (1994). *Vital Values and attitude to education: cross-cultural analysis Moscow–Amsterdam*. Based on the materials of a sociological survey of teachers, students and parents. Moscow: Tsentr sotsiologii obrazovaniya RAO Publ., 151.
- Sobkin V.S., Smyslova M.M. (2020). Reproduction of scientific personnel in the field of education: incentives and barriers. *Pedagogika* [Pedagogy], 84 (8), 5–16.
- Sobkin V.S., Smyslova M.M., Kolomiets Yu.O. (2020). Migration attitudes of postgraduate students: on the issue of “brain drain”. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya* [Psychological-Educational Studies], 12 (3), 61–79. doi: 10.17759/psyedu.2020120304
- Sobkin V.S., Smyslova M.M., Kolomiets Yu.O. (2020). Socio-psychological features of life and professional plans of graduate students. *Pedagogik* [Pedagogy], 84 (11), 37–47.
- Temnova L.V., Shevchenko O.A. (2012). Motivation of scientific activity of modern scientists of different generations. *Sotsiologiya obrazovaniya* [Sociology of education], 4, 73–85. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17588131> (Accessed: 08.10.2020).
- Tugarinov V.P. (1988) *Selected philosophical works*. Leningrad: Izd-vo Leningr. un-ta Publ., 344.
- Vilar R., Liu J. H.-f., & Gouveia V. V. (2020). Age and gender differences in human values: A 20-nation study. *Psychology and Aging*, 35 (3), 345–356. Available at: <https://doi.org/10.1037/pag0000448> (accessed 20.09.2020)
- Vyaznikova L.F. (2002). Values in education: choosing the path of development. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education], 7 (4), 88–98.
- Yadov V.A. (1979). *Self-Regulation and forecasting of social behavior of the individual*. Leningrad: Nauka Publ., 264.
- Yanitskii M.S. (2000). *Value orientations of the individual as a dynamic system*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat Publ., 204.
- Zdravomyslov A.G. (1986). *Needs. Interests. Values*. Moscow: Politizdat Publ., 223.
- Zdravomyslov A.G. (1997). Value orientations. In *Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'* [Philosophical encyclopedia]. Moscow, Sov. Entsikl. Publ., 732.

Оригинальная статья

УДК 159.9.07, 159.923
doi: 10.11621/npj.2021.0105

Вербальные и невербальные методы в исследовании социальных представлений о счастье

С.А. Избасарова, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

ORCID: 0000-0003-3658-6042

Для контактов. E-mail: sonya.th@yandex.ru

Актуальность (контекст) тематики статьи. Феномен «счастья» обладает семантической неопределенностью и рассматривается преимущественно в рамках корреляционных исследований. Мультимодальный подход к анализу многоуровневых социально-психологических феноменов, в том числе феномена «счастье», весьма актуален и обладает значительным потенциалом.

Целью работы являлось проведение исследования социальных представлений о счастье.

Процедура исследования. Нами было проведено исследование социальных представлений о счастье с помощью визуального анализа фотографий как одного из инструментов качественной методологии. Вторым способом сбора эмпирического материала являлись полуструктурированные интервью. Выборку составили две группы студентов от 21 до 24 лет. Группы были согласованы по составу и социально-экономическому положению. На первом этапе исследования испытуемым было предложено в течение месяца сделать фоторепортаж, состоящий из пяти — семи фотографий, на тему «счастье». Данные были проанализированы с точки зрения комплексной стратегии интерпретации визуальных данных, включающей герменевтический, семиотический, структурный и дискурсивный анализы. На втором этапе с другой группой испытуемых были проведены полуструктурированные интервью, которые впоследствии анализировались в рамках тематического подхода. Было проведено сопоставление данных, полученных разными методами исследования, проанализированы потенциал и ограничения вербальных и визуальных методических подходов.

Результаты. Выявлены ядро и периферия социальных представлений о счастье, структура и содержание презентованы графически. Результаты, полученные путем качественного анализа фотографии, отразили те факторы в содержании социального представления о счастье, которые были незначимы в количественных исследованиях. Была выявлена эмоциональная вариативность исследуемого понятия, благодаря его визуальной презентации.

Заключение. Представленный в работе дизайн исследования с использованием анализа визуальных данных и метода интервью показал свою эффективность в исследовании комплексных социально-психологических феноменов. Возможны несколько направлений дальнейших исследований: содержательный анализ изучаемого феномена иных возрастных групп, вариативность дизайна исследования с использованием других вербальных методов либо подходов к анализу дискурса, модификация стратегии интерпретации визуальных данных при изучении иных мультимодальных феноменов.

Ключевые слова: визуальный анализ, анализ фотографии, социальные представления о счастье, счастье, мультимодальная стратегия исследования, качественные исследования.

Для цитирования: Избасарова С.А. Вербальные и невербальные методы в исследовании социальных представлений о счастье // Национальный психологический журнал. 2021. № 1 (41). С. 53–62. doi: 10.11621/npj.2020.0205

Поступила 24 февраля 2021 / Принята к публикации 18 марта 2021

Verbal and non-verbal methods in studying social representations of happiness

Sofia A. Izbasarova, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-3658-6042

Corresponding author. E-mail: sonya.th@yandex.ru

Background. The phenomenon of “happiness” is characterized by semantic indeterminacy and is mainly considered from the correlative viewpoint. The present study proceeds from the idea of relevance and potential of multimodal approach to the analysis of multilevel socio-psychological phenomena. With this perspective in mind, social representations of happiness were researched with the use of visual analysis of photographs as one of the qualitative methodology tools. The second method of collecting empirical material consisted in semi-structured interviews.

Objective. The aim of the study was to describe social representations of happiness. The procedure was as follows: the sample consisted of two groups of students from 21 to 24 years old. The groups were coordinated as to their composition and socio-economic status. At the first stage of the study test subjects were asked to make a photo report consisting of five to seven photos on the topic “happiness” within a month. The data were analyzed in the light of comprehensive strategy for interpreting visual data, including hermeneutical, semiotic, structural, and discursive analyses. The scheme of photo processing and examples of empirical material are presented below. At the second stage semi-structured interviews were conducted with another group of test subjects and subsequently analyzed in the framework of thematic approach. The data obtained by different research methods were compared and subject to analysis with respect to the potential and limitations of verbal and visual methodological approaches.

Results. The study revealed the core and periphery of social representations of happiness, and the corresponding structure and content were presented graphically. The results obtained by qualitative analysis of the photo material reflected those factors in the content of social representations of happiness that were considered insignificant in quantitative studies. The emotional variability of the concept under study was revealed due to its visual presentation.

Conclusion. The study design presented in the paper implies both the analysis of visual data and the interview method. It has proved effective for studying complex socio-psychological phenomena. Further research could be conducted in several directions: content analysis of the phenomenon under study for other age groups; variation of study design by using other verbal methods or approaches to discourse analysis; modifying the visual data interpretation strategy for studying other multimodal phenomena.

Keywords: visual analysis, analysis of photograph, representations of happiness, happiness, multimodal strategy of research, qualitative research.

For citation: Izbasarova S.A. (2021). Verbal and non-verbal methods in studying social representations of happiness. National Psychological Journal [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal], 14 (1), 53–62. doi: 10.11621/npj.2020.0405

Received February 24, 2020 / Accepted for publication March 18, 2020

Введение

Значимость в жизни того, что люди называют словом «счастье», вряд ли можно ставить под сомнение. Большое количество исследований посвящено пониманию данного феномена и выявлению значимых факторов его переживания.

М. Аргайл, английский специалист в области социальной психологии, обобщил разрозненные исследования счастья того времени, собрав их воедино под одним названием «Психология счастья» (Аргайл, 2003). Данная монография содержит в себе обшир-

Обобщая результаты различных исследований, можно выделить ряд факторов, корреляция (или ее отсутствие) которых с феноменом счастья доказана. Их можно разделить на две группы: значимо коррелирующие со счастьем и не имеющие с ним значимой корреляции.

ные материалы западноевропейских и американских исследований счастья. В частности, обзор Аргайла включает перечисление факторов счастья. Причем, факторы выступают и как источники, и как условия, и как области удовлетворенности жизнью, а иногда и как характеристики самого субъекта — совокупность личностных черт жизни индивида, которые поддаются определению, замеру и обнаруживают статистически значимую связь с удовлетворенностью жизнью. Обобщая результаты различных исследований, можно выделить ряд факторов, корреляция (или ее отсутствие) которых с феноменом счастья доказана. Их можно разделить на две группы: значимо коррелирующие со счастьем и не имеющие с ним значимой корреляции. К первой группе относятся: оптимизм, социальные связи, брак, наличие интересной работы, религия, духовность, свободное время, хороший сон, физические упражнения, социальное положение, субъективное здоровье. Факторы, не коррелирующие со счастьем: возраст, физическая привлекательность, деньги, пол, уровень образования, наличие детей, уровень безопасности в обществе, качество жилья, объективное здоровье (Аргайл, 2003). Результаты данных исследований по-прежнему актуальны. В связи с этим нам представляется необходимым детальное рассмотрение доказанных корреляций.

В ответе на вопрос: «Что такое счастье?», человек опирается на знания, функции и воспроизводство которых социально обусловлены и широко представлены в массовом сознании. Следовательно, будет уместным рассмотреть понятие «счастье» в рамках концепции социальных представлений. Наряду с С. Московичи, теорию социальных представлений разрабатывали Д. Жоделе, Р. Фарр, В. Дуаз, Ж.-К. Абрик и другие. Структурными элементами социального представления, по Ж.-К. Абрику, являются ядро и периферия (Abrig, 2001). Ядро представления характеризуется стабильностью, устойчивостью к изменениям, тесно связано с коллективной памятью

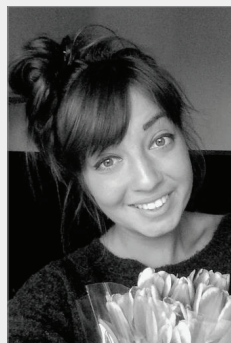
и историей социальной группы, ее ценностями и нормами. Ядро определяет структуру всего представления, придает ему смысл. Выделение центрального ядра представления основывается на следующих коли-

чественных критериях: 1) уровне согласия мнений членов группы о важности данной характеристики объекта представления; 2) оценке необходимости характеристик для определения объекта. Периферическая система связана с индивидуальным опытом и памятью, она динамична и изменчива, за счет чего способна адаптироваться к конкретной реальности, выполняя защитную функцию ядра и перестраиваясь при наличии расхождения между наличными элементами представления и новыми компонентами, отражающими меняющуюся реальность (Бовина и др.,

В нашей работе проведено исследование социальных представлений о счастье с помощью визуального анализа фотографий как одного из инструментов качественной методологии. Термин «визуальная культура» в последнее время достаточно часто используется как одна из характеристик современного общества.

2009). Данная модель способна наиболее полно описать социальное представление о счастье и показать взаимосвязь его структурных элементов.

В нашей работе проведено исследование социальных представлений о счастье с помощью визуального анализа фотографий как одного из инструментов качественной методологии. Термин «визуальная культура» в последнее время достаточно часто используется как одна из характеристик современного общества. Взаимодействие человека с миром опосредованно ви-

Софья Алишеровна Избасарова — психолог кафедры социальной психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова
ORCID: 0000-0003-3658-6042
<https://istina.msu.ru/profile/adamchuck/>

Sofia A. Izbasarova — Psychologist, Department of social psychology Lomonosov Moscow State University
ORCID: 0000-0003-3658-6042

зуальной информацией. В связи с этим, визуальные данные и их исследование занимают особое место в психологии (Штомпка, 2007). Визуальные образы в значительной степени вплетены в повседневность. Восприятие окружающего мира становится все более опосредованным изображениями. Образы конструируют и формируют наше постижение мира (Мельникова, Мезенцева; 2018).

Использование фотографии как исследовательского приема для качественного анализа поможет нам приблизиться к расшифровке сложных социально-психологических феноменов, ведь любой опыт может быть подвержен визуальной регистрации.

В качестве аргументации к использованию визуальных методов в научных работах современными исследователями приводятся следующие положения: эмоциональная насыщенность данных, факт участия респондентов в формировании контекста собственного опыта способствует их рефлексии, актуальность метода в рамках рассмотрения многоуровневых и многомодальных явлений (Шильманская, 2020).

Петр Штомпка, один из крупнейших социологов современности, разработал концепцию, согласно которой, фотография — всегда есть снимок чего-то, и это что-то отражает какие-то общественные закономерности, явления, события. Фотографии конструируют человека, общество, они репрезентируют некую информацию о своих создателях (Штомпка, 2007). Фотография создана людьми, представляет социальную жизнь и является предметом общественного восприятия. Все эти аспекты предполагают детальный анализ в исследовательском проекте.

Визуальная фиксация данных распространена в повседневной жизни людей. В последнее время люди все чаще позиционируют себя через фотографические образы, появляются специализированные социальные сети. Использование фотографии как исследовательского приема для качественного анализа поможет нам приблизиться к расшифровке сложных социально-психологических феноменов, ведь любой опыт может быть подвержен визуальной регистрации (Flick, 2009).

Проведение исследования

В данной работе объектом исследования являются социальные представления о счастье. Предмет исследования — содержание социальных представлений о счастье. Цель исследования — описание содержания социальных представлений о счастье.

Нами был выбран поисковый план исследования, который не предполагает выдвижения гипотез. Тем не менее, в нашем исследовании мы исходили из следующего предположения. Благодаря отсутствию жесткой схемы исследования и использованию фотографии как исследовательского инструмента, мы можем выявить визуальную составляющую социального пред-

ставления о счастье. Помимо этого, снимок будет являться стимульным материалом для дальнейшего получения комментариев к фотографиям. С помощью данного вербального сопровождения визуального ряда можно «заякорить» определенные субъективные значения, вкладываемые автором в снимок, и проанализировать возможные невербализуемые моменты в рамках социальных представлений о счастье (Барт, 1997).

Визуальный анализ, как правило, часто подвергается критике за неадекватность масштаба интерпретаций и субъективность полученных результатов. Здесь возникает вопрос о валидности подобных работ, что подразуме-

вает оценку проведенного эмпирического исследования с точки зрения «правильности» его организации и возможности считать полученные результаты и сделанные выводы достоверными.

Триангуляция — это вспомогательная стратегия качественного исследования, позволяющая рассмотреть изучаемый предмет с нескольких точек зрения. Это возможно за счет обращения к новым методам сбора и анализа информации (Мельникова, Хорошилова, 2020). Данная стратегия поможет нам, с одной стороны, показать потенциал использования качественного анализа фотографии как исследовательского приема, где будет сделан акцент на невербальной информации, а с другой, при комбинации с иным качественным методом, позволит с разных ракурсов рассмотреть изучаемое явление и исключить угрозы валидности исследования. В настоящей работе был выбран метод полуструктурированного интервью.

На первом этапе исследования носителями социальных представлений счастья в нашей работе являются студенты МГУ имени М.В. Ломоносова. Были собраны и получены фоторепортажи и комментарии к ним

Визуальный анализ, как правило, часто подвергается критике за неадекватность масштаба интерпретаций и субъективность полученных результатов. Здесь возникает вопрос о валидности подобных работ, что подразумевает оценку проведенного эмпирического исследования с точки зрения «правильности» его организации и возможности считать полученные результаты и сделанные выводы достоверными.

у семи человек в возрасте от 21 до 24 лет. Все они являются неработающими студентами МГУ имени М.В. Ломоносова, то есть занимают одинаковое социально-экономическое положение. Количество студентов обусловлено спецификой проведения качественного исследования, которая подразумевает описательное насыщение данных, что возможно при размере выборки от 6 до 8 человек (Бусыгина, 2019).

Триангуляция как стратегия валидации предполагает сопоставление данных, полученных разными методами. Для этой цели на втором этапе исследования были проведены полуструктурированных интервью со второй группой испытуемых в возрасте от 21 до 24 лет. Социально-экономическое положение респондентов то же, что и на первом этапе, группы согласованы по составу.

На первом этапе исследования испытуемым было предложено в течение месяца сделать фоторепортаж, состоящий из пяти — семи фотографий, на тему «счастье». Единственным условием было требование, чтобы фотографии были сделаны самим респондентом. Далее проводилась встреча с каждым участником лично для уточнения информации о снимках — респонденты давали названия своим фотографиям и приводили аргументы, почему снимки были включены в их фоторепортаж. Далее был проведен первичный анализ фоторепортажей, а затем они анализировались в рамках стратегии обработки, предложенной П. Штомпка. Она включала в себя четыре вида анализа: герменевтический, семиотический, структурный и дискурсивный (Штомпка, 2007). Герменевтическая интерпретация включает в себя анализ намерений фотографа: что он хотел рассказать, какое знание репрезентирует, какие разделяет предубеждения и стереотипы, какой личный опыт задействован, какие эмоции передаются. На этапе семиотической интерпретации проводилось противопоставление денотации и коннотации образов. Денотация — все то, что образ наглядно представляет, или к чему знак непосредственно относится. Коннотация — это более сложные ассоциации, мысли, чувства, которые вызывает образ (знак). В качестве структурной интерпретации использовалась схема INIS для выявления декларируемых общественных отношений, включающая следующие параметры анализа:

- 1) формы взаимодействия в обществе (I — интеракции);
- 2) общественные правила, описывающие желаемый способ или стиль поведения (N — нормы);
- 3) идеи, распространенные в обществе, взгляды, предубеждения (I — совокупность идей);
- 4) жизненные возможности доступа к общественно ценным благам, то есть к богатству, престижу, образованию, здоровью (S — шанс) (Штомпка, 2007).

Дискурсивная интерпретация подразумевает анализ аудитории, которой предназначен снимок: ценности целевой аудитории, ее потребности и интересы.

При рассмотрении фоторепортажей был сделан акцент на нескольких моментах.

Во-первых, при анализе данных была соблюдена четкая ориентация на раскрытие содержания социальных представлений о счастье. Во-вторых, для контроля субъективности был выбран метод экспертных оценок, где несколько исследователей независимо друг от друга проводили анализ данных и в рамках последующей дискуссии приходили к определенным результатам. (Мельникова, Хорошилов; 2020).

В рамках триангуляции как стратегии валидации на втором этапе исследования были проведены серии из семи полуструктурированных интервью, которые записывались на диктофон. После приветствия, разъяснений сути исследования, гарантий анонимности и конфиденциальности респондентам задавался основной вопрос в форме предложения рассказать о том, что такое «счастье» («Мне хотелось бы, чтобы Вы мне рассказали, что такое “счастье”, как Вы это понимаете,

что Вас делает счастливым, может быть вспомнить случай из своей жизни, когда Вы были счастливы»). После этого шла стадия слушания — респондентам предлагалось ответить на уточняющие вопросы, направленные на осмысление рассматриваемого понятия (с чем ассоциируется у Вас счастье? Можете дать определение счастья? Как бы Вы описали свою счастливую жизнь?). Первичный анализ стенограмм интервью проводился с целью выявления основных акцентов в рассказе, определения основной темы повествования и позиции рассказчика.

Текст каждого интервью был проинтерпретирован с позиций тематического подхода. Тематический анализ материалов интервью проводился в несколько этапов: составление системы тематических категорий на основе эмпирических задач исследования и первичного анализа материалов интервью, разбиение текстов на смысловые блоки и их резюмирование, соотнесение смысловых блоков текста с тематическими категориями, анализ содержания системы тематических категорий (Esin et al., 2013).

Далее был проведен сравнительный анализ данных, полученных разными методами исследования и их результатов.

Результаты

На основе первичного анализа фоторепортажей и полученных к ним комментариев была проведена интерпретация фотографий. Для иллюстрации техники извлечения содержания фотографий приводим таблицу первичного анализа одной из фотографий (табл. 1).

Результаты интерпретации затрагивают разные грани жизни авторов. По цветовой гамме фотографии варьируются от светлых спокойных тонов до ярких и красочных всплесков. И те и другие выполнены в теплой цветовой гамме. Данные свойства фоторепортажей свидетельствуют о двух гранях переживания ощущения счастья: от гармонии и безмятежности до бури положительных эмоций.

Если говорить о факторах, значимых для переживания счастья, то ключевыми являются значимые другие: семья, друзья, молодой человек или девушка, дети, домашние животные. Данное содержание можно назвать ядром социального представления о счастье, так как оно находит в том или ином виде отражение в каждом фоторепортаже, а в некоторых упоминается неоднократно. Причем данная категория на уровне общественной жизни рассматривается в качестве функционирования как единого целого — подчеркивается целостность семьи, возлюбленных, друзей, ценность совместного времяпрепровождения, переживания одних и тех же эмоций, почитание семейных традиций. В качестве примера можно привести следующие фотографии:

На периферии социального представления о счастье находятся путешествия, имеющие две грани: эстетическое удовольствие и саморазвитие. Зачастую путешествия совершаются совместно со значимыми

Таблица 1. Первичный анализ фотографий

Название снимка	Семioticическая интерпретация			Структурная интерпретация		Дискурсивная интерпретация	
	Денотация	Коннотация	На уровне интеракции	На уровне норм	На уровне идей		
Друзья	<p>Респонденту важно его окружение, совместное времяпрепровождение с людьми, разделяющими его ценности. Это интересует его из факторов счастья</p>	<p>Камера расположена сверху. За столом на разноцветных диванах сидят четыре девушки и два парня, которые общаются, не замечая камеры. На лицах заметны улыбки. Одежда молодых людей согласована по цветовой гамме, а у девушек одинаковые прически. В центре кадра стол, на котором расположены напитки и гаджеты участников группы. На заднем фоне дверь и сумки</p>	<p>Стол символизирует совместную деятельность для сидящих за ним людей, он — связующее звено. Ребята поглощены общением друг с другом, ничто не может их отвлечь, все гаджеты безучастно лежат на столе. Цветовая гамма интерьера яркая, красочная, что отражает их эмоционально насыщенные положительные переживания от взаимодействия друг с другом. Состояние дружелюбия и единения</p>	<p>Дружеское общение</p>	<p>Совместное времяпрепровождение со значимыми другими</p>	<p>Значимость личности близкого окружения.</p>	<p>Фото рассчитано на широкую публику, так как идеи и эмоции, отраженные на фото, понятны, и они могут найти отклик у разных социальных групп</p>

Table 1. Primary analysis of photos

Title of the photo	Semiotic interpretation			Structural interpretation		On the level of possibilities
	Denotation	Connotation	On the level of interaction	On the level of norm	On the level of idea	
Friends	<p>The camera looks from above. A table is surrounded by multicoloured sofas occupied by four young girls and two boys who talk without noticing the camera. Their faces are smiling. The young people's clothes are balanced as to colour range, and the girls' hairstyles are identical. The central part of the photo shows the table with drinks and the gadgets of the group members. In the background one can see the door and bags.</p>	<p>The table is a kind of linking element that symbolizes common activity of the people gathered around it. The young people are absorbed in communication, nothing can detract them, all the gadgets are on the table, and no one pays attention to them. The furnishings are colourful, which represents the intense and positive emotional experience of having good time together. The balanced, coherent looks of the participants symbolize their unanimity.</p>	<p>Friendly communication.</p>	<p>Having good time together with people who mean much to us.</p>	<p>The importance of having close friends.</p>	<p>One can trace the idea of social conformity on various attributes of prestige (iPhones, watches, cocktails, laptop PC), which highlights the people's common social-economical background.</p>

Фото 1. Друзья
Photo 1. Friends

Фото 2. Новогодняя сказка
Photo 2. Christmas Fairy Tale

другими. Следующее содержание — это духовное развитие как саморазвитие и знакомство с новыми интересными людьми. При получении знаний значимой является поддержка близкого окружения. Творческая самореализация также важна для респондентов для ощущения счастья.

В каждом фоторепортаже на большинстве фотографий, какую бы сферу они ни затрагивали, присутствуют атрибуты престижа. Это касается даже друзей и возлюбленных, которые на фотографиях представлены равными по статусу и материальному положению. В двух фоторепортажах представлены фотографии «Материальные ценности» и «Зарабатывай»:

Эти факты свидетельствуют о прямой зависимости счастья от материальной составляющей. Но деньги не являются ключевым содержанием социального

представления о счастье. Проводя интерпретацию фотографии «зарабатывай», можно сказать, что деньги являются таким же ресурсом для счастья, как для человека — еда. Они представлены в фоторепортажах в качестве фактора, влияющего на полноценное функционирование других содержаний. Но без других содержаний деньги приносить счастье не будут.

На основе первичного анализа материалов интервью нами были выделены следующие тематические категории, позволяющие анализировать феномен счастья:

- факторы, влияющие на ощущение счастья;
- раскрытие самого понятия «счастье»;
- черты, характеризующие счастливого человека;
- условия, при которых человек чувствует себя счастливым.

Фото 3. Любите друг друга непринужденно
Photo 3. Love each other at ease

Фото 4. Зарабатывай
Photo 4. Earn money

Фото 5. Материальные ценности

Photo 5. Material values

Категории охватывают достаточно широкое содержание, за счет чего можно раскрыть содержание социальных представлений о счастье.

На основе содержания категории «факторы, влияющие на ощущение счастья» мы смогли выявить источники данного переживания. Это присутствие и поддержка семьи и близких людей, материальное обеспечение и успех в значимой деятельности.

На основе содержания категории «раскрытие самого понятия» мы можем обозначить счастье как сочетание умиротворенного спокойного расположения духа с яркими положительными эмоциями, вызванные значимыми событиями. Данные ощущения находят свое отражение в воспоминаниях. Одна из испытуемых привела аналогию счастья с «бездонным сосудом, детали которого могут меняться, но

основной пазл остается неизменным на определенном этапе жизни человека. Естественно, его нерушимость может пошатнуться, все зависит от формы и веса деталей».

На основе содержания категории «черты, характеризующие счастливого человека» мы выделили следующие характеристики: целеустремленность, успешность в значимой деятельности, компетентность в различных сферах жизни, самореализация, беспечность в хорошем смысле этого слова. Он ценит то, что у него есть, но при этом не останавливается на достигнутом.

Категория «условия, при которых человек чувствует себя счастливым» включает в себя отдых в теплое время года, в солнечную погоду, при отсутствии какого-либо контроля, совместно с близкими тебе людьми. Если речь идет о работе, то она должна быть творческой, интересной и захватывающей.

Таким образом, можно описать содержание социальных представлений о счастье и выявить его структуру. Эмоциональная составляющая включает в себя две вариации: спокойное, безмятежное настроение и яркие положительные эмоции.

Ядро содержит абсолютные предписания, а периферия — относительные предписания. Ядро можно противопоставить периферии в том смысле, что ядро образовано элементами, отражающими коллективный опыт и ценности, коренящиеся в культуре, а периферия — элементами, нацеленными на адаптацию к каждодневной жизни. Очевидно, что ядро и периферия находятся в иерархических отношениях, где ядру подчинена периферическая система. В качестве критериев, позволяющих различать ядро и перифе-

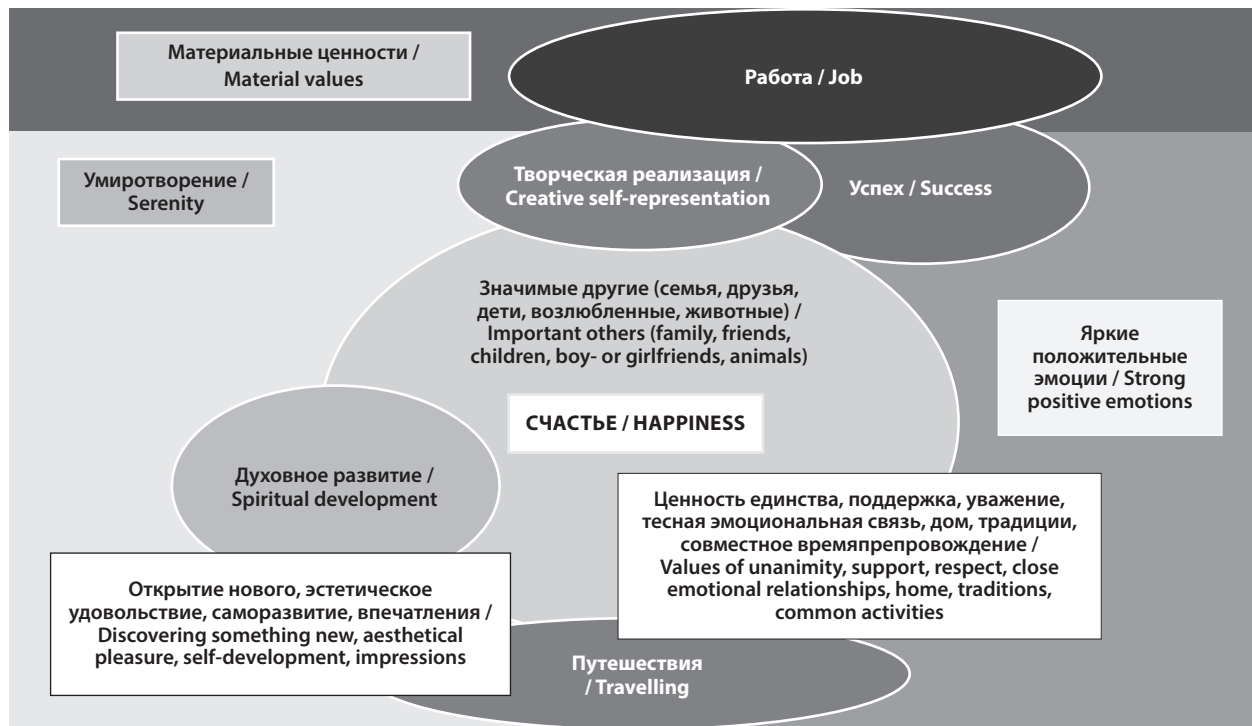

Рис. 1. Содержание социального представления о счастье / Figure 1. Content of the social representations of happiness

Figure 1. Content of the social representations of happiness

рию, можно использовать следующие: выпуклость элементов ядра, условность-безусловность (элементы ядра безусловны), символическая ценность (элементы ядра придают смысл всему представлению), ассоциативная сила (элементы ядра определяют отношения между элементами представления) (Бовина и др., 2009). Эти критерии, по сути, вытекают из определения ядра и периферической системы представлений.

Ядром социального представления о счастье являются значимые другие: семья, друзья, возлюбленные, дети, домашние животные. Периферией представления являются путешествия, духовное развитие, твор-

Ядром социального представления о счастье являются значимые другие: семья, друзья, возлюбленные, дети, домашние животные. Периферией представления являются путешествия, духовное развитие, творческая самореализация, успех в значимой деятельности. «Фундаментом» социального представления о счастье, которое напрямую связано с содержанием, является материальное обеспечение человека.

ческая самореализация, успех в значимой деятельности. «Фундаментом» социального представления о счастье, которое напрямую связано с содержанием, является материальное обеспечение человека.

Социальное представление о счастье можно представить следующим образом (рис. 1).

Выводы

Проанализированы невербализованные элементы социальных представлений о счастье с точки зрения наличия взаимосвязей между различными содержаниями исследуемого феномена, которые прослеживались в рамках каждого отдельного фоторепортажа. По цветовой гамме можно проследить эмоциональную составляющую представления, которая имеет яркую и положительную окраску. По качеству изображенных объектов и их взаимосвязи можно посмотреть, в каких субъективных координатах функционирует человек, какие существуют общественные отношения. Снимки ярко и детализировано раскрывают компоненты счастья, факторы, влияющие на ощущение данного переживания. За каждым снимком читается своя история, свой глубокий смысл. Несмотря на это, нам удалось выявить общие аспекты социального представления о счастье, выделить ядро, периферию и показать, в каких отношениях они находятся.

На втором этапе исследования при анализе вербальной информации нам удалось выделить тематические категории, в соответствии с которыми испытуемые описывали счастье, и соотнести их с содержанием повествования респондентов. Благодаря применению триангуляции как стратегии валидации, удалось проследить совпадение компонентов данного социального представления, как в фоторепортаже, так и в интервью. Однако данные, полученные в результате интервью, оказались менее информативны-

ми, взаимосвязь содержаний проследить не удалось. Респонденты ограничивались сухим перечислением компонентов счастья. Причиной этого может быть ограниченность метода, который рассматривает изучаемое социально-психологическое явление без наличия определенного образа. Можно предположить, что социальное представление о счастье достаточно трудно описать словами, легче зафиксировать, показать, особенно в связи с распространением таких социальных сетей, где визуальные образы являются основным контентом: Instagram, TikTok.

В рассмотренных нами количественных исследованиях были выделены факторы, не коррелирующие со счастьем: деньги, уровень образования, наличие детей, уровень безопасности в обществе, качество жилья (Аргайл, 2003). Результаты, полученные путем качественного анализа фотографии, напротив, выявили влияние данных факторов на социальное представление о счастье. Причинами могут быть способности визуального образа выявлять неосознаваемые моменты в представлениях о счастье, так как фотография, по Маркусу Бэнксу, является социологическим инсайтом (Banks, 2018). Стоит также отметить, что исследование проведено на определенной гомогенной выборке, что накладывает ограничения на распространение полученных результатов на другие социально-демографические группы. Вместе с тем, нельзя не принимать во внимание социальную природу исследуемого представления, которое претерпевает существенные изменения за счет стремительного развития цифрового общества. Представляется возможным рассмотрение исследуемого феномена в рамках других социально-демографических групп с помощью вербальных и невербальных методов с целью соотнесения результатов.

Предлагаемый способ фиксации данных понятен респондентам, вызывает у них интерес. Применение визуальных методов, нацеленных на изучение не статистических, а содержательных взаимосвязей помогло выявить ядро и периферию социальных представле-

Нельзя не принимать во внимание социальную природу исследуемого представления, которое претерпевает существенные изменения за счет стремительного развития цифрового общества. Представляется возможным рассмотрение исследуемого феномена в рамках других социально-демографических групп с помощью вербальных и невербальных методов с целью соотнесения результатов.

ний о счастье. Таким образом фиксируется ценность иконической составляющей знака при изучении социальных явлений в современном обществе. При реализации предлагаемого дизайна качественного исследования с использованием анализа визуальных данных и метода интервью как способа валидации можно рассмотреть изучаемое явление с двух принципиально разных точек зрения. Рассмотренный дизайн показал свою эффективность в исследовании комплексных социально-психологических феноменов.

Литература

- Аргайл М. Психология счастья. Санкт-Петербург : Питер, 2003. 271 с.
- Барт Р. Мифологии. Москва : Академический проект, 2008. 351 с.
- Барт Р. Camera lucida. Комментарии к фотографии. Москва : Ad Marginem, 1997. 87 с.
- Бовина И.Б., Стефаненко Т.Г., Тихомандрицкая О.А., Малышева Н.Г., Голыничик Е.О. Россия в современном мире: подход теории социальных представлений [Электронный ресурс] // Знание. Понимание. Умение : [сайт]. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/2/Bovina&Stefanenko&Tikhomandritskaya&Malysheva&Golynchik/> — (дата обращения 12.02.21).
- Бусыгина Н.П. Качественные и количественные методы исследования в психологии. Москва : Юрайт, 2019. 423 с.
- Мельникова О.Т., Мезенцева А.С. Визуальные методы в социально-психологическом исследовании [Электронный ресурс] // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 42–52. [сайт]. URL: https://psyjournals.ru/files/95698/sps_2018_n3_Melnikova_Mezentseva.pdf — (дата обращения 17.02.21). doi: 10.17759/sps.2018090305
- Мельникова О.Т., Хорошилов Д.А. Методологические проблемы качественных исследований в психологии. Москва : Акрополь, 2020. 236 с.
- Шильманская А.Е. Возможности визуальных методов в качественных психологических исследованиях личности // Культурно-историческая психология. 2020. Т. 16. № 4. С. 49–55. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.202016040>
- Штомпка П. Визуальная социология. Фотография как метод исследования. — Москва : Логос, 2007. 200 с.
- Abric, J.-C. A structural approach to social representations. In K. Deaux & G. Philogène (Eds.). *Representations of the social: Bridging theoretical traditions*. (2001). — Oxford: Blackwell. — p. 42–47.
- Banks M. Using visual data in qualitative research. (2018). — L: Sage. — 152 p. doi: 10.4135/9781526445933
- Cox L. The ultimate list of Instagram stats. (2019). *HUBSPOT*. Retrieved from: <https://blog.hubspot.com/marketing/instagram-stats> (accessed 18.02.2020) (In Eng.).
- Esin, C., M. Fathi, C. Squire. *Narrative Analysis: The Constructionist Approach*. (2013). — L: Sage. Available at: https://repository.uel.ac.uk/download/64882ecb0528c9defd8ac52934476e22278210e623c5bec58b29805021eeb14b/91351/2013_Esin_et-al_Narrative_analysis.pdf (accessed 12.02.2021) (In Eng.)
- Flick U. *An introduction to qualitative research*. (2009). — University of East London: Sage. — CHAP. xviii.

References:

- Abric, J.-C. (2001). A structural approach to social representations. In K. Deaux & G. Philogène (Eds.). *Representations of the social: Bridging theoretical traditions*. Oxford: Blackwell, p. 42–47.
- Argajl M. (2003). *Psychology of happiness*. Saint Petersburg: Piter, 271 p. (In Russ.).
- Banks M. (2018). Using visual data in qualitative research. L: Sage, 152 p. doi: 10.4135/9781526445933
- Bart R. (1997). *Camera lucida. Comments on photography*. Moscow: Ad Marginem, 87 p. (In Russ.).
- Bart R. (2008). *Mythologies*. Moscow: Akademicheskij proekt, 351 p. (In Russ.).
- Bovina I.B., Stefanenko T.G., Tikhomandritskaja O.A., Malysheva N.G., Golynchik E.O. (2009). Russia in modern world: an approach to the theory of social representations. [Electronic resource]. Knowledge. Understanding. Skill. [humanities information portal] URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/2/Bovina&Stefanenko&Tikhomandritskaya&Malysheva&Golynchik/> (accessed: 12.02.21). (In Russ.).
- Busygina N.P. (2019). *Qualitative and quantitative methods of study in psychology*. Moscow: Izdatel'stvo Jurajt, 423 p. (In Russ.).
- Cox L. (2019). The ultimate list of Instagram stats. *HUBSPOT*. Retrieved from: <https://blog.hubspot.com/marketing/instagram-stats> (accessed 18.02.2020).
- Esin, C., M. Fathi, C. Squire. *Narrative Analysis: The Constructionist Approach*. (2013). — L: Sage. Available at: https://repository.uel.ac.uk/download/64882ecb0528c9defd8ac52934476e22278210e623c5bec58b29805021eeb14b/91351/2013_Esin_et-al_Narrative_analysis.pdf (accessed 12.02.2021).
- Flick U. (2009). *An introduction to qualitative research*. University of East London: Sage. CHAP, xviii.
- Mel'nikova O.T., Horoshilov D.A. (2020). *Methodological problems of qualitative studies in psychology*. Moscow: Akropol', 236 p. (In Russ.).
- Mel'nikova O.T., Mezenceva A.S. (2018). Visual methods in social-psychological studies. *Social psychology and society. [Social'naja psihologija i obshhestvo]*, 9 (3), 42–52. URL: https://psyjournals.ru/files/95698/sps_2018_n3_Melnikova_Mezentseva.pdf (accessed: 17.02.21). (In Russ.). doi: 10.17759/sps.2018090305
- Shil'manskaja A.E. (2020). Possibilities of visual methods in qualitative psychological studies of personality. *Cultural-historical psychology. [Kul'turno-istoricheskaja psihologija]*, 16 (4), 49–55. doi: 10.17759/chp.202016040/ (In Russ.).
- Shtompka P. (2007). *Visual sociology. Photography as study method*. Moscow: Logos, 200 p. (In Russ.).

Оригинальная статья

УДК 159.922.4, 159.9.07
doi: 10.11621/npj.2021.0106

Вступление в межкультурный брак: факторы выбора брачного партнера

М.В. Алагуев, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-9261-6202
Для контактов. E-mail: malaguev@hse.ru

Актуальность. Межкультурные браки представляют собой модель межкультурных отношений на микроуровне и могут помочь понять меняющееся общество эпохи глобализации.

Цель: выявление отношения к вступлению в межкультурный брак и факторов, влияющих на выбор инокультурного брачного партнера у русских и бурят в Республике Бурятия.

Описание хода исследования. Исследование проводилось в 2020 г. в Республике Бурятия с помощью социально-психологического опроса на онлайн-платформе. Выборка (использовался метод «снежный ком») включала представителей 2-х этнических групп: русские ($N = 111$) и буряты ($N = 102$).

Результаты исследования. Отношение к вступлению в межкультурные браки в обеих группах выше среднего, при этом значимых различий между группами не выявлено. Отрицательное отношение к межкультурным бракам среди бурят в большей степени, чем среди русских, определялось факторами, отражающими принятие межкультурных браков родственниками, близкими и обществом в целом. Среди русских больше, чем среди бурят, отрицательное отношение к таким бракам связано с факторами, отражающими несоответствие личностных характеристик будущего супруга (ценностей, норм поведения) и правил межличностного общения. И для русских, и для бурят отрицательное отношение к вступлению в межкультурный брак связано со значимостью культурных факторов, сопряженных с повседневным общением (прием, приготовление пищи), особенностями воспитания детей и религиозными убеждениями.

Заключение. В целом общий благоприятный «дух времени», сложившийся в Бурятии в отношении межкультурных браков, способствует толерантному отношению к заключению таких супружеских союзов и у русских, и у бурят.

Ключевые слова: межкультурный брак, установки на межкультурный брак, факторы выбора инокультурного супруга.

Для цитирования: Алагуев М.В. Вступление в межкультурный брак: факторы выбора брачного партнера // Национальный психологический журнал. 2021 № 1 (41). С. 63–75. doi: 10.11621/npj.2021.0106

Поступила 7 февраля 2021 / Принята к публикации 10 марта 2021

Entry into intercultural marriage: factors of spouse choice

Mikhail V. Alaguev, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-9261-6202

Corresponding author. E-mail: malaguev@hse.ru

Background. Intercultural marriages are micro-level models of intercultural relations and can help to understand the changing society of the globalization era.

The objective. Revealing attitudes towards entry into intercultural marriage and factors influencing the choice of a foreign cultural marriage partner among Russians and Buryats in the Republic of Buryatia.

Design. The study was conducted in 2020 in the Republic of Buryatia using a socio-psychological survey on online platform. The convenience sample was used (the “snowball” method). The sample included representatives of 2 groups: Russians (N = 111) and Buryats (N = 102).

Results. The analysis showed that the attitude towards entry into intercultural marriage in these groups is above average, while no significant differences were found between the groups. The negative attitude towards intercultural marriages among Buryats to a greater extent than among Russians was determined by factors reflecting the acceptance of intercultural marriages by relatives, loved ones and society in general, which was more significant for the Buryats. Among the Russians, more than among the Buryats, negative attitudes were interconnected with factors reflecting personal characteristics of the future spouse (values, norms of behavior) and interpersonal communication. For both the Russians and the Buryats, negative attitude towards entering into intercultural marriages is associated with the importance of proximity of cooking traditions, naming, raising children and their identity, as well as religious beliefs.

Conclusion. The general favorable “Zeitgeist” in Buryatia towards intercultural marriages contributes to the tolerant attitude towards the creation of such married couples among both the Russians and the Buryats.

Keywords: intercultural marriage, attitudes towards intercultural marriage, factors of choosing spouse of a different culture.

For citation: Alaguev M.V. (2021). Entry into intercultural marriage: factors of spouse choice. National Psychological Journal [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal], 14 (1), 63–75 . doi: 10.11621/npj.2021.0106

Received February 7, 2021 / Accepted for publication March 10, 2021

Введение

Благодаря глобализации, ранее существовавшие социальные барьеры со временем устраняются, что позволяет людям быть более открытыми к межкультурному контакту на самых разных уровнях, вплоть до межкультурных браков, являющихся важнейшим показателем межкультурных отношений (Skowronski et al., 2014). Как отмечают исследователи, количество межкультурных браков стабильно растет во всем мире (Fletcher et al., 2014; Markus, Kitayama, 1998; Heikkilä, Rauhut, 2015).

Существует множество определений, которыми обозначаются браки между представителями разных культур: смешанный брак (mixed marriage) (Rahnu et al., 2020); межкультурный брак (intercultural marriage) (Ростовская, Ростовская, 2016; Mcfadden, Moore, 2001); национально-смешанный, этнически-смешанный брак (Гриценко, 1991; Ташева и др., 2016); межнациональный брак (Бокова, 2007), интернациональный (international), транснациональный (transnational) брак (Chang, 2016; Gaspar, Ferreira, & Ramos, 2017), межэтнический (interethnic), биэтнический (bi-ethnic) брак (Gorenburg, 2006; McDoom, 2019) и др.

Эти определения имеют различия, но частично совпадают (Sullivan, Cottone, 2006). Различия обуслов-

Благодаря глобализации, ранее существовавшие социальные барьеры со временем устраняются, что позволяет людям быть более открытыми к межкультурному контакту на самых разных уровнях, вплоть до межкультурных браков, являющихся важнейшим показателем межкультурных отношений.

лены изначальными терминами «национальность», «этнос», «культура». В данной работе мы будем использовать понятие «межкультурный брак», исследуя супружеский союз представителей двух культур (двух этносов и двух религиозных конфессий), который порождает взаимодействие этих социальных систем в достаточно маленьком, но очень важном частном случае — семье (Campbell et al., 2012).

На значимость не только этнической, но и религиозной принадлежности указывали Bin-Tahir, Bugis и Tasiana (Bin-Tahir et al., 2017), выявившие, что межкультурное взаимодействие (межрелигиозное и межэтническое) в семье способствует формированию

общей социальной идентичности у членов семьи, так как культурно (этнически и религиозно) различные супруги могут интегрироваться в одно общество, приобретая знания о культуре партнера. Осведомленность о культурном разнообразии является ключом к успеху межкультурного общения (Bin-Tahir et al., 2017). Е.Ю. Чеботарева и М.И. Волк пишут, что изучение межкультурных семей зачастую не включает контроль такой переменной, как религиозная принадлежность супругов, что может объяснить рассогласованность данных различных ученых, исследующих феномен межкультурной брачности (Chebotareva, Volk, 2020).

Исследование отношения к вступлению в межкультурные браки и факторов, его обуславливающих

Существует множество различных моделей, объясняющих мотивы вступления в брак, в том числе межкультурный. Согласно научным данным, на намерение и подход человека к вступлению в брак влияют такие факторы, как сходство по расе, происхождению, религиозной и социальной принадлежности, ценностным ориентациям и совпадению базовых потребностей (Ильин, 2012; Centers, 1975), физическая

привлекательность партнера (Buss, Schmitt, 1993), а также такие демографические и социокультурные факторы, как возраст, пол, этническая принадлежность и уровень образования (Quisumbing, Hallman, 2003; Rezadost, Mombeni, 2011; Matysiak et al., 2012; Abela, Walker, 2014; Hayford et al., 2014; Yang, Yen, 2014).

Антропологи при изучении отношения к межкультурным бракам обращают внимание на культурные сходства и различия в нормах, табу, моделях поведения и пр. (Henrich et al., 2012; Walker et al., 2011). Брачные практики значительно различаются от культуры к культуре, начиная от строгих предписаний и браков по договоренности в некоторых обществах, до в основном нерегулируемых ухаживаний — в других, от присутствия до отсутствия брачных услуг и выкупа за невесту, а также от полиандрии до полигинных союзов (Walker et al., 2011). Можно сказать, что антро-

Михаил Викторович Алагуев —

аспирант, аспирантская школа по психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ORCID: 0000-0002-9261-6202

<https://www.hse.ru/org/persons/254303286>

Mikhail V. Alaguev —

Ph.D. student, Doctoral School of Psychology, National Research University Higher School of Economics

ORCID: 0000-0002-9261-6202

пологи анализируют взаимодействие представителей разных культур в рамках брачного союза.

Одним из важных направлений социологии семьи является изучение готовности вступления в брак, в том числе и межкультурный. По мнению З.В. Сике-

Брачные практики значительно различаются от культуры к культуре, начиная от строгих предписаний и браков по договоренности в некоторых обществах, до в основном нерегулируемых ухаживаний — в других, от присутствия до отсутствия брачных услуг и выкупа за невесту, а также от полиандрии до полигинных союзов.

вич и Ю.А. Поссель (2019), готовность человека вступить в брак с представителем иной национальности, создать с ним семью и родить детей является высшей формой преодоления этносоциальной дистанции, то есть наличием установок на толерантность. Проведенный опрос показал, что к появлению невестки иной национальности или религии среди россиян в целом отрицательно или в зависимости от национальности относятся 21,6% отцов и 24,3% матерей. Зятья другой национальности не хотели бы принимать в семью 28,9% отцов и 34,9% матерей. Подобное различие в восприятии невестки и зятя З. В. Сикевич и Ю.А. Поссель объясняют патриархальными стереотипами, доминирующими как в русской, так и в инокультурной среде — у сына, как правило, больше шансов приучить жену к собственным «правилам жизни» (Сикевич, Поссель, 2019).

В американской социологической традиции межкультурные браки часто рассматриваются через призму расы. В исследовании Kroeger и Williams (Kroeger, Williams 2007) отмечается, что межрасовые романтические отношения редко эволюционируют в браки и, если это происходит, в межрасовых браках вероятность развода выше, чем между представителями «одного цвета кожи». Bramlett и Mosher (Bramlett, Mosher, 2002), используя опросник National Survey of Family Growth, обнаружили, что в течение первых десяти лет распадаются 31% моноэтнических браков, тогда как для межэтнических браков эта цифра составила 41%.

В психологии часто исследователи сравнивают межкультурные и монокультурные браки. Gaines, Clark и Afful (Gaines et al., 2015) указывали, что как межкультурные, так и монокультурные пары сталкиваются в браке с такими проблемами, как взаимное приспособление к различным привычкам, настроениям и образу жизни. В обоих типах семьи супруги разделяют базовые потребности в любви, поддержке, доверии и уважении друг к другу, необходимые для удовлетворенности супружескими отношениями (Skowronski et al., 2014). Однако межкультурные пары имеют большое число отличий от монокультурного брака, что позволяет рассматривать их как уникальную модель отношений.

Как отмечается в работах Bhugra и De Silva, межкультурные союзы имеют повышенный, относительно монокультурных браков, риск распада, а также

характеризуются более стрессогенными взаимоотношениями и менее высокой удовлетворенностью браком (Bhugra, De Silva, 2000).

Проведенные исследования на Гавайских островах показали, что межэтнические и межрелигиозные браки с участием японцев, филиппинцев, гавайцев и белых были менее стабильными, чем браки представителей моноэтнических групп (Fu, 2006; Fu et al., 2001).

Однако в ряде исследований отмечается, что удовлетворенность браком в межкультурных семьях может быть выше, чем в монокультурных (Troy et al., 2006). Недавние исследования показывают, что для межкультурных пар идентификация с чужой группой положительно влияет на удовлетворенность супругов жизнью и друг другом при условии, что они не считают себя дискриминируемыми (Novara et al., 2020).

Е.Ю. Чеботарева и М.И. Волк указывают, что в межкультурных парах значимость культурных различий может быть ослаблена личностным развитием и схожим уровнем образования супругов, а также в случае создания собственной культуры отношений, которая не исключает норм и ценностей кого-то одного из супругов (Chebotareva, Volk, 2020). В.Н. Галяпина отмечает, что наибольшее влияние на снижение уровня неудовлетворенности взаимоотношениями супругов в межэтническом браке оказывают: этническая и религиозная толерантность супругов к этносам брачных партнеров, наличие межэтнических дружеских контактов и стремление к межкультурной интеграции в семейных отношениях, а также субъективное восприятие супругами социальной близости их этнических групп (Галяпина, 2002).

В межкультурных парах значимость культурных различий может быть ослаблена личностным развитием и схожим уровнем образования супругов, а также в случае создания собственной культуры отношений, которая не исключает норм и ценностей кого-то одного из супругов.

Все вышеизложенное демонстрирует неоднозначность данных об отношении к вступлению в межкультурные браки и факторов, влияющих на выбор инокультурного брачного партнера.

Исследование отношения к межкультурным бракам в Республике Бурятия

Исследование проблем межкультурных браков и отношения к ним в Республике Бурятия является традиционным. Бурятия — это национальная республика, 29,51% населения которой составляет коренное население — буряты. Русские составляют 64,91%, третий по численности этнос (татары) составляет менее 1% населения (Федеральная служба ..., 2010). Проживающие на территории республики этнические и религиозные группы имеют богатую историю сосуществования.

Сегодня в Бурятии отмечается интенсивный рост традиционно-исторического, этнического и религиозного самосознания бурятского этноса (Дугарова, 2010). Буряты — один из этносов Центральной Азии,

Бурятия — это религиозно разнообразная территория, где проживают народы, исповедующие различные верования, в том числе православие, буддизм, шаманизм и синкретические формы, сочетающие эти конфессиональные традиции. Roof определяет Бурятию как место, где границы религий находятся под вопросом, если не открыто оспариваются и отрицаются.

сформировавшийся на территории Прибайкалья в XVI–XVII вв. Историческая память, интегрированная в мифах, легендах, преданиях, имеет большое значение для бурят (Дугарова, 2010). Этническая идентичность бурятского этноса во многом подвержена влиянию исторической памяти народа о трех системах ценностей: традиционных верованиях (шаманизме), ламаизме (буддизме школы Гелугпа) и «эпическом героизме» (народном эпосе «Гэсэр», описывающем легендарного национального героя бурят — Гэсэра) (Намауон, 1998).

По данным исследований 2010 г. число бурят в Республике Бурятия, владеющих русским языком, достигает 99,25%, при этом для большинства он является родным. При этом бурятским языком владеет лишь 45,4%. Можно сказать, что почти все носители бурятского языка являются носителями разных форм билингвизма (Степанова, 2016; Дырхеева, 2018). Отсутствие языкового барьера позитивно влияет на формирование благоприятной среды межэтнических контактов между русскими и бурятами.

Бурятия — это религиозно разнообразная территория, где проживают народы, исповедующие различные верования, в том числе православие, буддизм, шаманизм и синкретические формы, сочетающие эти конфессиональные традиции. Roof определяет Бурятию как место, где границы религий находятся под вопросом, если не открыто оспариваются и отрицаются (Roof, 1998). Представители разных религиозных групп в Бурятии, как правило, дружелюбны друг к другу. Данные, полученные Holland при исследовании жителей столицы Бурятии — Улан-Удэ, показали, что 53,6% русских и 75,7% бурят высказываются за то, чтобы праздники иных религиозных групп имели государственное признание, и только 7,2% русских и 4,3% бурят высказались против этого (Holland, 2014). Многие бурятские семьи были крещены в течение XVIII–XIX вв., а также немалое число русских на территории Бурятии исповедуют буддизм, что позволяет сделать вывод о широчайшем разнообразии сочетаний этнической и религиозной принадлежностей на территории Бурятии (Zhukovskaya, 1998).

Исследование межэтнических супружеских союзов в период с 1979 по 2001 гг. выявило, что в Бурятии отсутствуют устойчивые установки против межкультурных браков (Махарова, 2003). В 2010 году межэтнические браки составляли 12,0% от общего числа заключенных браков в республике, причем подавляющее большинство из них — между русскими и бурятами (Трифонов, 2014). Стоит отметить, что с го-

дами этот показатель колебался в диапазоне от 10,9% в 1979 году до максимума в 14,9% в 2006 году, но более серьезных отклонений не наблюдалось. В целом по России в 2010 году около 12,0% браков были межэтническими, что совпадает с аналогичным показателем по Республике Бурятия (Соболевская, 2015).

Опираясь на все вышеизложенное, в данном исследовании мы фокусировались на изучении отношения к межкультурным бракам и факторах

выбора супруга иной культуры среди русских и бурят в Бурятии.

Проведение исследования

Процедура. Наше исследование проводилось в декабре 2019 — феврале 2020 гг. в Республике Бурятия с помощью социально-психологического опроса. Для проведения исследования использовалась онлайн-платформа. Выборка удобная, при формировании выборки использовался метод «снежный ком».

Выборка. В выборку вошли представители двух групп: русские ($N = 111$) и буряты ($N = 102$). В табл. 1 представлены гендерные, возрастные характеристики выборки, уровень образования и религиозная принадлежность респондентов.

Инструментарий. Отношение к вступлению в межкультурные браки оценивалось 2 вопросами, сформулированными авторами исследования: «Насколько комфортно было бы Вам, если бы Ваш/а будущий/ая супруг/а был/а представителем иной национальности?», «Насколько комфортно было бы Вам, если бы Ваш/а будущий/ая супруг/а был/а представителем иной религии?». Варианты ответов кодировались следующим образом: 1 — «Очень некомфортно», 2 —

Таблица 1. Социально-демографические характеристики респондентов

	Буряты	Русские
Пол		
Женщины	72 (70,6%)	91 (82,0%)
Мужчины	30 (29,4%)	20 (18,0%)
Возраст		
Среднее (стд, отклонение)	26,71 (7,45)	25,88 (7,49)
Образование		
Неполное среднее	2 (2,0%)	5 (4,5%)
Общее среднее	12 (11,8%)	16 (14,4%)
Средне-специальное, среднее профессиональное	10 (9,8%)	12 (10,8%)
Высшее	78 (76,5%)	78 (70,3%)
Отношение к религии		
Не исповедую никакой религии	25 (24,5%)	29 (26,1%)
Буддизм	64 (62,7%)	5 (4,5%)
Православие	1 (1,0%)	67 (60,4%)
Иное	12 (11,8%)	10 (9,0%)
Итого	102 (100,0%)	111 (100,0%)

Table 1. Social-demographic characteristics of the respondents

	Buryats	Russians
Gender		
Women	72 (70.6%)	91 (82.0%)
Men	30 (29.4%)	20 (18.0%)
Age		
Average (standard deviation)	26.71 (7.45)	25.88 (7.49)
Education		
Incomplete secondary education	2 (2.0%)	5 (4.5%)
Secondary education	12 (11.8%)	16 (14.4%)
Secondary special education, Secondary professional education	10 (9.8%)	12 (10.8%)
Higher education	78 (76.5%)	78 (70.3%)
Attitude to religion		
No religious beliefs	25 (24.5%)	29 (26.1%)
Buddhism	64 (62.7%)	5 (4.5%)
Orthodox Christianity	1 (1.0%)	67 (60.4%)
Other	12 (11.8%)	10 (9.0%)
Total	102 (100.0%)	111 (100.0%)

«Скорее некомфортно», 3 — «Не знаю, не уверен», 4 — «Скорее комфортно», 5 — «Очень комфортно».

Значимость для респондентов факторов, актуализирующихся при выборе брачного партнера другой культуры, измерялась с помощью шкалы культурной дистанции Galchenko и Van de Vijver (2007), содержащей вопрос: «Если бы Вы выбирали брачного партнера другой культуры, на какие факторы Вы бы обратили внимание?» и включающей 12 возможных ответов-утверждений на него. Каждый из 12 факторов (например, «Близость традиций приготовления пищи и организации трапезы», «Близость форм от-

ношений между родителями и детьми, стилей родительского воспитания» и пр.) необходимо было оценить по шкале от 1 — «Совершенно не важно» до 5 — «Принципиально важно».

Результаты

На первом этапе мы сравнили средние значения всех исследуемых переменных в двух группах. Сравнение с помощью MANOVA с этнической принадлежностью в качестве независимой переменной и отношением к вступлению в брак с представителем другой этнической и религиозной группы и факторами выбора партнера в качестве зависимых переменных показал, что в двух группах не выявлены значимые различия. Wilks' $\Lambda = 0,923$, $F(14,198) = 1,19$, $p = 0,29$, $\eta^2 = 0,077$.

Различия по отдельным показателям, полученные посредством ANOVA, так же не были значимыми (результаты представлены в табл. 2).

Статистически значимых различий между этническими группами выявлено не было. В двух случаях допустимо говорить о тенденциях: «Близость традиций имянаречения детей» и «Близость традиций приготовления пищи и организации трапезы». Традиции имянаречения детей более значимы для русских, а традиции приготовления пищи и организации трапезы — для бурят. В целом результаты показали, что и у русских, и у бурят в Бурятии достаточно близкие взгляды как на межкультурные браки, так и на факторы, влияющие на выбор супруга другой культурной принадлежности.

Для изучения взаимосвязи отношения к вступлению в межкультурный брак с социально-психологическими факторами выбора супруга другой культуры

Таблица 2. Результаты сравнения переменных у русских и бурят в Республике Бурятия (максимальная оценка — 5)

	Буряты M (SD)	Русские M (SD)	F	Partial η^2
Отношение к вступлению в межкультурный брак				
Отношение к вступлению в брак с представителем иной этничности	3,61 (1,04)	3,49 (1,05)	0,718	0,003
Отношение к вступлению в брак с представителем иной религии	3,17 (1,07)	3,03 (1,19)	0,807	0,004
Факторы, влияющие на выбор инокультурного брачного партнера				
Близость норм поведения, ценностей	3,78 (0,89)	3,77 (1,01)	0,005	0,000
Отсутствие языкового барьера	3,72 (1,17)	3,80 (1,16)	0,290	0,001
Близость религиозных убеждений	3,25 (1,13)	3,23 (1,24)	0,004	0,000
Близость традиций этнической, культурной и расовой идентичности будущих детей	3,13 (1,17)	3,03 (1,19)	0,387	0,002
Близость традиций имянаречения детей	2,84 (1,20)	3,03 (1,21)	1,238	0,006
Близость форм отношений между родителями и детьми, стилей родительского воспитания	3,66 (1,00)	3,52 (1,09)	0,877	0,004
Схожие ожидания в отношении гендерной роли и разделения домашнего труда	3,48 (1,11)	3,52 (1,04)	0,082	0,000
Близость традиций приготовления пищи и организации трапезы	3,21 (1,16)	3,01 (1,25)	1,404	0,007
Схожие роли, ожидания и особенности общения с близкими родственниками, знакомыми	3,39 (1,07)	3,37 (1,14)	0,023	0,000
Принятие разноэтнических браков родными и близкими Вашего потенциального брачного партнера	3,14 (1,20)	3,08 (1,24)	0,113	0,001
Принятие Вашими родными и близкими разноэтнических браков	2,99 (1,16)	3,02 (1,32)	0,026	0,000
Положительное отношение в обществе к разноэтническим бракам	2,88 (1,18)	2,73 (1,30)	0,800	0,004

Table 2. Results of comparing variables in Russians and Buryats in the Republic of Buryatia (maximal value — 5)

	Buryats	Russians	F	Partial η^2
	M (SD)			
Attitude towards entry into intercultural marriage				
Attitude towards entry into marriage with a person of different ethnicity	3.61 (1.04)	3.49 (1.05)	0.718	0.003
Attitude towards entry into marriage with a person of a different religious group	3.17 (1.07)	3.03 (1.19)	0.807	0.004
Factors influencing the choice of a spouse of different culture				
Affinity of values and norms of behaviour	3.78 (0.89)	3.77 (1.01)	0.005	0.000
Absence of language barrier	3.72 (1.17)	3.80 (1.16)	0.290	0.001
Affinity of religious beliefs	3.25 (1.13)	3.23 (1.24)	0.004	0.000
Affinity of traditions, ethnical, cultural, racial identity of the future children	3.13 (1.17)	3.03 (1.19)	0.387	0.002
Affinity of child-naming traditions	2.84 (1.20)	3.03 (1.21)	1.238	0.006
Affinity of parent-child relationship types and styles of upbringing	3.66 (1.00)	3.52 (1.09)	0.877	0.004
Affinity of expectations with respect to gender role and home routine division	3.48 (1.11)	3.52 (1.04)	0.082	0.000
Affinity of cooking traditions and meals organization	3.21 (1.16)	3.01 (1.25)	1.404	0.007
Similar roles, expectations and peculiarities of communication with family members and friends	3.39 (1.07)	3.37 (1.14)	0.023	0.000
Acceptance of intercultural marriages by family and friends of respondents' potential spouse	3.14 (1.20)	3.08 (1.24)	0.113	0.001
Acceptance of intercultural marriages by family and friends of respondents	2.99 (1.16)	3.02 (1.32)	0.026	0.000
Society's positive attitude to intercultural marriages	2.88 (1.18)	2.73 (1.30)	0.800	0.004

среди бурят и русских мы использовали корреляционный анализ. Полученные результаты представлены в табл. 3.

Результаты, представленные в табл. 3, показывают, что русские в Бурятии отрицательно относятся к вступлению в межэтнический брак, если для них важны: близость норм поведения, ценностей будущего супруга; отсутствие языкового барьера, близость религиозных убеждений; близость традиций этнической, культурной и расовой идентичности будущих детей; близость традиций имянаречения детей; близость

форм отношений между родителями и детьми, стилей родительского воспитания; близость традиций приготовления пищи и организации трапезы; схожие роли, ожидания и особенности общения с близкими родственниками, знакомыми; принятие разноэтнических браков родными и близкими потенциального брачного партнера; принятие собственными родными и близкими разноэтнических браков. Мы не выявили статически значимой взаимосвязи только в отношении двух факторов: схожих ожиданий в отношении гендерной роли и разделения домашнего

Таблица 3. Взаимосвязь отношения к вступлению в межкультурный брак с факторами выбора супруга

Фактор	Отношение к вступлению в брак с представителем иной этничности		Отношение к вступлению в брак с представителем иной религии	
	Буряты	Русские	Буряты	Русские
	Близость норм поведения, ценностей	-0,125	-0,205*	-0,129
Отсутствие языкового барьера	-0,125	-0,241*	-0,238*	-0,128
Близость религиозных убеждений	-0,289**	-0,263**	-0,459***	-0,519***
Близость традиций этнической, культурной и расовой идентичности будущих детей	-0,286**	-0,338***	-0,239*	-0,297**
Близость традиций имянаречения детей	-0,361***	-0,361***	-0,233*	-0,222*
Близость форм отношений между родителями и детьми, стилей родительского воспитания	-0,313**	-0,352***	-0,352***	-0,364***
Схожие ожидания в отношении гендерной роли и разделения домашнего труда	-0,119	-0,151	-0,202*	-0,173
Близость традиций приготовления пищи и организации трапезы	-0,195*	-0,334***	-0,274**	-0,257**
Схожие роли, ожидания и особенности общения с близкими родственниками, знакомыми	-0,110	-0,228*	-0,212*	-0,230*
Принятие разноэтнических браков родными и близкими Вашего потенциального брачного партнера	-0,266**	-0,191*	-0,302**	0,011
Принятие Вашими родными и близкими разноэтнических браков	-0,200*	-0,216*	-0,244*	-0,012
Положительное отношение в обществе к разноэтническим бракам	-0,297**	-0,176	-0,164	-0,048

Примечание: *** — корреляция значима на уровне $p < 0,001$; ** — корреляция значима на уровне $p < 0,01$; * — корреляция значима на уровне $p < 0,05$.

Table 3. Correlation between attitude towards entry into intercultural marriage and factors of spouse choice

Factor	Attitude towards entry into marriage with a person of different ethnicity		Attitude towards entry into marriage with a person of a different religious group	
	Buryats	Russians	Buryats	Russians
Affinity of values and norms of behaviour	-0.125	-0.205*	-0.129	-0.261**
Absence of language barrier	-0.125	-0.241*	-0.238*	-0.128
Affinity of religious beliefs	-0.289**	-0.263**	-0.459***	-0.519***
Affinity of traditions, ethnical, cultural, racial identity of the future children	-0.286**	-0.338***	-0.239*	-0.297**
Affinity of child-naming traditions	-0.361***	-0.361***	-0.233*	-0.222*
Affinity of parent-child relationship types and styles of upbringing	-0.313**	-0.352***	-0.352***	-0.364***
Affinity of expectations with respect to gender role and home routine division	-0.119	-0.151	-0.202*	-0.173
Affinity of cooking traditions and meals organization	-0.195*	-0.334***	-0.274**	-0.257**
Similar roles, expectations and peculiarities of communication with family members and friends	-0.110	-0.228*	-0.212*	-0.230*
Acceptance of intercultural marriages by family and friends of respondents' potential spouse	-0.266**	-0.191*	-0.302**	0.011
Acceptance of intercultural marriages by family and friends of respondents	-0.200*	-0.216*	-0.244*	-0.012
Society's positive attitude to intercultural marriages	-0.297**	-0.176	-0.164	-0.048

Note: *** — level of statistical significance $p < 0.001$; ** — level of statistical significance $p < 0.01$; * — level of statistical significance $p < 0.05$.

труда; положительного отношения в обществе к разноэтническим бракам.

Отношение к межконфессиональному браку у русских взаимосвязано с близостью норм поведения, ценностей будущего супруга; близостью религиозных убеждений; близостью традиций этнической, культурной и расовой идентичности будущих детей; близостью традиций имянаречения детей; близостью форм отношений между родителями и детьми, стилей родительского воспитания; близостью традиций приготовления пищи и организации трапезы; схожими ролями, ожиданиями и особенностями общения с близкими родственниками, знакомыми.

У бурят отрицательное отношение к вступлению в межэтнический брак связано с тем, что для них имеет большое значение: близость религиозных убеждений; близость традиций этнической, культурной и расовой идентичности будущих детей; близость традиций имянаречения детей; близость форм отношений между родителями и детьми, стилей родительского воспитания; близость традиций приготовления пищи и организации трапезы; принятие разноэтнических браков родными и близкими потенциального брачного партнера; принятие собственными родными и близкими разноэтнических браков; положительное отношение в обществе к разноэтническим бракам.

Как показали результаты, у бурят отрицательное отношение к межконфессиональному браку связано с такими факторами, как: отсутствие языкового барьера; близость религиозных убеждений; близость традиций этнической, культурной и расовой идентичности будущих детей; близость традиций имянаречения детей; близость форм отношений между родителями и детьми, стилей родительского воспитания; сходство ожиданий в отношении гендерных ролей и разделе-

ния домашнего труда; близость традиций приготовления пищи и организации трапезы; сходство ролей, ожиданий общения с близкими родственниками, знакомыми; принятие разноэтнических браков родными и близкими потенциального брачного партнера; принятие собственными родными и близкими разноэтнических браков.

Обсуждение результатов

Данное исследование было сфокусировано на изучении социально-психологических факторов, которые имеют значение при выборе инокультурного супруга и в целом на отношении к вступлению в межкультурный брак. Полученные результаты позволили установить, что положительное отношение к вступлению в межкультурные браки среди русских и бурят Республики Бурятия выше среднего, при этом значимых различий не выявлено между представителями

Полученные результаты позволили установить, что положительное отношение к вступлению в межкультурные браки среди русских и бурят Республики Бурятия выше среднего, при этом значимых различий не выявлено между представителями данных этнических групп.

данных этнических групп. Возможно, это связано с тем, что на обе этнические группы в целом влияет общий ценностный климат «дух времени» (Puohiniemi, Verkasalo, 2020), который сложился в республике, и который характеризуется толерантным отношением к межкультурным бракам (Трифоновна, 2014; Соболевская, 2015). К заключению межэтнического брака и буряты, и русские относятся более позитивно, чем к заключению межконфессионального.

Что касается факторов, которые имели бы значение при выборе партнера другой культуры, то здесь так

же между бурятами и русскими не выявлено значимых различий. Однако на уровне тенденции можно сказать, что более значимым для русских является фактор близости традиций имянаречения детей, а для бурят — близость традиций приготовления пищи и

Для обеих этнических групп при выборе инокультурного брачного партнера значимыми оказались такие факторы, как близость религиозных убеждений, особенности воспитания детей (их этническая, культурная и расовая идентичность, имянаречение и стили родительского воспитания), а также традиции приготовления пищи и организации трапезы.

организации трапезы. Возможно, использование традиционных имен для русских и традиционная трапеза для бурят являются важными «маркерами» принадлежности к культуре и в наибольшей степени воспринимаются индикаторами культурной дистанции. Бурятская национальная кухня, как отмечается в литературе, тесно связывает этнос с кочевым прошлым и сопряжена с целым рядом ритуалов и обычаев (Алагуева, 2006). Традиции имянаречения в русской культуре начала XXI в. претерпели изменения, среди которых выделяется возвращение древних славянских и забытых христианских имен. Имянаречение в настоящее время связано, с одной стороны, с благозвучием и оригинальностью, с другой — с возрастающей популярностью традиционных имен с признаками модного имени (Врублевская, 2017). Кроме этого, данная традиция у русских и бурят сильно отличается, и достаточно сильно отличаются традиционные имена.

Для обеих этнических групп при выборе инокультурного брачного партнера значимыми оказались такие факторы, как близость религиозных убеждений, особенности воспитания детей (их этническая, культурная и расовая идентичность, имянаречение и стили родительского воспитания), а также традиции приготовления пищи и организации трапезы. Эти факторы, как правило, культурно обусловлены и, возможно, в русской и бурятской культурах имеют

Возможно, современное общество Бурятии переживает трансформацию ценностей, порожденную изменениями в духе времени (zeitgeist effects), которые происходят, когда резкие общесистемные изменения условий вызывают глобальный сдвиг ценностей каждого члена общества, независимо от возраста, этнической и религиозной принадлежности.

значительные различия, поэтому являются наиболее значимыми. То есть, можно сказать, что, если человек воспринимает, что потенциальный брачный партнер культурно далек от него в таких позициях, как традиции приготовления пищи, воспитания детей, имянаречение, идентичность детей, религиозные убеждения, то его отношение к вступлению в брак с таким партнером будет отрицательным.

Факторы, отражающие принятие межкультурных браков «малым» (родственники, близкие) и «большим» (все общество республики) обществами, были более значимы для бурят. Возможно, это обусловлено

большой традиционностью бурятской культуры, коллективизмом, ориентированностью скорее на группу, чем отдельную личность. Это согласуется с исследованием Albarracin и Shavitt, отмечавших, что современные установки в восточной, традиционной культуре претерпевают значительные изменения, однако остаются ориентированными на социальные ожидания, нормы и предписания, в отличие от установок западной культуры, где больше ценится личная свобода и индивидуальные предпочтения (Albarracin, Shavitt, 2018).

Наше исследование также показало, что факторы, отражающие личностные особенности и межличностное общение: близость норм поведения, ценностей, схожие роли, ожидания и особенности общения с близкими родственниками, знакомыми оказались более важны для русских и при этом отрицательно взаимосвязаны с отношением к вступлению в межкультурный брак. Возможно, среди русских как представителей более индивидуалистической культуры (по сравнению с бурятской) большее значение при выборе супруга имеют личностные характеристики (Albarracin, Shavitt, 2018).

В целом наши результаты демонстрируют близкие паттерны взаимосвязей у русских и бурят. Возможно, современное общество Бурятии переживает трансформацию ценностей, порожденную изменениями в духе времени (zeitgeist effects), которые происходят, когда резкие общесистемные изменения условий вызывают глобальный сдвиг ценностей каждого члена общества, независимо от возраста, этнической и религиозной принадлежности. Современные исследования подтверждают, что дух времени оказывает влияние на глобальное изменение ценностей, установок, отношений всех членов общества (Puohiniemi, Verkasalo, 2020).

Имеющиеся в обеих этнических группах различия значимости факторов выбора супруга между межэтническими и межрелигиозными браками согласуются с данными о том, что межэтнические и межрелигиозные браки нужно изучать вместе (Chebotareva, Volk, 2020), так как и этническая, и религиозная составляющая культурной принадлежности оказывают влияние на отношение к межкультурным бракам и выбору супруга иной культуры.

В качестве дальнейшего развития данной проблематики можно выделить проведение эксплораторного факторного анализа с целью снижения размерности факторов и выделения более общих паттернов взаимосвязей.

Результаты данного исследования могут быть полезны психологам, работающим с молодежью, при подготовке ее к семейной жизни, а также в семейном консультировании.

Литература

- Алагуева В.П. Золотая книга о бурятах. Улан-Удэ, 2006. С. 35–37.
- Бокова Т.Л. Основные тенденции в развитии многонациональной семьи в Российском обществе // Известия Томского политехнического университета. 2007. № 7. Т. II. С. 101–114.
- Врублевская О.В. Языковая мода в русской ономастике. Волгоград : Перемена, 2017. 329 с.
- Галяпина В.Н. Влияние принадлежности супругов к разным этносам на неудовлетворенность супружескими взаимоотношениями : дисс. ... канд. психол. наук. Москва, 2002. 230 с.
- Гриценко В.В. Социально-психологический климат вокруг национально-смешанных семей // Этнические факторы в жизни общества. Москва : Институт этнологии и антропологии АН СССР, 1991. С. 53–62.
- Дугарова Т.Ц. Особенности этнического самосознания современных бурят России : автореферат дис. ... доктора психологических наук. [Место защиты: Моск. пед. гос. ун-т]. Москва, 2010. 45 с.
- Дырхеева Г.А. Языковая ситуация в Республике Бурятия // Мир Большого Алтая. — 2018. — № 4 (2). — С. 302–320. doi: 10.31551/2410-2725-2018-4-2-302-320
- Ильин Е.П. Психология взрослости : учебное пособие. Санкт-Петербург : Питер, 2012. 544 с. ISBN 978-5-459-00762-6
- Махарова Г.С. Национально-смешанные браки в Республике Бурятия на современном этапе : автореф. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ : БГУ, 2003.
- Сикевич З.В., Поссель Ю.А. Структура и типология этнической идентичности членов межэтнических и моноэтнических семей (сравнительный анализ) // Социологический журнал. 2019. Т. 25. № 1. С. 121–136. doi: 10.19181/socjour.2018.25.1.6282.
- Соболевская О.В. Смешанные браки измеряют дистанцию между этносами [Электронный ресурс] // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» : [сайт]: URL: <https://iq.hse.ru/news/177665069.html> — (дата обращения 12.01.2021).
- Степанова А.А. Этническая идентичность и языковое сознание носителей бурятского языка: социо- и психолингвистические исследования // Вопросы психолингвистики. 2016. № 4 (30). С. 206–215.
- Ташева А.И., Гриднева С.В., Стефаненко Т.Г., Тихомандрицкая О.А. Этнически смешанные браки сквозь призму феномена удовлетворенности супружеством // Российский психологический журнал. 2016. № 3. С. 39–52. doi: 10.21702/rpj.2016.3.3
- Трифонов А.Т. Современные межэтнические семьи: ценностные ориентации. Улан-Удэ : Бурятский госуниверситет, 2014. 128 с.
- Федеральная служба государственной статистики. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года в отношении демографических и социально-экономических характеристик отдельных национальностей. — Москва : ИИЦ «Статистика России», 2010.
- Abela, A., & Walker, J. (2014). Contemporary issues in family studies: Global perspectives on partnerships, parenting and support in a changing world. New York: John Wiley & Sons, Ltd
- Albarracin, D., & Shavitt, S. (2018). Attitudes and Attitude Change. *Annual review of psychology*, 69, 299–327. doi: 10.1146/annurev-psych-122216-011911
- Bhugra, D., & De Silva, P. (2000). Couple therapy across cultures. *Sexual and Relationship Therapy*, 15 (2), 183–192. doi: 10.1080/14681990050010763
- Bin-Tahir, S., Bugis, R., & Tasiana, R. (2017). Intercultural Communication Of A Multicultural Family In Buru Regency. *Lingual: Journal Of Language And Culture*, 4 (2), 8. doi: 10.24843/LJLC.2017.v04.i02.p02
- Bramlett, Matthew & Mosher, William. (2002). Cohabitation, Marriage, Divorce, and Remarriage in the United States. Vital and health statistics. Series 23, Data from the National Survey of Family Growth. 23. 1–93
- Buss, D.M. & Schmitt, D.P. (1993). Sexual strategies theory: A contextual evolutionary analysis of human mating. *Psychological Review*, 100:204–32
- Campbell, Kelly & Silva, Luciana & Wright, David. (2012). Intercultural Relationships: Entry, Adjustment, and Cultural Negotiations. *Journal of Comparative Family Studies*. 43. 857–870. doi: 10.2307/41756274
- Centers, R. (1975). Sexual attraction and love: An instrumental theory. Springfield, IL: C.C. Thomas
- Chang, H.-C. (2016). Marital Power Dynamics and Well-Being of Marriage Migrants. *Journal of Family Issues*, 37 (14), 1994–2020. doi: 10.1177/0192513X15570317
- Chebotareva, E.Y., & Volk, M.I. (2020). Life and Family Values Similarity in Inter-Ethnic and Inter-Faith Couples. *Behavioral Sciences* (2076-328X), 10 (1), 38. doi: 10.3390/bs10010038
- Fletcher, Courtney & Nakazawa, Masato & Chen, Yea-Wen & Oetzel, John & Ting-Toomey, Stella & Chang, Shau-Ju & Zhang, Qin. (2014). Establishing Cross-Cultural Measurement Equivalence of Scales Associated with Face-Negotiation Theory: A Critical Issue in Cross-Cultural Comparisons. *Journal of International and Intercultural Communication*, 7, 148–169. doi: 10.1080/17513057.2014.898364
- Fu, X., Tora, J., & Kendall, H. (2001). Marital happiness and inter-racial marriage: A study in a multi-ethnic community in Hawaii. *Journal of Comparative Family Studies*, 32 (1), 47. doi: 10.3138/jcfs.32.1.47
- Fu, X. (2006). Impact of socioeconomic status on inter-racial mate selection and divorce, *The Social Science Journal*, 43:2, 239–258, doi: 10.1016/j.soscij.2006.02.004
- Galchenko, Irina & Van de Vijver, Fons. (2007). The role of perceived cultural distance in the acculturation of exchange students in Russia. *International Journal of Intercultural Relations*. 31, 181–197. doi: 10.1016/j.ijintrel.2006.03.004
- Gaspar, S., Ferreira, A. C., & Ramos, M. (2017). European bi-national marriages in Portugal and EU social integration. *Portuguese Journal of Social Science*, 16 (3), 393–410. doi: 10.1386/pjss.16.3.393_1
- Gorenburg, D. (2006). Rethinking Interethnic Marriage in the Soviet Union. *Post-Soviet Affairs*, 22:2, 145–165. doi: 10.2747/1060-586X.22.2.145

- Hamayon, R. N. (1998). Shamanism, Buddhism and epic heroism: Which supports the identity of the post-Soviet Buryats? *Central Asian Survey*, 17:1, 51–67. doi: 10.1080/02634939808401023
- Hayford, S.R., Guzzo, K.B., & Smock, P.T. (2014). The decoupling of marriage and parenthood? Trends in the timing of marital first births, 1945–2002. *Family Relation*, 76 (3), 520–538. doi: 10.1111/jomf.12114
- Heikkilä, E., & Rauhut, D. (Eds.) (2015). *Marriage Migration and Multicultural Relationships*. Institute of Migration, Migration Studies C 25. Turku: Siirtolaisuusinstituuti
- Henrich, Joseph & Boyd, Robert & Richerson, Peter. (2012). The Puzzle of Monogamous Marriage. *Philosophical transactions of the Royal Society of London. Series B, Biological sciences*, 367, 657–69. doi: 10.1098/rstb.2011.0290
- Holland, E.C. (2014). Religious practice and belief in the Republic of Buryatia: comparing across faiths and national groups. *Nationalities Papers*, 42:1, 165–180. doi: 10.1080/00905992.2013.853032
- Kroeger, R.A., & Williams, K. (2007). Interracial relationships and psychological well-being among young adults in contemporary society. *Annual Meeting of the American Sociological Association*
- Markus, H.R., & Kitayama, S. (1998). The cultural psychology of personality. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 29 (1), 63–87. doi: 10.1177/0022022198291004
- Matysiak, A., Styrac, M. & Vignoli, D. (2012). The educational gradient in marital disruption: A meta-analysis of European research findings. *Population Studies*, 68 (2), 197–215. doi: 10.1080/00324728.2013.856459
- McDoom, O.S. (2019). Ethnic inequality, cultural distance, and social integration: evidence from a native-settler conflict in the Philippines. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 45:9, 1532–1552. doi: 10.1080/1369183X.2018.1427566
- Mcfadden, J., & Moore, J. L. (2001). Intercultural marriage and intimacy: Beyond the continental divide. *International Journal for the Advancement of Counselling* 23, 261–268. doi: 10.1023/A:1014420107362
- Novara, C., Serio, C., Lavanco, G., Schirinzi, M. and Moscato, G. (2020). Identity, Couple and Intergroup Dynamics in Intercultural Families: Implications on Life Satisfaction of Partners. *Fam. Proc.*, 59: 709–724. doi: 10.1111/famp.12437
- Puohiniemi, M., & Verkasalo, M. (2020). Zeitgeist Effects, Fragmentation of Media Use, and Value Consensus. *Journal of Social and Political Psychology*, 8 (1), 300–332. doi: 10.5964/jspp.v8i1.1117
- Quisumbing, A.R., & Hallman, K. (2003). *Marriage in transition: Evidence on age, education, and assets from six developing countries*. New York: Population Council, Policy Research Division Working Papers No. 183
- Rahnu, Leen & Puur, Allan & Kleinepier, Tom & Tammaru, Tiit. (2020). The Role of Neighbourhood and Workplace Ethnic Contexts in the Formation of Inter-ethnic Partnerships: A Native Majority Perspective. *European Journal of Population*. 36. doi: 10.1007/s10680-019-09528-x
- Rezadost, K., & Mombeni, I. (2011). The relationship between late marriage, income, the level of education, and other factors in employed women. *Journal of Applied Counseling*, 1 (1), 105–122
- Roof, W. C. (1998). “Religious Borderlands: Challenges for Future Study?” *Journal for the Scientific Study of Religion*, 37 (1): 1–14
- Skowronski, Dariusz & Cherie, Toh & Fernandez, Tricia & Danx, Daniel & Wan, Michelle & Waszyńska, Katarzyna. (2014). Introductory Analysis of Factors Affecting Intercultural Couples in the Context of Singapore. *Educational Studies*. 263–268. doi: 10.14746/se.2014.30.15
- Troy, A.B., Lewis-Smith, J., & Laurenceau, J.-P. (2006). Interracial and intraracial romantic relationships: The search for differences in satisfaction, conflict, and attachment style. *Journal of Social and Personal Relationships*, 23 (1), 65–80. doi: 10.1177/0265407506060178
- Walker RS, Hill KR, Flinn MV, Ellsworth RM (2011). Evolutionary History of Hunter-Gatherer Marriage Practices. *PLoS ONE*, 6 (4): e19066. doi: 10.1371/journal.pone.0019066
- Yang, W. S., & Yen, P. C. (2014). Single and happier? A comparative study of marital status, socioeconomic security and wellbeing of women in Hong Kong and Taiwan. *The Springer Series on Demographic Methods and Population Analysis*, 35, 81–97
- Zhukovskaya, N. L. (1992). Buddhism and problems of national and cultural resurrection of the Buryat nation, *Central Asian Survey*, 11:2, 27–41, doi: 10.1080/02634939208400770

References:

- Abela, A., & Walker, J. (2014). *Contemporary issues in family studies: Global perspectives on partnerships, parenting and support in a changing world*. New York: John Wiley & Sons, Ltd. doi: 10.1002/9781118320990
- Alagueva V.P. (2006). The golden book on Buryats. Ulan-Udje, pp. 35–37. (in Russ.)
- Albarracin, D., & Shavitt, S. (2018). Attitudes and Attitude Change. *Annual review of psychology*, 69, 299–327. doi: 10.1146/annurev-psych-122216-011911
- Bhugra, D., & De Silva, P. (2000). Couple therapy across cultures. *Sexual and Relationship Therapy*, 15 (2), 183–192. doi: 10.1080/14681990050010763
- Bin-Tahir, S., Bugis, R., & Tasiana, R. (2017). Intercultural Communication Of A Multicultural Family In Buru Regency. *Lingual: Journal Of Language And Culture*, 4 (2), 8. doi: 10.24843/LJLC.2017.v04.i02.p02
- Bokova T.L. (2007). Main tendencies in the development of multiethnic family in Russian society. *Bulletin of Tomsk polytechnic university. [Izvestija Tomskogo politehnicheskogo universiteta]*, 7 (11), 101–114. (in Russ.)
- Bramlett, Matthew & Mosher, William. (2002). Cohabitation, Marriage, Divorce, and Remarriage in the United States. Vital and health statistics. Series 23, Data from the National Survey of Family Growth. 23. 1–93
- Buss, D.M. & Schmitt, D.P. (1993). Sexual strategies theory: A contextual evolutionary analysis of human mating. *Psychological Review*, 100:204–32. doi: 10.1037/0033-295X.100.2.204
- Campbell, Kelly & Silva, Luciana & Wright, David. (2012). Intercultural Relationships: Entry, Adjustment, and Cultural Negotiations. *Journal of Comparative Family Studies*. 43. 857–870. doi: 10.2307/41756274
- Centers, R. (1975). *Sexual attraction and love: An instrumental theory*. Springfield, IL: C.C. Thomas

- Chang, H.-C. (2016). Marital Power Dynamics and Well-Being of Marriage Migrants. *Journal of Family Issues*, 37 (14), 1994–2020. doi: 10.1177/0192513X15570317
- Chebotareva, E.Y., & Volk, M.I. (2020). Life and Family Values Similarity in Inter-Ethnic and Inter-Faith Couples. *Behavioral Sciences* (2076-328X), 10 (1), 38. doi: 10.3390/bs10010038
- Dugarova T.C. (2010). Peculiarities of ethnic identity of modern Russian Buryats. Summary of DrHabil in Psychology. Moscow, MPGU, 45 p. (in Russ.)
- Dyrheeva G.A. (2018). Language situation in the Republic of Buryatia. *The World of Greater Altai. [Mir Bol'shogo Altaja]*, 4 (2), 302–320. doi: 10.31551/2410-2725-2018-4-2-302-320. (in Russ.)
- Federal State Statistics Service. Results of the 2010 All-Russian census with respect to demographic and social-economic characteristics of particular ethnic groups. Moscow: IIC “Statistika Rossii”. (in Russ.)
- Fletcher, Courtney & Nakazawa, Masato & Chen, Yea-Wen & Oetzel, John & Ting-Toomey, Stella & Chang, Shau-Ju & Zhang, Qin. (2014). Establishing Cross-Cultural Measurement Equivalence of Scales Associated with Face-Negotiation Theory: A Critical Issue in Cross-Cultural Comparisons. *Journal of International and Intercultural Communication*, 7, 148–169. doi: 10.1080/17513057.2014.898364
- Fu, X. (2006). Impact of socioeconomic status on inter-racial mate selection and divorce, *The Social Science Journal*, 43:2, 239–258, doi: 10.1016/j.soscij.2006.02.004
- Fu, X., Tora, J., & Kendall, H. (2001). Marital happiness and inter-racial marriage: A study in a multi-ethnic community in Hawaii. *Journal of Comparative Family Studies*, 32 (1), 47. doi: 10.3138/jcfs.32.1.47
- Galchenko, Irina & Van de Vijver, Fons. (2007). The role of perceived cultural distance in the acculturation of exchange students in Russia. *International Journal of Intercultural Relations*. 31, 181–197. doi: 10.1016/j.ijintrel.2006.03.004
- Galjapina V.N. (2002). Influence of ethnic differences between wife and husband on dissatisfaction with marriage relationship. PhD dissertation in Psychology. Moscow, 230 p. (in Russ.)
- Gaspar, S., Ferreira, A. C., & Ramos, M. (2017). European bi-national marriages in Portugal and EU social integration. *Portuguese Journal of Social Science*, 16 (3), 393–410. doi: 10.1386/pjss.16.3.393_1
- Gorenburg, D. (2006). Rethinking Interethnic Marriage in the Soviet Union. *Post-Soviet Affairs*, 22:2, 145–165. doi: 10.2747/1060-586X.22.2.145
- Gricenko V.V. (1991). Social-psychological climate surrounding multiethnic families. *Ethnic factors in the life of society. [Jenicheskije faktory v zhizni obshchestva]*, Moscow: Institut jetnologii i antropologii AN SSSR, pp. 53–62. (in Russ.)
- Hamayon, R.N. (1998). Shamanism, Buddhism and epic heroism: Which supports the identity of the post-Soviet Buryats? *Central Asian Survey*, 17:1, 51–67, doi: 10.1080/02634939808401023
- Hayford, S.R., Guzzo, K.B., & Smock, P.T. (2014). The decoupling of marriage and parenthood? Trends in the timing of marital first births, 1945–2002. *Family Relation*, 76 (3), 520–538. doi: 10.1111/jomf.12114
- Heikkilä, E., & Rauhut, D. (Eds.) (2015). Marriage Migration and Multicultural Relationships. Institute of Migration, Migration Studies C 25. Turku: Siirtolaisuusinstituutti
- Henrich, Joseph & Boyd, Robert & Richerson, Peter. (2012). The Puzzle of Monogamous Marriage. *Philosophical transactions of the Royal Society of London. Series B, Biological sciences*, 367, 657–69. doi: 10.1098/rstb.2011.0290
- Holland, E.C. (2014). Religious practice and belief in the Republic of Buryatia: comparing across faiths and national groups. *Nationalities Papers*, 42:1, 165–180, doi: 10.1080/00905992.2013.853032
- Il'in E.P. (2012). Psychology of adulthood: handbook. Saint Petersburg: Piter, 544 p. ISBN 978-5-459-00762-6 (in Russ.)
- Kroeger, R.A., & Williams, K. (2007). Interracial relationships and psychological well-being among young adults in contemporary society. *Annual Meeting of the American Sociological Association*
- Maharova G.S. (2003). Mixed-ethnicity marriages in the Republic of Buryatia nowadays. Summary of PhD dissertation in History. Ulan-Udje: BGU. (in Russ.)
- Markus, H.R., & Kitayama, S. (1998). The cultural psychology of personality. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 29 (1), 63–87. doi: 10.1177/0022022198291004
- Matysiak, A., Styr, M. & Vignoli, D. (2012). The educational gradient in marital disruption: A meta-analysis of European research findings. *Population Studies*, 68 (2), 197–215. doi: 10.1080/00324728.2013.856459
- McDoom, O.S. (2019). Ethnic inequality, cultural distance, and social integration: evidence from a native-settler conflict in the Philippines. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 45:9, 1532–1552. doi: 10.1080/1369183X.2018.1427566
- Mcfadden, J., & Moore, J.L. (2001). Intercultural marriage and intimacy: Beyond the continental divide. *International Journal for the Advancement of Counselling* 23, 261–268. doi: 10.1023/A:1014420107362
- Novara, C., Serio, C., Lavanco, G., Schirinzi, M. and Moscato, G. (2020). Identity, Couple and Intergroup Dynamics in Intercultural Families: Implications on Life Satisfaction of Partners. *Fam. Proc.*, 59: 709–724. doi: 10.1111/famp.12437
- Puohiniemi, M., & Verkasalo, M. (2020). Zeitgeist Effects, Fragmentation of Media Use, and Value Consensus. *Journal of Social and Political Psychology*, 8 (1), 300–332. doi: 10.5964/jpspp.v8i1.1117
- Quisumbing, A.R., & Hallman, K. (2003). Marriage in transition: Evidence on age, education, and assets from six developing countries. New York: Population Council, Policy Research Division Working Papers No. 183. doi: 10.31899/pgy6.1089
- Rahnu, Leen & Puur, Allan & Kleinepier, Tom & Tammaru, Tiit. (2020). The Role of Neighbourhood and Workplace Ethnic Contexts in the Formation of Inter-ethnic Partnerships: A Native Majority Perspective. *European Journal of Population*. 36. doi: 10.1007/s10680-019-09528-x
- Rezadost, K., & Mombeni, I. (2011). The relationship between late marriage, income, the level of education, and other factors in employed women. *Journal of Applied Counseling*, 1 (1), 105–122
- Roof, W.C. (1998). “Religious Borderlands: Challenges for Future Study.” *Journal for the Scientific Study of Religion*, 37 (1): 1–14. doi: 10.2307/1388025

- Sikevich Z.V., Possel' Ju.A. (2019). Structure and typology of ethnic identities in members of single-ethnic and multiethnic families (comparative analysis). *Journal of Sociology*. [Sociologicheskij zhurnal], 25 (1), 121–136. doi: 10.19181/socjour.2018.25.1.6282. (in Russ.)
- Skowronski, Dariusz & Cherie, Toh & Fernandez, Tricia & Danx, Daniel & Wan, Michelle & Waszyńska, Katarzyna. (2014). Introductory Analysis of Factors Affecting Intercultural Couples in the Context of Singapore. *Educational Studies*. 263–268. doi: 10.14746/se.2014.30.15
- Sobolevskaja O.V. Multiethnic maggiages measure distance between ethnic communities [Electronic resource] // National Research University Higher School of Economics: [site]: URL: <https://iq.hse.ru/news/177665069.html> — (accessed 02.05.2020). (in Russ.)
- Stepanova A.A. (2016). Ethnic identity and language identity in Buryat-speaking people: social and psycholinguistic studies. *Issues of psycholinguistics*. [Voprosy psiholingvistiki], 4 (30), 206–215. (in Russ.)
- Tashheva A.I., Gridneva S.V., Stefanenko T.G., Tihomandrickaja O.A. (2016). Mixed-ethnicity marriages through the lens of satisfaction with marriage. *Russian psychological journal*. [Rossijskij psihologicheskij zhurnal], 3, 39–52. doi: 10.21702/rpj.2016.3.3 (in Russ.)
- Trifonova A.T. (2014). Modern multicultural families: value orientation. Ulan-Udje: Burjatskij gosuniversitet, 128 p. (in Russ.)
- Troy, A.B., Lewis-Smith, J., & Laurenceau, J.-P. (2006). Interracial and intraracial romantic relationships: The search for differences in satisfaction, conflict, and attachment style. *Journal of Social and Personal Relationships*, 23 (1), 65–80. doi: 10.1177/0265407506060178
- Vrublevskaja O.V. (2017). Language trends in Russian onomastics. Volgograd: Peremena, 329 p. (in Russ.)
- Walker RS, Hill KR, Flinn MV, Ellsworth RM (2011). Evolutionary History of Hunter-Gatherer Marriage Practices. *PLoS ONE*, 6 (4): e19066. doi: 10.1371/journal.pone.0019066
- Yang, W.S., & Yen, P.C. (2014). Single and happier? A comparative study of marital status, socioeconomic security and wellbeing of women in Hong Kong and Taiwan. *The Springer Series on Demographic Methods and Population Analysis*, 35, 81–97. doi: 10.1007/978-94-007-7445-2_5
- Zhukovskaya, N.L. (1992). Buddhism and problems of national and cultural resurrection of the Buryat nation, *Central Asian Survey*, 11:2, 27–41, doi: 10.1080/02634939208400770

Оригинальная статья

УДК 159.9.07, 159.923
doi: 10.11621/npj.2021.0107

Готовность к вакцинации против коронавируса как мера доверия официальным медицинским рекомендациям: роль тревоги и представлений

Е.И. Рассказова*, МГУ имени М.В. Ломоносова, Научный центр психического здоровья, Москва, Россия

ORCID 0000-0002-9648-5238

А.Ш. Тхостов, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

ORCID 0000-0001-9676-4096

*Для контактов. E-mail: e.i.rasskazova@gmail.com

Актуальность. Успешность программ вакцинации против коронавируса во многом определяется готовностью людей прививаться, следуя официальным рекомендациям. Последняя зависит от восприятия риска, беспокойства по поводу безопасности и эффективности, доверия источнику рекомендаций.

Цель: исследование субъективной готовности к вакцинации против коронавируса и ее связи с тревогой пандемии, защитными действиями, отношением к вакцинации.

Методика и выборка. 525 человек в возрасте от 18 до 65 лет в конце 2020 года заполняли шкалы, выявляющие тревогу, защитные действия в ситуации пандемии когнитивные представления о вакцинации, отвечали на вопросы об опыте заболевания коронавирусом у себя и близких и о готовности к вакцинации.

Результаты. Готовность к вакцинации против коронавируса проявляют 13,2–17,0% респондентов, прививку от гриппа сделали 18,5%. Низкая готовность к вакцинации определяется не столько полным ее отрицанием (24,6–30,6%), сколько сомнениями и недоверием (59,0–60,4%) на фоне таких доминирующих переживаний, как боязнь негативных ее последствий, страх не получить медицинскую помощь и опасения заразить близких. Неуверенность в необходимости вакцинации связана не только с сомнениями в ее эффективности или важности для здоровья, но и с опасениями, что она служит для получения чьей-то выгоды, и что есть и другие, лучшие способы профилактики. Наличие у опрашиваемых большого количества знакомых, перенесших коронавирусную инфекцию, связано с более высокими показателями у них тревоги пандемии, а имеющийся опыт тяжелого или летального заболевания у личных знакомых — с тревогой пандемии и проявлениями чрезмерного мониторинга признаков заболевания у себя.

Заключение. Результаты регрессионного анализа позволяют предположить, что решение о вакцинации в ближайшее время основывается как на когнитивной уверенности в важности и эффективности вакцинации, так и на менее выраженной тревоге рисков и побочных эффектов. Решение об отказе от вакцинации объясняется преимущественно когнитивными представлениями.

Ключевые слова: пандемия, COVID-19, психологическая готовность к вакцинации, представления о вакцинации, доверие медицинским рекомендациям.

Для цитирования: Рассказова Е.И., Тхостов А.Ш. Готовность к вакцинации против коронавируса как мера доверия официальным медицинским рекомендациям: роль тревоги и представлений // Национальный психологический журнал. 2021. № 1 (41). С. 76–90. doi: 10.11621/npj.2021.0107

Поступила 26 февраля 2021 / Принята к публикации 12 марта 2021

Eagerness to be vaccinated against coronavirus as an indicator of trust to official medical recommendations: the role of anxiety and beliefs

Elena I. Rasskazova*, Lomonosov Moscow State University, Mental Health Research Center, Moscow, Russia

ORCID 0000-0002-9648-5238

Aleksandr Sh. Tkhostov, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ORCID 0000-0001-9676-4096

*Corresponding author. E-mail: e.i.rasskazova@gmail.com

Background. The success of coronavirus vaccination programs is largely determined by people's willingness to be vaccinated following the official guidelines, which depends on perception of risk, concerns about safety and efficacy, and trust in the source of the recommendations.

Objective. To study the subjective readiness for vaccination against coronavirus and its relationship with pandemic anxiety, protective actions, and attitudes towards vaccination.

Design. At the end of 2020, 525 people aged 18 to 65 filled out the scales of anxiety and protective actions in the situation of pandemic, anxiety and cognitive beliefs about vaccination, and replied to the questions about their and their relatives' coronavirus disease experience and their readiness for vaccination.

Results. 13.2–17.0% of respondents were ready to be vaccinated against coronavirus, 18.5% had a flu shot in 2020. Low readiness for vaccination was not due to refusal (24.6–30.6%), but to doubts and mistrust (59.0–60.4%) in the context of such dominant emotions as anxiety about the possible negative consequences of vaccination, fear of not receiving medical care and fear of infecting one's family or friends. Concerns about the need for vaccination are related to suspicions that vaccination is for someone's benefit and that there are other, better ways of prevention, rather than to doubts about effectiveness of vaccination or its importance for health. Having more friends who experienced coronavirus disease is associated with higher rates of pandemic anxiety. Severe or fatal cases of coronavirus illness among personal acquaintances is associated with pandemic anxiety and manifestations of over-monitoring signs of illness.

Conclusion. The results of the regression analysis suggest that the decision to get vaccinated in the nearest future is based both on cognitive confidence in the importance and effectiveness of vaccination and on less pronounced anxiety about risks and side effects. The readiness to refuse vaccination is mainly due to cognitive beliefs.

Keywords: pandemic, COVID-19, psychological readiness for vaccination, vaccination perceptions, trust to medical recommendations.

For citation: Rasskazova E.I., Tkhostov A.Sh. (2021). Eagerness to be vaccinated against coronavirus as an indicator of trust to official medical recommendations: the role of anxiety and beliefs. National Psychological Journal [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal], 14 (1), 76–90. doi: 10.11621/npj.2021.0107

Received February 26, 2021 / Accepted for publication March 12, 2021

Введение

Успешность программ вакцинации против коронавируса (включая начавшуюся в конце 2020 года в России прививочную кампанию вакциной Спутник-V) во многом определяется готовностью людей прививаться, следуя официальным рекомендациям. Опыт прививок детей в разных странах и ежегодной вакцинации против гриппа убедительно показывает, что как сомнения, так и отказ от вакцинирования — распространенное явление, требующее интервенций (Ames et al., 2017, Dini et al., 2018, Atkinson et al., 2015, Kaufman et al., 2018).

К настоящему времени накоплен обширный массив эмпирических данных, посвященных психологическим, социодемографическим и поведенческим предикторам решения о вакцинации. К психологическим факторам, связанным с отказом и сомнениями по поводу вакцинации от гриппа, относятся: представление о том, что риск невелик, неуверенность в эффекте или безопасности вакцины, общее отрицательное отношение к вакцинам, отрицание социального значения вакцинации, низкий социоэкономический статус и недостаток знаний о прививке. Социальное давление и имеющийся опыт предыдущих прививок от гриппа увеличивают вероятность согласия (Dini et al., 2018, Durando, 2016).

Отказ родителей от вакцинации детей по календарю прививок, а также их сомнения, тревога и сожаление об уже принятых решениях связаны с беспокойством по поводу безопасности прививок, субъективной

важностью обсуждения оснований для вакцинации и оценки ее вреда, недостаточными знаниями о вакцине, неполучением соответствующих рекомендаций от педиатра (Ames et al., 2017, Cartmell et al., 2018). Важнейшими факторами, определяющими решение, являются доверие к источнику информации и ожидания от него. Сомнения родителей во многом связаны именно с невозможностью получить информацию, которой они будут доверять, понимая, что она не искажена, и что в ней представлены и положительные, и отрицательные аспекты. Иными словами, готов-

Готовность к вакцинации является индикатором доверия и приверженности медицинским рекомендациям. В условиях постоянного информационного потока, включающего самые разные взгляды и представления о вакцинации, одним из ключевых аспектов, определяющим формирование индивидуальной позиции родителей, выступают способ поиска информации и отношение к ней.

ность к вакцинации является индикатором доверия и приверженности медицинским рекомендациям. В условиях постоянного информационного потока, включающего самые разные взгляды и представления о вакцинации, одним из ключевых аспектов, определяющим формирование индивидуальной позиции родителей, выступают способ поиска информации и отношение к ней (Jang et al., 2019). Эти моменты могут порождать масштабные системы мифологических представлений — примером являются антивакцинационные течения (Wilson, Keelan, 2013, Jang et al., 2019).

Принятие решения о вакцинации против коронавируса напрямую соотносится со многими из перечисленных поводов для сомнений и отказа. Несмотря на успехи клинических испытаний, вопросы о долго-

Елена Игоревна Рассказова —

кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры нейро- и патопсихологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник Научного центра психического здоровья

ORCID 0000-0002-9648-5238

<http://www.psy.msu.ru/people/rasskazova.html>

Elena I. Rasskazova —

PhD in Psychology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Neuro- and Pathopsychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Senior Researcher, Mental Health Research Center

ORCID 0000-0002-9648-5238

Александр Шамилевич Тхостов —

доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой нейро- и патопсихологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова

ORCID 0000-0001-9676-4096

<http://www.psy.msu.ru/people/thostov.html>

Aleksandr Sh. Tkhostov —

Doctor of Psychology, Professor, Head, Department of Neuro- and Pathopsychology, Faculty of Psychology Lomonosov Moscow State University

ORCID 0000-0001-9676-4096

срочности иммунных эффектов, о возможных побочных явлениях и факторах риска (т.е. безопасности вакцинации), а также об альтернативных средствах лечения остаются открытыми (Chung et al., 2021, Flanagan et al., 2020). Как в случае вакцинации детей, так и в ситуации прививки против коронавируса ставится важным то, насколько человек доверяет источнику информации о важности и безопасности вакцинации, а также то, каким образом он «взвешивает» для себя риски и преимущества. Подчеркивая это, авторы одного из недавних исследований метко назвали свою статью «Бояться болезни или вакцины: случай COVID-19» (Karlsson et al., 2021), где продемонстрировали, что готовность вакцинироваться тесно связана с представлениями о безопасности вакцины и слабее — с представлениями о тяжести заболеваний.

Согласно эмпирическим данным, готовность к вакцинации против коронавируса, если вакцина официально рекомендована системой здравоохранения, варьирует в разных странах от 48,0% до 78,6%. Максимальные показатели готовности к вакцинации получены в Италии, где 78,6% респондентов отвечали, что готовы были бы заплатить за вакцину, если бы она была доступна (Caserotti et al., 2021). Готовность была максимальной во время локдауна (86,2%), и несколько снизилась после снятия ограничений (69,7%), но в целом осталась выше, чем до объявления локдауна. Кроме того, она была выше при более высоком субъективном риске заболевания COVID-19, тогда как сомнения по поводу любой вакцинации были негативным предиктором желания привиться. Готовность вакцинироваться от COVID-19 у тех, кто делал прививку от гриппа в 2019 году, была в 2,83 раза выше, по сравнению с теми, кто ее не делал. Близкие показатели установлены во Франции, где 77,6% респондентов однозначно ответили о готовности привиться (Detoc et al., 2020). Причем, положительное отношение к вакцинации против COVID-19 было более выражено у мужчин, у лиц старшего возраста, у людей с более выявленными страхами по поводу коронавируса и выше оценивающими свой риск заболеть, а также у работников сферы здравоохранения и у людей без отрицательного отношения к вакцинации в целом. В Финляндии однозначная готовность к вакцинации против коронавируса составила 47,95–52,5% (Karlsson et al., 2021), в Англии (Bell et al., 2020) — 55,8%, еще 34,3% склонялись в сторону положительного решения, и лишь менее 4% однозначно отказывались от вакцинации. В исследовании респондентов, имеющих детей, было показано, что они проявляют большую готовность привиться сами и меньшую — привить детей (48,2% были готовы, 40,9% склонялись к этому). При этом основными поводами для сомнений были вопросы безопасности и эффективности в связи с новизной и быстрым появлением вакцин (Bell et al., 2020).

С нашей точки зрения, особый интерес представляет исследование, сравнивающее готовность к вакцинации против COVID-19 у медицинских работников во Франции, Бельгии и Канаде (Verger et al., 2021). Оно показало, что при высокой готовности

у 42,8–50,6% респондентов и средней готовности у 21,2–31,2% респондентов уровень доверия официальной информации о безопасности тоже крайне высок. Так, более 92,0–95,6% медицинских работников ответили, что доверяют науке, что она создает безопасные новые вакцины, а 70,9–80,0% — что доверяют министерству здравоохранения, когда оно утверждает, что вакцины безопасны.

На фоне этих довольно оптимистичных результатов, готовность к участию в испытаниях вакцины — заметно более редкое явление. Например, в Финляндии готовность к участию в испытаниях вакцины составила 4,64–11,33% (Karlsson et al., 2021), хотя во Франции показатели достигли 47,6% (Detoc et al., 2020), как и прививки от гриппа — по данным из Италии 16,3% делали прививку в 2019 году (Caserotti et al., 2021).

Проведение исследования

Цель данной работы — исследование субъективной готовности к вакцинации против коронавируса и ее связи с тревогой по поводу пандемии, защитными действиями, представлениями и переживаниями по поводу вакцинации.

Предполагалось, что:

1. Готовность к вакцинации от коронавируса может рассматриваться как мера доверия и приверженности официальным медицинским рекомендациям. Она соотносится с другими мерами приверженности, в частности, с интенсивно пропагандируемой осенней прививкой от гриппа и следованием мерам самоизоляции.
2. Уровень готовности к вакцинации у респондентов низкий, что объясняется выраженной тревогой по поводу побочных последствий и рисков вакцинации, недостаточности (несвоевременности) медицинской помощи, а также сомнениями в эффективности и действенности вакцины и в том, не применяется ли она для чьей-то выгоды.

Сбор данных и выборка. Сбор данных проводился онлайн с 18 ноября до конца декабря 2020 года в период пика интереса к информации об исследованиях вакцин против коронавируса и вакцинации добровольцев в исследовательских целях до начала обширных программ вакцинации населения. Всего в исследовании приняли участие 525 жителей России, 355 мужчин (67,9%) и 168 женщин (32,1%) в возрасте от 18 до 65 лет. Все респонденты были городскими жителями, преимущественно Центрального федерального округа (82,2%). Средний возраст составил $m \pm \delta = 32,35 \pm 13,30$ лет.

305 человек имели высшее образование (58,3%), 145 человек (27,7%) — неполное высшее, 73 человека (14,0%) — среднее или среднее специальное/профессиональное образование.

283 респондента (54,1%) ответили, что на момент исследования работают, 208 (39,8%) — что учатся, и 32 (6,1%) — что не работают или находятся на пенсии. При этом каждый третий респондент (180 человек,

34,4%) работал или учился на момент исследования в полностью дистанционном формате, 114 человек (21,8%) выезжали на место учебы или работы иногда, но основная их занятость была дистанционной, тогда как 197 человек (37,7%) указали, что работают или учатся очно в обычном или более интенсивном, чем обычно, режиме.

324 респондента (62,0%) указали, что холосты (не замужем) или разведены, 199 (38,0%) — что состоят в браке или в гражданском браке. 336 человек (64,2%) не имели детей, у 74 человек (4,1%) был один ребенок, у 87 (16,6%) — двое, у 26 (5,0%) — трое и более.

Опыт, связанный с коронавирусной инфекцией. 83 человек (15,9%) перенесли в прошлом или на момент исследования подтвержденную тестом ПЦР коронавирусную инфекцию. Почти половина респондентов (234 человека, 44,7%) указали, что среди их личных знакомых есть случаи угрожающего жизни течения этого заболевания и/или летальных исходов. При этом 134 человека (25,6%) знали лично не более 3 человек, болевших или переболевших коронавирусной инфекцией, 218 человек (41,7%) — менее 10 человек, 122 человека (23,3%) — 10–20 человек, 45 (9,4%) — более 20 человек.

36 человек (6,9%) участвовали в испытаниях вакцины против коронавируса в качестве волонтеров.

Методы исследования. Шкалы тревоги пандемии и защитных действий (Тхостов, Рассказова, 2020) в данном исследовании были дополнены¹. Шкала тревоги пандемии включает пять субшкал (подтверждаемых методом главных компонент с вращением Варимакс) по три пункта: тревога личного заражения (альфа Кронбаха в данном исследовании 0,80), заражения близких (0,82), негативных последствий пандемии (0,76), халатности окружающих (0,93), недостаточности медицинской помощи (0,92). Шкала защитных действий при пандемии включает субшкалы чрезмерной профилактики и мониторинга признаков заболевания (альфа Кронбаха 0,75), самоизоляции (0,82), саморегуляции и контроля образа жизни (0,81), проведения времени на природе (0,73).

1. Пункты для диагностики готовности к вакцинации, тревоги и представлений о вакцинации были специально разработаны для данного исследования (полный перечень представлен на рис. 1, в табл. 1 и 2, соответственно).

А. Респонденты оценивали свою готовность привиться и привить близких как можно быстрее или, напротив, подождать или отказаться от прививки по пяти пунктам (рис. 1) по шкале Лайкерта от 1 («Не согласен») до 5 («Согласен») баллов.

В. Шкала тревоги по поводу вакцинации включила 12 пунктов, в которых людей просили оценить, насколько сильно их беспокоит недостаточность знаний о рисках, побочных эффектах вакцины (например, «У вакцины могут обнаружиться долгосрочные негативные последствия для здоровья», «Отрицатель-

ные результаты клинических испытаний могут скрываться»), а также неуверенность в действенности и недоверие к процессу вакцинации (например, «Придется прививаться постоянно», «Прививать будут без согласия людей»). Пункты о тревоге респонденты оценивали по шкале Лайкерта от 1 («Совсем нет или почти нет») до 6 баллов (5 баллов — «Сильно беспокоит», 6 баллов — «Беспокоит настолько сильно, что будет определять мое решение о вакцинации»).

С. Пункты для диагностики представлений о вакцинации были разработаны на основе модели репрезентации лечения (Horne et al., 2003) и опросника убеждений о лекарствах (Horne et al., 1999). В общей версии методики выделяются шкалы беспокойства по поводу необходимости лекарственных препаратов и уверенности в этой необходимости. В данном исследовании формулировки пунктов были изменены, чтобы соответствовать теме вакцинации. Дополнительно были сформулированы пункты, описывающие убеждение в том, что необходимости в разработке вакцины и в вакцинации нет, и что есть другие, лучшие способы справиться с проблемой. Отдельный набор пунктов был посвящен представлениям об эффективности вакцины и представлениям о том, что она используется для чьей-то выгоды — государств или организаций.

Обработка данных проводилась в программе SPSS Statistics 23.0 с применением методов описательной статистики, сравнения связанных и несвязанных групп, корреляционного анализа. В связи с большим размером выборки принят уровень значимости $p < 0,01$.

Результаты

Готовность к вакцинации против коронавируса как мера приверженности медицинским рекомендациям

Парадоксально, что из 36 человек, участвовавших в испытаниях вакцины против коронавируса в качестве волонтеров, почти половина (44,4%) на вопрос о том, хотели бы они принять участие в исследовании вакцины в качестве волонтеров, ответили: «Не согласен», «Скорее не согласен» или «Не уверен». В целом, среди действительных волонтеров 55,5% ответили: «Скорее согласен» или «Согласен» на вопрос о готовности быть волонтером в испытаниях, а среди не-волонтеров этот ответ дали 5,7%.

97 человек из выборки (18,5%) указали, что сделали осенью рекомендованную врачами прививку против гриппа. При этом даже среди волонтеров, участвующих в испытаниях, каждый третий прививку от гриппа не делал (38,9%), а среди не-волонтеров процент отказов от прививки от гриппа достиг 84,6% ($\chi^2 = 46,37$, $p < 0,01$, Cramer's $V = 0,30$).

Ответы на различные вопросы о готовности к вакцинации (рис. 1) показывает, что респонденты крайне скептически и с сомнением относятся к перспективе прививки в ближайшем будущем, а каждый четвертый планирует отказаться от нее. Метод главных

¹ Дополнительные пункты были сформулированы на основе ответов на открытые вопросы о тревоге пандемии и защитных действиях (Тхостов, Рассказова, 2020).

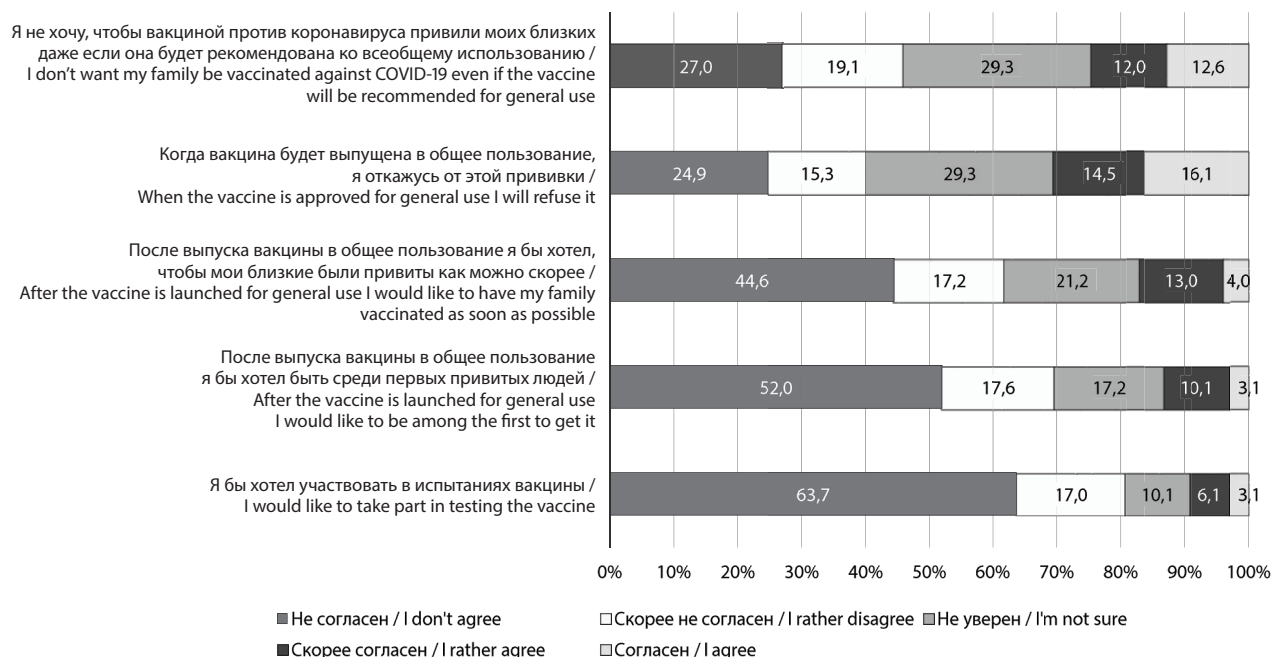

Рис. 1. Субъективная готовность к согласию на вакцинацию против коронавирусной инфекции

Figure 1. Subjective eagerness to be vaccinated against coronavirus disease

компонент с вращением Варимакс позволяет выделить две компоненты с собственными нагрузками выше единицы, объясняющие 86,26% дисперсии ответов (факторные нагрузки пунктов на «свои» компоненты 0,87–0,94) и соответствующие стремлению к быстрой вакцинации и готовности к отказу от вакцинации (альфа Кронбаха 0,90 и 0,89, соответственно). Корреляция между ними составляет $r = -0,47$, $p < 0,01$.

Тревога по поводу вакцинации в сравнении с тревогой пандемии

Частотный анализ ответов о тревоге по поводу вакцинации показывает, что люди наиболее обеспокоены возможностью побочных эффектов вакцины, негативных долгосрочных последствий для здоровья, а также ее потенциальной опасностью для отдельных групп лиц (пожилых людей, групп риска и пр.). Наименьшее беспокойство вызывает вероятность того, что вакциной от коронавируса уже прививают людей «под видом» других вакцин, однако и о таком беспокойстве сообщает каждый третий респондент (35,3%). 10,7–25,0% респондентов оценивают свою тревогу вакцинации как беспокоящую «настолько сильно, что это будет определять мое решение о вакцинации». Причем шесть поводов из 12 перечисленных в опроснике выбирает каждый четвертый-каждый пятый респондент.

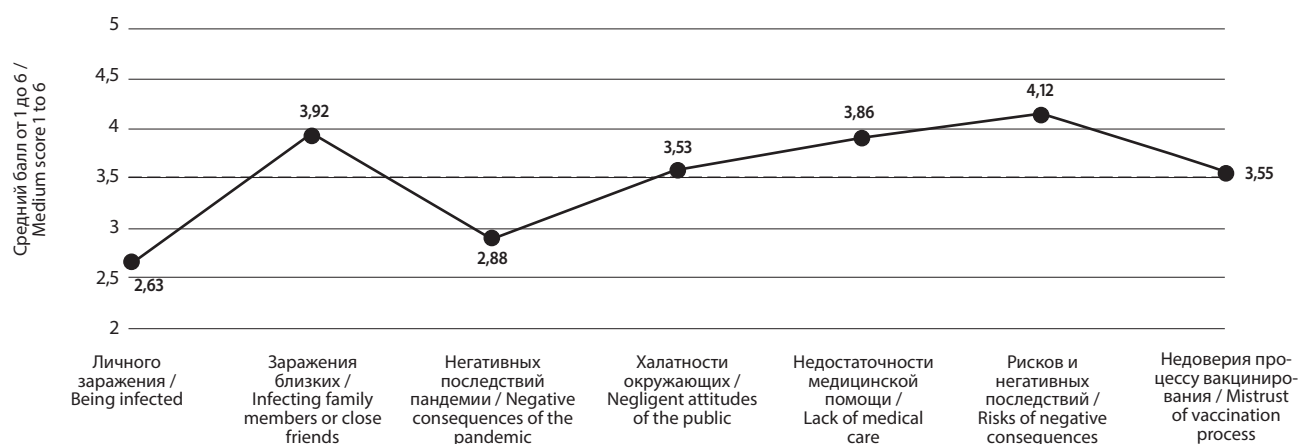
Метод главных компонент с вращением Варимакс позволил выделить две компоненты тревоги по поводу пандемии, объясняющие 73,41% дисперсии ответов (факторные нагрузки пунктов на «свои» компоненты 0,51–0,88). Первая из них включает восемь пунктов о недостаточности наших знаний о воз-

можных рисках и негативных последствиях вакцины (альфа Кронбаха 0,95), а вторая — четыре пункта, описывающие недоверие к действенности вакцины и самому процессу вакцинации (альфа Кронбаха 0,81). Хотя эти варианты тревоги по поводу вакцинации тесно связаны между собой ($r = 0,71$, $p < 0,01$), первый вариант выражен заметно сильнее, чем второй ($t = 14,02$, $p < 0,01$, $\eta^2 = 0,27$, рис. 2).

Следует отметить, что, в отличие от апрельских данных (Тхостов, Рассказова, 2020), тревога личного заражения и тревога негативных последствий пандемии заметно «уступили» тревоге заражения близких и недоступности/недостаточности медицинской помощи, которые выходят на первый план среди других поводов тревоги по поводу пандемии.

Тревога по поводу рисков и негативных последствий вакцинации лидирует в этом списке, статистически превышая тревогу пандемии. Причем, не только тревогу личного заражения ($t = 22,17$, $p < 0,01$, $\eta^2 = 0,49$), негативных последствий пандемии ($t = 19,12$, $p < 0,01$, $\eta^2 = 0,41$), халатности окружающих ($t = 8,43$, $p < 0,01$, $\eta^2 = 0,12$), но и тревогу заражения близких ($t = 3,05$, $p < 0,01$, $\eta^2 = 0,02$) и недостаточности медицинской помощи ($t = 4,18$, $p < 0,01$, $\eta^2 = 0,03$).

Тревога, связанная с недоверием вакцинации, менее актуальна для респондентов, по сравнению с угрозой неполучения медицинской помощи ($t = 4,67$, $p < 0,01$, $\eta^2 = 0,04$) и заражения близких ($t = 5,37$, $p < 0,01$, $\eta^2 = 0,05$), и соответствует по интенсивности тревоге из-за халатности окружающих ($p > 0,25$), но «опережает» не только тревогу личного заражения ($t = 13,30$, $p < 0,01$, $\eta^2 = 0,25$), негативных последствий пандемии ($t = 10,66$, $p < 0,01$, $\eta^2 = 0,18$), халатности окружающих ($t = 8,43$, $p < 0,01$, $\eta^2 = 0,12$), но и тревогу

Рис. 2. Выраженность тревоги по поводу вакцинации в сравнении с другими типами тревоги по поводу пандемии
Figure 2. Intensity of anxiety about vaccination in comparison to other types of pandemic anxiety

Таблица 1. Факторные нагрузки, описательная статистика и согласованность субшкал опросника представлений о вакцинации против коронавируса: метод главных компонент с вращением Варимакс

Пункты опросника представлений о вакцинации против коронавируса	Компоненты опросника представлений о вакцинации		
	Субъективная необходимость	Отрицание необходимости	Обеспокоенность
Я опасюсь побочных эффектов вакцины от коронавируса	-0,06	0,16	0,82
Меня беспокоит, что у вакцины против коронавируса могут быть опасные долгосрочные последствия	-0,07	0,13	0,87
Меня беспокоит, что всеобщая вакцинация только ухудшит ситуацию, связанную с пандемией	-0,12	0,58	0,44
Я опасюсь, что вакцинация станет постоянной и от нее нельзя будет отказаться	-0,12	0,49	0,52
Меня беспокоит, что вакцина может навредить мне или моим близким	-0,05	0,31	0,81
Меня беспокоит, что мы мало знаем о действии таких вакцин	0,08	0,17	0,77
Мое здоровье в будущем зависит от изобретения вакцины против коронавируса	0,76	-0,20	-0,11
Без вакцины риск коронавируса я постоянно буду в ситуации риска для здоровья и моей жизни	0,79	-0,13	-0,01
Без вакцины я или мои близкие могут тяжело заболеть	0,78	-0,28	0,01
Здоровье моих близких зависит от вакцины от коронавируса	0,85	-0,18	-0,15
Вакцина против коронавируса смогла бы защитить человечество от рисков пандемии	0,61	-0,39	0,14
Здоровье моих близких зависит от этой вакцины	0,86	-0,20	-0,08
Без вакцины с пандемией не справиться	0,78	-0,29	0,04
Вакцина — единственное, что может сейчас помочь вернуться к обычной жизни	0,77	-0,17	-0,09
Считаю, что человечество справится с пандемией без вакцины	-0,29	0,67	0,15
Разработка вакцины не столь нужна, как об этом говорят	-0,26	0,79	0,10
Я считаю вакцинацию против коронавируса бесполезной	-0,29	0,76	0,20
Считаю, что вакцинация против коронавируса никак не изменит ситуацию	-0,24	0,78	0,15
Я сомневаюсь, что вакцина сможет помочь против коронавируса	-0,28	0,78	0,27
Считаю, что есть более безопасные и эффективные способы справиться с пандемией, чем вакцинация	-0,24	0,69	0,32
Среднее (от 1 до 5 баллов)	2,93	2,65	3,24
Ст. откл.	0,93	0,93	0,93
Собственные значения компонент	5,33	4,55	3,49
Процент объясняемой дисперсии	26,63%	22,74%	17,46%
Альфа Кронбаха	0,93	0,91	0,87

Table 1. Factor loads, descriptive statistics, and subscales consistency for the questionnaire assessing ideas about anti-coronavirus vaccination: main components method with Varimax rotation

Points of scale relating to vaccination against COVID-19	Components of the questionnaire about vaccination against COVID-19		
	Subjective necessity	Denying necessity	Anxiety
I am afraid of the side effects that the anti-coronavirus vaccine may have	-0.06	0.16	0.82
I am afraid that the anti-coronavirus vaccine may have dangerous delayed side effects	-0.07	0.13	0.87
I am afraid that general vaccination may make the pandemic situation only worse	-0.12	0.58	0.44
I am afraid that vaccination may become permanent and mandatory	-0.12	0.49	0.52
I am afraid that the vaccine may do harm to me or my family	-0.05	0.31	0.81
I am afraid that we know too little on how such vaccines work	0.08	0.17	0.77
My health in future depends on the development of vaccines against COVID-19	0.76	-0.20	-0.11
Without the vaccine COVID-19 will remain constant danger for my life and health	0.79	-0.13	-0.01
Without the vaccine my family and I can get seriously ill	0.78	-0.28	0.01
My family's health depends on the vaccine against COVID-19	0.85	-0.18	-0.15
An anti-COVID vaccine could protect the humanity from the pandemic risks	0.61	-0.39	0.14
The health of my family members depends on this vaccine	0.86	-0.20	-0.08
Without a vaccine it is impossible to cope with the pandemic	0.78	-0.29	0.04
A vaccine is the only measure that can help us return to normal life	0.77	-0.17	-0.09
I believe that the humanity will cope with the pandemic without a vaccine	-0.29	0.67	0.15
Developing vaccines is not so necessary as it is suggested	-0.26	0.79	0.10
I find anti-COVID vaccination useless	-0.29	0.76	0.20
I believe that anti-COVID vaccination will not change the situation in any way	-0.24	0.78	0.15
I doubt that a vaccine may help against COVID-19	-0.28	0.78	0.27
I believe that there are more effective and safe measures that could help us cope with the pandemic than vaccination	-0.24	0.69	0.32
Medium score (1 to 5)	2.93	2.65	3.24
Standard deviation	0.93	0.93	0.93
<i>Eigenvalues of components</i>	5.33	4.55	3.49
<i>Explained dispersion percentage</i>	26.63%	22.74%	17.46%
<i>Cronbach's alpha</i>	0.93	0.91	0.87

заражения близких ($t = 3,05$, $p < 0,01$, $\eta^2 = 0,02$) и недостаточности медицинской помощи ($t = 4,18$, $p < 0,01$, $\eta^2 = 0,03$).

Субъективные представления о вакцинации против коронавирусной инфекции

Метод главных компонент методом Варимакс 20 пунктов представлений о вакцинации подтвердил трехкомпонентную структуру, объясняющую 66,83% дисперсии ответов. Анализ факторных нагрузок и согласованности компонент (табл. 1) указывает на их полное соответствие исходной теоретической модели, включающей беспокойство по поводу вакцинации, субъективную необходимость и отрицание необходимости вакцинации. Интересно, что, хотя субъективная необходимость вакцинации и отрицание этой необходимости выглядят противоположностями, корреляция между ними ($r = -0,57$, $p < 0,01$), хоть и высока, но свидетельствует о том, что это не повторяющиеся друг друга конструкты.

Дополнительные шкалы извлечения выгоды из вакцинации и уверенности в ее эффективности также были высоко согласованы и дифференцировались методом главных компонент (табл. 2). Как показыва-

ет анализ средних (табл. 1 и 2), уверенность в эффективности вакцины для себя и близких сосуществует с беспокойством по поводу ее использования. При этом люди в средней степени уверены, что вакцинация используется для извлечения выгоды и скорее сомневаются одновременно в том, нужна ли она или не нужна для преодоления угроз и рисков пандемии.

Ввиду большого объема выборки различия между выраженностью различных представлений о вакцинации достигают принятого уровня значимости ($F = 31,12$, $p < 0,01$, $\eta^2 = 0,06$). В структуре представлений доминирует обеспокоенность, которая сочетается одновременно с уверенностью в эффективности и представлением об извлечении выгоды из вакцинации, тогда как по поводу необходимости вакцины респонденты скорее сомневаются. Однако величина статистического эффекта этих различий мала.

Беспокойство по поводу вакцинации выше у тех, кто считает, что преодолеть угрозы и риски пандемии можно и без нее ($r = 0,58$, $p < 0,01$), и что ее используют для извлечения выгоды ($r = 0,69$, $p < 0,01$), тогда как с сомнениями в эффективности вакцины ($-0,32$, $p < 0,01$) и неуверенностью в ее необходимости ($-0,22$, $p < 0,01$) беспокойство связано слабее.

Таблица 2. Факторные нагрузки, описательная статистика и согласованность дополнительных шкал извлечения выгоды из вакцинации и уверенности в ее эффективности: метод главных компонент с вращением Варимакс

Пункты шкал извлечения выгоды из вакцинации и уверенности в ее эффективности	Компоненты	
	Извлечение выгоды	Уверенность в эффективности
Вокруг вакцинации столько шумихи, потому что это кому-то выгодно	0,69	-0,19
Вакцинация выгодна государствам, а не людям	0,78	-0,26
Возможно, эти вакцины разрабатываются с какими-то другими целями, о которых мы не знаем	0,76	-0,25
Вакцинам уделяют столько внимания, потому что они могут дать власть тому, у кого есть к ним доступ	0,77	-0,18
В информации о вакцинах может быть много недостоверного	0,75	-0,14
Думаю, что людям рассказывают не всю правду о испытаниях вакцин	0,79	-0,04
Я верю, что вакцинация поможет мне и моим близким	-0,18	0,86
Уверен, что вакцинация может помочь остановить пандемию	-0,13	0,84
Я считаю, что важно привиться, чтобы защитить себя и своих близких	-0,19	0,87
Я доверяю специалистам, которые говорят, что вакцина поможет	-0,24	0,78
Среднее (от 1 до 5 баллов)	3,03	3,14
Ст. откл.	0,92	0,96
Собственные значения компонент	3,60	3,04
Процент объясняемой дисперсии	35,99%	30,40%
Альфа Кронбаха	0,87	0,88

Связь готовности и отношения к вакцинации с социодемографическими факторами и опытом болезни

Не было выявлено гендерных различий в тревоге по поводу пандемии и выраженности различных форм защитного поведения. Однако отношение к вакцинации резко различалось у мужчин и женщин. У мужчин, по сравнению с женщинами, выше готовность к вакцинации ($t = 2,70, p < 0,01, d = 0,23$), ниже готовность к отказу от нее ($t = -2,94, p < 0,01, d = 0,27$), что проявляется и на уровне представлений — в меньшей обеспокоенности мужчин по поводу необходимости вакцинации ($t = -3,98, p < 0,01, d = 0,37$), большей уверенности в ее необходимости ($t = 2,88, p < 0,01, d = 0,27$) и эффективности ($t = 3,79, p < 0,01, d = 0,35$), а также в том, что вряд ли есть более простые и лучшие способы совладания с угрозой ($t = -3,89, p < 0,01, d = 0,36$) и маловероятно, что кто-то получает выгоду от вакцины ($t = -3,44, p < 0,01, d = 0,32$). На эмоциональном уровне мужчин меньше, чем женщин, беспокоят как возможные риски и побочные эффекты вакцинации ($t = -3,74, p < 0,01, d = 0,35$), так и сам процесс вакцинации и возмож-

Table 2. Factor loads, descriptive statistics, and additional scale consistency for benefits of vaccination and belief in its efficiency: main components method with Varimax rotation

Points of scale relating to benefits of vaccination and belief in its efficiency	Components	
	Drawing benefit	Being sure that the vaccine is efficient
Vaccination is discussed so widely because someone draws benefit from it	0.69	-0.19
Vaccination provides benefit to states, not people	0.78	-0.26
Vaccines could be developed with some other aims in mind, and we are not aware of these aims	0.76	-0.25
Vaccines are discussed so widely because they can give power to whoever has access to them	0.77	-0.18
Among the information about vaccines there can be many fakes	0.75	-0.14
I believe that people are not told all the truth about testing the vaccines	0.79	-0.04
I believe that vaccination will help me and my family	-0.18	0.86
I am sure that vaccination can help us stop the pandemic	-0.13	0.84
I believe that it is important to be vaccinated in order to protect oneself and one's family	-0.19	0.87
I trust the specialists who say that the vaccine will help	-0.24	0.78
Medium score (1 to 5)	3.03	3.14
Standard deviation	0.92	0.96
Eigenvalues of components	3.60	3.04
Explained dispersion percentage	35.99%	30.40%
Cronbach's alpha	0.87	0.88

ная неустойчивость ее результатов ($t = -4,15, p < 0,01, d = 0,39$).

Люди более старшего возраста несколько более склонны придерживаться режима самоизоляции ($r = 0,13, p < 0,01$), а также больше гулять и быть на природе ($r = 0,14, p < 0,01$). Ни один из других коэффициентов корреляции готовности и отношения к вакцинации, а также защитных действий и тревоги по поводу коронавируса с возрастом не превышал по модулю 0,10.

Ни образование, ни семейное положение, ни наличие детей не было связано с отношением к пандемии и вакцинации.

Опыт собственной болезни коронавирусной инфекцией не был связан ни с тревогой по поводу пандемии, ни с защитным поведением, ни с отношением к вакцинации. Опыт тяжелого или летального случая течения коронавирусной инфекции среди личных знакомых связан с более выраженной тревогой заражения близких ($t = -3,35, p < 0,01, d = 0,29$) и халатностью окружающих ($t = -2,60, p < 0,01, d = 0,23$), чрезмерным мониторингом признаков заболевания ($t = -4,34, p < 0,01, d = 0,38$), попытками проводить

больше времени на природе или уехать ($t = -3,13$, $p < 0,01$, $d = 0,28$), но не связан с отношением к вакцинации. Чем больше знакомых, болевших коронавирусной инфекцией, у респондента, тем выше у него тревога личного заражения ($F = 4,17$, $p < 0,01$, $\eta^2 = 0,02$), заражения близких ($F = 6,95$, $p < 0,01$, $\eta^2 = 0,04$) и тревога по поводу халатности других людей ($F = 6,10$, $p < 0,01$, $\eta^2 = 0,03$). Попарное сравнение групп *posthoc* по критерию Шеффе показывает, что во всех случаях речь идет о минимальном уровне тревоги у тех, кто почти не сталкивался с коронавирусом (0–3 знакомых), особенно по сравнению с теми, кто знает более 10 таких случаев. Не выявлена связь количества знакомых, перенесших коронавирусную инфекцию, с поведением и отношением к вакцинации.

Люди, сделавшие осенью прививку от гриппа, отличались от не сделавших прививку более выраженными проявлениями чрезмерного мониторинга за признаками болезни ($t = -3,65$, $p < 0,01$, $d = 0,41$), меньшей тревогой по поводу побочных эффектов и процесса/результативности вакцинации ($t = 3,95$, $p < 0,01$, $d = 0,44$ и $t = 3,58$, $p < 0,01$, $d = 0,40$, соответственно), большей готовностью к скорой вакцинации и меньшей вероятностью отказа от нее ($t = -7,79$, $p < 0,01$, $d = 0,88$ и $t = 6,13$, $p < 0,01$, $d = 0,69$, соответственно). На когнитивном уровне различия касались всей системы представлений о вакцинации — люди, сделавшие осенью прививку от гриппа, отмечали меньшую обеспокоенность необходимостью вакцинации, наличием лучших вариантов профилактики и использованием вакцины для получения выгоды ($t = 5,75-6,16$, $p < 0,01$, $d = 0,65-0,69$). Они же выражали большую уверенность в необходимости и эффективности вакцинации ($t = -6,27- -5,88$, $p < 0,01$, $d = 0,66-0,71$).

Результаты сравнения отношения к пандемии и вакцинации у людей, участвовавших в испытании вакцины против коронавируса, и людей, не участвовавших в нем, следует считать предварительными, поскольку волонтеров в данном исследовании было лишь 36 человек. Ни выраженность тревоги панде-

мии, ни стратегии защитного поведения не различаются у волонтеров и не-волонтеров. Однако по всем шкалам волонтеры демонстрируют большую готовность к вакцинации ($|t| = 6,83-8,10$, $p < 0,01$, $d = 1,18-1,40$), меньший уровень тревоги по поводу вакцинации ($t = 3,58-5,08$, $p < 0,01$, $d = 0,62-0,88$). Кроме того, они менее обеспокоены необходимостью вакцинации ($t = 3,42$, $p < 0,01$, $d = 0,59$), хотя другие различия в когнитивных представлениях не достигают значимости $p < 0,01$.

Эмоциональные и когнитивные факторы готовности к вакцинации и к отказу от нее

Корреляции готовности к вакцинации и отказу от нее с тревогой по поводу пандемии и защитным поведением низки или близки к нулю. Несколько более готовы привиться как можно скорее люди с высокими показателями тревоги заражения (своего и близких), сильнее переживающие из-за халатности окружающих ($r = 0,13-0,14$, $p < 0,01$).

Готовность привиться как можно скорее и неготовность к отказу от прививки несколько выше у людей, соблюдающих рекомендации по самоизоляции ($r = 0,13-0,16$, $p < 0,01$ и $r = -0,12- -0,11$, $p < 0,05$, соответственно), но эти показатели у них не связаны с усилиями по изменению образа жизни.

И стремление к быстрой вакцинации, и отказ от нее демонстрируют схожий паттерн тесной связи со всеми формами тревоги по поводу вакцинации и представлениями о ней (табл. 3). При пошаговом иерархическом регрессионном анализе статистически оптимальным набором предикторов готовности к вакцинации в ближайшее время являются уверенность в эффективности, меньшее беспокойство и уверенность в необходимости вакцинации для здоровья ($\beta = 0,23$, $\beta = -0,28$, $\beta = 0,24$, соответственно, $p < 0,01$, $R^2 = 34,6\%$). Учет тревоги по поводу рисков и побочных эффектов вакцинации ($\beta = -0,23$, $p < 0,01$), но не тревоги, связанной с недоверием к вакцинации, приводит к улучшению предсказательной силы моде-

Таблица 3. Связь тревоги и представлений о вакцинации с готовностью к ней: результаты корреляционного анализа

Субшкалы шкал тревоги по поводу вакцинации и представлений о вакцинации	Стремление к быстрой вакцинации	Отказ от вакцинации
Тревога вакцинации — Рисков и негативных последствий	-0,38**	0,41**
Тревога вакцинации — Недоверие	-0,32**	0,47**
Представления о вакцинации — Обеспокоенность	-0,41**	0,57**
Представления о вакцинации — Субъективная необходимость	0,49**	-0,53**
Представления о вакцинации — Отрицание необходимости	-0,40**	0,67**
Представления о вакцинации — Извлечение выгоды	-0,39**	0,59**
Представления о вакцинации — Уверенность в эффективности	0,52**	-0,60**

** — $p < 0,01$.

Table 3. Correlation between anxiety and ideas on vaccination with eagerness to be vaccinated: results of correlation analysis

Subscales of anxiety scales relating to vaccination and ideas about it	Eagerness to be vaccinated soon	Refusal of vaccination
Anxiety about vaccination — Risks and negative consequences	-0.38**	0.41**
Anxiety about vaccination — Mistrust	-0.32**	0.47**
Ideas about vaccination — Being worried	-0.41**	0.57**
Ideas about vaccination — Subjective necessity	0.49**	-0.53**
Ideas about vaccination — Denial of necessity	-0.40**	0.67**
Ideas about vaccination — Drawing benefit	-0.39**	0.59**
Ideas about vaccination — Belief in efficiency	0.52**	-0.60**

** — $p < 0,01$.

ли на $\Delta R^2 = 1,5\%$ ($p < 0,01$) объясняемой дисперсией готовности вакцинироваться.

Оптимальным набором когнитивных представлений, предсказывающих готовность к отказу от вакцинации при пошаговом регрессионном анализе выступают представление о наличии других вариантов профилактики и лечения (отсутствии необходимости), неуверенность в ее эффективности и обеспокоенность необходимостью прививаться ($\beta = 0,30$, $\beta = -0,32$, $\beta = 0,30$, соответственно, $p < 0,01$, $R^2 = 56,0\%$). Дополнительный учет тревоги по поводу пандемии не приводит к улучшению предсказательной силы модели.

Обсуждение результатов

Готовность к вакцинации как проявление доверия/недоверия медицинским рекомендациям. Согласно полученным данным, отношение к вакцинации против коронавируса в ноябре-декабре крайне настороженное — лишь 17,0% людей хотели бы быть привиты как можно скорее, 13,2% — хотят быть среди первых привитых людей, 9,2% — участвовать

Крайне низкая готовность к вакцинации против коронавируса объясняется не уверенным отказом от этой возможности, за которым стоит продуманное решение и выверенные личные убеждения, а колебаниями, неуверенностью и недоверием.

в испытаниях вакцины. Если по нашим данным показатели готовности к испытаниям вакцины близки данным, полученным в Финляндии (Karlsson et al., 2021), то общая готовность привиться заметно ниже оценок 45–80%, полученных в Италии, Англии, Франции (Caserotti et al., 2021, Detoc et al., 2020, Bell et al., 2020). При этом лишь один человек из четырех (24,6–30,6%) готов отказаться от вакцины после ее выпуска в общее пользование. Иными словами, крайне низкая готовность к вакцинации против коронавируса объясняется не уверенным отказом от этой возможности, за которым стоит продуманное решение и выверенные личные убеждения, а колебаниями, неуверенностью и недоверием. С нашей точки зрения, можно предполагать, что готовность к вакцинации сегодня — довольно чувствительный индикатор проявления доверия/недоверия официальным медицинским рекомендациям в целом, которые в ряде стран высоки (Verger et al., 2021). Так, процент людей, сделавших прививку от гриппа (18,5%), несмотря на все административные усилия в этом направлении осенью, вполне согласуется с этими показателями готовности привиться от коронавируса (13,2–17,0%). При этом почти треть респондентов колеблется — то ли им отказаться от прививки, то ли согласиться на нее (29,3%), а с учетом ответов «Скорее согласен» и «Скорее не согласен» «зона» неуверенности расширяется до 59,0–60,4%. Можно предположить, что эти люди и составляют

сегодня ту целевую группу, на которую направлены усилия по пропаганде вакцинации. Однако усилия эти малоэффективны из-за недоверия официальным медицинским рекомендациям.

Сомнения по поводу вакцинации, обеспокоенность и тревога, неуверенность в ее необходимости и эффективности более характерны для женщин, чем для мужчин. Они не связаны с опытом личной болезни, количеством переболевших знакомых, опытом тяжелого/летального течения заболевания у знакомых, с возрастом, образованием, семейным положением и наличием детей. Это во многом соответствует данным других исследований (Caserotti et al., 2021, Detoc et al., 2020, Karlsson et al., 2021).

С нашей точки зрения, интересный феномен проявления этого недоверия проявляется при анализе ответов волонтеров, действительно участвовавших в испытаниях вакцины против коронавируса. Почти половина действительных волонтеров (44,4%) ответили, что не уверены в том, что хотели бы быть волонтерами в исследованиях такой вакцины, а почти двое из трех (61,1%) не сделали осенью рекомендованную прививку от гриппа. Таким образом, даже готовность к испытанию вакцины часто не означает,

что человек относится положительно к ней, уверен, и даже не означает, что он привержен медицинским рекомендациям.

С предположением о том, что готовность к вакцинации — индикатор доверия официальным медицинским рекомендациям, косвенно согласуется то, что она тесно связана с переживаниями и представлениями о вакцинации, но крайне слабо связана или не связана с тревогой по поводу пандемии и другими формами защитного поведения при пандемии. Иными словами, отношение к вакцинации и принятие решения по ее поводу должны рассматриваться как особый феномен, не сводимый к реакции на пандемию.

Структура и особенности психологического отношения к вакцинации. В ситуации, когда официальные медицинские рекомендации не обладают до-

С предположением о том, что готовность к вакцинации — индикатор доверия официальным медицинским рекомендациям, косвенно согласуется то, что она тесно связана с переживаниями и представлениями о вакцинации, но крайне слабо связана или не связана с тревогой по поводу пандемии и другими формами защитного поведения при пандемии.

статочным «кредитом доверия», чтобы стать основой однозначного принятия решения о вакцинации (как против коронавируса, так и против гриппа), это решение основывается на том отношении к пандемии и преодолению ее угрозы, которое формируется у человека. Это психологическое отношение к пандемии и вакцинации можно рассматривать по аналогии с понятиями внутренней картины болезни (Тхостов, 2002, Николаева, 1995) и репрезентации болезни и лечения (Leventhal et al., 2003, Horne et al., 2003). Как и ситуации заболевания и лечения, ситуация пандемии оказывается личностно значимой и неопределенной

медицинской ситуацией, в которой невозможно сохранить нейтральность, и человек вынужден выбирать свое отношение и стратегию действия. Результаты данного исследования показывают, что в структуре готовности к вакцинации отмечается некоторая инкогерентность, когда человек может быть одновременно не готов ни отказаться от вакцины, ни согласиться на нее.

С нашей точки зрения, колебания в принятии решения объясняются выраженной тревогой по поводу

Колебания в принятии решения объясняются выраженной тревогой по поводу вакцинации — выраженной настолько, что каждый четвертый оценивает ее как полностью определяющую его решения, а ее средний уровень превышает собственно тревогу по поводу других аспектов пандемии, включая страх заражения.

вакцинации — выраженной настолько, что каждый четвертый оценивает ее как полностью определяющую его решения, а ее средний уровень превышает собственно тревогу по поводу других аспектов пандемии, включая страх заражения. Говоря метафорически, сомнения людей связаны с тем, что заразиться им уже не столь страшно, как испытать риски и побочные эффекты, связанные с недостаточной изученностью вакцины (Karlsson et al., 2021). Согласно теории саморегуляции в отношении здоровья и болезни, это означает, что эмоциональные процессы репрезентации угрозы здоровью, болезни и лечения выходят на первый план, начинают определять решения и стратегии совладания человека (Cameron, 2003, Cameron, Jago, 2008). Тревога по поводу вакцинации более выражена у женщин, чем у мужчин, но не связана с опытом личной болезни или болезни близких.

Уточнение предположения о том, что по отношению к вакцинации сегодня доминируют неуверенность и колебания, связанные с низким кредитом доверия официальным рекомендациям и высоким уровнем тревоги по поводу вакцинации, дает исследование структуры когнитивных представлений. В соответствии с моделью репрезентации лечения (Horne et al., 2003), в структуре представлений о вакцинации дифференцируются беспокойство по поводу необходимости вакцинации и уверенность в этой необходимости. Уверенность в необходимости вакцинации оказывается неоднородной, разделяясь на субъективную уверенность в важности вакцины для здоровья и отрицание необходимости вакцины для совладания с пандемией в связи с тем, что могут быть и другие, лучшие средства совладания с угрозой пандемии. Несмотря на высокую отрицательную корреляцию ($r = -0,57, p < 0,01$), эти два типа представлений не повторяют друг друга, причем, обеспокоенность по поводу вакцинации более тесно связана с представлением, что вакцинация — не единственный и не лучший способ ($r = 0,58, p < 0,01$), чем с собственно с неуверенностью в том, нужна она или нет ($r = -0,22, p < 0,01$). Тот же результат проявляется при рассмо-

трении двух дополнительных вариантов представлений о вакцинации — обеспокоенность сильнее связана с уверенностью, что вакцины используются кем-либо для получения выгоды ($r = 0,69, p < 0,01$), чем собственно с сомнениями в эффективности вакцинации ($-0,32, p < 0,01$).

Иными словами, на уровне когнитивных представлений вновь воспроизводится паттерн сомнений и колебаний по типу «а что, если... («а что, если вакцина вредна», «есть исключения», «некачественно сделана

и слишком интенсивно пропагандируется», «есть лучшие варианты профилактики» и пр.) (Бек, 2006). При этом явный протест против вакцинации — редкое явление. На уровне практики это означает, что доминирующая сегодня в социаль-

ном дискурсе стратегия опоры на доверие рекомендациям врачей может быть неэффективной не только потому, что, в отличие от этапа начала пандемии, максимальный уровень тревоги и неуверенности касается именно возможности доверия к медицинской системе и проявляется с крайне низким «кредитом доверия», но и потому, что направлена она на формирование представлений о важности и эффективности вакцины, тогда как психологическое содержание сомнений и колебаний — тревога по поводу неучтенных рисков и побочных эффектов вакцинации, предположения о возможности наличия других, лучших и менее опасных, вариантов преодоления пандемии на фоне выраженных опасений не получить медицинскую помощь при необходимости. Можно сказать, что человеку трудно последовать рекомендации специалиста с плакатов социальной рекламы, если он подозревает, что в действительности вакцинация пока включает множество рисков, о которых этот специ-

Человеку трудно последовать рекомендации специалиста с плакатов социальной рекламы, если он подозревает, что в действительности вакцинация пока включает множество рисков, о которых этот специалист умалчивает в своей рекомендации, а, столкнувшись с этими рисками, помощи от той медицинской системы, от лица которой сделаны рекомендация, он, вероятно, получить не сможет.

алист умалчивает в своей рекомендации, а, столкнувшись с этими рисками, помощи от той медицинской системы, от лица которой сделаны рекомендация, он, вероятно, получить не сможет.

Представления и переживания по поводу пандемии и вакцинации как факторы готовности прививаться от коронавируса. И стремление к быстрой вакцинации, и отказ от нее демонстрируют схожий паттерн тесной связи со всеми формами тревоги по поводу вакцинации и представлений о ней, но слабо связаны с тревогой по поводу пандемии и общими защитными действиями. Предикторами готовности к вакцинации в ближайшее время являются уверенность в ее эффективности, меньшее беспокойство, уверенность в необходимости вакцинации для здоровья, а также более низкая тревога по поводу вакцинации. Статистически оптимальными предикто-

рами отказа от вакцинации выступают когнитивные представления о наличии других вариантов профилактики и лечения, неуверенность в эффективности и обеспокоенность необходимостью прививаться, но не тревога.

Выводы

Таким образом, показатели доверия и приверженности медицинским рекомендациям в ситуации пандемии низки. Готовность к вакцинации против коронавируса проявляют 13,2–17,0%, прививку от гриппа сделали 18,5%, и даже среди волонтеров, участвовавших в испытаниях вакцины 44,4% не были уверены, что хотят участвовать в испытаниях, а 61,1% не сделали прививку от гриппа.

Низкая готовность к вакцинации определяется не отвержением ее (24,6–30,6%), а сомнениями и недоверием (59,0–60,4%) на фоне таких доминирующих эмоциональных переживаний, как тревога по поводу негативных последствий вакцинации, страх не полу-

Когнитивные представления о вакцинации характеризуются неоднородностью, при которой обеспокоенность необходимостью вакцинации связана не столько с сомнениями в ее эффективности или важности для здоровья, сколько с опасениями, что вакцинация служит для получения чьей-то выгоды, и что есть другие, лучшие способы профилактики.

чить медицинскую помощь и страх заразить близких. Когнитивные представления о вакцинации характеризуются неоднородностью, при которой обеспокоенность необходимостью вакцинации связана не столько с сомнениями в ее эффективности или важности для здоровья, сколько с опасениями, что вакцинация служит для получения чьей-то выгоды, и что есть другие, лучшие способы профилактики.

Сомнения по поводу вакцинации, обеспокоенность и тревога, неуверенность в ее необходимости и эффективности более характерны для женщин, чем для мужчин. Они не связаны с возрастом, образованием, семейным положением и наличием детей. Больше число знакомых, перенесших коронавирусную инфекцию, связано с более высокими показателями тревоги пандемии, а опыт тяжелого или летального заболевания у личных знакомых — с тревогой пандемии и проявлениями чрезмерного мониторинга признаков заболевания. Опыт личной болезни с отношением к пандемии и вакцинации не связан.

Литература:

Бек Дж. Когнитивная терапия. Полное руководство. Москва : Вильямс, 2006.

Тхостов А.Ш. Психология телесности. Москва : Смысл, 2002.

Тхостов А.Ш., Рассказова Е.И. Психологическое содержание тревоги и профилактики в ситуации инфодемии: защита от коронавируса или «порочный круг» тревоги? // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Т. 28. № 2. С. 70–89. doi: 10.17759/cpp.2020280204

Ames, H., Glenton, C., Lewin, S. and Cochrane Consumers and Communication Group (2017). Parents' and informal caregivers' views and experiences of communication about routine childhood vaccination: a synthesis of qualitative evidence. *Cochrane Database Syst Rev*, 2, CD011787. doi: 10.1002/14651858.CD011787.pub2

Atkinson, K.M., Ducharme, R., Westeinde, J., Wilson, S.E., Deeks, S.L., Pascali, D., Wilson, K. (2015). Vaccination attitudes and mobile readiness: A survey of expectant and new mothers. *Hum Vaccin Immunother*, 11 (4), 1039–1045. doi: 10.1080/21645515.2015.1009807

Как готовность к вакцинации, так и отказ от нее слабо связаны с тревогой по поводу пандемии и защитным поведением, но тесно связаны со всеми вариантами тревоги по поводу вакцинации и представлениями о том, что она недостаточно важна и эффективно и/или используется для получения выгоды. Результаты пошагового регрессионного анализа позволяют предположить, что решение о вакцинации в ближайшее время основывается как на когнитивной уверенности в важности и эффективности вакцинации, так и на менее выраженной тревоге по поводу рисков и побочных эффектов. Готовность к отказу от вакцинации объясняется преимущественно когнитивными представлениями: неуверенностью в эффективности, сомнением в необходимости, обеспокоенностью необходимостью прививаться.

Указывая на ограничения данного исследования, важно отметить, что особенности сбора данных привели к доминированию в выборке респондентов из Центрального федерального округа, и дальнейшие исследования должны быть направлены на сравнение психологического отношения к вакцинации в различ-

ных регионах. Кроме того, исследование было направлено на оценку готовности к вакцинации и учитывало лишь два поведенческих индикатора: участие в испытаниях вакцины и прививку от гриппа осенью.

Основное направление дальнейших исследований мы видим в проверке того, в какой степени психологическая готовность к вакцинации определяла дальнейшие решения и действия респондентов в 2021 году.

Информация о грантах и благодарностях

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 20-04-60072 «Психологические и социальные детерминанты негативных последствий пандемии: системный анализ роли факторов долгосрочной индивидуальной и социальной комплаентности населения в минимизации ущерба от коронавирусной инфекции».

Acknowledgments

The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project No 20-04-60072 “Psychological and social determinants of the negative consequences of a pandemic: a systematic analysis of the role of factors of long-term individual and social population compliance in minimizing harm from coronavirus infection”.

- Bell, S., Clarke, R., Mounier-Jack, S., Walker, J.L., Paterson, P. (2020). Parents' and guardians' views on the acceptability of a future COVID-19 vaccine: A multi-methods study in England. *Vaccine*, 38 (49), 7789–7798. doi: 10.1016/j.vaccine.2020.10.027
- Cameron, L. (2003). Anxiety, cognitions and responses to health threat. In Cameron, L.D., Leventhal, H. (Eds.). *The self-regulation of health and illness behavior* (pp. 157–183). New-York: Routledge.
- Cameron, L.D., Jago, L. (2008). Emotion regulation interventions: a common-sense model approach. *British Journal of Health Psychology*, 13, 215–221. doi: 10.1348/135910708X288800
- Cartmell, K.B., Young-Pierce, J., McGue, S., Alberg, A.J., Luque, J.S., Zubizarret, M., Brandt, H.M. (2018). Barriers, facilitators, and potential strategies for increasing HPV vaccination: A statewide assessment to inform action. *Papillomavirus Res*, 5, 21–31. doi: 10.1016/j.pvr.2017.11.003
- Caserotti, M., Girardi, P., Rubaltelli, E., Tasso, A., Lotto, L., Gavaruzzia, T. (2021). Associations of COVID-19 risk perception with vaccine hesitancy over time for Italian residents. *Soc Sci Med*, 272, 113688. doi: 10.1016/j.socscimed.2021.113688
- Chung, J.Y., Thone, M.N., Kwon, Y.J. (2021). COVID-19 vaccines: The status and perspectives in delivery points of view. *Adv Drug Deliv Rev*, 170, 1–25. doi: 10.1016/j.addr.2020.12.011
- Detoc, M., Bruel, S., Frappe, P., Tardy, B., Botelho-Nevers, E., Gagneux-Brunona, A. (2020). Intention to participate in a COVID-19 vaccine clinical trial and to get vaccinated against COVID-19 in France during the pandemic. *Vaccine*, 38 (45), 7002–7006. doi: 10.1016/j.vaccine.2020.09.041
- Dini, G., Toletone, A., Sticchi, L., Orsi, A., Bragazzi, N.L., Durando, P. (2018). Influenza vaccination in healthcare workers: A comprehensive critical appraisal of the literature. *Hum Vaccin Immunother*, 14 (3), 772–789. doi: 10.1080/21645515.2017.1348442
- Durando, P., Alicino, C., Dini, G., Barberis, I., Bagnasco, A.M., Iudici, R., Zanini, M., Martini, M., Toletone, A., Paganino, C., Massa, E., Orsi, A., Sasso, L. (2016). Determinants of adherence to seasonal influenza vaccination among healthcare workers from an Italian region: results from a cross-sectional study. *BMJ Open*, 6 (5), e010779. doi: 10.1136/bmjopen-2015-010779
- Flanagan, K.L., Best, E., Crawford, M.G., Koirala, A., Macartney, K., Russell, F., The, B.W., Wen, S.C. (2020). Progress and Pitfalls in the Quest for Effective SARS-CoV-2 (COVID-19) Vaccines. *Front Immunol*, 11, 579250. doi: 10.3389/fimmu.2020.579250
- Horne, R. (2003). Treatment perception and self-regulation. In L.D. Cameron, H. Leventhal (Eds.) *The self-regulation of health and illness behavior* (pp. 138–153). Routledge: New York.
- Horne, R., Weinman, J., Hankins, M. (1999). The beliefs about medicines questionnaire: The development and evaluation of a new method for assessing the cognitive representation of medication. *Psychology & Health*, 14 (1), 1–24. doi: 10.1080/08870449908407311
- Jang, S. Mo, Mckeever, B. W., Mckeever, R., Kim, J.K. (2019). From Social Media to Mainstream News: The Information Flow of the Vaccine-Autism Controversy in the US, Canada, and the UK. *Health Communication*, 34 (1), 110–117. doi: 10.1080/10410236.2017.1384433
- Karlsson, L.C., Soveri, A., Lewandowsky, S., Karlsson, L., Karlsson, H., Nolvi, S., Karukivi, M., Lindfelt, M., Antfolka, J. (2021). Fearing the disease or the vaccine: The case of COVID-19. *Pers Individ Dif*, 172, 110590. doi: 10.1016/j.paid.2020.110590
- Kaufman, J., Ryan, R., Walsh, L., Horey, D., Leask, J., Robinson, P., Hill, S., and Cochrane Consumers and Communication Group (2018). Face-to-face interventions for informing or educating parents about early childhood vaccination. *Cochrane Database Syst Rev*, 2018 (5), CD010038. doi: 10.1002/14651858.CD010038.pub3
- Leventhal, H., Brissette, I., Leventhal, E. (2003). The common-sense model of self-regulation of health and illness. In L.D. Cameron, H. Leventhal (Eds.) *The self-regulation of health and illness behavior* (pp. 42–65). Routledge: New York.
- Verger, P., Scronias, D., Dauby, N., Adedzi, K.A., Gobert, C., Bergeat, M., Gagneur, A., Dubé E. (2021). Attitudes of healthcare workers towards COVID-19 vaccination: a survey in France and French-speaking parts of Belgium and Canada, 2020, 26 (3), 2002047. doi: 10.2807/1560-7917.ES.2021.26.3.2002047
- Wilson, K., Keelan, J. (2013). Social media and the empowering of opponents of medical technologies: The case of anti-vaccinationism. *Journal of Medical Internet Research*, 15, e103. doi: 10.2196/jmir.2409

References

- Ames, H., Glenton, C., Lewin, S. and Cochrane Consumers and Communication Group (2017). Parents' and informal caregivers' views and experiences of communication about routine childhood vaccination: a synthesis of qualitative evidence. *Cochrane Database Syst Rev*, 2, CD011787. doi: 10.1002/14651858.CD011787.pub2
- Atkinson, K.M., Ducharme, R., Westeinde, J., Wilson, S.E., Deeks, S.L., Pascali, D., Wilson, K. (2015). Vaccination attitudes and mobile readiness: A survey of expectant and new mothers. *Hum Vaccin Immunother*, 11 (4), 1039–1045. doi: 10.1080/21645515.2015.1009807
- Bek J. (2006). Cognitive therapy. Full guideline. Moscow: Vil'yams. (In Russ.)
- Bell, S., Clarke, R., Mounier-Jack, S., Walker, J.L., Paterson, P. (2020). Parents' and guardians' views on the acceptability of a future COVID-19 vaccine: A multi-methods study in England. *Vaccine*, 38 (49), 7789–7798. doi: 10.1016/j.vaccine.2020.10.027
- Cameron, L. (2003). Anxiety, cognitions and responses to health threat. In Cameron, L.D., Leventhal, H. (Eds.). *The self-regulation of health and illness behavior* (pp. 157–183). New-York: Routledge.
- Cameron, L.D., Jago, L. (2008). Emotion regulation interventions: a common-sense model approach. *British Journal of Health Psychology*, 13, 215–221. doi: 10.1348/135910708X288800
- Cartmell, K.B., Young-Pierce, J., McGue, S., Alberg, A.J., Luque, J.S., Zubizarret, M., Brandt, H.M. (2018). Barriers, facilitators, and potential strategies for increasing HPV vaccination: A statewide assessment to inform action. *Papillomavirus Res*, 5, 21–31. doi: 10.1016/j.pvr.2017.11.003
- Caserotti, M., Girardi, P., Rubaltelli, E., Tasso, A., Lotto, L., Gavaruzzia, T. (2021). Associations of COVID-19 risk perception with vaccine hesitancy over time for Italian residents. *Soc Sci Med*, 272, 113688. doi: 10.1016/j.socscimed.2021.113688
- Chung, J.Y., Thone, M.N., Kwon, Y.J. (2021). COVID-19 vaccines: The status and perspectives in delivery points of view. *Adv Drug Deliv Rev*, 170, 1–25. doi: 10.1016/j.addr.2020.12.011

- Detoc, M., Bruel, S., Frappe, P., Tardy, B., Botelho-Nevers, E., Gagneux-Brunona, A. (2020). Intention to participate in a COVID-19 vaccine clinical trial and to get vaccinated against COVID-19 in France during the pandemic. *Vaccine*, 38 (45), 7002–7006. doi: 10.1016/j.vaccine.2020.09.041
- Dini, G., Toletone, A., Sticchi, L., Orsi, A., Bragazzi, N.L., Durando, P. (2018). Influenza vaccination in healthcare workers: A comprehensive critical appraisal of the literature. *Hum Vaccin Immunother*, 14 (3), 772–789. doi: 10.1080/21645515.2017.1348442
- Durando, P., Alicino, C., Dini, G., Barberis, I., Bagnasco, A.M., Iudici, R., Zanini, M., Martini, M., Toletone, A., Paganino, C., Massa, E., Orsi, A., Sasso, L. (2016). Determinants of adherence to seasonal influenza vaccination among healthcare workers from an Italian region: results from a cross-sectional study. *BMJ Open*, 6 (5), e010779. doi: 10.1136/bmjopen-2015-010779
- Flanagan, K.L., Best, E., Crawford, M.G., Koirala, A., Macartney, K., Russell, F., Teh, B.W., Wen, S.C. (2020). Progress and Pitfalls in the Quest for Effective SARS-CoV-2 (COVID-19) Vaccines. *Front Immunol*, 11, 579250. doi: 10.3389/fimmu.2020.579250
- Horne, R. (2003). Treatment perception and self-regulation. In L.D. Cameron, H. Leventhal (Eds.) *The self-regulation of health and illness behavior* (pp. 138–153). Routledge: New York.
- Horne, R., Weinman, J., Hankins, M. (1999). The beliefs about medicines questionnaire: The development and evaluation of a new method for assessing the cognitive representation of medication. *Psychology & Health*, 14 (1), 1–24. doi: 10.1080/08870449908407311
- Jang, S. Mo, McKeever, B. W., McKeever, R., Kim, J.K. (2019). From Social Media to Mainstream News: The Information Flow of the Vaccine-Autism Controversy in the US, Canada, and the UK. *Health Communication*, 34 (1), 110–117. doi: 10.1080/10410236.2017.1384433
- Karlsson, L.C., Soveri, A., Lewandowsky, S., Karlsson, L., Karlsson, H., Nolvi, S., Karukivi, M., Lindfelt, M., Antfolk, J. (2021). Fearing the disease or the vaccine: The case of COVID-19. *Pers Individ Dif*, 172, 110590. doi: 10.1016/j.paid.2020.110590
- Kaufman, J., Ryan, R., Walsh, L., Horey, D., Leask, J., Robinson, P., Hill, S., and Cochrane Consumers and Communication Group (2018). Face-to-face interventions for informing or educating parents about early childhood vaccination. *Cochrane Database Syst Rev*, 2018 (5), CD010038. doi: 10.1002/14651858.CD010038.pub3
- Leventhal, H., Brissette, I., Leventhal, E. (2003). The common-sense model of self-regulation of health and illness. In L.D. Cameron, H. Leventhal (Eds.) *The self-regulation of health and illness behavior* (pp. 42–65). Routledge: New York.
- Tkhostov A.Sh. (2002). Psychology of corporeality. Moscow: Smysl. (In Russ.)
- Tkhostov A.Sh., Rasskazova E.I. (2020). Psychological content of anxiety and prophylactics in the infodemic situation: protection from the coronavirus or “vicious circle” of anxiety? *Consultation psychology and therapy. [Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya]*, 28 (2), 70–89. doi: <https://doi.org/10.17759/cpp.2020280204> (In Russ.)
- Verger, P., Scronias, D., Dauby, N., Adedzi, K.A., Gobert, C., Bergeat, M., Gagneur, A., Dubé E. (2021). Attitudes of healthcare workers towards COVID-19 vaccination: a survey in France and French-speaking parts of Belgium and Canada, 2020, 26 (3), 2002047. doi: 10.2807/1560-7917.ES.2021.26.3.2002047
- Wilson, K., Keelan, J. (2013). Social media and the empowering of opponents of medical technologies: The case of anti-vaccinationism. *Journal of Medical Internet Research*, 15, e103. doi: 10.2196/jmir.2409

Типология взаимодействия матери и ребенка раннего возраста с отклонениями в развитии вследствие неврологической патологии

И.Е. Валитова, Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина, Брест, Республика Беларусь
ORCID: 0000-0003-0751-8534

Для контактов. E-mail: irvalitova@yandex.ru

Актуальность. Анализ взаимодействия взрослого и ребенка, определение критериев и условий его развития являются теоретическими основаниями обеспечения полноценного развития в семье ребенка с отклонениями в развитии и коррекции его дефицитности, что особенно важно для раннего периода развития.

Цель: дать характеристики взаимодействия в диаде «мать — ребенок раннего возраста с отклонениями в развитии (вследствие неврологической патологии)», построить типологию их взаимодействия и определить условия развивающего взаимодействия.

Описание хода исследования. В исследовании приняли участие диады «мать — ребенок раннего возраста». Группа сравнения (n = 51) — диады с детьми с нормотипичным развитием (НТ), средний возраст 24,8 месяца. Основная группа (n = 54): диады с детьми с неврологической патологией (НП), средний возраст 25,2 месяца. Неврологические диагнозы: последствия раннего органического поражения центральной нервной системы и детский церебральный паралич. Методики исследования: видеонаблюдение взаимодействия матери и ребенка в процессе совместной деятельности с набором игрушек. Данные первичного анализа видеоматериалов в соответствии с авторской схемой подвергались вторичному анализу (оценка различий между группами, корреляционный и факторный анализ).

Результаты исследования. Выделены 4 типа взаимодействия в диаде «мать — ребенок раннего возраста», которые различаются по параметрам: позиция матери во взаимодействии, уровень диалогичности взаимодействия, содержание действий матери и ребенка и их влияние друг на друга, инициативные действия ребенка по отношению к матери, способы создания зоны ближайшего развития. Благоприятным для развития ребенка является оптимальный тип взаимодействия, который характеризуется активностью матери и ребенка, вовлеченностью и продуктивностью ребенка. С некоторыми ограничениями можно считать благоприятным тип «доминирование ребенка», в котором преобладает активность ребенка, но активность матери недостаточна. Неблагоприятными являются тип «доминирование матери» с преобладанием активности матери, навязчиво-насилованной материнской позицией и подчиненной позицией ребенка и параллельный тип, в котором совместная деятельность матери и ребенка не складывается.

Заключение. В исследовании установлена взаимосвязь действий матери в отношении ребенка и его продуктивности и активности. Охарактеризован оптимальный тип взаимодействия, в котором создаются условия для развития ребенка и коррекции его дефицитности. Задача последующих исследований — разработка программ оптимизации взаимодействия матери с ребенком на основании выявленных ограничений реализации развивающего потенциала взаимодействия, которые специфичны для каждого типа взаимодействия в диаде.

Ключевые слова: ранний возраст, отклонения в развитии, взаимодействие матери и ребенка, тип взаимодействия, развивающее взаимодействие, эмоциональное благополучие.

Для цитирования: Валитова И.Е. Типология взаимодействия матери и ребенка раннего возраста с отклонениями в развитии вследствие неврологической патологии // Национальный психологический журнал. 2021. № 1 (41). С. 91–102. doi: 10.11621/npj.2021.0108

Поступила 22 января 2021 / Принята к публикации 1 марта 2021

Types of interaction between mother and early age child with developmental disorders caused by neurological pathology

Irina E. Valitova*, Brest State A.S. Pushkin University, Brest, Republic of Belarus

ORCID: 0000-0003-0751-8534

Corresponding author. E-mail: irvalitova@yandex.ru

Background. It is relevant to consider the possibilities and resources of the family in ensuring the proper development and correcting deficiency of a child with developmental disabilities. The analysis of interaction between an adult and a child as well as the definition of criteria and conditions of a child's development, constitute theoretical basis for sustaining family resources, which is especially important for the early period of child development.

Objective: to describe the characteristics of interaction within the dyad “mother–early age child with developmental disabilities (resulting from neurological pathology)”, to construct a typology of interaction and to determine the conditions of developing interaction for young children.

Design. Sample: the dyad “mother-child of early age.” Comparison sample (n = 51): children with normotypic development (NT), the average age 24.8 months. The main sample (n = 54): children with neurological pathology (NP); neurological diagnoses: the consequences of early organic damage of the central nervous system and cerebral palsy, the average age 25.2 months. Research method: video observation of mother and child interaction in the process of joint activity with a set of toys. The data of the primary analysis of video materials in accordance with the author's scheme were subjected to secondary analysis (assessment of differences between groups, correlation and factor analysis).

Results. 4 types of interaction in the dyad “mother — early age child” are singled out. The types differ in the parameters such as: position of the mother in the interaction, level of dialogic interaction, content of the actions of mother and child and their influence on each other, creation of the zone of proximal development. The optimal type of interaction that is favourable for the development of the child is characterized by activity of both the mother and the child, the involvement and productivity of the child. The type that could be regarded as favourable with certain restrictions is the type called “child dominance”, in which the activity of the child prevails, but the activity of the mother is insufficient. The unfavourable types are “mother dominance”, characterised by the predominance of mother's activity, the obsessive-violent maternal position and the subordinate position of the child, and the parallel type, in which there is no joint activity of mother and child.

Conclusion. The study established the relationship between the mother's actions in relation to the child and his/her productivity and activity, characterised the optimal type of interaction, which creates conditions for the development of the child and the correction of its deficiency. The task for future research is to develop programs that could be used to optimise mother–child interaction in those cases when the implementation of developing interaction is not entirely successful; such programs need to take into account the particular type of interaction within the dyad.

Keywords: early age, developmental disorders, mother-child interaction, type of interaction, developmental interaction, emotional well-being.

For citation: Valitova I.E. (2021). Types of interaction between mother and early age child with developmental disorders caused by neurological pathology. National Psychological Journal [Natsional'nyy psikhologicheskiy zhurnal], 14 (1), 91–102. doi: 10.11621/npj.2021.0108

Received January 22, 2021 / Accepted for publication March 1, 2021

Введение

При оказании помощи семье, воспитывающей ребенка с отклонениями в развитии при раннем вмешательстве особенно актуальным является рассмотрение возможностей и ресурсов самой семьи в обеспечении благоприятного его развития, акцентирование роли семьи как среды развития и коррекции отклонений в развитии ребенка (Никольская и др., 2019; Guralnick, 2017). Семья, воспитывающая ребенка с ОВЗ и инвалидностью, имеющая особые образовательные потребности, признается целевой группой оказания ранней помощи в системе образования (Карбанова, Малофеев, 2019). Получены доказательства эффективности раннего вмешательства при участии родителей как посредников в профилактической и коррекционной работе с ребенком с отклонениями в развитии (Green et al., 2017; Zeegersetal., 2019).

При рассмотрении взаимодействия взрослого и ребенка возникает проблема критериев его развивающего характера, определения условий, при которых взаимодействие ребенка и взрослого обеспечивает развитие ребенка.

Положение об определяющей роли матери в психофизическом развитии ребенка в период раннего возраста, доказанное исследователями разных теоретических направлений, позволяет использовать понятие «диадный возраст» для характеристики ранних периодов онтогенеза. Значимым в данном контексте является введенное Л.С. Выготским понятие социальной ситуации развития, которое означает специфическую для каждого возраста систему отношений субъекта к социальной действительности. Понятие социальной ситуации развития позволяет рассматривать ребенка как субъекта собственного развития, а не только как объект влияний взрослого. Однако условием развития субъектности становится особым образом организованное взаимодействие между ребенком и близким взрослым, в котором создается зона ближайшего развития (ЗБР). При рассмотрении взаимодействия взрослого и ребенка возникает проблема критериев его развивающего характера, определения условий, при которых взаимодействие ребенка и взрослого обеспечивает развитие ребенка. Л.С. Выготский указывал на взаимосвязь

развития ребенка и формы взаимодействия взрослых и детей, обосновывал влияние социальных взаимодействий и социализации на развитие ребенка (Рубцов, 2020). В дошкольном возрасте социальную ситуацию развития ребенка создает повседневная среда и взаимодействие со взрослыми в рамках этой среды (Хедегаард и др., 2020). В процессе взаимодействия детей и взрослых выявлены тенденции развития высших психических функций у детей с особыми образовательными потребностями, а взаимосвязь способов взаимодействия, коммуникации и взаимопонимание характеризуют разные типы взаимодействия (Конокотин и др., 2019).

Е.И. Захарова предлагает анализировать взаимодействие матери и ребенка раннего возраста (Захарова, 1997) по показателям чувствительности взрослого по отношению к ребенку, эмоционального принятия ребенка, поведенческих проявлений эмоционального взаимодействия. Для характеристики взаимодействия матери и ребенка раннего возраста используется понятие родительской отзывчивости, которое оценивается шкалами доминирования, апатичности, чуткости и поддержки (Галасюк, Митина 2020).

В работах по теории привязанности показано, что особенностью взаимодействия матери и ребенка определяются как характеристиками самого ребенка, так и поведением матери по отношению к нему (Ainsworth, 1989). Для качественных отношений между матерью и ребенком наиболее важны умение матери чутко и эмпатически реагировать на сигналы ребенка, обеспечение частого физического контакта, создание условий для свободного исследования ребенком окружающего, организация совместной деятельности. Качественное раннее взаимодействие матери и ребенка способствует когнитивному, речевому и социальному развитию ребенка (Clark, 2019).

Важным показателем качественного взаимодействия матери и ребенка является сензитивная настройка матери на внутреннее состояние ребенка, которая названа “mind-mindedness” или родительская ментализация (Meins, 2018). Она трактуется как желание и умение матери понимать и адекватно оценивать внутренние состояния ребенка, управляющие его поведением. Установлено влияние вербальных и невербальных показателей родительской мента-

Ирина Евгеньевна Валитова —

кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры социальной работы Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина, Республика Беларусь

ORCID: 0000-0003-0751-8534

<https://e-koncept.ru/author/11520> <https://e-koncept.ru/author/11520>

Irina E. Valitova —

PhD in Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of Social Work Brest A.S. Pushkin State University, Brest, Republic of Belarus

ORCID: 0000-0003-0751-8534

лизации на безопасную привязанность (Shai, Meins, 2018), выявлена взаимосвязь материнской ментализации и чувствительности матери (Zeegers et al., 2017), а также влияние материнской ментализации на развитие у детей раннего возраста исполнительных функций (Cheng, 2018).

Исследования взаимодействия матери и ребенка с отклонениями в развитии в дошкольном детстве доказывают развивающее влияние матери (Zainiddinov, Habibov, 2019). Когнитивное и речевое развитие у детей с интеллектуальными нарушениями в раннем возрасте определяется уровнем образования, тревоги, депрессии и отзывчивости матери (Vilaseca et al., 2019). Тип привязанности детей с когнитивными нарушениями коррелирует не со степенью нарушений у ребенка, а с чувствительностью и материнской структурированностью (Feniger-Schaal, Joels, 2018).

Взаимодействие родителей с детьми в периоды раннего развития ребенка может нарушаться как в связи с проблемами родителей, так и вследствие нарушений развития у детей (Wong, Esposito, 2019). В исследованиях агрессивного поведения детей раннего возраста обнаружены положительные корреляции между поведением ребенка в игре и материнским интересом к ней, а также возрастание проявлений негативного поведения ребенка при увеличении числа попыток матери вмешиваться в его деятельность (Urbain-Gauthier, Wendland, 2017). Материнская позитивность, включающая удовлетворенность жизнью и семьей, родительскую самоэффективность, позитивное эмоциональное самочувствие и позитивное восприятие ребенка с интеллектуальными нарушениями, положительно связана с просоциальным поведением и отрицательно — с проблемным поведением ребенка (Jess et al., 2017). Время совместного вовлечения матери и ребенка с аутизмом в игру определяется характеристиками материнского поведения (Kaale et al., 2018).

Построение типологии взаимодействия является одной из важных задач в исследованиях детско-материнских отношений. В повседневных ситуациях конфликтных отношений матерей и детей дошкольного возраста выделены три типа взаимодействия: стабильное, отрицательно изменчивое и умеренно конфликтное (Nelson et al., 2019).

Тип взаимодействия матерей с детьми с синдромом Дауна, названный «непрерывающимся диалогом», характеризуется взаимной заинтересованностью в общении, относительно равной инициативностью участников, направленностью поведения материна поддержку ребенка (Разенкова, Айвазян, 2018).

Взаимодействие взрослого и ребенка анализируется в контексте очерченной Л.С. Выготским проблематики зоны ближайшего развития (Вересов, 2017). Л.С. Выготский в своих работах обозначил способы помощи взрослому ребенку при решении задач, которые находятся в зоне ближайшего развития (Выготский, 1999). В современных исследованиях используется понятие скаффолдинга (Корепанова, 2011; Clark,

2004), который определяется как предложение новых культурных средств и способов поддержки взрослым ребенком. Он помогает детям достигать более высокого уровня когнитивного, социального и двигательного развития и просоциального поведения (Clark, 2019). В зависимости от направленности действий взрослого выделяют эмоциональный и когнитивный скаффолдинг. К приемам скаффолдинга, создающим зону ближайшего развития у детей раннего возраста, относятся обучение, демонстрация, четкие разъяснения, установление ограничений, основанных на эмоциональном и когнитивном состоянии ребенка.

На решение различных задач стимулирования развития ребенка направлены три вида скаффолдинга, или поддержки (Huang, Sun, Tang, 2021). Когнитивная поддержка (внушение и объяснение) обеспечивает стратегии, необходимые ребенку для решения практических задач. эмоциональная поддержка (похвала и критика) влияет на интересы ребенка и его готовность выполнять поставленные задачи. Поддержка автономии (уважение и принятие мнения ребенка) означает передачу ответственности ребенку, что влияет на его поведение и активное участие в обучающих ситуациях. Материнская когнитивная поддержка и положительная обратная связь определяют развитие у детей дошкольного возраста навыков саморегуляции (Sun, Tang, 2017). Наличие только эмоциональной поддержки матерей влияет на повышение уровня инициативности детей дошкольного возраста при решении практических задач (Huang et al., 2021). У матерей обнаружены более высокие уровни поддержки автономии детей раннего возраста в повседневных бытовых ситуациях, по сравнению с отцами (Hughes et al., 2018). Высокие оценки инициативности детей младшего школьного возраста определяются характеристиками позитивного родительского поведения (Warner et al., 2017).

Во взаимодействии с ребенком раннего возраста матери чаще демонстрируют эмоционально насыщенное поведение, но, по мере взросления ребенка, усилива-

При изучении взаимодействия взрослого и ребенка раннего возраста остаются актуальными и востребованными инструменты анализа, предложенные в рамках исследований привязанности, которые органично дополняются анализом способов создания взрослыми зоны ближайшего развития ребенка.

ется их дидактическая направленность и стремление его обучать (Vilaseca et al., 2019). Матери детей с отклонениями в развитии характеризуются более низким уровнем чувствительности и недостаточно владеют умениями скаффолдинга (Nogona, Baker, 2017).

Таким образом, при изучении взаимодействия взрослого и ребенка раннего возраста остаются актуальными и востребованными инструменты анализа, предложенные в рамках исследований привязанности, которые органично дополняются анализом способов создания взрослыми зоны ближайшего развития ребенка. При этом наблюдается недостаток исследований взаимодействия матери и ребенка раннего возраста, определения условий и признаков

развивающего характера взаимодействия. Проблема роли матери в обучении ребенка и преодолении его дефицитарности при наличии отклонений в развитии поднимается в единичных работах.

Целью нашего исследования стало описание характеристики взаимодействия в диаде «мать — ребенок раннего возраста с отклонениями в развитии (вследствие неврологической патологии)», построение типологии взаимодействия и определение условий развивающего взаимодействия.

В основу эмпирического исследования положена модель субъект-субъектного взаимодействия в диаде «мать — ребенок раннего возраста», которая характеризует развивающее взаимодействие и включает следующие параметры: мотивы и цели взаимодействия, позиция матери во взаимодействии, диалогичность взаимодействия, содержание действий, направленных на другого, эмоциональный фон взаимодействия, реализация задач развития ребенка, способы создания зоны ближайшего развития. Эта модель апробирована при анализе взаимодействия матери и нормотипичного ребенка раннего возраста (Шматкова, 2014). Поскольку при наличии у ребенка отклонений в психофизическом развитии его взаимодействие с матерью выполняет не только развивающую, но и коррекционную функции, необходимо организация исследования в условиях, максимально приближенных к ситуациям повседневной жизни ребенка.

Проведение исследования

Исследование проводилось на клинической базе Брестского областного Центра медицинской реабилитации детей с психоневрологическими заболеваниями в 2019–2020 годах. Выборка: диады «мать-ребенок раннего возраста». Основная группа ($n = 54$) — диады с детьми с неврологической патологией (НП). Неврологические диагнозы: последствия раннего органического поражения центральной нервной системы и детский церебральный паралич. Средний возраст детей в основной группе 25,2 месяцев. На основе использования данных трех диагностических методик каждый ребенок был отнесен к группе детей с нарушениями развития разной степени: 1 — легкая, 2 — средняя, или 3 — тяжелая. Все дети во время проведения исследования проходили курсы реабилитации в Центре. Группа сравнения ($n = 51$) — диады с детьми с нормотипичным развитием (НТ), средний возраст 24,8 месяца. Диады с НТ детьми отбирались для исследования методом простой случайной выборки в детских садах и детских поликлиниках г. Бреста.

В качестве метода исследования использовалось наблюдение взаимодействия матери и ребенка в специально организованных ситуациях: ситуация конструирования и ситуация опосредствованного игрушками взаимодействия. Процесс взаимодействия фиксировался с помощью видеозаписи. Общая продолжительность наблюдения составляла не менее 20 мин.

Видеозаписи подвергались первичному анализу посредством специально разработанных схем. С целью

повышения уровня достоверности и доказательности полученных с помощью видеофиксации данных наблюдений были определены и предусмотрены комфортные условия для общения игры матери и ребенка, получено информированное согласие матерей. Анализ видеоматериалов проводился в несколько этапов, что отвечало задачам максимального снижения уровня субъективности исследователя (эксперта), который является одним из факторов ограничения использования метода наблюдения в исследованиях детей раннего возраста (Разенкова, 2018; Токарская, 2018; Bennetts, 2017). Были предусмотрены следующие этапы анализа:

- 1) предварительный просмотр видеоматериалов, составление рамочной схемы анализа;
- 2) повторный просмотр видеоматериалов, корректировка и составление основной схемы анализа;
- 3) дополнительный просмотр видеоматериалов и их анализ исследователем с помощью основной схемы анализа;
- 4) просмотр видеоматериалов экспертом и их анализ с помощью основной схемы анализа (в качестве эксперта выступал психолог, специалист по раннему возрасту, имеющий опыт анализа видеоматериалов);
- 5) вычисление показателей связи данных двух экспертов по критерию ассоциации Юна для бинарных шкал свидетельствует о высокой степени согласованности экспертных оценок: анализ совместной деятельности — $KA = 0,87$, анализ обеспечения эмоционального благополучия — $KA = 0,92$, показатели соответствия данных двух экспертов при определении типа взаимодействия — $KA = 1,00$, анализ способов опосредствованного взаимодействия — совпадение описаний и оценок в протоколах видеонаблюдения в разных эпизодах составляет от 79% до 89%.

Полученные данные первичного анализа видеоматериалов подвергались вторичному анализу, который проводился с помощью непараметрических критериев оценки различий между группами, корреляционного и факторного анализа.

Методика исследования совместной деятельности. Взаимодействие матери и ребенка наиболее ярко проявляется в процессе их совместной конструктивной деятельности, поскольку конструирование отражает предметную деятельность как ведущую деятельность в раннем возрасте и позволяет четко обозначить созданный продукт и способы его создания участниками. Манипулирование с объемными фигурами разного цвета и формы вызывает интерес у детей раннего возраста. Матери предъявлялся набор разноцветных объемных фигур и предлагалось построить что-нибудь вместе с ребенком так, чтобы получилась общая постройка.

Анализ совместной деятельности проводился с помощью схемы, разработанной и апробированной И.В. Шматковой (Шматкова, 2014) под нашим руководством. Схематичитывает следующие категории:

- 1) мотивационная сторона совместной деятельности (раскрытие смысла деятельности), отноше-

ние к процессу совместной деятельности матери и ребенка, отношение матери и ребенка к результату совместной деятельности;

- 2) операциональная сторона деятельности (постановка цели деятельности, согласованность действий взрослого и ребенка, участие матери и ребенка в создании продукта деятельности, содержание действий, адресованных партнеру);
- 3) отношение к партнеру по совместной деятельности (реакция матери на действия ребенка, реакция ребенка на действия матери).

Методика исследования опосредствованного игрушками взаимодействия матери и ребенка с неврологической патологией. Более детальное описание характеристик взаимодействия матери и ребенка проводится при анализе взаимодействия матери и ребенка с использованием набора игрушек. Матери, воспитывающие детей раннего возраста с неврологической патологией, являются не только матерями в традиционном понимании, они выступают также в качестве дефектолога или логопеда, который обучает ребенка навыкам самообслуживания, развивает двигательную сферу, стимулирует развитие ребенка в разных сферах. Способы создания матерями зоны ближайшего развития наиболее полно и дифференцированно можно описать только при наблюдении совместной деятельности матери и ребенка с определенными предметами (игрушками), так как разные игрушки «задают» способы действия с ними (Смирнова, Соколова, 2019), следовательно, и разные способы создания зоны ближайшего развития.

Для понимания того, как строится взаимодействие матери и ребенка в повседневных ситуациях (в первую очередь, в домашних условиях), необходимо организовать ситуации взаимодействия, приближенные к таковым. Поэтому мы предлагали матери набор типичных игрушек для детей раннего возраста. Состав набора игрушек определялся результатами предварительно проведенного анкетирования, в котором матери описывали, какие игрушки имеются в распоряжении ребенка, и какие используются в общении с ребенком. Подготовленный набор по составу соответствует наборам материалов, используемым в процессе диагностики психического развития детей раннего возраста (Munich, 1995), то есть — возрастным психологическим особенностям маленьких детей. Предложенный набор включает: 2 куклы, кукла-рукавичка,

вкладышей разной формы и цвета, набор цилиндров в доске с отверстиями, набор цветных карандашей, бумага и другие материалы и игрушки.

Характерной особенностью предметной и игровой среды современного ребенка в домашних условиях является наличие большого количества игрушек и пособий, которые приобретаются матерями. Для ребенка с НП матери приобретают также игрушки и пособия, которые они считают необходимыми для коррекционной работы, ориентируясь при этом на рекомендации специалистов и советы матерей в интернете. Для более полного воссоздания домашней предметной и игровой среды мы предлагали матерям весь набор материалов в ящике для игрушек, что дало возможность проанализировать процесс выбора игрушек и дидактических материалов матерью или ребенком для совместной игры. Матери давалась инструкция: «Поиграйте с ребенком, как обычно Вы это делаете, используйте эти игрушки». Таким образом, в исследовании моделировалась ситуация взаимодействия матери и ребенка в ситуации повседневной жизни.

Весь процесс взаимодействия с игрушками разделяется на эпизоды, ограниченные использованием одной игрушки — эпизод начинается с момента, когда один из участников выбрал одну игрушку, и завершается при выборе следующей игрушки. Всего было проанализировано 422 эпизода. Количество эпизодов в каждой диаде различалось от 4 до 17, в среднем — 7,8. Для анализа выбиралось не более 10 эпизодов для одной диады, количественные данные усреднялись. Каждый эпизод анализировался по схеме-протоколу, для анализа использовался способ кодирования обнаруженных показателей по принципу «присутствует/отсутствует», который является предпочтительным при проведении анализа видеонаблюдений (Галасюк, 2020; Токарская, 2018; Clark, 2019).

При первичном анализе в каждом эпизоде обозначались или кодировались следующие показатели: название игрушки или дидактических материалов, продолжительность взаимодействия (в минутах), кто выбирает (мать или ребенок), обращения матери к ребенку (отреагированные, неотреагированные, частично отреагированные), инициативные действия ребенка, реакция матери на инициативу ребенка (игнорирование, поддержка и подключение к деятельности ребенка, порицание и запрет, комментирование действий ребенка, настойчивое предложение своих действий), оценка ребенка матерью (положительная, отрицательная, отсутствует), способы вовлечения и поддержания внимания ребенка (способы обучения ребенка двигательным навыкам, способы обучения действиям с предметами, способы обучения и стимулирования речи, способы обучения умственным умениям), комментирование действий ребенка, способы создания ЗБР и ошибки матери. Все способы кодировались в соответствии с перечнями, составленными на основе первоначально-го просмотра видеоматериалов.

Анализ совместной деятельности матери и ребенка выявил проблемы в реализации матерью мотивационной и операционной сторон совместной деятельности, неумение организовать совместную деятельность с ребенком, незнание и недостаточный учет возрастных особенностей раннего возраста, неумение стимулировать интерес ребенка к продуктивной деятельности.

набор игрушечной посуды, 3 машинки, 3 мяча разных размеров, набор предметных картинок, музыкальная игрушка-шарманка, колокольчики, погремушки, 3 детские книжки разной степени сложности, набор кубиков, пирамидка, вкладыши-стаканчики, баночка с крышкой, баночка с мелкими кружочками, 3 вида

Результаты взаимодействия в диаде, к которым относятся поведение и эмоциональное состояние ребенка, рассматриваются как показатели эффективности взаимодействия и его позитивного влияния на развитие ребенка. К результатам взаимодействия мы отнесли:

1. Эмоциональное состояние ребенка (интерес, активность/пассивность или безучастность), которое отражает степень вовлеченности ребенка и проявления его активности.
2. Результативность или продуктивность — завершенность действий с игрушкой или выполнение действий по предложению матери. Данный показатель отражает уровень развития предметной деятельности и целенаправленности ребенка и ситуативно-делового общения ребенка с матерью.

Результаты исследования и их обсуждение

Анализ совместной деятельности матери и ребенка выявил проблемы в реализации матерью мотивационной и операционной сторон совместной деятельности, неумение организовать совместную деятельность с ребенком, незнание и недостаточный учет возрастных особенностей раннего возраста, неумение стимулировать интерес ребенка к продуктивной деятельности. В то же время, в некоторых диадах наблюдались признаки позитивной организации совместной деятельности, отмечалась ее продуктивность, что позволяет говорить о развивающем характере взаимодействия матери и ребенка.

Анализ совместной деятельности матери и ребенка явился основой для определения типов взаимодействия в диаде. Использование модели развивающего субъект-субъектного взаимодействия и данных анализа совместной деятельности матери и ребенка позволило выявить типы взаимодействия матери и ребенка на основании соответствия наблюдаемого

Таблица 1. Критерии выделения типов взаимодействия

Доминирование	Мать	
	+ да	- нет
Ребенок	+ да	++ Оптимальный
	- нет	+ - Доминирование матери
		-- Параллельный
		- + Доминирование ребенка

Table 1. Criteria for singling out interaction types

Dominance	Mother	
	+ yes	- no
Child	+ да	++ Optimal
	- нет	+ - Mother's dominance
		-- Parallel
		- + Child's dominance

взаимодействия в диаде параметрам модели. Процесс выделения типов взаимодействия описан в работе И.В. Шматковой (Шматкова, 2014) при анализе взаимодействия в диаде «мать — НТ ребенок». Критерием выделения типа взаимодействия является более активная позиция или доминирование в совместной деятельности одного из участников диады (см. табл. 1).

В диадах с НТ ребенком эмпирически выделены четыре типа. Тип взаимодействия «Оптимальный» характеризуется согласованностью действий матери и ребенка, направленными на создание продукта деятельности, инициативностью партнеров по отношению друг к другу, соблюдением принципа диалогичности взаимодействия, положительным эмоциональным фоном взаимодействия. Тип взаимодействия «Доминирование матери» отличается высокой степенью доминирования матери, преимущественным игнорированием матерью интересов ребенка, низким уровнем инициативности ребенка по отношению к матери. Тип взаимодействия «Доминирование ребенка» характеризуется пассивно-подчиняющейся позицией матери по отношению к ребенку, со стороны ребенка наблюдаются преимущественно негативные реакции на проявления инициативы матери. Тип взаимодействия «Параллельный» характеризуется сниженным интересом матери и ребенка к процессу совместной деятельности, преимущественным игнорированием обращений и действий партнера, отсутствием диалогичности и согласованности действий матери и ребенка.

В целом по всей выборке детей раннего возраста наблюдается достаточно благоприятная картина представленности типов (табл. 2) — чаще всего встречается оптимальный тип. Однако в диадах «мать — ребенок с НП», по сравнению с диадами «мать — НТ ребенок» чаще встречаются типы «доминирование матери» и «доминирование ребенка», но реже — типы «оптимальный» и «параллельный». Во взаимодействии матерей с детьми с НП более выражено доминирование матери во взаимодействии с ребенком.

1. Тип взаимодействия «Оптимальный». Мать и ребенок одинаково активны в совместной деятельности, каждый из участников имеет возможность проявить свою активность и инициативность, хотя мать несколько более активна, что особенно ярко проявляется в выборе игрушки (соотношение мать÷ребенок равняется 1,57). В процессе взаимодействия матери принадлежит основная инициатива, она ставит и решает задачи развития ребенка. Но и ребенок имеет возможность утверждать собственную самостоятельность и проявлять инициативу. Во взаимодействии соблюдается принцип диалогичности — мать воздействует на ребенка — ребенок реагирует на воздействие матери — мать фиксирует реакцию ребенка и осуществляет следующее воздействие с учетом данной реакции. Ребенок проявляет инициативу, мать поддерживает его, она внимательна по отношению к действиям ребенка, принимает и поддерживает их, включается в деятельность ребенка, разворачивает его активность, отталкиваясь от предложения ребен-

Таблица 2. Распределение типов взаимодействия в диадах «мать –ребенок»

Тип взаимодействия Диады	Итого	Оптимальный (О)		Доминирование матери (ДМ)		Доминирование ребенка (ДР)		Параллельный (П)	
		Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Всего	105	45	42,9	30	28,6	12	11,4	18	17,1
Мать — НТ ребенок	51	25	49	12	23,5	4	7,8	10	19,6
Мать — ребенок с НП	54	20	37	18	33	8	14,5	8	14,5
Значимые различия НТ и НП	Распределение частоты типов в целом не различается: χ^2 эмп = 3,228, p = 0,358. Критерий Фишера: Типы О и ДМ: ϕ эмп = 3,224, p = 0,0006; Типы О и ДР: ϕ эмп = 1,821, p = 0,034. Типы ДМ и П: ϕ эмп = 2,257, p = 0,012; Типы ДР и П: ϕ эмп. = 3,736, p = 0,0001								

Table 2. Distribution of interaction types within the dyads “mother — child”

Interaction types Диады	Total	Optimal (O)		Domineering mother (DM)		Domineering child (DC)		Parallel (P)	
		Number	%	Number	%	Number	%	Number	%
Total	105	45	42.9	30	28.6	12	11.4	18	17.1
Mother — neurotypical child (NT)	51	25	49	12	23.5	4	7.8	10	19.6
Mother — child with neurological pathology (NP)	54	20	37	18	33	8	14.5	8	14.5
Relevant differences between NT and NP	The distribution of type frequency does not differ generally: χ^2 эмп = 3.228. p = 0.358. Fischer criterion: Types O and DMO: ϕ emp = 3.224. p = 0.0006; types O and DC: ϕ emp = 1.821. p = 0.034. Types DM and P: ϕ emp = 2.257. p = 0.012; types DC and P: ϕ emp. = 3.736. p = 0.0001								

ка, включает эмоционально насыщенное общение. Она умеет организовать игру, умеет привлечь внимание ребенка и удержать его достаточно длительное время. Мать позволяет ребенку действовать самостоятельно, помогает там и тогда, когда ребенок не может сделать сам. Она стремится поддержать интерес ребенка к деятельности, положительно оценивает действия ребенка ($p = 0,000$), часто комментирует их ($p = 0,082$).

Ребенок сообщает матери о своих интересах, проявляет интерес к действиям матери, реагирует на ее обращения, соглашается с предложениями матери, радуется результатам совместной деятельности, стремится получить положительную оценку. Мать терпелива и доброжелательна по отношению к ребенку, эмоционально доступна для него, она демонстрирует заинтересованность совместной деятельностью. Ребенок вовлечен в деятельность, демонстрирует положительные эмоции в общении с матерью.

В диадах с оптимальным типом взаимодействия мать направляет свои усилия на стимулирование умственного ($p = 0,000$) и речевого развития ребенка ($p = 0,000$). Ребенок отличается высоким уровнем результативности (91%) в совместной деятельности ($p = 0,000$) и высокой степенью активности и вовлеченности ($p = 0,001$), для него не характерна безучастность и пассивность ($p = 0,000$). Действия матери способствуют развитию у ребенка целеполагания и целенаправленности в предметной деятельности — она стремится довести до логического завершения действия с игрушкой, достичь результата: покормить куклу из игрушечной посуды, нанизать колечки на пирамидку, посмотреть и назвать все картинки в книжке.

2. Тип взаимодействия «Доминирование матери». При этом типе взаимодействия наблюдается высокий уровень доминирования матери, которая выбирает игрушки (соотношение 5,63 в пользу матери) и добивается, чтобы ребенок выполнил предложенное ему задание или инструкцию. Мать игнорирует интересы и желания ребенка, не обращая внимания на его эмоциональное состояние. Ребенок не обращается к матери, а его инициативные действия либо игнорируются, либо запрещаются. При взаимодействии типа «доминирование матери» фактически отсутствует диалог — мать не фиксирует реакцию ребенка на ее предложение и продолжает свои воздействия. Матери не смотрят на ребенка, даже «не имеют привычки» это делать. В некоторых случаях поза, в которой располагается ребенок относительно матери, не позволяет ей увидеть реакцию ребенка (если ребенок сидит на полу или на кушетке спиной к матери, которая придерживает его за плечи или охватывает руками). Зачастую мать выполняет действия руками ребенка. При наличии у ребенка тяжелых двигательных нарушений у матери наблюдается установка сделать руками ребенка все, что требуется, и она не задумывается о цели и результате совместной деятельности.

Матери занимаются с ребенком, используя различные дидактические материалы, стремясь все сделать правильно и быстро, так как боятся потерять время, необходимое для успешного обучения. При этом матери не понимают значимости эмоционального благополучия ребенка для успешного обучения и развития. Мать предлагает ребенку то, что ему полезно и нужно, а не то, что ему интересно. Она действует с игрушками «по правилам, как надо», с подчеркнутой дидактиче-

ской (педагогической) интонацией, а не в соответствии с потребностями ребенка.

Действия матери настойчивые ($p = 0,000$), иногда насильственные («Делай, что я сказала!», «Чего сидим, чего ждем?»), по высказываниям одной из матерей, «добровольно-принудительные». Эмоциональное состояние ребенка при этом не учитывается и не принимается во внимание. Такая позиция матери может быть названа «навязчиво-насильственной»: ребенок должен делать то, что я считаю нужным, и не имеет значения, хочет он этого или не хочет, ребенок должен заниматься с дидактическими материалами и пособиями, независимо от наличия у него интереса и желания, так как это необходимо для преодоления дефицитарности.

Ребенок редко проявляет инициативу, инициативные действия ребенка матерью игнорируются или запрещаются ($p = 0,04$), так как она стремится заставить ребенка сделать то, что она считает нужным и правильным, или то, что она задумала. Например, И.И. перед ребенком (2;8) положила книжку, просит показать картинку по названию, ребенок тянет руку к машинке, трогает ее руками. — Мать: «Куда ты тянешь руки? (с возмущением) Покажи, где сливы». — Ребенок водит рукой по странице, она скрипит, ребенок прислушивается к скрипу и продолжает водить по странице пальчиком, трогает и ощупывает спираль, соединяющую страницы, смотрит и улыбается. — Мать: «Какого цвета банан? Банан желтого цвета».

Матери дают ребенку преимущественно негативные оценки ($p = 0,000$), позитивные оценки в адрес ребенка для них нетипичны ($p = 0,000$), а комментарии действий ребенка отсутствуют ($p = 0,000$). Матери не занимаются стимулированием речевого развития ребенка ($p = 0,002$), но больше внимания уделяют развитию предметной деятельности и умственного развития. Дети демонстрируют пассивность, они мало вовлечены и скорее безучастны в совместной деятельности ($p = 0,05$), активность и эмоциональная вовлеченность детям не свойственна ($p = 0,047$).

3. Тип взаимодействия «Доминирование ребенка» характеризуется пассивно-подчиняющейся позицией матери по отношению к ребенку, доминирующей позицией ребенка и его активностью. Прежде всего, это проявляется в выборе игрушек. Ребенок выбирает игрушку в 2,5 раза чаще, чем мать. Он выполняет много самостоятельных инициативных действий, но его обращения к матери практически отсутствуют. На проявления инициативы матери ребенок реагирует безразлично или негативно, указания и предложения матери замечает и выполняет частично ($p = 0,000$).

Мать постоянно комментирует ($p = 0,026$) и позитивно оценивает действия ребенка ($p = 0,018$), тем самым подчеркивая его значимость. При этом мать нечувствительна к поведению ребенка, она не всегда замечает интерес ребенка к игрушке, поэтому не умеет развернуть действия с игрушкой, выбранной

ребенком. Диалог во взаимодействии наблюдается лишь эпизодически, когда матери удается включиться в деятельность ребенка со своими предложениями. Матери стремятся «не ломать» ребенка, а с его стороны могут наблюдаться манипуляторские тенденции в поведении по отношению к матери.

Четкой картины относительно стимулирования матерью развития ребенка не наблюдается. Однако имеет место направленность материна развитие движений и речи у ребенка. Результативность ребенка во взаимодействии низкая ($p = 0,031$), он в одинаковой степени демонстрирует активность и вовлеченность, и пассивность и безучастность в процессе взаимодействия.

4. Тип взаимодействия «Параллельный» характеризуется фактическим отсутствием совместной деятельности матери и ребенка, так как каждый участник предпочитает действовать по-своему, не ориентируясь на партнера. Мать и ребенок одинаково часто выбирают игрушку для игры (соотношение 1,19 в пользу матери). Мать пытается организовать совместную игру с ребенком, привлечь его внимание к игрушкам, настойчиво предлагает свои игрушки и пытается втянуть ребенка в игру с ними, но ребенок не принимает ее предложений, которые оказываются неотреагированными ($p = 0,000$). Ребенок проявляет интерес к предметам обстановки, к игрушкам, использует закрепленные способы действий и поведения. Мать игнорирует или не замечает его действий ($p = 0,000$), не поддерживает его инициатив ($p = 0,07$), не фиксирует его интерес к игрушкам, но при этом настойчива в своих предложениях ($p = 0,022$). Действия матери и ребенка не согласованы, диалогичность взаимодействия отсутствует. Ребенок не получает от матери позитивных оценок ($p = 0,016$), мать не комментирует действия ребенка, сосредоточиваясь на своих предложениях ($p = 0,05$).

Ребенок вовлечен в самостоятельную деятельность с игрушками и активен при этом, в то же время он пассивен и безучастен в редких ситуациях общения с мамой. В целом ребенку свойственна пассивность и безучастность ($p = 0,001$), нетипичны активность и вовлеченность в деятельность ($p = 0,001$). Мама демонстрирует нетерпение, она чаще недовольна ребенком, что выражается вербально или экспрессивно, а для создания видимости совместной игры мать может завершить предложенную игру сама, не привлекая ребенка.

Мать использует недостаточно способов стимулирования развития ребенка в двигательном ($p = 0,049$), умственном ($p = 0,011$) и речевом развитии ($p = 0,015$), пытаясь стимулировать развитие предметной деятельности. Результативность ребенка крайне низка — только четвертая часть игровых эпизодов завершаются видимым результатом ($p = 0,001$).

*(Окончание статьи в следующем номере журнала)
(The article is to be continued in the next issue)*

Литература:

- Вересов Н.Н. «Зона ближайшего развития» и “zone of proximal development”: есть ли разница? // Культурно-историческая психология. 2017. Т. 13. № 1. С. 23–36. doi: 10.17759/chp.2017130102.
- Выготский Л.С. Динамика умственного развития школьника в связи с обучением // Л.С. Выготский. Педагогическая психология / под ред В.В. Давыдова. — Москва : Педагогика, 1999. С. 336–354.
- Галасюк И.Н., Митина О.В. Взаимодействие родителя с ребенком раннего возраста: структура и динамика родительской отзывчивости // Культурно-историческая психология. 2020. Т. 16. № 4. С. 72–86. doi: 10.17759/chp.2020160408
- Захарова Е.И. Опросник для исследования эмоциональной стороны детско-родительского взаимодействия // Семейная психология и семейная терапия. 1997. № 1. С. 67–77.
- Карабанова О.А., Малофеев Н.Н. Стратегия развития образования детей с ОВЗ: по дороге к реализации культурно-исторического подхода // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 15. № 4. С. 89–99. doi: 10.17759/chp.2019150409.
- Конокотин А.В. Включение детей с особыми образовательными потребностями и нормативно развивающихся детей в совместное решение учебных задач (на примере решения задач на понимание мультипликативных отношений) // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 15. № 4. С. 79–88. doi: 10.17759/chp.2019150408.
- Корепанова И.А., Сафронова М.А. Три понятия о реальности детского развития: обучаемость, зона ближайшего развития и скелетон // Культурно-историческая психология. 2011. № 2. С. 74–83.
- Никольская О.С., Баенская Е.Р., Гусева И.Е. Задачи и методы коррекционной помощи ребенку с аутизмом // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Т. 27. № 1. С. 140–152. doi: 10.17759/cpp.2019270109.
- Разенкова Ю.А., Айвазян Е.Б. Варианты развития общения у детей первых лет жизни с различными ограничениями здоровья [Электронный ресурс]// Альманах Института коррекционной педагогики. 2018. № 32: [сайт]. URL: <https://alldef.ru/ru/articles/almanac-32/options-for-the-development-of-communication-in-children-first-years-of-life-with-a-disability>–(дата обращения 20.12.2020).
- Рубцов В.В. Два подхода к проблеме развития в контексте социальных взаимодействий: Л.С. Выготский vs Ж. Пиаже // Культурно-историческая психология. 2020. Т. 16. № 3. С. 5–14. doi: 10.17759/chp.2020160302.
- Смирнова Е.О., Соколова М.В. Тенденции развития современных игрушек // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 15. № 2. С. 99–104. doi: 10.17759/chp.2019150212.
- Токарская Л.В., Лаврова М.А. Методики оценки раннего детско-родительского взаимодействия // Культурно-историческая психология. 2018. Т. 14. № 2. С. 86–92. doi: 10.17759/chp.2018140209
- Хедегард М., Либерт Н. Разработка методики для диагностики социальной ситуации развития дошкольников: от способностей к деятельности // Культурно-историческая психология. 2020. Т. 16. № 2. С. 25–32. doi: 10.17759/chp.2020160204.
- Шматкова И.В. Взаимосвязь эмоционального благополучия детей раннего возраста и материнской позиции : дисс. ... канд. психол. наук. — Минск, 2014.
- Ainsworth M.D. (1989). Attachment beyond infancy. *Amer. Psychology*, 44, 709–716. doi: 10.1037/0003-066X.44.4.709
- Bennetts S.K. et al. (2017). Mothers' experiences of parent-reported and video-recorded observational assessments // *Journal of Child and Family Studies*, 26 (12), 3312–3326. doi:10.1007/s10826-017-0826-1
- Cheng N., Lu S., Archer M., Wang Z. (2018). Quality of Maternal Parenting of 9-Month-Old Infants Predicts Executive Function Performance at 2 and 3 Years of Age. *Frontiers in Psychology*, 8, 2293. doi:10.3389/fpsyg.2017.02293
- Clark R., Tluczek A., Moore E.C., Evenson A.L. (2019). Theoretical and empirical foundations for early relationship assessment in evaluating infant and toddler mental health. In Rebecca DelCarmen-Wiggins and Alice S. Carter (Eds.). *The Oxford handbook of infant, toddler, and preschool mental health assessment*, 2nd Edition. (pp. 29–50). doi:10.1093/oxfordhb/9780199837182.013.2
- Feniger-Schaal R., Joels T. (2018). Attachment quality of children with ID and its link to maternal sensitivity and structuring. *Research in developmental disabilities*, 76, 56–64. doi:10.1016/j.ridd.2018.03.004
- Green J. et al. (2017). Randomised trial of a parent-mediated intervention for infants at high risk for autism: longitudinal outcomes to age 3 years. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 58(12), 1330–1340. doi:10.1111/jcpp.12728
- Guralnick M.J. (2017). Early Intervention for Children with Intellectual Disabilities : An Update. *Journal of Applied Research in Intellectual Disabilities*, 30, 211–229. doi:10.1111/jar.12233
- Huang Q., Sun J., Tang Y. (2021). Chinese Parents' Scaffolding and Children's Initiative in Mother–Child and Father–Child Interactions across Different Types of Problem-solving Activities. *Early Education and Development*, 32, 249–271. doi:10.1080/10409289.2020.1752591
- Hughes C., Lindberg A., Devine R.T. (2018). Autonomy support in toddlerhood: Similarities and contrasts between mothers and fathers. *Journal of Family Psychology*, 32 (7), 915. doi:10.1037/fam0000450
- Jess M., Hastings R. P., Totsika V. (2017). The construct of maternal positivity in mothers of children with intellectual disability. *Journal of Intellectual Disability Research*, 61 (10), 928–938. doi: 10.1111/jir.12402
- Kaale A. et al. (2018). Early interaction in autism spectrum disorder: Mother's and children's behaviours during joint engagement. *Child: care, health and development*, 44 (2), 312–318. doi: 10.1111/cch.12532
- Meins E., Bureau J.F., Fernyhough C. (2018). Mother–child attachment from infancy to the preschool years: Predicting security and stability. *Child Development*, 89 (3), 1022–1038. doi: 10.1111/cdev.12778
- Munich Functional Developmental Diagnosis for the First, Second and Third Year of Life* (1995). Kerala : Jeevan prakash Child Centre, 332 p.
- Nelson J.A. et al. (2019). Relations between characteristics of collaborative and oppositional mother–child conflict. *Parenting*, 19 (3), 203–216. doi:10.1080/15295192.2019.1615794
- Norona A.N., Baker B.L. (2017). The effects of early positive parenting and developmental delay status on child emotion dysregulation. *Journal of Intellectual Disability Research*, 61 (2), 130–143. doi:10.1111/jir.12287

- Shai D., Meins E. (2018). Parental embodied mentalizing and its relation to mind-mindedness, sensitivity, and attachment security. *Infancy*, 23 (6), 857–872. doi:10.1111/infa.12244
- Sun J., Tang Y. (2017). Maternal scaffolding strategies and early development of self-regulation in Chinese pre-schoolers. *Early Child Development and Care*, Advance online publication, 1–13. doi:10.1080/03004430.2017.1395874.
- Urbain-Gauthier N., Wendland J. (2017). Mother–child interactions in young children with excessive physical aggression and in typically developing young children. *Clinical child psychology and psychiatry*, 22 (3), 467–482. doi:10.1177/1359104517698009
- Vilaseca R., Rivero, M., et al. (2019). Demographic and parental factors associated with developmental outcomes in children with intellectual disabilities. *Frontiers in psychology*, 10, 872. doi:10.3389/fpsyg.2019.00872
- Warner G.J., Lensing J.N., Fay D. (2017). Personal initiative: Developmental predictors and positive outcomes from childhood to early adolescence. *Journal of Applied Developmental Psychology*, 52, 114–125. doi:10.1016/j.appdev.2017.06.004
- Wong K.K.Y., Esposito G. (2019). The unexpected for the expecting parent: Effects of disruptive early interactions on mother-infant Relationship. *Parenting*, 19(1–2), 124–129. doi:10.1080/15295192.2019.1556015
- Zainiddinov H., Habibov N. (2019). Factors shaping mother-child interaction in post-Soviet countries of Eastern Europe and Central Asia. *Early Child Development and Care*. doi:10.1080/03004430.2019.1572133
- Zeegers M.A.J. et al. (2017). Mind matters: A meta-analysis on parental mentalization and sensitivity as predictors of infant-parent attachment. *Psychological bulletin*, 143 (12), 1245. doi:10.1037/bul0000114
- Zeegers M.A., Colonnese C., Stams G.J.J., Meins E. (2019). Evaluating mindful with your baby/toddler: Observational changes in maternal sensitivity, acceptance, mind-mindedness, and dyadic synchrony. *Frontiers in psychology*, 10, 753. doi:10.3389/fpsyg.2019.00753

References:

- Ainsworth M.D. (1989). Attachment beyond infancy. *Amer. Psychology*, 44, 709–716. doi: 10.1037/0003-066X.44.4.709
- Bennetts S.K. et al. (2017). Mothers' experiences of parent-reported and video-recorded observational assessments // *Journal of Child and Family Studies*, 26 (12), 3312–3326. doi:10.1007/s10826-017-0826-1
- Cheng N., Lu S., Archer M., Wang Z. (2018). Quality of Maternal Parenting of 9-Month-Old Infants Predicts Executive Function Performance at 2 and 3 Years of Age. *Frontiers in Psychology*, 8, 2293. doi:10.3389/fpsyg.2017.02293
- Clark R., Tluczek A., Moore E.C., Evenson A.L. (2019). Theoretical and empirical foundations for early relationship assessment in evaluating infant and toddler mental health. In Rebecca DelCarmen-Wiggins and Alice S. Carter (Eds.). *The Oxford handbook of infant, toddler, and preschool mental health assessment*, 2nd Edition. (pp. 29–50). doi:10.1093/oxfordhb/9780199837182.013.2
- Feniger-Schaal R., Joels T. (2018). Attachment quality of children with ID and its link to maternal sensitivity and structuring. *Research in developmental disabilities*, 76, 56–64. doi:10.1016/j.ridd.2018.03.004
- Galasjuk I.N., Mitina O.V. (2020). Interaction between parent and young child: structure and dynamics of parental responsiveness. *Cultural-historical psychology. [Kul'turno-istoricheskaja psihologija]*, 16 (4), 72–86. (in Russ.).
- Green J. et al. (2017). Randomised trial of a parent-mediated intervention for infants at high risk for autism: longitudinal outcomes to age 3 years. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 58 (12), 1330–1340. doi:10.1111/jcpp.12728
- Guralnick M. J. (2017). Early Intervention for Children with Intellectual Disabilities : An Update. *Journal of Applied Research in Intellectual Disabilities*, 30, 211–229. doi:10.1111/jar.12233
- Hedegaard M., Libert N. (2020). Construction of a Scale for Investigating Pre-School Children's Social Situations of Development: Focusing on Activities instead of Abilities. *Cultural-historical psychology. [Kul'turno-istoricheskaja psihologija]*, 16 (2), 25–32. doi:10.17759/chp.2020160204.
- Huang Q., Sun J., Tang Y. (2021). Chinese Parents' Scaffolding and Children's Initiative in Mother–Child and Father–Child Interactions across Different Types of Problem-solving Activities. *Early Education and Development*, 32, 249–271. doi:10.1080/10409289.2020.1752591
- Hughes C., Lindberg A., Devine R.T. (2018). Autonomy support in toddlerhood: Similarities and contrasts between mothers and fathers. *Journal of Family Psychology*, 32(7), 915. doi:10.1037/fam0000450
- Jess M., Hastings R.P., Totsika V. (2017). The construct of maternal positivity in mothers of children with intellectual disability. *Journal of Intellectual Disability Research*, 61 (10), 928–938. doi: 10.1111/jir.12402
- Kaale A. et al. (2018). Early interaction in autism spectrum disorder: Mothers' and children's behaviours during joint engagement. *Child: care, health and development*, 44 (2), 312–318. doi: 10.1111/cch.12532
- Karabanova O.A., Malofeev N.N. (2019). Education Development Strategy for Children with Disabilities: On the Way to Implementing a Cultural-Historical Approach. *Cultural-historical psychology. [Kul'turno-istoricheskaja psihologija]*, 15 (4), 89–99. doi:10.17759/chp.2019150409. (in Russ.)
- Konokotin A.V. (2019). Inclusion of Children with Special Educational Needs and Typically Developing Children in Joint Problem-Solving (With Tasks on Understanding Multiplicative Relations as an Example). *Cultural-historical psychology. [Kul'turno-istoricheskajapsihologija]*, 15 (4), 79–88. doi:10.17759/chp.2019150408. (in Russ.)
- Korepanova I.A., Safronova M.A. (2011). Three Concepts Reflecting the Reality of Child Development: Ability to learn, Zone of Proximal Development and Scaffolding. *Cultural-historical psychology. [Kul'turno-istoricheskaja psihologija]*, 2, 74–83. (in Russ.)
- Meins E., Bureau J.F., Fernyhough C. (2018). Mother–child attachment from infancy to the preschool years: Predicting security and stability. *Child Development*, 89 (3), 1022–1038. doi: 10.1111/cdev.12778
- Munich Functional Developmental Diagnosis for the First, Second and Third Year of Life* (1995). Kerala : Jeevan prakash Child Centre, 332 p.
- Nelson J.A. et al. (2019). Relations between characteristics of collaborative and oppositional mother–child conflict. *Parenting*, 19 (3), 203–216. doi:10.1080/15295192.2019.1615794

- Nikol'skaja O.S., Baenskaja E.R., Guseva I.E. (2019). Goals and Methods of Correctional Aid to a Child with Autism. *Consultation psychology and psychotherapy. [Konsul'tativnaja psihologija i psihoterapija]*, 27(1), 140–152. doi:10.17759/cpp.2019270109. (in Russ.)
- Norona A.N., Baker B.L. (2017). The effects of early positive parenting and developmental delay status on child emotion dysregulation. *Journal of Intellectual Disability Research*, 61 (2), 130–143. doi:10.1111/jir.12287
- Razenkova Yu.A., Ayvazyan E.B. (2018). Variants of communication development in children of the first years of life with various health restrictions. *Al'manakh korrektsionnoi pedagogiki RAO (Almanac of the Institute of Correctional Pedagogy RAE)*, 32. [Electronic resource]. <https://alldef.ru/ru/articles/almanac-32/options-for-the-development-of-communication-in-children-first-years-of-life-with-a-disability>. Date of access: 20.12.2018. (in Russ.)
- Rubcov V.V. (2020). Two Approaches to the Problem of Development in the Context of Social Interactions: L.S. Vygotsky vs J. Piage. *Cultural-historical psychology. [Kul'turno-istoricheskajapsihologija]*, 16 (3), 5–14. doi:10.17759/chp.2020160302. (in Russ.)
- Shai D., Meins E. (2018). Parental embodied mentalizing and its relation to mind-mindedness, sensitivity, and attachment security. *Infancy*, 23 (6), 857–872. doi:10.1111/infa.12244
- Shmatkova I.V. (2014). Correlation between emotional well-being of young children and maternal position. PhD dissertation in Psychology. Minsk. (in Russ.)
- Smirnova E.O., Sokolova M.V. (2019) Modern Toys: Developmental Tendencies. *Cultural-historical psychology. [Kul'turno-istoricheskaja psihologija]*, 15 (2), 99–104. doi:10.17759/chp.2019150212. (in Russ.)
- Sun J., Tang Y. (2017). Maternal scaffolding strategies and early development of self-regulation in Chinese pre-schoolers. *Early Child Development and Care*, Advance online publication, 1–13. doi:10.1080/03004430.2017.1395874.
- Tokarskaja L.V., Lavrova M.A. (2018). Methods of evaluating early child-parent interaction. *Cultural-historical psychology. [Kul'turno-istoricheskaja psihologija]*, 14 (2), 86–92. doi: 10.17759/chp.2018140209 (in Russ.)
- Urbain-Gauthier N., Wendland J. (2017). Mother-child interactions in young children with excessive physical aggression and in typically developing young children. *Clinical child psychology and psychiatry*, 22(3), 467–482. doi:10.1177/1359104517698009
- Veresov N.N. (2017). ZBR and ZPD: Is there a difference? *Cultural-historical psychology. [Kul'turno-istoricheskaja psihologija]*, 13 (1), 23–36. doi: 10.17759/chp.2017130102. (in Russ.)
- Vilaseca R., Rivero, M., et al. (2019). Demographic and parental factors associated with developmental outcomes in children with intellectual disabilities. *Frontiers in psychology*, 10, 872. doi:10.3389/fpsyg.2019.00872
- Vygotskij L.S. (1999). Dynamic sofschoolage children's intellectual development in connection to study. In: L.S. Vygotskij. *Pedagogical psychology*. / Ed. by V.V. Davydov. Moscow: Pedagogika, pp. 336–354. (in Russ.)
- Warner G.J., Lensing J.N., Fay D. (2017). Personal initiative: Developmental predictors and positive outcomes from childhood to early adolescence. *Journal of Applied Developmental Psychology*, 52, 114–125. doi:10.1016/j.appdev.2017.06.004
- Wong K.K.Y., Esposito G. (2019). The unexpected for the expecting parent: Effects of disruptive early interactions on mother-infant Relationship. *Parenting*, 19 (1–2), 124–129. doi:10.1080/15295192.2019.1556015
- Zaharova E.I. (1997). Questionnaire for studying the emotional side of child-parent interaction. *Family psychology and family therapy. [Semejnaja psihologija i semejnaja terapija]*, 1997, 1, pp. 67–77. (in Russ.)
- Zainiddinov H., Habibov N. (2019). Factors shaping mother-child interaction in post-Soviet countries of Eastern Europe and Central Asia. *Early Child Development and Care*. doi:10.1080/03004430.2019.1572133
- Zeegers M.A.J. et al. (2017). Mind matters: A meta-analysis on parental mentalization and sensitivity as predictors of infant-parent attachment. *Psychological bulletin*, 143(12), 1245. doi:10.1037/bul0000114
- Zeegers M.A., Colonesi C., Stams G.J.J., Meins E. (2019). Evaluating mindful with your baby/toddler: Observational changes in maternal sensitivity, acceptance, mind-mindedness, and dyadic synchrony. *Frontiers in psychology*, 10, 753. doi:10.3389/fpsyg.2019.00753

Оригинальная статья

УДК 159.9.07
doi: 10.11621/npj.2021.0109

Клинико-психологическая разработка медико-санитарного дискурса с учетом особенностей поведенческого реагирования детей и подростков в ситуации пандемии COVID-19

Н.С. Бурлакова, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-7244-6509

Для контактов. E-mail: naburlakova@yandex.ru

Актуальность. Современная ситуация пандемии COVID-19 породила новые вызовы для общества, вызвала ряд сопряженных с ней кризисных ситуаций, касающихся как взрослых, так и детей, требующих незамедлительных клинико-психологических разработок. Психологические данные о детях и подростках в связи с пандемией крайне малочисленны.

Цель статьи: анализ реакций различных возрастных слоев населения с акцентом на детско-подростковой группе на вводимые меры предотвращения распространения COVID-19 с последующим выделением направлений клинико-психологических разработок соответствующих медико-санитарных дискурсов.

Результаты. Выявлено, что недостаточно эффективны восприятие и исполнение соответствующих предписаний населением связано со слабой клинико-психологической проработкой соответствующих медико-санитарных дискурсов. Показано, что требуется дальнейший анализ и разработка конструктивного клинико-психологического подхода к информированию различных возрастных групп населения и дополнение соответствующих медико-санитарных дискурсов конструктивным клинико-психологическим мышлением. Выделяются новые системные характеристики более продуктивного медико-психологического способа информирования населения и влияния на его поведение в соответствующих современных условиях. В частности, выделены такие информационно-психологические характеристики дискурса, как точность, авторитетность и системность информации, ее ориентировочная и поведенческая осмысленность, психогигиеничность. Отмечается особое значение учета возрастных характеристик населения, в частности, детей и подростков при организации их информирования по поводу поведения в ситуации пандемии. Указывается, что, помимо психогигиенического модуса конструирования информации для детей и подростков, большое значение имеет развивающий аспект соответствующего информирования. Клинико-психологическая задача здесь состоит в том, чтобы в результате такого информирования у детей и подростков создавалась новая ситуация психического развития, формировался импульс не только предохраняющий от широкого ряда психических расстройств, но способствующий личностному развитию в данных обстоятельствах.

Выводы. Выделены направления разработки нового конструктивного направления исследований в клинической психологии, в частности, в детской и подростковой клинической психологии.

Ключевые слова: пандемия COVID-19, информирование населения, медико-санитарный дискурс, восприятие медико-санитарных предписаний детьми и подростками.

Для цитирования: Бурлакова Н.С. Клинико-психологическая разработка медико-санитарного дискурса с учетом особенностей поведенческого реагирования детей и подростков в ситуации пандемии COVID-19 // Национальный психологический журнал. 2021. № 1 (41). С. 103–114. doi: 10.11621/npj.2021.0109

Поступила 27 ноября 2020 / Принята к публикации 5 декабря 2020

Clinical-psychological elaboration of discourse with regard to behavioural reactions typical of children and adolescents in the situation of COVID-19 pandemic

Natalia S. Burlakova, Moscow State University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-7244-6509

Corresponding author. E-mail: naburlakova@yandex.ru

Background. The present state of COVID-19 pandemic has made the society face new challenges; it has created a number of crisis situations that regard both adults and children and that need prompt clinical-psychological solutions. Psychological data concerning children and adolescents in the pandemic context are notably few.

Objectives. The analysis of how different age strata react to the situation, with special attention to how children and adolescents react to the measures introduced to prevent further spread of COVID-19. Subsequent specification of directions in which clinical-psychological approach could help to develop the corresponding medical-sanitary discourses.

Results. It was found that whenever the population reacts and fulfils the corresponding recommendations in an inefficient way it can be explained by the fact that medical-sanitary discourse is not sufficiently elaborated in clinical-psychological terms. It is shown that there is a need for further analysis and development of constructive clinical-psychological approach to informing different age groups and for completing the existing medical-sanitary discourses on the basis of constructive clinical-psychological approach. The study singles out new system characteristics of a more productive medical-psychological approach to informing the public and influencing people's behaviour in the present situation. Thus, it is shown that the informational-psychological characteristics of the discourse in question must be: exactness, credibility, systematic nature, teleological and behavioural meaningfulness, as well as acceptability in terms of mental hygiene. It is extremely important to take into account that different age groups, such as children and adolescents, correspondingly, should be approached in different ways when informing them about the correct behaviour in the pandemic conditions. Apart from the mental hygiene issues, one should bear in mind the developmental aspects of construing information for children and adolescents. The clinical-psychological task here is to use the development of pandemic awareness in children and adolescents as an opportunity to create a new situation of psychic development, to form an impulse that not only could prevent them from developing a number of psychic disorders but could also favour their personality growth in the circumstances they find themselves in.

Conclusion. The study singled out the directions for developing a new constructive trend in clinical-psychological studies, namely, in child and adolescent clinical psychology.

Keywords: COVID-19 pandemic, raising public awareness, medical-sanitary discourse, perception of medical-sanitary recommendations by children and adolescents.

For citation: **Burlakova N.S.** (2021). Clinical-psychological elaboration of discourse with regard to behavioural reactions typical of children and adolescents in the situation of COVID-19 pandemic. National Psychological Journal [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal], 14 (1), 103–114. doi: 10.11621/npj.2021.0109

Received November 27, 2020 / Accepted for publication December 5, 2020

Введение

Ситуация пандемии коронавируса создала невиданные ранее по масштабу трудности и проблемы, затрагивающие как взрослых, так и детей. По отношению к детям эти вызовы обсуждаются в меньшей степени, нежели по отношению к более тяжело болеющим взрослым, к которым приковано основное внимание медицины и общества. Первоначально медицинские исследования заявляли, что дети и подростки не болеют COVID-19 либо болеют в крайне легкой форме. Позже появились исследования, показывающие неоднозначность и сложность ситуации, как относительно возможности детей быть зараженными, так и относительно их способности заражать других. Так, одно из представительных исследований, охвативших 5706 человек, у которых первыми в семье появились симптомы COVID-19, и 59073 контакта которых были идентифицированы, показало, что дети младше 10 лет вдвое реже заражают других людей (Park et al., 2020). Предположительно это связано с меньшим объемом выдыхаемого детьми воздуха и с тем, что детский рост не позволяет «тяжелому» ви-

Исследователи отмечают, что гигиенические навыки ребенка и подростка вполне сопоставимы и находятся на одинаково низкой отметке. Анализ большого массива данных, собранных в зарубежных странах, поставил в фокус внимания тот факт, что многие дети старше 10 лет и подростки пренебрегали способами защиты себя и другого в условиях пандемии.

рису добраться до уровня роста среднего взрослого человека. В этом же исследовании подчеркивается, что дети старше 10 лет и подростки распространяют вирус либо наравне со взрослыми, либо даже чаще, чем взрослые (Park et al., 2020). Учитывая, что передача вируса происходит воздушно-капельным путем, а данные возрастные группы отличаются несформированностью навыков гигиены или же пренебрежением этими правилами (как в случае подростков), внимание к этим группам более чем оправданно. Исследователи отмечают, что гигиенические навыки ребенка и подростка вполне сопоставимы и находятся на одинаково низкой отметке. Анализ большого массива данных, собранных в зарубежных странах, поставил в фокус внимания тот факт, что многие дети старше 10 лет и подростки пренебрегали способами

защиты себя и другого в условиях пандемии. Согласно онлайн-исследованию, проведенному в апреле 2020 г. (Тхостов, Рассказова, 2020), действия вопреки рекомендациям отмечались и у каждого из четырех взрослых людей, что могло восприниматься детьми как модель для подражания.

Традиционно пути, посредством которых бедствия (к которым можно отнести и пандемию COVID-19) и массовые травмирующие события могут повлиять на детей и подростков, обычно делятся на прямые и косвенные. Прямой путь влияния включает физические опасности для здоровья ребенка, инфицирование как таковое, а также невозможность привычного удовлетворения потребности детей в заботе и уходе в том случае, если взрослые, например, находятся в больнице и т.п. Косвенные пути включают в себя последствия экстремальных событий для родителей, воспитателей, врачей такие, как возможное ухудшение качества медицинской помощи, педагогической работы и пр., или же экономические последствия: лишение работы, снижение материального благосостояния. Все это касается не только родителей, но и детей.

Косвенную психологическую опасность для детей представляют собой также угрозы здоровью и благополучию близких, реалистично-жесткое отражение пандемии в СМИ (сцены из реанимации, захоронения и т.п.), угроза насильственных действий со стороны переполненных негативными эмоциями взрослых, переживание вины за происходящее. Многократно было показано, что чем младше дети, тем сильнее воздействие на них отсутствия связи с родителями, переживаемого родителями страха или влияние зрительных образов СМИ (Mc Dermott et al., 2005; Otto et al., 2007; Yelland et al., 2010). Начиная с самого раннего возраста, дети умеют «считывать» страх и озабоченность своих родителей, оценивая тем самым опасность того или иного явления. Известно, что испуганные родители передают реакции паники и страха своим детям (Masten et al., 1990). В ситуации пандемии в Великобритании получены данные, что сильнее всего было затронуто психическое здоровье родителей детей до 5 лет (Коронакризис ..., 2020). Таким образом, эффекты неблагоприятных ситуаций могут быть опосредованы множеством прямых и косвенных способов.

Наталья Семёновна Бурлакова —

кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры нейро-и патопсихологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова

ORCID: 0000-0002-7244-6509

<https://istina.msu.ru/profile/BurlakovaNataliaSemenovna/>

Natalia S. Burlakova —

PhD in Psychology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Neuro-and Pathopsychology, Faculty of Psychology Moscow State University

ORCID: 0000-0002-7244-6509

Вспышка COVID-19 породила шквал в разной степени проверенной информации о характере вируса, последствиях болезни, источнике которой он стал, опасностях, способах воздействия и лечения и т.д. Эта информация буквально продолжает «сочиться из всех щелей» и, конечно, ее воспринимают и дети, впитывающие в себя ее отголоски в интерпретациях взрослых людей и порождающие свои фантазии, особое понимание услышанного в СМИ либо почерпнутого из интернет-ресурсов. Ситуация усугубляется тем, что нынешняя опасность связана с «врагом», который невидим, что делает ситуацию еще более напряженной (Ениколопов и др., 2020).

В ситуации карантинных мер, призванных сдерживать распространение коронавируса, дети оказались в весьма сложных и непривычных для себя обстоятельствах: трансформация привычного ритма жизни, режима дня, сокращение общения (как следствие, недополучение социальной поддержки) со сверстниками и не живущими с ними рядом близкими, учителями и воспитателями, ограничение движений (Mittaletal, 2020), ощущение недостатка приватности даже в случае онлайн-общения с консультантом-психологом при обращении за помощью (Fegert et al., 2020) и вынужденная погруженность в постоянное взаимодействие с родителями и сиблингами. При достаточно частой в России невозможности детей иметь свое отдельное пространство в условиях тесного проживания (комнату, отдельное пространство для игр, занятий и пр.) неизбежными становятся конфликты и увеличение случаев насилия внутри семьи. В условиях экономической нестабильности, особенно в семьях, где взрослые потеряли работу, у детей усиливается риск стать жертвой жестокого обращения или свидетелем сцен ссор, насилия в кругу семьи (Stein, 2020), рост которого прогнозируется и российскими исследователями (Ениколопов и др., 2020). Взрослые, испытывающие стресс, могут не справиться со своими эмоциями и вылить свое раздражение, ярость, гнев на более беззащитных членов семьи — детей. Кроме того может возрасти необоснованная требовательность со стороны взрослых к качеству выполнения детьми домашних обязанностей, уроков и т.п. Информация о росте числа обращений по поводу домашнего, физического и сексуального насилия в период пандемии примерно в 1,5 раза подтверждают исследования, выполненные на базе анализа обращений в службы телефона доверия (Герасимова, 2020).

Неопределенность самой ситуации пандемии, усугубленная неясностью сроков ее завершения, порождает у детей стресс и тревогу, страх и чувство неподконтрольности событий, возможной вины за происходящее (Бурлакова, 2018; Dalton, Rapa, Stein, 2020; Danese, Smith, Chitsabesan, Dubicka, 2019). Исследования, проведенные в странах, наиболее сильно пострадавших в первой половине 2020 года от пандемии (Китае, Италии или Испании), свидетельствуют, что у большинства детей из этих стран фиксируются

симптомы психологического неблагополучия. Внимание к этим фактам должно стать приоритетным для правительств, родителей и общественных организаций (Wang et al., 2020). Так, исследование, проведенное в провинции Шэньси во вторую неделю февраля 2020 года, показало, что наиболее распространенными психологическими проблемами среди 320 детей и подростков (168 девочек и 142 мальчика) в возрасте от 3 до 18 лет были прилипчивость, рассеянность, раздражительность и боязнь задавать вопросы об эпидемии (Jiao et al., 2020). В другом исследовании, выполненном на основе онлайн-опроса 1.143 родителей детей от 3 до 18 лет в Италии и Испании отмечались изменения эмоционального состояния и поведения детей: трудности с концентрацией внимания, скука, раздражительность, беспокойство, проявляющееся в гиперактивности, а также нервозность, чувство одиночества. Родители, которые отметили, что проживание с детьми было трудным или очень трудным, говорили о своих детях, как о ставших более беспокойными, раздражительными (Orgilés et al., 2020). Итальянские ученые также отмечали у детей во время карантина следующие симптомы: раздражительность, регрессивные проявления и вялость, снижение интереса к деятельности, которой они занимались до пандемии. В исследованиях были задокументированы и такие последствия психологического стресса, вызванного текущими негативными событиями у детей, как тревожность, депрессия, нарушение социального взаимодействия, расстройство сна и снижение аппетита, что стало наиболее распространенным (Petito et al., 2020).

Были получены данные о возрастных особенностях реагирования детей на ситуацию карантина в пандемию. У детей младшей возрастной группы (3–6 лет) чаще, чем у детей более старшего возраста, проявляются такие симптомы, как прилипчивость, страх и серьезное беспокойство по поводу того, что члены семьи могут заразиться инфекцией. Дети в возрасте от 6 до 18 лет чаще жаловались на трудности с кон-

Взрослые, испытывающие стресс, могут не справиться со своими эмоциями и вылить свое раздражение, ярость, гнев на более беззащитных членов семьи — детей. Кроме того может возрасти необоснованная требовательность со стороны взрослых к качеству выполнения детьми домашних обязанностей, уроков и т.п.

центрацией внимания и выдвигали настойчивые запросы об удовлетворении их собственных потребностей. Показатели страха, тревоги и других эмоций были существенно выше у детей, проживающих в районах с высокими показателями распространения пандемии.

В России, как сообщает ТАСС (Исследование: режим самоизоляции ..., URL: <https://tass.ru/obschestvo/9448809>), ссылаясь на результаты опроса Национального медицинского исследовательского центра (НМИЦ) здоровья детей Минздрава России, проведенного с 27 апреля по 26 мая 2020 года среди 29 779 школьников с 5 по 11 класс из 79 регионов РФ, были получены следующие данные. У 83,8% обучающихся

отмечены неблагоприятные психические реакции пограничного уровня. Предположительно у 42,2% респондентов присутствуют проявления депрессии, у 41,6% — астенических состояний, у 37,2% — обсессивно-фобических состояний, у 29,2% — наблюдаются гиперкинетические реакции, у 26,8% — синдром головных болей, у 55,8% — нарушения сна. Каждый пятый школьник (21,2 %) указал, что самоизоляция невыносима. Наряду с этим, у детей возросло время, проводимое с гаджетами и компьютером, произошло

В центре многообразных проблем, связанных с предотвращением распространения коронавирусной инфекции, находится проблема психологически обоснованной и эффективной информированности населения о соответствующих принятых способах предотвращения инфицирования, а также способах поддержания оптимального образа жизни в сложившихся условиях (в том числе о психогигиене).

снижение физической активности, что не способствует здоровью и психологическому благополучию детей.

В источниках указываются и другие ожидаемые опасности для развития детской личности. Прежде всего, это угроза потери близких, страх оказаться в больнице, или действительное нахождение в ней. Данные о росте психологического неблагополучия среди несовершеннолетних демонстрирует анализ обращений на телефон доверия для детей и подростков в период самоизоляции, когда возможность и доступность психологической помощи для них были существенно ограничены (Гаязова, Викристюк, 2020). Подчеркивается, что в отдельные месяцы пандемии значимо увеличилось число консультаций в связи с детско-родительскими конфликтами, вопросами социальной адаптации детей, антивитальными переживаниями и суицидальным поведением подростков, употреблением алкоголя и курением (Гаязова, Викристюк, 2020).

Поэтому важнейшее значение имеет задача организации профилактики нарушений психического здоровья, психологического благополучия детей и подростков, к которой оказались не в полной мере готовы ни воспитательно-педагогический состав, ни родители детей. Многие испытывали неспособность в построении своих отношений с детьми и подростками в период пандемии, не знали, как объяснять им происходящее, особенно когда сами взрослые недостаточно понимали происходящее и не имели данных, прошедших оценку экспертов (психологов, педагогов, врачей и пр.) по организации правильных отношений с детьми в этих жизненных условиях. Отдельные появившиеся в средствах массовой информации рекомендации носили частный характер (Чем занять ..., 2020; Психологи ..., 2020), были нередко половинчатыми и могли не только не оптимизировать положение дел, но, напротив, усугубить его, заставляя взрослых лишней раз увериться в беспомощности специалистов.

Вместе с тем, остаются недостаточно проработанными возможности использования прикладной кли-

нической психологии в борьбе с ростом пандемии, в работе по сохранению психического здоровья, как собственного, так и окружающих. В центре многообразных проблем, связанных с предотвращением распространения коронавирусной инфекции, находится проблема психологически обоснованной и эффективной информированности населения о соответствующих принятых способах предотвращения инфицирования, а также способах поддержания оптимального образа жизни в сложившихся условиях (в том числе

о психогигиене). С одной стороны, такая информированность важна, прежде всего, для родителей, которые, в свою очередь, могут транслировать эту информацию детям, родственникам и пр. С другой стороны, такое системное, психологически продуманное информирование

может быть ориентировано и на детей различных возрастных групп в школах, через интернет, ТВ и пр. Такая работа может и должна иметь системный характер. В обсуждении некоторых направлений такой работы и состоит **цель** данной статьи.

Проведение исследований

Нами была проведена серия пилотных исследований проблем взрослых и детей, прежде всего детей и подростков, связанных с их переживаниями ситуации COVID-19 и выполнением/не выполнением ими предписываемым врачами и властями правилам поведения с целью предотвращения распространения вируса. Основной задачей мы считали анализ возможностей применения современной прикладной клинической психологии для оптимизации психологического самочувствия различных групп населения, прежде всего детей и подростков, в ситуации предписанных ограничений в связи с пандемией. Во всех наших исследованиях использовался анализ данных СМИ о протекании пандемии в России и со-

Основной задачей мы считали анализ возможностей применения современной прикладной клинической психологии для оптимизации психологического самочувствия различных групп населения, прежде всего детей и подростков, в ситуации предписанных ограничений в связи с пандемией.

ответствующих мерах, локальные опросы родителей, детей и подростков, воспитателей и педагогов, а также психологов, задействованных в работе с детьми и семьями. Основной акцент был сделан на системный клинико-психологический и психотехнический анализ соответствующей информации.

1. В первом исследовании нами изучалось следование карантинным мерам в соотношении со способами и характером информирования населения о данных мерах и необходимости их исполнения. Материалом исследования стали данные соответствующих опросов в Москве, проведенных в период с апреля по июнь 2020 г., информация ТВ и интернета на эту тему и личные наблюдения. Основными причинами несо-

блюдения населением мегаполиса медико-профилактических и карантинных мер стали бытовым неудобством и не всегда технологической их продуманностью. Отмечалась недостаточная точность формулируемых предписаний, иногда их противоречивость, а также недостаточные авторитетность, убедительность и психотехническая выверенность информирования населения о сущности вводимых мер.

Эти недостатки в некоторой степени можно объяснить неожиданностью ситуации пандемии и сложностью перехода властей и медицинского сообщества к разработке соответствующих клинико-психологических мер, ориентированных на работу с массовым

Вместо того чтобы заострить внимание на одном авторитетном источнике информации и добиваться точности, клинико-психологической значимости и психотехнической убедительности представления этой информации в СМИ, значительное внимание уделялось обсуждениям, анализу самых разнообразных личных мнений широкого ряда специалистов по поводу карантинных мер.

сознанием. Показала себя и неготовность медицинского мышления к решению такого рода проблем из-за отсутствия инкорпорированности в медицинский дискурс клинико-психологического понимания. Вместо того чтобы заострить внимание на одном авторитетном источнике информации и добиваться точности, клинико-психологической значимости и психотехнической убедительности представления этой информации в СМИ, значительное внимание уделялось обсуждениям, анализу самых разнообразных личных мнений широкого ряда специалистов по поводу карантинных мер. Все это свидетельствует о необходимости разработки и введения системного клинико-психологического дискурса в медицинское мышление в целом и в организацию информирования населения по вопросам медицины и здоровья, в частности.

2. Во втором исследовании мы обратились отдельно к проблеме информирования детей и подростков о соблюдении медицинских предписаний. Одной из задач изучения возможностей включения прикладной клинической психологии в решение проблем, связанных с распространением COVID-19, является исследование способов информирования и организации психологического влияния на детей и подростков в ситуации ограничений в период пандемии. Ряд пилотных исследований проблем, испытываемых детьми и подростками в данной ситуации, был осуществлен нами с помощью опроса подростков ряда школ города Москвы после окончания уроков (опрошено 110 человек) в сентябре 2020 года, а также анализа личных наблюдений за поведением подростков в естественных жизненных ситуациях и тематического анализа информации ТВ и интернета. Опрашивались ребята, не желающие носить медицинские маски и интенсивно общающиеся с другими подростками на улице и в общественных местах. В результате опроса и анализа

было выявлено устойчивое представление большинства подростков о своей «полной информированности в отношении COVID-19» (87% опрошенных), и их уверенность в том, что они этой инфекцией «не заболеют» (около 70% опрошенных), а если и заболеют, то «смогут перенести ее очень в легкой форме». Информация такого рода широко распространялась и в российских СМИ, подтверждалась медицинской статистикой и пр. Поэтому данная информация оказала негативное влияние на сформированное у подростков отношение к соблюдению введенных мер: социального расстояния, масочного режима и т.п.

Наблюдая за поведением подростков в реальных жизненных ситуациях, мы неоднократно отмечали случаи перегорания пешеходной части улицы группой подростков. Они, видя попытки некоторых взрослых обойти их, даже выйдя при этом за пределы тротуара, с целью сохранения социальной дистанции, высказывали

суждения такого типа: «От нас шарахаются, значит, никто нас не заразит» (высказывалось неоднократно разными подростками, или же сопровождалось происходящее реакциями самоутверждения, смехом и т.п. В ответ на обращенный к подросткам вопрос: «Знаете ли вы о ситуации с коронавирусом?» звучали следующие наиболее распространенные ответы: «Да ладно, если и заболеем, то легко, подумаешь!», «взрослым нечего делать, придумали ерунду и сами страдают». Они рассказывали также обесценивающие мнение «взрослого мира» о вирусе истории, например, «прикол» «про мужика, который всю пандемию проходил в одной маске» или другие ей подобные.

Наблюдаемые нами случаи показали, что среди подростков имеет место негативная социальная и индивидуальная психодинамика, явная недооценка возможности заболеть и заразить другого. Анализ информации позволил заключить, что информирование населения о распространенности, переносимости, тяжести заболевания COVID-19 не является глубоко проработанным и адекватным. Требуется специальная клинико-психологическая проработка характера информирования населения, особенно детей и подростков, о распространении инфекции с ориентацией не на эгоцентрическую установку само-

Наблюдаемые нами случаи показали, что среди подростков имеет место негативная социальная и индивидуальная психодинамика, явная недооценка возможности заболеть и заразить другого. Анализ информации позволил заключить, что информирование населения о распространенности, переносимости, тяжести заболевания COVID-19 не является глубоко проработанным и адекватным.

сознания (т.е. на защиту себя и своего организма), а на защиту других, на формирование установки солидарности и эмпатии по отношению к другим людям. Необходимо психологически грамотное информирование детей и подростков о правильном поведении в данной ситуации. Отметим, что направленность этого информирования может иметь также суще-

ственный развивающий характер — ведь ситуация пандемии создает условия для формирования у детей и подростков новых форм социального поведения, самоосознания, уважения к здоровью других людей и таким образом формирует новые позитивные личностные конструкты. Необходимо психотехнически задействовать конструкт «ситуация испытания», значимый для подросткового сознания, и развернуть

Ситуация пандемии поставила задачи не только формулирования новых требований для населения, но и создала круг проблем по принятию и реализации соответствующих инструкций, основными из которых является поиски путей формирования навыков психогигиены и клиничко-обоснованных поведенческих техник.

его в сторону современной жизненной ситуации.

Ситуация пандемии поставила задачи не только формулирования новых требований для населения, но и создала круг проблем по принятию и реализации соответствующих инструкций, основными из которых является поиски путей формирования навыков психогигиены и клиничко-обоснованных поведенческих техник. Обратившись к данным российских СМИ, общественных организаций, социологических служб о соблюдении превентивных мер в период COVID-19 в Москве и в других регионах, можно видеть различную его степень разными слоями населения России. Проведенный нами телефонный опрос детских психологов, работающих в школах и центрах развития, и педагогов (всего было опрошено 18 человек) в конце сентября — начале октября 2020 года, дополненный личными наблюдениями, показал значительные нарушения режима мер медицинской профилактики в Москве, в частности, масочно-перчаточного режима, соблюдения социального расстояния, режима самоизоляции. Четверо из опрошенных с осуждением сказали, например, что они слышали о реальных эпизодах пренебрежения мерами самоизоляции людьми, у которых диагностирован COVID-19 (в относительно легкой форме). Еще трое респондентов заявили, что они лично знают таких людей, которые к тому же, несмотря на наличие заболевания, активно занимаются покупкой материалов для ремонта и строительства, посещают магазины и даже концертные залы. При этом эти люди приводят в свое оправдание мотивировку примерно такого содержания: «Нас же кто-то заразил, и почему мы должны сидеть?! Мы в масках выходим!». Подростки в таких семьях реализовывали стратегию поведения, аналогичную поведению взрослых членов семьи.

Особенно значительный объем нарушений предписаний наблюдался среди подростков и молодых людей (13–20 лет). Причиной этого, на наш взгляд, является недостаточная точность информирования, дефицит убедительности, авторитетности, систематизированности этой информации и ее анализа. Подчеркнем, что дети и подростки не получили внятных разъяснений, на которые можно опереться как внутренне, смыслово, так и поведенчески, или же имели доступ в

лучшем случае к однобоким пояснениям. Например, опрашиваемые нами дети могли рассказать о том, сколько живет вирус и на какой поверхности; можно ли заболеть COVID-19 второй раз, говорили о связи вируса с жизнедеятельностью летучих мышей, могли описать форму вируса как «круг с короной» и т.п.

Важно, что ни один из опрошенных нами педагогов не имел четкой концепции о том, как говорить с детьми о ситуации пандемии, как строить свою работу по разъяснению детям происходящего с учетом их возрастных возможностей. Чаще они следовали своим интуитивным соображениям, либо опирались на разрозненные частные рекомендации отдельных специалистов.

Другой выявленной причиной нарушений выполнения предписаний является целый ряд невротических реакций на соответствующие поведенческие инструкции: реакции вытеснения, реактивные образования, реакции отрицания, наряду с несформированностью соответствующих поведенческих навыков: ношения масок, перчаток, соблюдение социального расстояния и пр. Также изначально не были учтены всевозможные патопсихологические следствия выполнения соответствующих рекомендаций, например, следствия самоизоляции, соблюдения социального расстояния, общения в масках. Эта ситуация вызвала целый ряд затяжных либо острых негативных эмоциональных переживаний, психического напряжения, болезненных желаний дистанцироваться, страхи, психическое напряжение, параноидные реакции и пр. Так, некоторые младшие школьники говорили о том, что «учитель много кричит в классе». При дополнительных вопросах выяснялось, что само наличие маски заставляет учителя говорить громче, вызывая у него серьезное перенапряжение голосового аппарата, а у детей — ощущение дискомфорта. Ситуация могла усугубляться

Ни один из опрошенных нами педагогов не имел четкой концепции о том, как говорить с детьми о ситуации пандемии, как строить свою работу по разъяснению детям происходящего с учетом их возрастных возможностей. Чаще они следовали своим интуитивным соображениям, либо опирались на разрозненные частные рекомендации отдельных специалистов.

тем, что некоторые сложные подростки, пользуясь строгим предписанием для учителей находиться в маске, могли намеренно просить его говорить громче, утверждая, что «не слышно». Посредством такой деструктивной позиции они самоутверждались, «росли» в глазах класса. Младшие школьники часто испытывали дискомфорт, психическое напряжение и были дезориентированы из-за того, что видели только верхнюю часть лица педагога — нижняя часть лица, наиболее важная в плане коммуникации и социального понимания, была закрыта маской. Дети при этом с трудом улавливали эмоциональный контекст ситуации. Мы попытались в условиях онлайн-общения по скайпу смоделировать общение в маске с хорошо знакомыми нам детьми младшего школьно-

го возраста и убедились, что коммуникативная точность восприятия детей снижается, быстрее появляется усталость, нарастает беспокойное раздражение, т.к. ребенок не понимает весь социальный контекст и эмоциональное отношение взрослого.

Тревожные чувства у детей вызывала и процедура термометрии, осуществляемая взрослым в маске. В детских центрах, как сообщили при опросе психологи, дети первоначально прижимались к родителям, настороженно оглядывались, не сразу подходили. Родители также реагировали на происходящее тревож-

Мы попытались в условиях онлайн-общения по скайпу смоделировать общение в маске с хорошо знакомыми нам детьми младшего школьного возраста и убедились, что коммуникативная точность восприятия детей снижается, быстрее появляется усталость, нарастает беспокойное раздражение, т.к. ребенок не понимает весь социальный контекст и эмоциональное отношение взрослого.

но. Это происходило не только в первые 2–3 дня, но и в дальнейшем. Приведем и отрядный пример, когда в одном из таких центров психолог говорил детям следующее: «Я здесь для того, чтобы сказать тебе, что у тебя все хорошо! И ты здоров!». Уже на второй день количество «инициативных детей», которые не только самостоятельно подходили для измерения температуры, но и (взяв за руку) подводили родителей, удвоилось! В этом случае специалист смог учесть психологический негатив вводимого предписания термометрии и построить свою работу в позитивном ключе.

Согласно данным опроса педагогов г. Москвы, в сентябре-октябре 2020 года в среднем от 10 до 20% младших школьников в классе не посещали школу из-за страха заразиться и встревоженности родителей. Это не только дети с хроническими заболеваниями, но и условно здоровые дети. Стоит упомянуть и о крайне тревожащих нас как специалистов случаях. Так, наблюдаемый нами мальчик 12 лет ни разу из-за страха заразиться с марта 2020 года не вышел на улицу (сейчас ноябрь). Другой ребенок 10 лет в состоянии крайней тревоги истошно плакал, требуя, чтобы мать сняла кофту, в которой она выходила на улицу «кофточка грязная, сними ее, а если я заболею?! Ты грязная!!». Подросток 13 лет, придя вместе с родителями навестить бабушку и узнав, что та незадолго до этого была на улице и встретила там соседку, потребовал: «Давай уйдем скорее отсюда, можем заболеть!! На ней вирус!!». Он не мог успокоиться, пока не оказался дома, потребовал дезинфекции всех вещей и в дальнейшем запрещал родителям встречаться с родственниками и друзьями. Ребенок 9 лет стал ходить в школу со специально настроенными часами, которые через определенные промежутки напоминали о необходимости сменить маску, у него отчетливо проявлялись страх, ригидность и скованность, которые были следствием родительских разъяснений о том, что «большая опасность заразиться, ты попадешь в этом случае в больницу и туда попадут близкие, можно не выжить». В приводимых случаях

налицо акцент сделан на негативном содержании ситуации — «заразиться», «опасность».

В связи с этим особое внимание следует уделить психогигиене. Возникает явственная необходимость включения специальной психогигиенической части, переформулирования негативно окрашенных предписаний в позитивное руководство к действию, чтобы ребенок без ущерба для своей психики смог бы реализовать эти требования. Полученные нами данные свидетельствуют о важности в условиях карантинных мер просчитывания их патопсихологических последствий

и встраивания в сами формулировки этих мер некоторых психогигиенических психотехник, предохраняющих от развития различного рода психических расстройств. В рамках этих психогигиенических психотехник должны быть учтены два аспекта: личный комфорт, защита своего

душевного спокойствия и задача личностного развития, связанная с вопросами организации своего поведения изнутри, его осмысления в сторону живого, не навязанного.

Улучшению качества выполнения мер медицинской профилактики может помочь также оперативное формирование психологических навыков их исполнения. Например, навык поддержания социального расстояния без ущерба для достижения необходимого психологического расстояния в коммуникации между людьми. Как средства психогигиены, так и проблема формирования новых социальных и психологических навыков поведения в ситуации COVID-19 требуют дальнейшего системного анализа и психологической проработки.

3. Современная клиническая психология выстраивается преимущественно в натуралистическом рецептивном и позитивистском модусах исследования. Она фиксирует уже сложившиеся патологии, установившееся положение дел, в то время как системный и превентивный модус размышления выражен недостаточно (Олешкевич, Бурлакова, 2020). Следствием этого стала, в том числе, и возникшая неподготовленность к ситуации неожиданной пандемии, и готовность лишь задним числом фиксировать целый ряд появившихся

В связи с этим особое внимание следует уделить психогигиене. Возникает явственная необходимость включения специальной психогигиенической части, переформулирования негативно окрашенных предписаний в позитивное руководство к действию, чтобы ребенок без ущерба для своей психики смог бы реализовать эти требования.

расстройств, например, таких как увеличение семейных конфликтов, разводов, попыток суицида и пр. в ситуации вынужденной изоляции населения.

Нами ставилась задача исследования способов переживания населением г. Москва ситуации вынужденной самоизоляции и способов овладения такой ситуацией, а также изучение возможностей участия клинической психологии в решении массовых, коллективных проблем в обществе в такого рода ситуациях. Методами изучения стали анализ данных СМИ

и интервьюирование различных групп населения (родителей и детей).

В Москве во время пандемии стали активно действовать различного рода волонтерские организации по оказанию социальной помощи, доставке продуктов пожилым людям и инвалидам, а также представители медицинских и инфекционных служб и пр., осуществлялись доплаты и социальные выплаты медицинским работникам, семьям с детьми, а сотрудниками МЧС разрабатывались некоторые психологические рекомендации по поведению в данной ситуации. Однако системного осмысления патопсихологических последствий самоизоляции для различных социальных и возрастных групп населения и, тем более, системных мер позитивного использования этой ситуации для укрепления их здоровья и организации саморазвития выработано не было. В результате население фактически оказалось без квалифицированной качественной психологической помощи. В такой ситуации, помимо целого ряда материально-эконо-

Особого внимания требует создание методов и техник ориентировки людей в своем внутреннем мире в ситуации вынужденной самоизоляции. Это касается, прежде всего, взрослых — родителей, которые осознанно или неосознанно транслируют детям способы принятия этой ситуации, дают психологическое объяснение и обоснование ее необходимости.

мических проблем, у определенных слоев населения усиливалась депрессия, тревога, неуверенность в завтрашнем дне, возникали социальные и межличностные конфликты в семье и т.п. Люди различных слоев и возрастных групп, в том числе дети и подростки страдали от отсутствия психологической ориентировки в новой ситуации, от незнания способов совладания с нею и использования ее для организации собственного саморазвития для населения. Оказавшись без необходимого в таких условиях руководства, многие испытывали стресс.

Такая ситуация требует ряда клинико-психологических разработок для массового применения при работе с разными возрастными социальными группами с соответствующими объяснениями (речь идет о «коллективном пациенте»). Нужно дать психологически ясные обоснования необходимости самоизоляции и предложить психотехники перехода к новому образу жизни, разработать новые ориентиры для организации занятости: работой, отдыхом, физической культурой, самопознанием и самопомощью и пр. Даже организация прогулок на свежем воздухе может быть клинико-психологически осмыслена и структурирована.

Особого внимания требует создание методов и техник ориентировки людей в своем внутреннем мире в ситуации вынужденной самоизоляции. Это касается, прежде всего, взрослых — родителей, которые осознанно или неосознанно транслируют детям способы принятия этой ситуации, дают психологическое объяснение и обоснование ее необходимости. В то же время соответствующее психологическое ориентирование детей

разных возрастов могли бы осуществлять школы, СМИ, интернет и пр. Причем, для разных возрастных групп детей формы поведения, возможности организации развития в самоизоляции должны быть продуманы и клинико-психологически обоснованы в соответствии с возможностями и задачами психического развития каждого возрастного этапа.

Особого анализа требует обострившаяся проблема увеличения времени, проводимого детьми в интернете, а также задача организация системной помощи семьям с детьми, живущим в стесненных жилищных условиях, провоцирующих ссоры, конфликты, трудности в детско-родительских отношениях.

Заключение

Анализируя и обобщая проблемы, связанные с формулированием и трансляцией населению предписаний по поведению в ситуации COVID-19, и их исполнением, можно отметить ряд пробелов в клинико-психологическом их осмыслении. Содержание этих предписаний обусловлено прежде всего сугубо медицинскими рекомендациями, затем они формулируются различными административными центрами, сотрудниками структур власти и управления. Их общая неточность, а иногда и противоречивость создает дополнительные сложности для восприятия. Этому дополнительно способствует широкое обсуждение этой проблематики в СМИ, трансляция различных мнений отдельных авторитетных специалистов и т.п. В связи с этим теряется как медицинская, так и административная авторитетность данной информации. Одновременно страдает ее точность и вескость.

Большое значение имеет также психологическая составляющая данной информации, т.е. ее психологическая значимость, способность оказывать влияние на поведение людей, адаптированность к их сложившемуся образу жизни, психогигиеничность и т.п.

Данная информация семиотически строится в рамках определенных запретов и предписаний («не находиться в местах скопления людей без медицинской маски», «надень маску и перчатки», «должен поддерживать социальную дистанцию» и пр.), которые, с кли-

В идеале мы должны так информировать ребенка, подростка, пожилого человека, чтобы те не только не страдали, но и могли эту ситуацию использовать для собственного развития, укрепления жизнестойкости, психологического роста и т.п. Такова двойная функция клинической психологии в информировании различных групп населения.

нико-психологической точки зрения, должны быть осмыслены психогигиенично, поскольку выполнение таких запретов и предписаний может стимулировать развитие различного рода психических расстройств при неадекватных психологических установках по отношению к выполнению данных требований. Это означает, что такого рода требования должны быть

осмыслены не только с точки зрения их медицинской составляющей, но также и с точки зрения психогигиены, соблюдения мер поддержания субъективного благополучия. Проблемы здесь могут часто наблюдаться у людей с ослабленной психической саморегуляцией, у детей и подростков. Но в целом это касается любого человека. Поэтому решение данной задачи является в какой-то мере не менее актуальным, чем решение за-

Клиническая психология должна научиться работать «с коллективным пациентом», формировать для него соответствующие предписания, генерировать оперативные способы обучения, индивидуальные рекомендации. Значительная часть такой работы применительно к детям накладывается на родителей.

дач предотвращения распространения инфекции, соблюдения санитарно-гигиенических правил. В идеале мы должны так информировать ребенка, подростка, пожилого человека, чтобы те не только не страдали, но и могли эту ситуацию использовать для собственного развития, укрепления жизнестойкости, психологического роста и т.п. Такова двойная функция клинической психологии в информировании различных групп населения.

На этом уровне клинико-психологического анализа появляются свои критерии точности и осмысленности информации, в частности, точности и осмысленности для разных возрастных групп населения. В связи с этим отдельная задача психологии состоит в разработке соответствующих информационных и разъяснительных текстов для маленьких детей, подростков и т.д.

Клинико-психологически разработанная информация о поведении в ситуации пандемии должна быть также адаптирована к привычному образу жизни людей, она должна быть представлена в виде конкретных ориентировок для организации поведения в новой ситуации. Она должна быть не просто осмысленной, системной, но действенной, способной эффективно организовывать поведение людей. В качестве примера такой информации можно привести разделительные полосы в общественных учреждениях, надписи на стульях, которые задают необходимую дистанцию. Поддержание социального расстояния требуется при скоплении людей на улице, в транспорте, в холлах жилых домов, в учебных заведениях и пр., поэтому необходимо формирование внутренних ориентиров поддержания социального расстояния, причем, таким образом, чтобы это не мешало выдерживать значимое психологическое

расстояние и не вело к психологическому отчуждению, формированию социальных страхов и т.п. Такие ориентировки особенно важно научить правильно воспринимать детей и подростков.

Клиническая психология должна научиться работать «с коллективным пациентом», формировать для него соответствующие предписания, генерировать оперативные способы обучения, индивидуальные рекомендации. Значительная часть такой работы применительно к детям накладывается на родителей. После обучения соответствующим способам поведения родителей важно информировать их и о способах обучения их собственных детей различных возрастов (рассказывать и объяснять им, как говорить с ребенком на эти темы, как обучать новым формам поведения и пр.). Причем, такое просвещение может быть выстроено как общее унифицированное образование по всей стране, благо информационные технологии позволяют осуществить это быстро и оперативно.

Важно объединение такого обучения со школьным образованием, с информированием детей о ситуации коронавирусной инфекции. При этом необходимо учесть и возрастную, и клинико-психологический аспект трансляции информации такого рода и формирования соответствующих навыков. И, конечно, надо помнить, что ситуация пандемии и возникновение новых требований к поведению детей могут быть использованы для организации их развития, повышения уровня самостоятельности, социальной ответственности, эмпатии, чувства солидарности и

Предотвращая возможность возникновения психических трудностей и расстройств у детей, мы одновременно организуем их системное развитие в сложившихся условиях. Такая интеграция клинической психологии и психологии развития, с нашей точки зрения, является наиболее эффективной для решения широкого круга практических задач в ситуации пандемии и в других аналогичных ситуациях.

общности, развитию их внимания к другим людям. Так психогигиенический и клинико-психологический дискурс включается в дискурс психологии развития. Предотвращая возможность возникновения психических трудностей и расстройств у детей, мы одновременно организуем их системное развитие в сложившихся условиях. Такая интеграция клинической психологии и психологии развития, с нашей точки зрения, является наиболее эффективной для решения широкого круга практических задач в ситуации пандемии и в других аналогичных ситуациях.

Литература

- Бурлакова Н.С. Психическое развитие детей, переживших массовые бедствия: от изучения последствий к проектированию развития на основе культурно-исторического анализа // Национальный психологический журнал. 2018. № 1 (29). С. 17–29. doi: 10.11621/npj.2018.0102
- Гаязова Л.А., Вихристюк О.В. Особенности запросов на дистанционную психологическую помощь в период самоизоляции (COVID-19) // Вестник практической психологии образования. 2020. Т. 17. № 2. С. 78–88. doi: <https://doi.org/10.17759/vpre.2020170210>

- Герасимова А.А. Анализ обращаемости на телефон неотложной психологической помощи в период пандемии и до нее // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Т. 28. № 2. С. 109–119. doi: <https://doi.org/10.17759/cpp.2020280206>
- Ениколопов С.Н., Бойко О.М., Медведева Т.И., Воронцова О.Ю., Казьмина О.Ю. Динамика психологических реакций на начальном этапе пандемии COVID-19 // Вызовы пандемии COVID-19: психическое здоровье, дистанционное образование, интернет-безопасность. Москва : Моск. гос. психолого-педаг. ун-т, 2020. С. 100–121.
- Коронакризис: локдаун и психическое здоровье // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Т. 28. № 3. С. 178–184. doi:10.17759/cpp.2020280311
- Исследование: режим самоизоляции стал причиной депрессии более чем у трети школьников [Электронный ресурс] // ТАСС : [сайт]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/9448809> — (дата обращения 20.10.2020).
- Олешкевич В.И., Бурлакова Н.С. Прикладная культурно-историческая психология перед вызовами современности // Национальный психологический журнал. 2020. № 3 (39). С. 3–12. doi: 10.11621/npj.2020.0301
- Психологи МЧС советуют в самоизоляции сохранять постоянный режим дня для детей [Электронный ресурс] // Стоп-коронавирус.рф : [сайт]. URL: <https://стопкоронавирус.рф/news/20200422-1057.html> — (дата обращения 20.10.2020).
- Тхостов А.Ш., Рассказова Е.И. Психологическое содержание тревоги и ее профилактика в ситуации инфодемии: защита от коронавируса или «порочный круг» тревоги? // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Т. 28. № 2. С. 70–89. doi: <https://doi.org/10.17759/cpp.2020280204>
- МЧС России информирует. Онлайн-ресурсы: чем занять ребенка дома [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.vniigochs.ru/storage/photos/4/PR/KOVID_19/recom/child_at_home.jpg —(дата обращения 20.10.2020).
- Brooks SK, Webster RK, Smith LE, et al. (2020). The psychological impact of quarantine and how to reduce it: rapid review of the evidence. *Lancet*, 395, 912–20. doi: 10.1016/S0140-6736(20)30460-8
- Dalton L., Elizabeth Rapa, Alan Stein (2020). Protecting the psychological health of children through effective communication about COVID-19. *The Lancet*, 4, 346–347. doi: 10.1016/S2352-4642(20)30097-3
- Danese A, Smith P, Chitsabesan P, Dubicka B. (2019). Child and adolescent mental health amidst emergencies and disasters. *Br J Psychiatry*, 13. doi: 10.1192/bjp.2019.244.
- Fegert J.M., Vitiello B., Plener PL et al. (2020). Challenges and burden of the Coronavirus-2019 pandemic for child and adolescent mental health: a narrative review to highlight clinical and research needs in the acute phase and the long return to normality. *Child & Adolescent Psychiatry and Mental Health*, 14, 20. doi: 10.1186/s13034-020-00329-3
- Holmes E.A., O'Connor R.C., Perry V.H., Tracey I., Wessle, S., Arseneaul, L., ... Bullmor E. (2020). Multidisciplinary research priorities for the COVID-19 pandemic: A call for action for mental health science. *Lancet Psychiatry*. doi: 10.1016/S2215-0366(20)30168-1 (accessed 04.09.2020).
- Jiao, W.Y., Wang, L.N., Liu, J., Fang, S.F., Jiao, F.Y., Pettoello-Mantovani, M., & Somekh, E. (2020). Behavioral and Emotional Disorders in Children during the COVID-19 Epidemic. *The Journal of pediatrics*, 221, 264–266. doi: 10.1016/j.jpeds.2020.03.013
- Masten A.S., Best K.M, Garmezy N. (1990). Resilience and development: contributions from the study of children who overcome adversity. *Dev. Psychopathol.* 2 (4). 425–444. doi: 10.1017/S0954579400005812
- McDermott B. M., Lee E. M., Judd M., Gibbon P. (2005). Posttraumatic stress disorder and general psychopathology in children and adolescents following a wildfire disaster. *Can. J. Psychiatry*, 50 (3), 137–143. doi: 10.1177/070674370505000302
- Mittal, Vijay A. et al. (2020). Combating the Dangers of Sedentary Activity on Child and Adolescent Mental Health During the Time of COVID-19. *Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry*, 59 (11), 1197–1198. doi: 10.1016/j.jaac.2020.08.003
- Otto M.W., Henin A., Hirshfeld-Becker D.R., Pollack M.H. et al. (2007). Posttraumatic stress disorder symptoms following media exposure to tragic events: impact of 9/11 on children at risk for anxiety disorders. *J. Anxiety Disord*, 21 (7). 888–902. doi: 10.1016/j.janxdis.2006.10.008
- Orgilés, Mireia & Morales, Alexandra & Delvecchio, Elisa & Mazzeschi, Claudia & Espada, Jose. (2020). Immediate psychological effects of the COVID-19 quarantine in youth from Italy and Spain. doi: 10.31234/osf.io/5bpfz.
- Park, Y., Choe, Y., Park, O., Park, S., Kim, Y., Kim, J. ... Jeong, E. (2020). Contact Tracing during Coronavirus Disease Outbreak, South Korea. *Emerging Infectious Diseases*, 26 (10), 2465–2468. doi: 10.3201/eid2610.201315.
- Petito A., Pop T.L., Namazova-Baranova L., Mestrovic J., Nigri L., Vural M. (2020). The burden of depression in adolescents and the importance of early recognition. *J Pediatr*, 218, 265–267. doi: 10.1016/j.jpeds.2019.12.003
- Policy brief: the impact of COVID-19 on children (15 April 2020). UN Special Representative of the Secretary General on Violence Against Children. : [site]. URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/policy_brief_on_covid_impact_on_children_16_april_2020.pdf (accessed 04.09.2020).
- Stein M.B. (2020). Mental health participation in the fight against the COVID-19 pan-demic. *Depress Anxiety*, 37, 404. doi: 10.1002/da.23027
- Wang G, Zhang Y, Zhao J, Zhang J, Jiang F. (2020). Mitigate the effects of home confinement on children during the COVID-19 outbreak. *Lancet*, 395 (10228), 945–947. doi: 10.1016/S0140-6736(20)30547-X
- Yelland C., Robinson P., Lock C., La Greca A.M., Kokegei B. et al. (2010). Bushfire impact on youth. *J. Trauma. Stress*, 23 (2). 274–277. doi: 10.1002/jts.20521

References:

- A study: self-isolation has caused depression in more than a third of school-age children [Electronic resource] // ТАСС : [site]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/9448809> — (accessed 20.10.2020). (In Russ.)
- Brooks SK, Webster RK, Smith LE, et al. (2020). The psychological impact of quarantine and how to reduce it: rapid review of the evidence. *Lancet*. 395, 912–20. doi: 10.1016/S0140-6736(20)30460-8

- Burlakova N.S. (2018). Psychological development of children who survived mass disasters: from studying consequences to projecting development on the basis of cultural-historical analysis. *National journal of psychology. [Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal]*, 1 (29), 17–29. doi: 10.11621/npj.2018.0102 (In Russ.)
- Coronacrisis: lockdown and psychical well-being (2020). *Consultation psychology and therapy. [Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya]*, 28 (3), 178–184. doi: 10.17759/cpp.2020280311. (In Russ.)
- Dalton L., Elizabeth Rapa, Alan Stein (2020). Protecting the psychological health of children through effective communication about COVID-19. *The Lancet*, 4, 346–347. doi: 10.1016/S2352-4642(20)30097-3
- Danese A, Smith P, Chitsabesan P, Dubicka B. (2019). Child and adolescent mental health amidst emergencies and disasters. *Br J Psychiatry*, 13. doi: 10.1192/bjp.2019.244.
- Enikolopov S.N., Boiko O.M., Medvedeva T.I., Vorontsova O.Yu., Kaz'mina O.Yu. (2020). Dynamics of psychological reactions in the beginning of the COVID-19 pandemic. Challenges of COVID-19 pandemic: psychic well-being, distant education, internet security. [*Vyzovypandemii COVID-19: psikhicheskoe zdorov'e, distantsionnoe obrazovanie, internet-bezopasnost'*]. Moscow: Mosk. gos. psikhologo-pedag. un-t, pp. 100–121. (In Russ.)
- Fegert J.M., Vitiello B., Plener P.L. et al. (2020). Challenges and burden of the Coronavirus-2019 pandemic for child and adolescent mental health: a narrative review to highlight clinical and research needs in the acute phase and the long return to normality. *Child & Adolescent Psychiatry and Mental Health*, 14, 20. doi: 10.1186/s13034-020-00329-3
- Gayazova L.A., Vikhristyuk O.V. (2020). Specificity of requests for distant psychological help in the self-isolation period (COVID-19). *Bulletin of practical psychology of education. [Vestnik prakticheskoi psikhologii obrazovaniya]*, 17 (2), 78–88. doi: 10.17759/bppe.2020170210 (In Russ.)
- Gerasimova A.A. (2020). Analysis of applications for urgent psychological help in the pandemic period and before. *Consultation psychology and therapy. [Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya]*, 28 (2), 109–119. doi: 10.17759/cpp.2020280206. (In Russ.)
- Holmes E.A., O'Connor R.C., Perry V.H., Tracey I., Wessle, S., Arseneaul, L., ... Bullmor E. (2020). Multidisciplinary research priorities for the COVID-19 pandemic: A call for action for mental health science. *Lancet Psychiatry*. doi: 10.1016/S2215-0366(20)30168-1. (accessed 04.09.2020).
- Jiao, W.Y., Wang, L.N., Liu, J., Fang, S.F., Jiao, F.Y., Pettoello-Mantovani, M., & Somekh, E. (2020). Behavioral and Emotional Disorders in Children during the COVID-19 Epidemic. *The Journal of pediatrics*, 221, 264–266 doi: 10.1016/j.jpeds.2020.03.013
- Masten A.S., Best K.M., Garmezy N. (1990). Resilience and development: contributions from the study of children who overcome adversity. *Dev. Psychopathol*, 2 (4). 425–444. doi: 10.1017/S0954579400005812
- McDermott B.M., Lee E.M., Judd M., Gibbon P. (2005). Posttraumatic stress disorder and general psychopathology in children and adolescents following a wildfire disaster. *Can. J. Psychiatry*, 50 (3), 137–143. doi: 10.1177/070674370505000302
- Mittal, Vijay A. et al. (2020). Combating the Dangers of Sedentary Activity on Child and Adolescent Mental Health During the Time of COVID-19. *Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry*, 59 (11), 1197–1198 doi: 10.1016/j.jaac.2020.08.003
- Oleshkevich V.I., Burlakova N.S. (2020). Applied cultural-historical psychology and modern challenges. *National journal of psychology. [Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal]*, 3 (39), 3–12. doi: 10.11621/npj.2020.0301. (In Russ.)
- Orgilés, Mireia& Morales, Alexandra & Delvecchio, Elisa & Mazzeschi, Claudia & Espada, Jose. (2020). Immediate psychological effects of the COVID-19 quarantine in youth from Italy and Spain. doi: 10.31234/osf.io/5bpfz.
- Otto M.W., Henin A., Hirshfeld-Becker D.R., Pollack M.H. et al. (2007). Posttraumatic stress disorder symptoms following media exposure to tragic events: impact of 9/11 on children at risk for anxiety disorders. *J. Anxiety Disord*, 21 (7). 888–902. doi: 10.1016/j.janxdis.2006.10.008
- Park, Y., Choe, Y., Park, O., Park, S., Kim, Y., Kim, J. ... Jeong, E. (2020). Contact Tracing during Coronavirus Disease Outbreak, South Korea. *Emerging Infectious Diseases*, 26 (10), 2465–2468. doi: 10.3201/eid2610.201315.
- Petito A., Pop T.L., Namazova-Baranova L., Mestrovic J., Nigri L., Vural M. (2020). The burden of depression in adolescents and the importance of early recognition. *J Pediatr*, 218, 265–267. doi: 10.1016/j.jpeds.2019.12.003
- Policy brief: the impact of COVID-19 on children (15 April 2020). UN Special Representative of the Secretary General on Violence Against Children : [site]. URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/policy_brief_on_covid_impact_on_children_16_april_2020.pdf. (accessed 04.09.2020).
- Psychologists from the Ministry of Emergency Situations advise that self-isolated children stick to a daily routine [Electronic resource] // Stopkoronavirus.rf : [site]. URL: <https://stopkoronavirus.rf/news/20200422-1057.html> — (accessed 20.10.2020). (In Russ.)
- Russian Ministry of Emergency Situations informs. Online resources: what children can make themselves busy with at home [Electronic resource] — URL: https://www.vniigochs.ru/storage/photos/4/PR/KOVID_19/recom/child_at_home.jpg — (accessed 20.10.2020). (In Russ.)
- Stein M.B. (2020). Mental health participation in the fight against the COVID-19 pan-demic. *Depress Anxiety*, 37, 404. doi: 10.1002/da.23027
- Tkhostov A.Sh., Rasskazova E.I. (2020). Psychological content of anxiety and its prophylactics in the infodemic situation: protection from the coronavirus or “vicious circle” of anxiety? *Consultation psychology and therapy. [Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya]*, 28 (2), 70–89. doi: 10.17759/cpp.2020280204. (In Russ.)
- Wang G, Zhang Y, Zhao J, Zhang J, Jiang F. (2020). Mitigate the effects of home confinement on children during the COVID-19 outbreak. *Lancet*, 395 (10228), 945–947. doi: 10.1016/S0140-6736(20)30547-X
- Yelland C., Robinson P., Lock C., La Greca A. M., Kokegei B. et al. (2010). Bushfire impact on youth. *J. Trauma. Stress*, 23 (2). 274–277. doi: 10.1002/jts.20521

Оригинальная статья

УДК 614.8, 615.851, 159.923
doi: 10.11621/npj.2021.0110

Особенности оказания экстренной психологической помощи при переживании утраты в чрезвычайных ситуациях

Ю.С. Шойгу*, Центр экстренной психологической помощи Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий» (ФКУ ЦЭПП МЧС России), Москва, Россия

Л.Н. Тимофеева, ФКУ ЦЭПП МЧС России, Москва, Россия

ORCID: 0000-0001-6149-6124

Н.В. Толубаева, ФКУ ЦЭПП МЧС России, Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-7164-4706

Е.И. Варфоломеева, ФКУ ЦЭПП МЧС России, Москва, Россия

ORCID: 0000-0003-2245-847X

А.А. Соколова, ФКУ ЦЭПП МЧС России, Москва, Россия

ORCID: 0000-0003-2469-365X

Е.В. Курилова, ФКУ ЦЭПП МЧС России, Москва, Россия

ORCID: 0000-0001-8121-0509

М.Е. Кармилова, ФКУ ЦЭПП МЧС России, Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-5282-6117

*Для контактов. E-mail: sepp@mail.ru

Актуальность. Специалисты служб, занимающиеся чрезвычайными ситуациями, которым приходится сообщать о смерти родственникам погибших, столкнулись с необходимостью психологической подготовки для осуществления данной деятельности, а также психологического сопровождения родственников погибших в следующий за сообщением острый период. Актуальность изучения факторов, влияющих на динамику состояния родственников погибших, обусловлена важностью изучения особенностей процесса их психологического сопровождения и наличием ряда этических сложностей построения такого рода исследований. Анализ профессионального опыта специалистов психологической службы МЧС России, осуществляющих психологическое сопровождение родственников и близких людей, погибших при чрезвычайных ситуациях, представляет значительную практическую ценность.

Цель: изучение общего состояния проблемы психологического сопровождения родственников погибших, факторов, влияющих на адаптацию к утрате и возможностей раннего психологического сопровождения.

Описание хода исследования. Рассмотрен зарубежный опыт процесса сообщения о смерти близким и практический опыт специалистов психологической службы МЧС России. Представлены возможности реализации системного подхода при оказании экстренной психологической помощи при переживании утраты в острый период.

Результаты исследования. Сформулирован ряд характеристик, учет которых необходим при выборе стратегии работы с пострадавшим переживающим утрату в острый период. Выделены три фактора, учет которых необходим при выборе специалистом стратегии работы с утратой в острый период: 1) особенности ситуации; 2) особенности пострадавшего (переживающего утрату); 3) особенности специалиста. Описан процесс психологического сопровождения пострадавших, включающий оценку и учет объективных характеристик ситуации, личностных особенностей и способа реагирования пострадавшего, индивидуальных характеристик самого специалиста.

Заключение. Интерпретация взаимосвязи и влияния вышеуказанных факторов на динамику состояния человека, переживающего утрату, дает возможность психологу выбрать наиболее эффективную стратегию оказания помощи. Основой успешного оказания помощи человеку является наличие не только профессиональных знаний и опыта психолога, но и такой важной составляющей их деятельности, как «этика», включающей сочетание личностных характеристик и сформированной профессиональной позиции специалиста.

Ключевые слова: экстренная психологическая помощь, утрата, психологическое сопровождение пострадавших, психологическая служба МЧС России.

Для цитирования: Шойгу Ю.С., Тимофеева Л.Н., Толубаева Н.В., Варфоломеева Е.И., Соколова А.А., Курилова Е.В., Кармилова М.Е. Особенности оказания экстренной психологической помощи при переживании утраты в чрезвычайных ситуациях // Национальный психологический журнал. 2021. № 1 (41). С. 115–126. doi: 10.11621/npj.2021.0110

Поступила 19 февраля 2021 / Принята к публикации 12 марта 2021

Features of providing emergency psychological aid to people experiencing loss in emergency situations

Yulia S. Shoigu*, EMERCOM Center for Emergency Psychological Aid of Russia, Moscow, Russia

Lydia N. Timofeeva, EMERCOM Center for Emergency Psychological Aid of Russia, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-6149-6124

Natalia V. Tolubaeva, EMERCOM Center for Emergency Psychological Aid of Russia, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-7164-4706

Elena I. Varfolomeeva, EMERCOM Center for Emergency Psychological Aid of Russia, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-2245-847X

Anna A. Sokolova, EMERCOM Center for Emergency Psychological Aid of Russia, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-2469-365X

Evgenia V. Kurilova, EMERCOM Center for Emergency Psychological Aid of Russia, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-8121-0509

Margarita E. Karmilova, EMERCOM Center for Emergency Psychological Aid of Russia, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-5282-6117

*Corresponding author. E-mail: cepp@mail.ru

Background. In many countries frontline emergency workers of different specialties face the need to inform people of their relatives' death and to support them during the acute period following the message. The need for psychological training in this area is evident. However, the research in this area is not only complicated in terms of logistics, but also hindered by a number of ethical difficulties.

The analysis presented in this paper has significant practical value and draws on the unique professional perspective of the EMERCOM emergency psychologists who provide psychological support to people experiencing loss in an acute period — relatives and loved ones of those who died in emergencies.

Objective. To give an outline of approaches to psychological support in cases of loss, of the factors influencing adaptation to a loss, and of the opportunities for early psychological interventions.

Design. The theoretical overview presents the analysis of foreign experience and main approaches to announcing the death of a relative. The following section describes and analyses the main approaches and practical experience of the EMERCOM psychologists. The conclusion outlines the possibilities of a systematic approach to providing emergency psychological aid in cases of loss.

Results. The study presents a list of characteristics of support providers, recipients and situations that need to be taken into account when choosing a strategy of work with people experiencing a recent loss.

Conclusion. The study allows to single out three main thematic blocks, the consideration of which is necessary when choosing a strategy for dealing with loss in an acute period. First, features of the situation; second, characteristics of the person experiencing loss; third, the characteristic of the support provider. The process of psychological support, as described in the paper, includes assessment and consideration of the objective characteristics of the situation, the recipient's characteristics and response, and the characteristics of the specialist himself. The interpretation of relationship between these factors and their influence on the condition of the person who experiences a loss allows the psychologist to choose the most effective strategy for providing psychological support.

Keywords: emergency psychological aid, grief, psychological service of the EMERCOM of Russia.

For citation: Shoigu Yu.S., Timofeeva L.N., Tolubaeva N.V., Varfolomeeva E.I., Sokolova A.A., Kurilova E.V., Karmilova M.E. (2021). Features of providing emergency psychological aid to people experiencing loss in emergency situations. National Psychological Journal [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal], 14 (1), 115–126. doi: 10.11621/npj.2021.0110

Received February 19, 2021 / Accepted for publication March 12, 2021

Введение

Уход из жизни близких людей — одно из наиболее стрессогенных событий в жизни человека. Поэтому тема оказания психологической помощи и поддержки родственникам и близким погибших остается актуальной, а вопросы выстраивания системы оказания помощи — особенно востребованными и при-

обретающими все большую значимость в сообщениях специалистов различных стран (Parrish et al., 1987; Laborie et al., 2002; Vasque, 2008; Ombres et al., 2017; Ministère de la Justice, 2019).

В культуре каждого народа приняты особые правила и ритуалы, которые помогают горюющим справиться с утратой (Шойгу, Филиппова, 2010). Они включают как обязательное оказание помощи, так и формы сообщения о смерти, которые могут варьиро-

Юлия Сергеевна Шойгу —
кандидат психологических наук, директор ФКУ ЦЭПП МЧС России;
<https://istina.msu.ru/profile/SHOIGUYULIA/>

Yulia S. Shoigu —
PhD in Psychology, Director EMERCOM Center for Emergency Psychological Aid of Russia

Лидия Николаевна Тимофеева —
заместитель директора ФКУ ЦЭПП МЧС России
ORCID: 0000-0001-6149-6124
<https://istina.msu.ru/profile/LidiyaTimofeeva/>

Lydia N. Timofeeva —
Deputy Director EMERCOM Center for Emergency Psychological Aid of Russia
ORCID: 0000-0001-6149-6124

Наталья Владимировна Толубаева —
начальник отдела ФКУ ЦЭПП МЧС России
ORCID: 0000-0002-7164-4706
<https://istina.msu.ru/profile/Tolubaeva/>

Natalia V. Tolubaeva —
Department head EMERCOM Center for Emergency Psychological Aid of Russia
ORCID: 0000-0002-7164-4706

Елена Игоревна Варфоломеева —
начальник отдела ФКУ ЦЭПП МЧС России
ORCID: 0000-0003-2245-847X
<https://istina.msu.ru/profile/EVarfolomeeva/>

Elena I. Varfolomeeva —
Department head EMERCOM Center for Emergency Psychological Aid of Russia
ORCID: 0000-0003-2245-847X

вать в разных сообществах: национальных, религиозных, социальных, профессиональных. В каждом из них уделяется внимание содержанию уведомления и поведению уведомителя. Однако тема «правильности» той или иной формы уведомления остается дискуссионной.

Гибель людей, в том числе вследствие чрезвычайных ситуаций, накладывает обязательства на специальные службы, представителей администрации, обозначает важность своевременного оказания социальной, юридической, медицинской, психологической и другой помощи (О единой государственной системе ..., URL: <https://base.garant.ru/186620>).

Психологическая помощь пострадавшим в чрезвычайных ситуациях за рубежом

Анализ зарубежного опыта показал, что на практике функцию сообщения о смерти близкого родственникам реализуют чаще всего специалисты трех служб: сотрудники полиции (или следователи) в случае не-

ожиданной смерти вне медицинского учреждения; медицинские работники, если человек скончался под их наблюдением; государственные служащие (Benenson et al., 2003). Также в качестве уведомителей называются священнослужители, капелланы (в некоторых штатах США). Это позволяет предположить, что в большинстве стран отсутствует нормативная правовая база, однозначно регламентирующая подход к вопросу об уведомлении о смерти. Вопросы стандартизации практики сообщения о смерти освещены в докладе Элизабет Пелсез (Ministere de la Justice, 2019), в котором обозначена необходимость создания алгоритма, универсального свода правил, который был бы закреплен на уровне межведомственной инструкции (Ministere de la Justice, 2019). В докладе был проанализирован опыт специалистов, задействованных в работе с семьями погибших и определены основные зоны риска ретравматизации. По мнению зарубежных коллег, к последним, помимо сообщения о смерти, сюда входят сопровождение осмотра тела, возврат личных вещей погибшего и уборка помещения, если трагедия произошла дома. Также сообщается о «бестактных

Анна Андреевна Соколова —
заместитель начальника отдела ФКУ ЦЭПП МЧС России
ORCID:0000-0003-2469-365X

Anna A. Sokolova —
Deputy Head of Department EMERCOM Center for Emergency Psychological Aid of Russia
ORCID:0000-0003-2469-365X

Евгения Владимировна Курилова —
и.о. заместителя начальника отдела ФКУ ЦЭПП МЧС России
ORCID: 0000-0001-8121-0509
<https://istina.msu.ru/profile/EVKurilova/>

Evgenia V. Kurilova —
acting deputy head of department EMERCOM Center for Emergency Psychological Aid of Russia
ORCID: 0000-0001-8121-0509

Маргарита Евгеньевна Кармилова —
психолог 2 категории ФКУ ЦЭПП МЧС России
ORCID: 0000-0002-5282-6117
<https://istina.msu.ru/profile/KarME/>

Margarita E. Karmilov —
psychologist of the 2nd category EMERCOM Center for Emergency Psychological Aid of Russia
ORCID: 0000-0002-5282-6117

действиях» средств массовой информации, которые усиливают психологическую травму жертв катастроф и других происшествий.

Опрошенные специалисты-практики сходятся во мнении, что универсальный алгоритм сообщения должен включать в себя «одновременно уважение к близким погибшего, поддержку в период потрясения и результативность их как специалистов» (Ministere de la Justice, 2019, p.6). Подчеркивается необходимость получения специалистами дополнительного образования для отработки алгоритма и формирования готовности к его выполнению. Важно не только грамотно сообщить о смерти, но и корректно реагировать

В большинстве стран, где на данный момент существует возможность получения человеком, попавшим в экстремальную ситуацию, психологической помощи и поддержки, такой вид деятельности имеет своими истоками волонтерские и добровольческие движения. При этом специалисты экстренных служб дополнительно обучались навыкам оказания психологической поддержки.

на острые стрессовые реакции. Также подчеркивается важность скоординированной работы всех задействованных служб.

Французские коллеги ссылаются на исследование, проведенное в форме интервью с семьями погибших. Беседа велась в отсроченный период, примерно по прошествии одного года. Родственники умерших поделились воспоминаниями, описали свое состояние и то, что было для них значимо в тот момент. По результатам данного исследования делается вывод, что само сообщение должно быть максимально продуманным, с учетом «психологических механизмов, связанных с переживанием горя и скорби» (Ministere de la Justice, 2019, p. 38).

В качестве основных значимых параметров уведомления выделяют:

1. Место, где будет происходить разговор. Оно должно быть, по возможности, спокойное и доступное, следует избегать сообщения о смерти по телефону или в письменной форме.
2. Уведомление стоит проводить специалистам парами, например, представитель администрации и социальный работник, тот же представитель и психолог и т.п.
3. Поведение уведомителя. Оно предполагает сочувствие, постепенность, официальность.
4. Правильный подбор слов. Необходимо постепенно, но однозначно донести сообщение, которое состоит из четырех частей: уведомление о факте смерти, уведомление об обстоятельствах смерти (несчастный случай, убийство, террористическая атака), уведомление о причине смерти (остановка сердца, убийство, самоубийство) и, наконец, оказание помощи в период процесса горевания (информация, советы, ресурсы сайтов).
5. Обстоятельства смерти. Надо обратить внимание на реакцию на них с целью определения риска «подражания» (в случае самоубийства).
6. Междисциплинарная поддержка, которая носит глобальный и проактивный характер. Она пред-

полагает привлечение специалистов различного профиля (семейные врачи, врачи больницы, психологи, особенно при организации похорон) и друзей.

Придавая особое значение сообщению о смерти, разработчики алгоритмов осознают, что регламентированные рекомендации не будут полностью соответствовать ожиданиям всех семей и родственников погибших. Но они надеются добиться значительных положительных изменений в этом процессе за счет реализации координации действий различных вовлеченных министерств и всех заинтересованных сторон, которые оказывают поддержку жертвам.

В большинстве стран, где на данный момент существует возможность получения человеком, попавшим в экстремальную ситуацию, психологической помощи и поддержки, такой вид деятельности имеет своими истоками волонтерские и добровольческие движения.

При этом специалисты экстренных служб дополнительно обучались навыкам оказания психологической поддержки.

Психологическая помощь пострадавшим в чрезвычайных ситуациях в России

Познакомившись с опытом зарубежных коллег, мы выявили, что существует ряд аспектов, которые справедливы и для нашего государства и являются составляющими системного подхода в области оказания помощи пострадавшим. Однако важно заметить, что имеется и значимое отличие — в нашей стране существует система оказания экстренной психологической помощи пострадавшим в чрезвычайных ситуациях (далее — ЧС) различного масштаба, началом становления которой стало создание профессиональной службы в составе МЧС России (Шойгу, 2005, 2012, 2016). Важно обратить внимание, что развитие данной области практической психологии в Российской Федерации и некоторых других странах (например, Франции, США и др.) имеет принципиальные базовые отличия.

Здесь нам представляется важным развести содержательно два термина, между которыми часто, даже в профессиональном сообществе, можно заметить смешение, в том числе по причине не всегда достоверного перевода с иностранных языков:

- психологическая поддержка (psychological support) – набор простых приемов помощи и самопомощи, которые включены в алгоритм оказания первой помощи. Оказывать ее имеет право любой человек, прошедший специальную подготовку, в том числе не имеющий профильного психологического образования (Шойгу и др., 2019);
- экстренная психологическая помощь (emergency psychological aid) пострадавшим в ЧС и их близким – это целостная система мероприятий, направленных на оптимизацию актуального психи-

ческого состояния пострадавших, родственников и близких погибших и пострадавших в условиях ЧС, на снижение рисков возникновения массовых негативных реакций и на профилактику отдаленных негативных психических последствий. Она включает в себя как отдельные специальные методы психологического воздействия, так и организацию особой среды, окружающей пострадавших, родственников и близких погибших и пострадавших в ЧС в процессе ликвидации последствий ЧС (Об утверждении порядка оказания ..., URL: <https://base.garant.ru/55172473>; Экстренная психологическая помощь ..., 2012).

Развитие системы оказания психологической помощи пострадавшим в ЧС в нашем государстве изначально началось с создания профессиональной службы (Вопросы Министерства Российской Федерации по делам ..., URL: <https://base.garant.ru/187212>), состоящей из специалистов с профильным психологическим образованием. В их обязанности включены задачи по организации и практической реализации мероприятий по оказанию экстренной психологической помощи пострадавшим, то есть комплекса мероприятий, осуществляемого с первых минут после произошедшего трагического события и до момента завершения сопровождения в острый период.

Направления деятельности специалистов включают не только оказание собственно психологической помощи, но и участие в реализации ряда организационных мер, направленных на оптимизацию психоэмоционального состояния человека. В целях полноценной реализации задач, специалист дополнительно анализирует специфику ситуации, особенности актуального психоэмоционального состояния человека, возможные социально-психологические риски.

К основным задачам специалистов психологической службы МЧС России можно отнести (Экстренная психологическая помощь ..., 2012; Шойгу и др., 2019):

- экспертная работа при организации мероприятий с участием пострадавших;
- создание психологической обстановки, обеспечивающей оптимальные условия для проведения аварийно-спасательных и неотложных работ;
- снижение интенсивности острых реакций на стресс у пострадавших, а также у родственников и близких погибших и пострадавших, оптимизация их актуального психического состояния;
- снижение риска возникновения массовых негативных реакций;
- профилактика возникновения у пострадавших, у родственников и близких погибших и пострадавших отдаленных психических последствий в результате воздействия травмирующего события.

Вместе с тем с 2012 года активно развивается система межведомственного взаимодействия, обеспечивающая психологическое сопровождение пострадавших

в ЧС. В эту систему включено оказание экстренной психологической помощи, реализуемое силами специалистов психологической службы МЧС России, и осуществление пролонгированного психологического сопровождения пострадавших силами психологов организаций субъектов РФ.

Говоря об оказании экстренной психологической помощи (далее — ЭПП) пострадавшим, мы всегда подразумеваем, что психолог работает с человеком, находящимся в остром эмоциональном состоянии, вызванном переживанием экстремальной ситуации. Состояние человека в первые часы после происшествия чаще всего можно охарактеризовать как «оглушенность». Такое состояние по тяжести близко к шоку. Однако, в отличие от шока, это состояние позволяет человеку сохранять способность поддерживать минимальный контакт с окружающими (Васильюк, 1991; Решетников, 2004; Экстренная психологическая помощь ..., 2012; Ворден, 2020). При этом частично утрачивается способность к регуляции поведения и целенаправленной деятельности. Эмоцио-

Направления деятельности специалистов включают не только оказание собственно психологической помощи, но и участие в реализации ряда организационных мер, направленных на оптимизацию психоэмоционального состояния человека. В целях полноценной реализации задач, специалист дополнительно анализирует специфику ситуации, особенности актуального психоэмоционального состояния человека, возможные социально-психологические риски.

нальные реакции могут быть притуплены или, наоборот, чрезмерно активны. Значительно возрастает вероятность межличностных конфликтов из-за того, что, с одной стороны человек высказывает мысли необдуманно и порой в достаточно резких формулировках. С другой стороны, такое состояние характеризуется повышенной восприимчивостью к словам и поступкам окружающих. Поэтому всем категориям специалистов рекомендовано тщательно подбирать слова и формулировки при общении с людьми, находящимися в остром эмоциональном состоянии. Острота восприимчивости может приводить к тому, что неосторожно сказанное слово может усугубить и без того сложное психологическое состояние — спровоцировать острую стрессовую реакцию в данный момент или более тяжелые переживания в будущем. Существует риск того, что человек может неосознанно утвердиться в мысли, что никто из окружающих не способен разделить и понять его переживания, а склонность к генерализации в данном состоянии может лишить человека способности принять поддержку от людей, искренне готовых ее оказать.

В когнитивной сфере в большинстве случаев наблюдается резкое снижение внимания или направленность его на травмирующую ситуацию. Нельзя не учитывать особенности протекания когнитивных процессов у пострадавших при организации оказания им экстренной психологической помощи, поскольку в определенное время им надо будет принимать ряд важных решений, участвовать в оформлении документов и в различных мероприятиях, обусловленных

спецификой развития той или иной ситуации (следственные действия, организация траурных мероприятий и пр.).

Когнитивные нарушения в большей степени связаны с мощной перегрузкой психики, которая вызвана попытками осознать произошедшее, порой приносящими субъективно невыносимые страдания, возникновением ощущения потери контроля над своей жизнью и тотальной беспомощности.

Когнитивные нарушения в большей степени связаны с мощной перегрузкой психики, которая вызвана попытками осознать произошедшее, порой приносящими субъективно невыносимые страдания, возникновением ощущения потери контроля над своей жизнью и тотальной беспомощности.

Направления работы специалистов по оказанию психологической помощи могут быть различны, они зависят от каждой конкретной ситуации. Однако содержательно можно выделить несколько блоков факторов, учет которых необходим при выборе эффективной стратегии оказания ЭПП.

Условно можно выделить три тематических блока:

1. Особенности ситуации.
2. Переживающий утрату (пострадавший).
3. Специалист.

Каждый из перечисленных блоков включает содержательные характеристики, которые авторами будут рассмотрены далее.

Особенности чрезвычайных ситуаций

Особенности каждой конкретной ситуации могут оказывать прямое влияние на то, каким образом будут организованы мероприятия по оказанию экстренной психологической помощи. Среди основных характеристик можно выделить следующие:

- Внезапность ситуации.

В случае ЧС, как правило, гибель людей происходит внезапно. Данное обстоятельство оказывает прямое влияние на эмоциональное состояние родственников и близких погибших, ухудшая его и значительно осложняя им принятие и переживание утраты.

- Завершенность/незавершенность ситуации.

По степени завершенности ситуация может быть завершенной или длящейся. При завершенных ЧС (происшествиях), как правило, информация о гибели или наличии выживших (например, при ДТП, аварии) появляется достаточно быстро. Однако бывают ситуации, при которых поисково-спасательные работы могут длиться достаточно долго (например, аварии на шахтах, поиск туристической группы в природной зоне и т.п.). В таких обстоятельствах судьба близкого может оставаться неизвестной длительный промежуток времени, у семьи отсутствует точная информация жив ли их близкий или погиб. Также возможны ситуации, когда проведение визуального опознания погибшего человека становится невозможным по причине сильного повреждения тела или значительной его фрагментации. В таких случаях идентификация личности погибшего может быть проведена с

помощью молекулярной генетической экспертизы, что также влияет на длительность ожидания. Например, при авиакатастрофе самолета Ан-148 «Москва — Орск», произошедшей в 2018 году, в связи с колоссальным разрушением воздушного судна и сильнейшей фрагментацией тел погибших мероприятия по идентификации продлились более восьми месяцев. На протяжении всего этого периода семьи погибших находились в ситуации незавершенности, что, безусловно, негативно сказывалось на их актуальном психоэмоциональном состоянии. Данные обстоятельства требуют внимания со стороны специалиста, так как они оказывают воздействие, усугубляющее тяжесть

состояния и динамику переживаний родственников погибших.

- Масштаб ситуации.

Важным обстоятельством является характеристика масштаба ситуации, а именно — повлекла ли ситуация массовую гибель людей или случай смерти единичен. Например, в ситуации, повлекшей гибель большого числа людей, масштаб может быть как отягощающим фактором, усугубляющим тяжесть переживания, так и фактором, помогающим пострадавшим снизить субъективное восприятие уникальности происходящего («мы такие не одни»).

- Общественный резонанс.

Уровень общественного резонанса ситуации, распространенность информации в СМИ, социальных сетях и пр. приводят, с одной стороны, к расширению круга эмоционально вовлеченных людей, а значит, и к увеличению риска возникновения массовых негативных реакций, а с другой стороны, может приводить к ухудшению психоэмоционального состояния членов семей пострадавших и погибших.

- Наличие прогнозируемого риска.

Информация о том, насколько было теоретически возможно прогнозировать риски возникновения экстремальной ситуации, ситуации угрозы жизни, может оказывать сильное влияние на состояние пострадавшего, на динамику переживания им утраты. Например, если человек погиб при исполнении служебного долга или осуществляя профессиональные обязанности в условиях повышенного риска, данные обстоятельства могут использоваться в качестве мощного фундамента психологического ресурса для переживания утраты при работе с семьей погибшего.

- Осведомленность, факт сообщения о гибели.

Одной из объективных характеристик конкретной ситуации является то, каким образом родственники узнали о гибели близкого. В современном мире скорость распространения информации огромна, и в ситуациях крупномасштабных ЧС при резонансных происшествиях, как правило, известие о трагедии появляется и распространяется через СМИ и социальные сети очень быстро. К сожалению, нередки случаи, когда в сети появляются списки погибших. В такой ситуации у специалистов нет возможности присутствовать рядом с человеком в момент получения им известия о гибели близкого. Иное возможное

развитие ситуации — сообщение доводится до близких официальными лицами (например, представителями правоохранительных или следственных органов, медицинскими работниками). В таком случае безусловно важным аспектом является тот факт, что близкие получают информацию из официального источника, и могут задать ряд интересующих вопросов специалистам.

- **Обстоятельства гибели.**

Как правило вопрос о том, как произошла гибель близкого, возникает у всех семей на разных этапах взаимодействия с официальными лицами. У членов семей появляется необходимость прояснения фактов, уточнения сопутствующих обстоятельств, поиска причин гибели родных. При внезапной гибели вследствие несчастного случая, чрезвычайной ситуации или происшествия часто члены семей спрашивают специалиста: было ли человеку больно, быстро ли все произошло и т.п. Данные вопросы, на наш взгляд, являются одним из показателей динамики процесса переживания, они предоставляют специалисту возможность установления и углубления контакта с родными погибших, а также могут служить им путем к поиску внутреннего ресурса переживания горя.

- **Возможность оказания психологической помощи.**

Ограничения возможностей оказания психологической помощи могут быть обусловлены особенностями реализации следственных мероприятий (например, нуждающийся в психологической помощи недоступен для специалистов в силу специфики ведения следствия) либо особенностями функционирования социального окружения пострадавшего (например, один из членов семьи препятствует вступлению в контакт со специалистом другим членам семьи, нуждающимся в помощи).

Данный перечень характеристик различных чрезвычайных ситуаций рот оказания экстренной психологической помощи является основным, но не исчерпывающим, поскольку при определенных обстоятельствах отдельно взятая ситуация может обладать рядом уникальных особенностей, которые будут оказывать влияние на выбор стратегии работы специалиста с горящим человеком. Специалисту важно оценивать каждую ситуацию, не пытаясь применять схемы, которые были успешными при иных обстоятельствах.

Особенности состояния переживающих утрату (пострадавших)

Особенности состояния человека, который переживает утрату, являются основополагающими для специалиста, он ориентируется индивидуально на каждого конкретного пострадавшего при выборе методов и техник оказания экстренной психологической помощи. Так как утрата близкого является стрессовой ситуацией, то за основу такого выбора

берутся именно особенности, вызванные стрессом. Проявление этих особенностей можно наблюдать в нескольких сферах: когнитивной, эмоциональной, поведенческой, социальной (Китаев-Смык, 2012; Экстренная психологическая помощь ..., 2012).

Говоря о когнитивной сфере, следует начать с того, что в стрессовой или травматической ситуации страдают в первую очередь такие базовые функции, как память и внимание (Schwabe et al., 2012). Эти изменения можно объяснить не только нейромедиаторными факторами, но и особенностью ситуации и эмоциональным напряжением, с которым сталкивается человек. Так, например, в начале развития стрессовой реакции, когда происходит мобилизация организма, человек демонстрирует сужение сознания,

Перечень характеристик различных чрезвычайных ситуаций рот оказания экстренной психологической помощи является основным, но не исчерпывающим, поскольку при определенных обстоятельствах отдельно взятая ситуация может обладать рядом уникальных особенностей, которые будут оказывать влияние на выбор стратегии работы специалиста с горящим человеком.

которое характеризуется тоннельным восприятием, повышением порогов восприятия, изменением восприятия времени, нарушениями кратковременной памяти (Фомина и др., 2019).

Стрессовая ситуация приводит к нарушению эмоциональной регуляции, что провоцирует возникновение острых реакций: плач, агрессивные и истероидные реакции, страх, двигательное возбуждение, нервная дрожь, апатия. Они нормальны для такой ситуации, но не всегда встречают понимание окружающих (Экстренная психологическая помощь ..., 2012). Важно помнить, что эмоциональные реакции человека, переживающего стресс и утрату, могут развиваться по синусоиде — периоды возбуждения и активации будут сменяться периодами пассивности и апатии (Китаев-Смык, 2009). Важно помнить, что реакции, их сочетание и динамика развития индивидуальны и в схожих обстоятельствах могут кардинально различаться у разных пострадавших.

В поведенческой и социальной сферах могут проявляться значительные изменения по сравнению с тем, как человек вел себя и общался ранее (Судаков, 2006). Для периода острого переживания характерно нарушение способности выстраивать и поддерживать социальные контакты, человеку может быть гораздо сложнее вступать во взаимодействие с людьми.

Перечисленные нами особенности состояния человека, переживающего стресс, достаточно подробно описаны в различной литературе и являются объектом работы специалистов психологической службы МЧС России (Линдемманн, 1984; Решетников, 2004; Ворден, 2020). Взаимодействие с пострадавшими и родственниками погибших и пострадавших в условиях ЧС всегда выстраивается с учетом эмоциональных, когнитивных и поведенческих особенностей, характерных для периода переживания острого горя.

Однако важно обращать внимание на существование личностных особенностей человека, которые ока-

зывают значительное влияние на развитие типичных реакций и, следовательно, требуют индивидуального подхода со стороны специалиста. Личностные особенности обусловлены историей жизни человека, его

Важно обращать внимание на существование личностных особенностей человека, которые оказывают значительное влияние на развитие типичных реакций и, следовательно, требуют индивидуального подхода со стороны специалиста. Личностные особенности обусловлены историей жизни человека, его типом реагирования, продолжительностью нахождения в стрессовой ситуации, уровнем социальной поддержки со стороны родных и близких, эмоциональной близостью человека с погибшим и многим другим

типом реагирования, продолжительностью нахождения в стрессовой ситуации, уровнем социальной поддержки со стороны родных и близких, эмоциональной близостью человека с погибшим и многим другим. Специалист-психолог, вступая в контакт с родственниками погибшего, оценивает эти аспекты, что позволяет ему наиболее эффективно выбрать способ взаимодействия, подобрать методы и техники оказания психологической помощи, оценить возможные риски и составить возможный прогноз динамики изменения психоэмоционального состояния.

Особенности личности специалистов, оказывающих помощь

При оказании экстренной психологической помощи при переживании утраты важную роль играет не только оценка объективных обстоятельств ситуации, учет актуального психоэмоционального состояния человека, но и личность самого специалиста, взаимодействующего с пострадавшим.

Деятельность специалиста психологической службы МЧС России базируется на основных этических принципах, включающих такие характеристики, как профессиональная и личностная позиция специалиста, знания, умения и навыки, профессионально-важные качества и опыт (Карапетян, 2018). Если наполнение показателей знаний, умений и навыков, профессионально-важных качеств и опыта специалиста достаточно очевидно, то такие компоненты, как профессиональная и личностная позиция психолога, осуществляющего работу с пострадавшими в состоянии острого горя, следует рассмотреть более подробно.

Профессиональная позиция специалиста представляет собой целостное образование, характеризующееся способом самоопределения психолога в деятель-

Профессиональная позиция и личностные особенности всегда оказывают влияние на взаимодействие с людьми, потерявшими близких. Такое влияние может оказаться как положительным, так и отрицательным.

ности, и составляет совокупность таких показателей, как установки и ориентации специалиста при реализации профессиональных задач, система отношений к выполняемой деятельности и оценок ее, уровень притязаний, предполагаемые перспективы профес-

сионального развития и мотивы профессиональной деятельности. Формирование профессиональной позиции специалиста тесно связано с мотивационно-смысловыми аспектами профессиональной деятельности, включающими осознание смысла и ценности выполняемой деятельности. Если мотивационный аспект профессиональной деятельности специалиста не соответствует выполняемой им деятельности, такое смещение может привести к искажениям в структуре профессиональной позиции.

Личностная позиция психолога включает такие показатели, как личное отношение к происходящей ситуации, опыт специалиста, его характерологические особенности, актуальное состояние, его представления о смерти и утрате и отношение к этим феноменам. Кроме этого, можно выделить такую характеристику, как личностная готовность к оказанию экстренной психологической помощи и работе с человеком, находящимся в состоянии переживания острого горя.

Профессиональная позиция и личностные особенности всегда оказывают влияние на взаимодействие с людьми, потерявшими близкими. Такое влияние может оказаться как положительным, так и отрицательным. Поэтому профессиональная и личностная позиция являются значимыми предопределяющими частями этической стороны деятельности специалиста психолога, оказывающего помощь людям, потерявшим близких и находящимся в состоянии острого горя.

Заключение

Зарубежными коллегами поднимается вопрос важности и необходимости создания специальных групп специалистов, в обязанности которых будет входить взаимодействие с родственниками погибшего. Подчеркивается, что такие задачи должны быть закреплены нормативно, а специалисты проходить обучение, профильную подготовку и обладать знаниями и навыками для работы в подобных ситуациях.

В нашей стране эта часть системы оказания помощи пострадавшим уже создана, и задачи психологического сопровождения людей в случае гибели близких в ЧС реализуются в рамках системы оказания экстренной психологической помощи пострадавшим, родственникам и близким пострадавших и погибших в ЧС. Активно развивается система межведомственного взаимодействия, обеспечивающая психологическое сопровождение пострадавших в ЧС. В эту систему, делая ее цельной, на I этапе входит оказание экстренной психологической помощи, реализуемое силами специалистов психологической службы МЧС России, II этапом является осуществление пролонгированного психологического сопровождения постра-

давших силами психологов организаций, входящих в структуру РСЧС, на территории субъектов РФ.

Направления работы специалистов психологической службы МЧС России включают в себя как непосредственно оказание психологической помощи, так и мероприятия, направленные на организацию особой среды, окружающей пострадавших. Специалист анализирует специфику ситуации, особенности актуального психоэмоционального состояния человека, возможные социально-психологические риски.

Важной составляющей планирования и реализации мероприятий по оказанию помощи человеку, переживающему утрату, в том числе в острый период, является оценка факторов, которые могут оказывать влияние на актуальную ситуацию в целом. Авторами выделены и содержательно описаны такие параметры как: объективные характеристики ситуации, личностные особенности и способы реагирования пострадавшего, переживающего утрату и индивидуальные характеристики самого специалиста, оказывающего помощь. Интерпретация взаимосвязи и влияния этих характеристик на динамику состояния

человека, переживающего утрату, дают возможность психологу выбрать наиболее эффективную стратегию оказания помощи.

Нам видится важным обратить внимание, что при оказании экстренной психологической помощи, психологической поддержки и взаимодействии с че-

Авторами выделены и содержательно описаны такие параметры как: объективные характеристики ситуации, личностные особенности и способы реагирования пострадавшего, переживающего утрату и индивидуальные характеристики самого специалиста, оказывающего помощь. Интерпретация взаимосвязи и влияния этих характеристик на динамику состояния человека, переживающего утрату, дают возможность психологу выбрать наиболее эффективную стратегию оказания помощи.

ловеком, находящимся в остром эмоциональном состоянии, важную роль играет не только ситуация и особенности самого пострадавшего, но и личность специалиста, оказывающего помощь. Основой успешной реализации задач при оказании помощи человеку является не только совокупность устойчивых профессиональных знаний и опыта психолога, но и такая важная составляющая как «этика», включающая сочетание личностных характеристик и сформированной профессиональной позиции специалиста.

Литература:

- Василюк Ф.Е. Пережить горе // О человеческом в человеке. Москва, 1991. С. 230–247.
- Вопросы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (с изменениями и дополнениями) : Указ Президента РФ от 11 июля 2004 г. № 868. [Электронный ресурс] // Гарант : [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/187212/> (дата обращения 20.12.2020).
- Ворден В. Консультирование и терапия горя: пособие для специалистов в области психического здоровья. Москва : Центр психологического консультирования и психотерапии, 2020. 330с.
- Карапетян Л.В. Готовность психологов к оказанию экстренной психологической помощи: возможности диагностики и формирования // Современные технологии обеспечения гражданской обороны и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. 2018. № 1 (9). С. 196–198.
- Китаев-Смык Л.А. Организм и стресс: стресс жизни и стресс смерти. Москва: Смысл, 2012. 570 с.
- Китаев-Смык Л.А. Психология стресса: психологическая антропология стресса. Москва : Академический проект, 2009. 943 с.
- Линдемманн Э. Клиника острого горя // Психология эмоций / под ред. В.К. Вилюнаса, Ю.Б. Гиппенрейтер. Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1984. 288 с.
- О единой государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций: Постановление Правительства РФ от 30.12.2003 № 794. [Электронный ресурс] // Гарант : [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/186620> (дата обращения 20.12.2020);
- Об утверждении порядка оказания экстренной психологической помощи пострадавшему населению в зонах чрезвычайных ситуаций и при пожарах : Приказ МЧС РФ от 20 сентября 2011 г. № 525. [Электронный ресурс] // Гарант : [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/55172473> (дата обращения 20.12.2020).
- Решетников М.М. Общие закономерности в динамике состояния, поведения и деятельности людей в экстремальных ситуациях с витальной угрозой: отдаленные последствия и реабилитация пострадавших // Вестник психотерапии. 2004. № 12. С. 97–111.
- Судаков К.В. Социальные и биологические аспекты психоэмоционального стресса: пути защиты от его нежелательных последствий // Вестник Международной академии наук. Русская секция. 2006. № 1. С. 8–14.
- Фомина Е.В., Оленко Е.С., Кодочигова А.И., Филиппов Д.Ю. Влияние стресса на когнитивные способности здорового человека: нейрофизиологические аспекты // Психосоматические и интегративные исследования. 2019. Т. 5. № 4. С. 402–406.
- Шойгу Ю.С. Организация деятельности психологической службы МЧС России // Национальный психологический журнал. 2012. № 1 (7). С. 131–133.
- Шойгу Ю.С. Психологическая служба МЧС России: актуальное состояние и перспективы развития // Профессиональное образование. Столица. 2016. № 3. С. 29–33.
- Шойгу Ю.С. Система сохранения психического здоровья в чрезвычайных ситуациях // От истоков к современности: 130 лет организации психологического общества при Московском университете : сборник материалов юбилейной конференции в 5 т. Т. 3 / отв. ред. Богоявленская Д.Б. Москва : Когито-Центр, 2005. С. 305–311.
- Шойгу Ю.С., Павлова М.В. Культурно-специфические и культурно-неспецифические реакции пострадавших в чрезвычайных ситуациях // Вестник СПбГУ. Сер. 12. 2010. № 1. С. 300–306.

- Шойгу Ю.С., Тимофеева Л.Н., Курилова Е.В. Организация и оказание экстренной психологической помощи детям, пострадавшим в чрезвычайных ситуациях (на примере работы специалистов психологической службы МЧС России в школе № 127 г. Пермь) // Национальный психологический журнал. 2019. № 2 (34). С. 55–63. doi: 10.11621/npj.2019.0210;
- Шойгу Ю.С., Толубаева Н.В., Тимофеева Л.Н. Особенности организации и оказания экстренной психологической помощи при различных чрезвычайных ситуациях на территории Российской Федерации // Устный доклад на XVI Европейском психологическом конгрессе, Москва, 2–5 июля 2019. URL: <https://istina.msu.ru/conferences/presentations/233649834/> (дата обращения 30.04.2021)
- Шойгу Ю.С., Филиппова М.В. Этические аспекты экстренной психологической помощи представителям разных культур // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2015. № 3. С. 108–116. doi: 10.11621/vsp.2015.03.108
- Экстренная психологическая помощь: настольная книга психолога МЧС России / под ред. Ю.С. Шойгу. Москва, 2012. 320 с.
- Bacque, M-F. (2008). The notification of a death. *Studies on death*, 15 (134), 99–104;
- Ronald S. Benenson, MD, Marc L. Pollack, MD. (2003), PhD Evaluation of Emergency Medicine Resident Death Notification Skills by Direct Observation. *Acad emerg medd*, March, 10 (3), 219–223. doi: 10.1111/j.1553-2712.2003.tb01994.x
- John H. Ehrenreich (2001). *Coping with disasters. A guidebook to psychosocial intervention.* (Revised Edition). October.
- Laborie, J-M., Haegel, A., Carli, P. (2002). Notifying the family of a death in the context of hospital and pre-hospital emergencies. *European Emergency Journal*, 15, 5–14.
- Lupien, S., McEwen, B., Gunnar, M., & Heim, C. (2009). Effects of stress throughout the lifespan on the brain, behaviour and cognition. *Nature Reviews Neuroscience*, 10 (6), 434–445. doi:10.1038/nrn2639;
- Richard J. McNally, Richard A. Bryan and Anke Ehlers (2003). Does early psychological intervention promote recovery from posttraumatic stress? *Psychological science in the public interest*, 4 (2) November, 44–78. doi: 10.1111/1529-1006.01421
- Ministere de la Justice (2019). How can we improve the death notification process. Delegation interministerielle a l'aide aux victimes. *Ministere de la justice de la Republique Française*. Septembre. 48. [сайт]. URL: <http://www.justice.gouv.fr/delegation-interministerielle-daide-aux-victimes-12894/remise-du-rapport-comment-ameliorer-lannonce-des-deces-32719.html> (дата обращения 27.04.2021);
- Parrish G, Holdren K, Skiendzielewski J, Lumpkin O. (1987). Emergency department experience with sudden death: a survey of survivors. *Ann Emerg Med*. doi: 10.1016/S0196-0644(87)80577-2
- Josef I. Ruzek, Melissa J. Brymer, Anne K. Jacobs, Christopher M. Layne, Eric M. Vernberg, Patricia J. Watson (2007). Psychological First Aid. *Journal of Mental Health Counseling*, 29 (1) January, 17–49. doi: 10.17744/mehc.29.1.5racqxjueafabgwp
- Ombres R., Montemorano L., Becker D. (2017). Death Notification: Someone Needs To Call the Family. *Journal of palliative medicine*, 20 (6), 672–675. doi: 10.1089/jpm.2016.0481
- Schwabe, L., Joels, M., Roozendaal, B., et al. (2012). Stress effects on memory: An update and integration. *Neurosci Biobehav Rev.*, Aug; 36 (7), 1740–9. doi: 10.1016/j.neubiorev.2011.07.002;
- Gage Stermensky II and Robert R. Moss (2017). Cognitive symptoms and effects of stress. *Stress in the Modern World: Understanding Science and Society* Chapter: 12 Publisher: ABC-CLIO, January, pp. 95–103.

References:

- Bacque, M-F. (2008). The notification of a death. *Studies on death*, 15 (134), 99–104;
- Emergency psychological help: handbook of the Russian Ministry of Emergency Situations psychologist. Ed. by Yu.S. Shoigu. Moscow. 320 p. (In Russ.)
- Fomina E.V., Olenko E.S., Kodochigova A.I., Filippov D.Yu. (2019). Influence of stress on cognitive capacities of a healthy person: neuro-physiological aspects. *Psychosomatic and integrative studies. [Psikhosomaticheskie i integrativnyye issledovaniya]*, 5 (4), 402–406. (In Russ.)
- Gage Stermensky II and Robert R. Moss (2017). Cognitive symptoms and effects of stress. *Stress in the Modern World: Understanding Science and Society* Chapter: 12 Publisher: ABC-CLIO, January, pp. 95–103.
- Issues of the Russian Federal Ministry of Civil Defense, Emergency Situations and Disaster Management (with changes and amendments): Russian Federation Presidential Decree № 868, 11.07.2004. [Electronic resource] *Garant*: [site]. URL: <https://base.garant.ru/187212/> (accessed 20.12.2020). (In Russ.)
- John H. Ehrenreich (2001). *Coping with disasters. A guidebook to psychosocial intervention.* (Revised Edition). October.
- Josef I. Ruzek, Melissa J. Brymer, Anne K. Jacobs, Christopher M. Layne, Eric M. Vernberg, Patricia J. Watson (2007). Psychological First Aid. *Journal of Mental Health Counseling*, 29 (1) January, 17–49. doi: 10.17744/mehc.29.1.5racqxjueafabgwp
- Karapetyan L.V. (2018) Psychologists' preparation for providing emergency psychological help: opportunities for diagnostics and development. *Modern technologies of ensuring civil defense and natural disaster management. [Sovremennye tekhnologii obespecheniya grazhdanskoj oborony i likvidatsii posledstviy chrezvychaynykh situatsii]*, 1 (9), 196–198. (In Russ.)
- Kitaev-Smyk L.A. (2009). Psychology of stress: psychological anthropology of stress. Moscow: Akademicheskii proekt. 943 p. (In Russ.)
- Kitaev-Smyk L.A. (2012). Body and stress: life stress and death stress. Moscow: Smysl. 570 p. (In Russ.)
- Laborie, J-M., Haegel, A., Carli, P. (2002). Notifying the family of a death in the context of hospital and pre-hospital emergencies. *European Emergency Journal*, 15, 5–14.
- Lindemann E. (1984). Clinical manifestations of acute grief. *Psychology of emotion. [Psikhologiya emotsii]*, ed. by V.K. Vilyunasa, Yu.B. Gippenreiter. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta. 288 p. (In Russ.)
- Lupien, S., McEwen, B., Gunnar, M., & Heim, C. (2009). Effects of stress throughout the lifespan on the brain, behaviour and cognition. *Nature Reviews Neuroscience*, 10 (6), 434–445. doi:10.1038/nrn2639;

- Ministere de la Justice (2019). How can we improve the death notification process. Delegation interministerielle a l'aide aux victimes. Ministère de la justice de la République Française. Septembre. 48. [сайт]. URL: <http://www.justice.gouv.fr/delegation-interministerielle-daide-aux-victimes-12894/remise-du-rapport-comment-ameliorer-lannonce-des-deces-32719.html> (дата обращения 27.04.2021)
- Ombres R., Montemorano L., Becker D. (2017). Death Notification: Someone Needs To Call the Family. *Journal of palliative medicine*, 20 (6), 672–675. doi: 10.1089/jpm.2016.0481
- On a unified state system of prevention and management of disasters: Russian Federation Government Decree № 794, 30.12.2003. [Electronic resource] Garant: [site]. URL: <https://base.garant.ru/186620> (accessed 20.12.2020); (In Russ.)
- On establishing the procedure of providing emergency psychological help to survivors in zones of natural disasters and fires. Order of the Russian Ministry of Emergency Situations № 525, 20.09.2011. [Electronic resource] Garant: [site]. URL: <https://base.garant.ru/55172473> (accessed 20.12.2020). (In Russ.)
- Parrish G., Holdren K, Skiendzielewski J, Lumpkin O. (1987). Emergency department experience with sudden death: a survey of survivors. *Ann Emerg Med*. doi: 10.1016/S0196-0644(87)80577-2
- Reshetnikov M.M. (2004). General patterns in the dynamics of state, behaviour and activity of people in emergency and life-threatening situations: long-term consequences and rehabilitation of survivors. *Bulletin of psychotherapy. [Vestnik psikhoterapii]*, 12, 97–111. (In Russ.)
- Richard J. McNally, Richard A. Bryan and Anke Ehlers (2003). Does early psychological intervention promote recovery from posttraumatic stress? *Psychological science in the public interest*, 4 (2) November, 44–78. doi: 10.1111/1529-1006.01421
- Ronald S. Benenson, MD, Marc L. Pollack, MD. (2003), PhD Evaluation of Emergency Medicine Resident Death Notification Skills by Direct Observation. *Acad emerg med*, March, 10 (3), 219–223. doi: 10.1111/j.1553-2712.2003.tb01994.x
- Schwabe, L., Joels, M., Roozendaal, B., et al. (2012). Stress effects on memory: An update and integration. *Neurosci Biobehav Rev.*, Aug; 36 (7), 1740–9. doi: 10.1016/j.neubiorev.2011.07.002;
- Shoigu Yu.S. (2005). System of preserving mental health in emergency situations. *From origins to modernity: 130 years from the establishment of psychological society at Moscow university. Proceedings of anniversary conference, 5 vols. Vol. 3. Ed. by D.B. Bogoyavlenskaya*. Moscow: Kogito-Tsentr, pp. 305–311. (In Russ.)
- Shoigu Yu.S. (2012). Organizing the activity of psychological services within the Russian Ministry of Emergency Situations. *National journal of psychology. [Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal]*, 1 (7), 131–133. (In Russ.)
- Shoigu Yu.S. (2016). Psychological service of the Russian Ministry of Emergency Situations: actual state and perspectives of development. *Professional education. The capital. [Professional'noe obrazovanie. Stolitsa]*, 3, 29–33. (In Russ.)
- Shoigu Yu.S., Filippova M.V. (2015). Ethical aspects of emergency psychological help to people with different cultural backgrounds. *Bulletin of Moscow university. Series 14. Psychology. [Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya]*, 3, 108–116. (In Russ.). doi: 10.11621/vsp.2015.03.108
- Shoigu Yu.S., Pavlova M.V. (2010). Cultural-specific and non cultural-specific reactions of emergency situation survivors. *Bulletin of Saint Petersburg University. Series 12. [Vestnik SPbGU. Ser. 12.]*, 1, 300–306. (In Russ.)
- Shoigu Yu.S., Timofeeva L.N., Kurilova E.V. (2019). Organizing and providing emergency psychological help to children who survived emergency situations (the example of specialists from the psychological service of the Russian Ministry of Emergency Situations who worked in school №127, the city of Perm'). *National journal of psychology. [Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal]*, 2 (34), 55–63. doi: 10.11621/npj.2019.0210; (In Russ.)
- Shoigu Yu.S., Tolubaeva N.V., Timofeeva L.N. (2019). Features of organizing and providing emergency psychological help in different kinds of emergency situations within the Russian Federation. Oral report at the XVI European psychological congress. Moscow, July 2–5, 2019. URL: <https://istina.msu.ru/conferences/presentations/233649834/> (accessed 20.12.2020). (In Russ.)
- Sudakov K.V. (2006). Social and biological aspects of psycho-emotional stress: ways of preventing its negative consequences. *Bulletin of International Academy of sciences. Russian section. [Vestnik Mezhdunarodnoi akademii nauk. Russkaya sektsiya]*, 1, 8–14. (In Russ.)
- Vasilyuk E.E. (1991). Overcoming grief. *On the humane in human beings. [O chelovecheskom v cheloveke]*, Moscow. pp. 230–247. (In Russ.)
- Vorden V. (2020). Consulting and therapy of grief: handbook for specialists in mental health care. Moscow: Tsentr psikhologicheskogo konsul'tirovaniya i psikhoterapii. 330 p. (In Russ.)

Оригинальная статья

УДК 159.964, 616.8(075)
doi: 10.11621/npj.2021.0111

Нейропсихология бессознательного: современное состояние проблемы

Н.А. Хохлов*, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

ORCID: 0000-0003-0748-7547

Е.Д. Федорова, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

ORCID: 0000-0001-6276-6894

Для контактов. E-mail: nkhokhlov@psychmsu.ru

Актуальность (контекст) тематики статьи. Сфера бессознательного включает в себя множество феноменов, оказывающих значительное влияние на поведение человека и его познавательную деятельность. Хотя важность учета бессознательного очевидна для большинства психотерапевтов, в нейропсихологии его роль явно недооценивается. В связи с этим, представляет интерес современное состояние исследований мозговой организации бессознательных процессов.

Цель данного обзора состоит в описании современного состояния исследований мозгового обеспечения бессознательного в зарубежной и отечественной науке.

Описание хода исследования. Описывается разнообразие бессознательных явлений, приводятся распространенные точки зрения на соотношение сознания и бессознательного, обсуждается проблема свободы воли. Ставится вопрос о том, допускает ли исследовательская программа нейропсихологии изучение бессознательных явлений. Проводится анализ предмета нейропсихологии, рассматривается изменение взглядов А.Р. Лурии на психологию бессознательного. Приводятся примеры изучения мозгового обеспечения различных проявлений бессознательного, выполненных в рамках разных направлений психологии. Обсуждаются принципы, которых следует придерживаться при проведении нейропсихологических исследований бессознательного.

Выводы. В зарубежной нейронауке представлено множество исследований мозгового обеспечения бессознательных процессов. Лидирующие позиции в этой сфере занимают нейропсихоанализ и когнитивная нейронаука. В отечественной нейропсихологии бессознательное почти не исследуется из-за его несоответствия традиционному предмету исследования — высшим психическим функциям. Однако в современных условиях исследовательская программа нейропсихологии допускает изучение бессознательного. Представляется перспективным нейропсихологическое изучение бессознательных явлений с учетом их эволюционного предназначения.

Ключевые слова: исследовательская программа, нейропсихоанализ, когнитивное бессознательное, свобода воли, потенциал готовности, эволюционная нейропсихология.

Для цитирования: Хохлов Н.А., Федорова Е.Д. Нейропсихология бессознательного: современное состояние проблемы // Национальный психологический журнал. 2021. № 1 (41). С. 127–148. doi: 10.11621/npj.2021.0111

Поступила 7 мая 2020 / Принята к публикации 14 декабря 2020

Neuropsychology of the unconscious: current state of the problem

Nikita A. Khokhlov*, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-0748-7547

Elena D. Fyodorova, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-6276-6894

*Corresponding author. E-mail: nkhokhlov@psychmsu.ru

Introduction. The sphere of the unconscious includes many phenomena that have a strong influence on human behaviour and cognitive activity. Although the importance of taking into account the unconscious is evident to most psychotherapists, its role is visibly underestimated in neuropsychology. In this regard, the present state of research on brain organization of unconscious processes is of interest.

Objective. The review aims to describe the current state of research on brain mechanisms of the unconscious.

Procedure. The present paper describes a variety of unconscious phenomena. It also outlines widespread points of view on the correlation between consciousness and unconscious and discusses the freewill problem. The question posed is whether the research programme of neuropsychology allows studying the unconscious phenomena. The study analyses the subject matter of neuropsychology and discusses the historical change of A.R. Luria's views on psychology of the unconscious. The paper describes the studies of brain mechanisms underlying a variety of unconscious manifestations that have been conducted within different psychological schools. The aim is to consider the essential principles of neuropsychological research of the unconscious.

Conclusion. In foreign neuroscience there are numerous studies in the field of brain mechanisms of unconscious processes. Up to now, the leading positions in the sphere are taken by neuropsychanalysis and cognitive neuroscience. In Russian neuropsychology the unconscious is barely investigated because it does not comply with the traditional research object, that is, the higher mental functions. However, in the current conditions, the research programme of neuropsychology allows studying the unconscious. The paper highlights the advantages of investigating the unconscious phenomena from the neuropsychological standpoint considering its evolutionary purpose.

Keywords: research programme, neuropsychanalysis, cognitive unconscious, freewill, readiness potential, evolutionary neuropsychology

For citation: Khokhlov N.A., Fyodorova E.D. (2021). Neuropsychology of the unconscious: current state of the problem. National Psychological Journal [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal], 14 (1), 127–148. doi: 10.11621/npj.2021.0111

Received May 7, 2020 / Accepted for publication December 14, 2020

Сознание не является единственной формой психики. Помимо осознаваемых психических явлений существует бессознательное — неосознаваемые психические процессы, оказывающее заметное влияние на поведение человека. Научное изучение бессознательной психической жизни начал еще Г.В. Лейбниц в XVIII в., но мы до сих пор не имеем систематизированных знаний о том, какие мозговые механизмы обеспечивают протекание бессознательных процессов. Традиционное нейропсихологическое обследование не предполагает проведение диагностики бессознательных компонентов психики. Представляется важным описать сложившиеся к настоящему времени методы изучения мозгового обеспечения бессознательного, а также выделить методологические проблемы, затрудняющие проведение исследований в этой области. На основании этого обзора мы постараемся сформулировать основные принципы, которыми следует руководствоваться при проведении нейропсихологических исследований бессознательного.

Разнообразие бессознательных явлений

В большом психологическом словаре бессознательное определяется как «понятие, обозначающее совокупность психических образований, процессов и механизмов, в функционировании и влиянии которых субъект не отдает себе отчета» (Большой психологический ..., 2009, с. 64).

- Выделяют 5 классов проявлений бессознательного:
- 1) неосознаваемые побудители деятельности (мотивы и смысловые установки);
  - 2) неосознаваемые механизмы (в частности, механизмы фиксированной установки), обеспечивающие беспрепятственное выполнение привычных поведенческих автоматизмов и стереотипов;
  - 3) механизмы и процессы подпорогового восприятия объектов;
  - 4) надсознательные явления (неосознаваемые механизмы творческих процессов);
  - 5) структуры общественного бессознательного (неосознаваемые культурные нормы).

Представляется важным описать сложившиеся к настоящему времени методы изучения мозгового обеспечения бессознательного, а также выделить методологические проблемы, затрудняющие проведение исследований в этой области. На основании этого обзора мы постараемся сформулировать основные принципы, которыми следует руководствоваться при проведении нейропсихологических исследований бессознательного.

Кроме того, можно выделить описанные в конце XIX в. (Бехтерев, 1888; Жане, 2009) психические автоматизмы, являющиеся не полностью бессознательными, а скорее подсознательными процессами.

А.Г. Асмолов на основе принципов предметности и зависимости отражения от места отражаемого объекта в структуре деятельности выделяет «класс надындивидуальных надсознательных явлений; класс неосознаваемых побудителей деятельности (неосознаваемых мотивов и смысловых установок); класс неосознаваемых регуляторов действий и операций» (Асмолов, 1980, с. 47). А.В. Петровский отмечает, что понятие «психика» шире, чем понятие

Никита Александрович Хохлов — кандидат психологических наук, руководитель сектора нейропсихологии, психолог-разработчик научно-методического отдела Центра тестирования и развития «Гуманитарные технологии», докторант кафедры нейро- и патопсихологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

ORCID: 0000-0003-0748-7547

<https://istina.msu.ru/profile/nkhokhlov/>

Nikita A. Khokhlov — PhD in Psychological Sciences, head of the Neuropsychology Sector, developer psychologist at the Scientific and Methodical Department, Centre for Testing and Development “Gumanitarnye Tekhnologii” [Humanitarian Technologies], Moscow, Russia; doctoral candidate, Chair of Neuropsychology and Abnormal Psychology, Department of Psychology, Lomonosov Moscow State University

ORCID: 0000-0003-0748-7547

Федорова Елена Денисовна — студентка кафедры нейро- и патопсихологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

ORCID: 0000-0001-6276-6894

<https://istina.msu.ru/profile/ElenaFedorova/>

Elena D. Fyodorova — student, Chair of Neuropsychology and Abnormal Psychology, Department of Psychology, Lomonosov Moscow State University

ORCID: 0000-0001-6276-6894

«сознание», и указывает на то, что «бессознательное представляет собой такую форму отражения действительности, при которой утрачивается полнота ориентировки во времени и месте действия, нарушается речевое регулирование поведения» (Петровский, 1995, с. 379). По мнению О.В. Лавровой, «бессознательное онтологически определяется как бессубъектное присутствие психического, недоступное для сознательного наблюдения своим носителем, но доступное наблюдению извне (другим субъектом)» (Лаврова, 2010, с. 3).

В «Кратком словаре психоаналитических терминов» (сост. Е.Е. Соколова) бессознательное трактуется с другими акцентами: «1) в широком (“описательном”, по Фрейд) смысле — те содержания психической жизни, о наличии которых человек либо не подозревает в данный момент, либо не знает о них в течение длительного времени, либо вообще никогда не знал. Выделяются два вида так понимаемого бессознательного: предсознательное и собственно бессознательное; 2) в более строгом (“динамическом”) смысле бессознательным может быть названо только то, осознание чего, в отличие от предсознательного, требует значительных усилий или же вообще невозможно. Бессознательное в этом смысле может быть, по Фрейд, как самое “низкое” (безудержные сексуальные и агрессивные влечения Оно), так и самое “высокое” в душевной жизни (деятельность сверх-Я)» (Краткий словарь психоаналитических терминов, 1990, с. 440).

Из приведенных определений видно, что термин «бессознательное» используется в двух значениях. С одной стороны, это все известные виды психических явлений, не соответствующие критериям сознания. С другой стороны, можно выделить три уровня существования бессознательного: неосознаваемое, предсознательное и собственно бессознательное (Немов, 2017). Далее мы будем использовать термин «бессознательное» в первом значении, понимая под ним всю группу бессознательных явлений.

Примечательна позиция Е.А. Никитиной, расширяющей сформулированный С.Л. Рубинштейном принцип единства сознания и деятельности: «предлагается распространить область его действия на неосознаваемые процессы, т.е. бессознательное, и сформулировать принцип следующим образом: принцип единства сознания, бессознательного и деятельности. Он может быть также сформулирован как более общий принцип единства познания и деятельности» (Никитина, 2018, с. 186).

Участие бессознательных процессов в познавательной активности не вызывает сомнений. В 1970-х гг. под руководством Б. Либета были проведены эксперименты, показавшие, что преоторный потенциал (потенциал готовности) фиксируется примерно за 1 секунду до того, как человек осознает свое желание действовать (Libet, 2004). Результаты современных исследований показывают, что разница во времени может быть еще больше — до 10 секунд (Soon et al., 2008). Похожие идеи можно найти в работе А. Дамасио (Damasio, 1994), где описывается влияние неосозна-

ваемых эмоций и телесных ощущений на принятие якобы рациональных решений. В исследованиях А. Бекара и А. Дамасио с коллегами (Bechara et al., 1997; Bechara, Damasio, 2005) было показано, что неосознаваемые соматические реакции опережают осознанное принятие решения. Впрочем, в более поздних исследованиях (Trevena, Miller, 2010; Alexander et al., 2016; Schultze-Kraft et al., 2016) отмечено, что после возникновения потенциала готовности не всегда возникает превосходящее действие. Есть мнение, что непрерывная бессознательная обработка предшествует дискретному сознательному восприятию (Herzog et al., 2020). При принятии решения имеет место взаимодействие бессознательных и сознательных процессов.

Результаты подобных экспериментов затрагивают проблему свободы воли (Сериков, 2012; Harris, 2012; Swaab, 2014; Sjöberg, 2021). По-видимому, наша воля может быть как осознанной, так и бессознательной (Deecke, 2012). Т.Т. Хиллз отмечает, что не следует говорить о свободе воли и ее отсутствии как о бинарных оппозициях (Hills, 2019). Различные компоненты свободы воли обеспечиваются разными нейрокогнитивными механизмами, а их выраженность может быть измерена количественно. Эти механизмы позволяют оценивать случайные альтернативы и выбирать среди них наиболее подходящий вариант в соответствии с имеющимися целями и образом потребного будущего.

По мнению Дж. Капрары и Д. Сервона (Caprara, Cervone, 2000), сегодня мы больше знаем о бессознательных процессах, чем о механизмах, порождающих сознательный опыт. Мозговые основы сознания являются одной из самых обсуждаемых проблем в нейронауке (Tononi, Edelman, 1998; Seth et al., 2006; Sokolov, 2013; Penfield, 2015; Revonsuo, 2017; Berlucchi, Marzi, 2019; Хронические нарушения ..., 2020; McFadden, 2020; Redinbaugh et al., 2020; Савельев, 2021; Scheinin et al., 2021). По мнению Е.И. Николаевой, «в настоящее время нет единого определения сознания» (Николаева, 2021, с. 232).

В отечественной психологии представления о сознании весьма разнородны (Акопов, 2010). Интересны рассуждения В.М. Аллахвердова в предисловии к книге П. Жане «Психический автоматизм», отмечаящего, что «любая попытка однозначного определения сознания, к сожалению, обречена на провал, так как не может соответствовать сразу всем популярным значениям этого понятия» (Жане, 2009, с. 6). Возможно, понятие «сознание» не имеет реального денотата, а «проблема сознания» — это следствие возникновения и развития естественного языка в условиях мифологического мышления (введение философами термина «квалиа» проблему не решило). Сознательный опыт может рассматриваться как одна из иллюзий, возникающих при взаимодействии человеческого организма с окружающим миром (Metzinger, 2010; Sloman, Fernbach, 2017). Преобладание исследований сознания во многом определяется методическими сложностями изучения бессознательных процессов, поскольку при изучении пси-

хических явлений исследователю желательно иметь сознательный отчет испытуемого. Характерно, что бессознательное так и не получило устойчивого позитивного наименования — само слово «бессознательное» этимологически является оппозицией слова «сознание».

Возможна ли нейропсихология бессознательного?

Необходимо понять, допускает ли исследовательская программа нейропсихологии изучение бессознательных явлений. В данном контексте мы вслед за И. Лакатосом (Lakatos, 1976) понимаем под исследовательской программой непрерывный ряд или последовательность научных теорий.

А.Р. Лурия создавал нейропсихологию как результат пересмотра сложившихся в начале XX в. представлений о локализации психических функций в мозге. Предложив теорию системной и динамической локализации высших психических функций (ВПФ) и сделав ее методологической основой новой науки, он изначально ограничил область исследований именно высшими функциями. По мнению А.Р. Лурии, ВПФ «представляют собой сложные рефлекторные процессы, социальные по своему происхождению, опосредствованные по своему строению и сознательные, произвольные по способу функционирования» (Лурия, 1962, с. 29). В дальнейшем предмет нейропсихологии стал неотрывно связываться с понятием ВПФ (Хомская, 2010). Получается, что в определении предмета нейропсихологии содержится указание на то, что изучаемые психические явления должны быть сознательными и произвольными. В наше время клинические психологи признают, что

Нет оснований утверждать, что невозможность изучения мозговой организации бессознательного имманентно заложена в исследовательскую программу нейропсихологии. Слабая разработанность этой области обуславливается особенностями конъюнктуры и отсутствием методологии, позволяющей рассматривать бессознательные и сознательные явления как неразрывные части единой психической жизни.

«проблема соотношения произвольности, произвольности, постпроизвольности, осознанности, неосознаваемости относится к числу наиболее сложных, непонятных и интересных проблем психологии» (Круглый стол ..., 2012, с. 288). Наряду с сознательными и произвольными, бессознательными и произвольными могут существовать как неосознаваемые и произвольные, так осознаваемые и произвольные психические процессы. В современных учебниках по нейропсихологии (Бизюк, 2010; Баулина, 2018; Визель, 2021) уже нет явного указания на допустимость изучения только осознаваемых процессов. Признание социальности, опосредованности и произвольности ВПФ не исключает того, что они могут иметь бессознательные компоненты.

А.Р. Лурия так же считал, что нейропсихология не должна ограничиваться изучением тех психи-

ческих явлений, которые он сам успел изучить за три десятилетия. В конце книги «Основы нейропсихологии» он писал: «Естественно, что целый ряд разделов остается недостаточно разработанным, и, не имея собственных материалов, мы предпочли не включать их в эту книгу. К таким разделам относятся участие гипоталамических и таламических структур в организации психических процессов, и прежде всего эмоционального поведения, вопросы мозговой организации мотивов и потребностей, переживаний личности. К ним относится, наконец, роль глубоких структур мозга и правого полушария в организации психической деятельности» (Лурия, 2003а, с. 325).

Анализ исследований аффективных процессов, проведенных А.Р. Лурия в 20-е гг. XX в. (Лурия, 2002), показывает, что до разработки проблем нейропсихологии он уделял большое внимание изучению произвольных и неосознаваемых психических явлений. Известно, что до начала 1930-х гг. А.Р. Лурия профессионально занимался психоанализом и опубликовал несколько психоаналитических работ (Богданчиков, 2002; Лурия, 2003б). В начале 1930-х гг. он выступил с резким осуждением психоанализа, причем критиковал его за чрезмерный уход в биологический анализ личности, хотя до этого считал преимуществом психоанализа именно опору на материальные физиологические процессы. К. Каплан-Солмз и М. Солмз обращают внимание на то, что «менее чем через месяц после представления симпатизирующей дискуссии о метапсихологии Фрейда Лурия внезапно попросил освободить его от должности секретаря Русского психоаналитического общества. В течение ближайших 2 лет он самостоятельно вышел из состава общества. В это же время он выступил с раскисающей речью, в которой публично отрекся от психоанализа» (Каплан-Солмз, Солмз, 2016, с. 32). По мнению авторов, «показное отречение Лурия от психоанализа, несомненно, было результатом политического и идеологического давления, а не развитием его научного мышления» (Каплан-Солмз, Солмз, 2016, с. 33). В своей автобиографии А.Р. Лурия причиной этого отречения называет трансформацию собственных идей (Лурия, 1982). Предполагаем, что в действительности одна причина отказа от психоанализа дополняла другую.

Таким образом, нет оснований утверждать, что невозможность изучения мозговой организации бессознательного имманентно заложена в исследовательскую программу нейропсихологии. Слабая разработанность этой области обуславливается особенностями конъюнктуры и отсутствием методологии, позволяющей рассматривать бессознательные и сознательные явления как неразрывные части единой психической жизни. Далее мы покажем, что нейропсихологическое изучение бессознательных явлений принципиально возможно, хотя и реализуется в настоящее время в рамках весьма противоречивых подходов.

Нейропсихоаналитический подход к изучению мозговой организации бессознательного

Нейропсихоанализ — относительно новое направление в психологии, возникшее в конце XX в. Цель этого подхода — связать психодинамические идеи и понятия со специфическими психологическими функциями, обеспечиваемыми нейробиологическими механизмами, которые могут быть локализованы в конкретных областях головного мозга (Northoff, 2011). Здесь и далее термин «психодинамика» используется только в психоаналитическом смысле, обозначая взаимодействие внутренних и внешних психических сил, влияющих на поведение и состояние личности (Фрейд, 1990). Существует Международное нейропсихоаналитическое общество (Neuropsychoanalysis Association — NPSA), издающее научный журнал «Нейропсихоанализ» (Neuropsychoanalysis). Первые статьи по нейропсихоанализу стали выходить в 80-е гг. XX в., однако чаще всего они публикуются в психотерапевтических журналах, а не в журналах, ориентированных на нейронаучные исследования. Большинство нейропсихоаналитических работ представляют собой анализы индивидуальных случаев. Описывается как объективная картина нарушений, так и субъективный отчет пациента (Salas et al., 2017). Для нейропсихоанализа характерно смешение терминологии разных дисциплин, что может быть воспринято как методологическая вольность, ограничивающая их научное соотношение.

Основопологающей нейропсихоаналитической работой является книга К. Каплан-Солмз и М. Солмза «Клинические исследования в нейропсихоанализе. Введение в глубинную нейропсихологию» (Каплан-Солмз, Солмз, 2016). В первой части работы обсуждаются идеи З. Фрейда и А.Р. Лурия, которые легли в основу интеграции психоанализа и нейронауки. В качестве примера авторы рассматривают нейродинамические аспекты сновидений. При поражении теменных и лобных отделов мозга имеет место прекращение процесса сновидений, при поражении височно-затылочных отделов сновидения становятся не визуальными, при лобном лимбическом поражении происходит смешение сна и яви, при наличии очагов судорожной активности в височно-лобных отделах возникают кошмары. Во второй части книги приводятся клинические наблюдения 12 пациентов с локальными поражениями мозга. Отмечается, что при афазии Брока не возникает личностных нарушений и проявляется нормальная работа горя. При афазии Вернике нарушения психодинамики также минимальны, но имеет место разорванность сознания. Левостороннее теменное поражение сопровождается существенным нарушением протекания всей психической деятельности (переработки), сужением внутреннего пространства психики и отключением

функции Я. Поражение правой перисильвиевой области характеризуется нарушением работы горя и преобладанием вытеснения своего дефекта. При поражении медио-базальных лобных отделов возникает психотическое «переживание гибели мира», нарушается тестирование реальности, распадается сама структура Я и Сверх-Я. В третьей части работы авторы на основании обобщения результатов психоаналитического исследования 35 пациентов с локальными поражениями мозга пытаются вывести соответствие Оно, Я и Сверх-Я трем функциональным блокам мозга по А.Р. Лурия (Лурия, 1970, 2003а).

Возникновение нейропсихоанализа может рассматриваться как попытка реанимировать психоаналитическое направление в психологии, влияние которого заметно снизилось во второй половине XX в. Однако есть мнение, что реабилитацию психоанализа целесообразнее было бы осуществлять на основе его собственных достоинств, а не за счет достижений нейронауки (Ramus, 2013). Принятие нейронаучной парадигмы, согласно которой реально только то, что имеет биологическую основу, противоречит исходным постулатам психоанализа с его опорой на трактовку высказываний и ограничивает уникальность психоаналитической задачи, предполагающую ведущую роль дискурса в распознавании значений и их интерпретации (Blass, Carmeli, 2007).

Весомым аргументом, указывающим на перспективность нейропсихоанализа, выступают описания

Возникновение нейропсихоанализа может рассматриваться как попытка реанимировать психоаналитическое направление в психологии, влияние которого заметно снизилось во второй половине XX в. Однако есть мнение, что реабилитацию психоанализа целесообразнее было бы осуществлять на основе его собственных достоинств, а не за счет достижений нейронауки.

случаев лечения пациентов психоаналитиками, используемыми в своей работе нейробиологические знания (Johnson, 2009; Johnson, Faraone, 2013). Предлагается использовать нейропсихоаналитические интерпретации при обсуждении ассоциаций и побуждений пациентов, тем самым расширяя их предположения о своем состоянии. Известны попытки сочетать краткосрочную психодинамическую психотерапию с сеансами электроэнцефалографического (ЭЭГ) нейробиопрограммирования (Unterrainer et al., 2013; Unterrainer et al., 2014). Интересно, что психотерапия с использованием нейропсихоаналитических знаний существует не только на уровне практики отдельных терапевтов, но и как часть государственной программы реабилитации больных с травмами головного мозга в Великобритании (Coetzer et al., 2018).

Нейропсихоанализ фокусирует внимание на опыте от первого лица, ставя психику и мозг на равные позиции (Panksepp, Solms, 2012). Нейропсихоаналитические исследования также затрагивают проблему свободы воли. Например, в работе Г. Виста, С. Лургер и К. Баумгартера (Wiest et al., 2012) у пациента, прошедшего предоперационную оценку перед нейрохирургической операцией, проводилась инвазивная

электрическая стимуляция коры головного мозга. Стимуляция правой лобной области приводила к отклонению взгляда влево и соответствующему движению головы. В то же время у самого пациента возникала иллюзия добровольного выполнения этого движения. Авторы объясняют этот феномен потребностью в причинности, отмечая проявление синтетической функции Эго.

В последнее время увеличилось число работ, в которых эффективность психоаналитического лечения верифицируется с помощью функциональной магнитно-резонансной томографии (фМРТ). Психоаналитическое лечение, включающее в себя запоминание, повторение и проработку, может не только восстанавливать эмоциональное равновесие, но и на биологическом уровне улучшать состояние мозга неврологических больных (Gallo, Farinelli, Speri, 2013). Многие авторы показывают, что после прохождения психотерапии наблюдаются изменения в активности определенных отделов мозга. Однако в большинстве таких работ имеются затрудняющие выявление общих закономерностей методические недостатки: малое число испытуемых, отсутствие контрольной группы, различия в методе психотерапии и длительности ее прохождения, а также несопоставимые методы выявления лично значимых стимулов (Marini et al., 2016).

Нейропсихоаналитические исследования ставят под сомнение базовые положения теории З. Фрейда и приводят к переосмыслению некоторых ключевых понятий психоанализа (Berlin, 2011). Например, по результатам функциональной нейровизуализации источники сексуальных влечений, рассматриваемые классическим психоанализом как процессы возбуждения, происходящие в периферическом органе, не кажутся существенной частью детерминант сексуального возбуждения. Скорее, центральная мозговая обработка поступающей информации придает генитальным стимулам их сексуальную окраску (Stoléru, 2004). Кроме того, нейропсихоанализ позволяет по-новому взглянуть на хорошо известные психоаналитические феномены. Так, Р. Смит и М. Солмс (Smith, Solms, 2018) рассматривают вытеснение как преждевременную автоматизацию, а перенос как реконсолидацию памяти и предлагают учитывать новую концептуализацию в психотерапевтической практике. Разнообразные сведения о нейробиологической основе переноса подробно обсуждаются в обзоре А. Сайин и М.Э. Джейлана (Sayin, Ceylan, 2013).

Вообще, нейропсихоаналитические публикации характеризуются разнообразием решаемых проблем и синтезом различных методов исследования. Например, проводились исследования регресса к соматическим защитным механизмам при кататонии (Northoff et al., 2002), личностных изменений после разрыва аневризмы (Mathiesen et al., 2004), вертикального расщепления при диссоциативном расстройстве личности (Wolk et al., 2012), особенностей мозгового обеспечения разрешенных и неразрешенных конфликтов (Axmacher, Heinemann, 2012). Боль-

шое внимание уделяется мозговому обеспечению процесса сновидений (Colace et al., 2010; Ruby, 2011; Yu, 2016).

Нейропсихоаналитический подход дает новую трактовку проводниковой афазии (Jackson, 2018). Отмечается, что речевые нарушения, возникшие у пациентки после ишемического инфаркта в области левой средней мозговой артерии, сопровождаются нарушением способности связывать вещи друг с другом в процессе терапии, а также способности относиться определенным образом к терапевту. Предполагается, что за этим стоит нарушение интегративной функции Эго. (Заметим в скобках, что А.Р. Лурия не рассматривал проводниковую афазию как самостоятельный синдром: «туманный термин “проводниковая афазия” охватывает несколько типов речевых нарушений» (Лурия, 1982, с. 166)). В другой работе (Villa et al., 2006) была верифицирована гипотеза З. Фрейда, согласно которой значение слова и его презентацию следует различать между собой для правильного понимания симптомов афазии. Дополнительно было показано, что бессознательная переработка значений слов и их графического образа опосредуется уровнем тревожности и склонностью к вытеснению. Также обсуждается общность мозговых механизмов, обеспечивающих речь и свободные ассоциации (Özkarar et al., 2008; Spence et al., 2009).

Достижения нейропсихоанализа позволили взглянуть под другим углом на проблему анозогнозии, понимаемой в клинической психологии как отрицание своего дефекта и обычно связываемой с дисфункцией правой теменной области головного мозга. Показано (Turnbull et al., 2002), что пациенты с анозогнозией более склонны выражать эмоции, связанные с другими субъектами, а не эмоции, связанные с их собственной травмой или ее последствиями. Они имплицитно осознают свое расстройство, а их ложное убеждение в его отсутствии является проявлением защитных механизмов личности. Близкие по смыслу выводы делаются на основе исследования левостороннего игнорирования и перцептивных искажений при поражении правого полушария (Tiberg, 2007).

Еще один феномен, получивший новую интерпретацию в рамках нейропсихоанализа, — это конфабуляции, нередко возникающие у больных с префронтальными и медиальными лобными поражениями. Конфабуляции можно рассматривать как «исполнение желаний», которое формирует восприятие реальности в аффективно позитивном ключе. Продемонстрировано (Turnbull et al., 2004), что конфабуляции обычно характеризуются смещением в сторону положительных эмоций. Содержание конфабуляций может быть связано с терапевтическим переносом и меняться при прохождении психотерапии (Tiberg, 2014). Нейробиологическое понимание природы памяти используется для обновления психоаналитической теории, касающейся травматических воспоминаний, а также для иллюстрации того, как данный подход может применяться в клинической работе (Yovell, 2000).

Корреляты психодинамических конфликтов были обнаружены и на уровне реакций вегетативной нервной системы. Любопытно, что связь бессознательного с физиологическими реакциями обсуждалась еще в самом начале XX в. (Prince, 1909). В настоящее время имеются сведения о том, что рассказ о личном и травмирующем опыте сопровождается краткосрочными вегетативными реакциями, а именно, уменьшением уровня проводимости кожи и усилением сердечно-сосудистой активности (Pennebaker et al., 1987). У лиц, склонных к вытеснению, часто имеется расхождение между физиологическим возбуждением и сознательным описанием своего состояния, что фиксируется с помощью оценки движений лицевых мышц (Asendorpf, Scherer, 1983) и частоты сердечных сокращений — ЧСС (Newton, Contrada, 1992). Обнаружена связь неосознаваемых агрессивных импульсов и связанных с тревогой защитных реакций с активностью симпатической нервной системы (Fleury et al., 2016). Показано (Kehyaayan et al., 2013), что у людей, называющих личностно значимые свободные ассоциации в ответ на типичные темы психодинамического конфликта, проявляется более высокий уровень кожно-гальванической реакции (КГР) и более выраженная активация передней цингулярной коры (поясной извилины) по данным фМРТ. Выявлены (Ivonin et al., 2015) характерные изменения ЧСС и КГР, сопровождающие возникновение неосознаваемых эмоций в ответ на предъявление видеозаписей, содержащих архетипы по К.Г. Юнгу.

Таким образом, в рамках нейропсихологического анализа изучаются мозговые механизмы самых разных бессознательных явлений. Хотя выводы некоторых исследований кажутся умозрительными, в целом достижения нейропсихологического анализа способствуют расширению представлений о мозговом обеспечении бессознательного. По мнению Э.Г. Эйдемиллера и А.Э. Тарабанова, «парадигма нейропсихологического анализа отвечает современным требованиям к интеграции научного знания и практики. Она развивается в рамках широкого дискурса современных нейронаук и в то же время ориентирована на гуманистический подход, исходит из уникальности каждой терапевтической ситуации и полифоничности взаимодействия психотерапевта и пациента» (Эйдемиллер, Тарабанов, 2019, с. 73). Сегодня интерес ученых к нейропсихологическому анализу сохраняется и, вероятно, будет возрастать в ближайшие годы (Bazan, Detandt, 2017; Moccia et al., 2018; Di Giannantonio et al., 2020).

Нейропсихология неосознаваемых явлений вне психоаналитического подхода

Несмотря на то, что нейропсихологический анализ занимает лидирующие позиции по числу исследований мозгового обеспечения бессознательного, далеко не все психологи согласны с психоаналитическими интерпретациями. Многие авторы, формально проводя-

щие свои исследования в рамках нейропсихологического анализа, дают концептуально иные трактовки полученных результатов (Плужников, 2014). Вне зависимости от выбранной парадигмы тщательное описание фактического материала позволяет другим исследователям объяснять представленные результаты на основе предпочитаемой теории (Бессознательное. Многообразие ..., 1994).

Альтернативой психоанализу выступает когнитивная психология (Greenwald, 1992; Kihlstrom, 1999; Cleeremans, 2001; Агафонов, 2006; Шилов, 2015). С конца XX в. в публикациях начинает встречаться термин «когнитивное бессознательное» (Piaget, 1973; Kihlstrom et al., 1992; Аллахвердов и др., 2008). Также используется понятие имплицитных процессов (Токарева, Дорфман, 2014). Отмечается, что восприятие и осознание воспринятого не тождественны друг другу

В рамках нейропсихологического анализа изучаются мозговые механизмы самых разных бессознательных явлений. Хотя выводы некоторых исследований кажутся умозрительными, в целом достижения нейропсихологического анализа способствуют расширению представлений о мозговом обеспечении бессознательного.

(Boag, 2008). Показана возможность бессознательной реакции на правильные и неправильные ответы при решении когнитивных задач, влияющей на дальнейшую мыслительную деятельность (Аллахвердов, 2009). Признается, что бессознательные процессы не являются побочным продуктом сознания, а скорее наоборот, предшествуют появлению сознания, обладая большими ресурсами (Bargh, Morsella, 2008). А.Ю. Агафонов и Н.С. Куделькина предполагают, «что в структуре когнитивной системы человека существует механизм неосознаваемой семантической чувствительности, который отвечает за регуляцию степени воздействия неосознаваемой информации на результаты сознательно выполняемой деятельности» (Агафонов, Куделькина, 2011, с. 25).

Хорошо исследовано неосознаваемое систематическое стремление к реакциям определенного типа и готовность к приему определенной информации (Abt, Bellak, 1950; Bruner, 1957; Соколова, 1976; Аллахвердов и др., 2019; Pugnaghi et al., 2020). Предполагается, что правое полушарие головного мозга играет основную роль в оценке перцептивных характеристик неосознаваемой информации (Зальцман, 1989). Имеются сведения об участии медиальных отделов височной доли и парагиппокампальной области в обеспечении влияния ранее воспринятой информации на текущее восприятие (Graham, Gaffan, 2005; Suzuki, 2009; Baxter, 2009; Suzuki, Baxter, 2009; Hawkins et al., 2019).

В советской психологии анализ динамического бессознательного фактически находился под запретом. Этому немало способствовало противопоставление подходов И.П. Павлова и З. Фрейда. Между тем изучение неосознаваемых форм высшей нервной деятельности проводилось в рамках диалектико-материалистического подхода с привлечением достижений нейрокибернетики. К концу 60-х гг. XX в. в отечественной психофизиологии сложилось пред-

ставление о том, что «бессознательное — это всего лишь обобщение, к которому мы прибегаем, чтобы отразить способность к регулированию поведения и его вегетативных коррелятов, происходящему без непосредственного участия сознания» (Бассин, 1968, с. 378). В тот же период в исследованиях грузинской психологической школы были обнаружены разнообразные физиологические корреляты бессознательных процессов (Бочоришвили, 1961). В 1978 г. в г. Тбилиси вышла 4-томная коллективная монография, «Бессознательное. Природа. Функции. Методы исследования» (издательство «Мецниереба», редакторы — А.С. Прангишвили, А.Е. Шерозия, Ф.В. Бассин), в которой представлены работы отечественных и зарубежных авторов. В 1979 г. состоялся международный симпозиум по проблеме бессознательного (Мазин, 2019).

Одним из наиболее изученных в отечественной психологии проявлений бессознательного является установка, определяемая как «готовность личности к определенной деятельности, активности; внутреннее динамическое и бессознательное состояние целостной личности, возникающее в результате взаимодействия потребностей и среды» (Большой психологический ..., 2009, с. 685). Интересно, что разрабатывавший проблему установки Д.Н. Узнадзе не считал бессознательное частью психики, выделяя область подпсихического (Узнадзе, 2014). Представители грузинской психологической школы активно обсуждали соотношение понятий «неосознаваемое», «бессознательное» и «установка», подчеркивая различия между ними (Григолава, 1984; Прангишвили и др., 1984; Сарджвеладзе, 1985). Метод «фиксированной установки» (Узнадзе, 2001, 2014), был хорошо известен А.Р. Лурия (Лурия, 1962) и до сих пор остается в поле зрения нейропсихологов (Ковязина, Фомина, 2016). В отечественной нейропсихологии проводились исследования (Бжалава, Лурия, 1947; Бекоева, 1978; Ковязина, 2014), позволившие выявить специфический вклад левого и правого полушарий, а также межполушарного взаимодействия в обеспечение фиксированной установки.

Недавно вышла книга А.И. Ерзина и А.Ю. Ковтуненко, посвященная нейропсихологии антиципации (Ерзин, Ковтуненко, 2020а, 2020б). Эта работа выгодно отличается от других пониманием антиципации как высшей психической функции, имеющей 5 уровней организации: субсенсорный, сенсомоторный, перцептивный, уровень представлений и речемысленный уровень (Ломов, Сурков, 1980). Антиципация как функциональная система включает в себя сознательные и бессознательные компоненты, имеющие разное мозговое обеспечение. Во второй части книги (Ерзин, Ковтуненко, 2020б) представлены результаты исследований нарушений антиципации у 77 пациентов с локальными поражениями мозга. Наряду с затылочным, височным, теменным и лобным синдромами авторы рассматривают синдром поражения подкорковых структур, при котором преимущественно страдают неосознаваемые (автономные) компоненты антиципации.

Отдельную группу представляют исследования психофизиологических индикаторов психических процессов (Hassett, 1978). Еще в середине XX в. в работах Г.В. Гершуни (Гершуни, 1947, 1957) было показано, что измерение физиологических реакций (например, расширения зрачка, КГР, изменения дыхательного и сердечного ритмов) позволяет зафиксировать реакции на неосознаваемые звуковые раздражители. Регистрация этих показателей лежит в основе коррекционного метода биоуправления с использованием биологических обратных связей (Сороко, Трубачев, 2010; Кунельская и др., 2014). Как отмечают Р.И. Айзман и С.Г. Кривошеков, «обратная связь, осуществляемая при помощи оборудования, делает доступной для осознания информацию, не воспринимаемую человеком в обычных условиях» (Айзман, Кривошеков, 2013, с. 182).

Современные исследования подтверждают связь активности вегетативной нервной системы с неосознаваемыми психическими процессами. Показано (Van der Ploeg et al., 2017), что подсознательное восприятие угрожающих стимулов сопровождается повышением среднего артериального давления, полного периферического сопротивления сосудов и снижением вариабельности сердечного ритма. Оценка физиологических параметров используется для выявления эмоций, возникающих при просмотре веб-сайтов (Lolatto et al., 2018). Обнаружено, что оценка привлекательности сайта связана с физиологическим возбуждением, проявляющимся в изменении сердечной и дыхательной активности. Кроме этого, в качестве индикатора неосознаваемого восприятия может выступать сужение и расширение зрачка (Gomes et al., 2015; Takarada, Nozaki, 2017; Suzuki et al., 2018). На основании анализа реакций зрачка делается вывод о том, что дети с аутизмом отличаются от здоровых сверстников по неосознанной обработке эмоций и не отличаются по осознанной (Nuske et al., 2014). Фиксация расширений зрачка позволила установить, что оценка затрат (требуемых усилий) и выгод (ценности вознаграждений) может осуществляться вне сознания (Bijleveld et al., 2009). Не менее информативной оказывается электрическая активность кожи. Показано (Najström, Jansson, 2006), что реакция проводимости кожи увеличивается при предъявлении замаскированных изображений пугающего содержания, причем это наиболее сильно проявляется у лиц с высокой личностной тревожностью и низким уровнем готовности давать социально желательные ответы. В исследовании потребительских предпочтений (Bettiga et al., 2017) анализ электродермальной активности позволил выявить различия между осознанным и неосознанным эмоциональным возбуждением, возникающим при взаимодействии с продуктом. Обнаружено (Nava et al., 2016), что изменение проводимости кожи является индикатором неосознанного восприятия эмоциональных лицевых экспрессий даже у младенцев в возрасте 3–4 месяцев.

Еще одним проявлением неосознаваемой обработки информации выступает специфика и скорость моторной реакции (Лурия, 2002). Конфликт проти-

воборствующих автоматизмов приводит к моторной дезорганизации произвольного движения. На этой закономерности построен метод микрокинетического психосемантического детектирования (Яньшин, 2013), который позволяет проводить объективную психодиагностику, защищенную от потенциального влияния обследуемого на достоверность результатов. Аналогичные принципы лежат в основе методов детекции скрытой информации (Смирнов и др., 1995; Смирнов, 2003).

Предпринимаются попытки выявить мозговые структуры, обеспечивающие различные виды неосознанного восприятия. Например, в исследовании С. Деана с коллегами (Dehaene et al., 2001) методы фМРТ и событийно-связанных потенциалов использовались для визуализации церебральной обработки невидимых замаскированных слов. Специфическая активация отмечалась в левой экстрастриатной области, веретенообразной извилине и прецентральной области. Обнаружены различия в картинах активации мозга при восприятии замаскированных и открыто предъявлявшихся слов. В другой работе (Kouider et al., 2007) демонстрируется, что при предсознательном и подпороговом восприятии слов возникает слабая активация затылочных и височных отделов коры; при сознательном восприятии активация этих зон усиливается и сопровождается дополнительной активацией передних отделов мозга. Имеются сведения об участии в восприятии подпороговой информации базальных ядер в районе таламуса (Whalen et al., 1998) и поясной извилины (Killgore, Yurgelun-Todd, 2004). При повреждении первичной зрительной коры бугорки четверохолмия среднего мозга сохраняют возможность формировать зрительно-слуховые ассоциации, хотя на сознательном уровне зрительное восприятие отсутствует (Seirafi et al., 2016). Предложена математическая модель перехода мозговой активности от сознания к подпороговому восприятию (Lucini et al., 2019).

Достижения нейронауки позволяют говорить о том, что эмоциональные и познавательные процессы связаны между собой отношениями взаимовлияния (Barrett, 2017; Panksepp et al., 2017; Fox et al., 2018; Lopez-Franco et al., 2018). В исследованиях Дж. Леду (LeDoux, 1998) показано, что эмоциональное восприятие также может быть осознанным или неосознанным. При осознаваемом страхе сигнал идет от таламуса к коре, а затем — к миндалине, а при возникновении неосознаваемых реакций страха информация передается непосредственно от таламуса миндалине. Совместная активность миндалины и гиппокампа связана с запечатлением эмоциональной окраски стимулов, влияющей на избирательность дальнейшего восприятия (Kensinger, Corkin, 2004).

По мнению М. Солмса и Я. Панксеппа (Solms, Panksepp, 2012), сознание следует рассматривать как высшую функцию мозга, которая, однако, не может осуществляться без энергии, поставляемой нижними отделами мозга. Такое понимание взаимодействия

сознания и бессознательного позволяет соотнести теоретические идеи З. Фрейда с современными сведениями об эволюционном происхождении и формировании нервной системы. Предполагается, что сознание в первую очередь опирается на аффективные феноменальные переживания, непосредственно связанные с витальными потребностями. Перцептивные переживания были изначально аффективными на уровне первичных процессов, обеспечиваемых нижними стволовыми отделами мозга, но затем стали перерабатываться вторичными процессами обучения и памяти в третичные когнитивные формы сознания. В этом смысле вся индивидуальная нейронная активность является бессознательной, однако именно первичные аффекты и эмоции, обеспечиваемые субкортикальными отделами мозга, являются каркасом для построения высшей психической активности новой коры.

Заключение

В зарубежной нейронауке проводятся разнообразные исследования мозговых механизмов бессознательных явлений. Полученные результаты обсуждаются как с позиций психоаналитической теории, так и с использованием более современных моделей (когнитивная и аффективная нейронаука). В отечественной нейропсихологии подобные работы практически отсутствуют из-за несоответствия бессознательного обозначенному А.Р. Лурия предмету исследования. Исключение составляют нейропсихологические исследования фиксированной установки, концептуально выводимой за рамки психических явлений, а также исследования антиципации, понимаемой как психическая функция, имеющая осознаваемые и неосознаваемые компоненты. Сегодня становится понятно, что отказ А.Р. Лурия от нейропсихологического изучения бессознательного был вызван недостаточной разработанностью соответствующей

В настоящее время сложились все условия для включения бессознательного в предмет нейропсихологии. Развитие этого направления потребует создания новых методов нейропсихологической диагностики, ориентированных на оценку процессов, протекание которых не может быть отражено в сознательном отчете обследуемого.

методологии, а не признанием бесперспективности таких исследований. В настоящее время сложились все условия для включения бессознательного в предмет нейропсихологии. Развитие этого направления потребует создания новых методов нейропсихологической диагностики, ориентированных на оценку процессов, протекание которых не может быть отражено в сознательном отчете обследуемого.

На наш взгляд, при проведении нейропсихологических исследований бессознательного следует придерживаться ряда принципов. Во-первых, нужно избегать психоаналитической трактовки изучаемых явлений. Ученым, разделяющим классический идеал рациональности, важно помнить о критерии фальси-

фицируемости научной теории (Popper, 1963). Хотя некоторые психоаналитические явления доступны эмпирической проверке (Cooper, 1998), в целом психоанализ характеризуется врожденной ненаучностью. Необходимо вписать выявленные психоаналитиками феномены в более широкий контекст неосознаваемых психических явлений и выдвигать в отношении них такие гипотезы, которые в принципе могут быть фальсифицированы.

Во-вторых, нужно признать, что человеческий мозг является продуктом длительной эволюции, включавшей в себя как естественный, так и искусственный отбор (Ожигова, 1989; Савельев, 2010). Многие авторы отмечают связь филогенеза с уровневым строением мозга человека, развивая эту идею в разных на-

правлениях (Халецкий, 1970; MacLean, 1978; Ornstein, 1992; Колесов, 2000; Edelman, 2004; Петрийчук, 2020). Большинство структур мозга достались нам от эволюционных предшественников и были исходно предназначены для решения биологических задач, некоторые из которых в настоящее время перестали быть актуальными (Mithen, 1999; Невзоров, 2012; Kenrick, Giskevicius, 2013; Coolidge, 2020). Кроме того, следует учитывать, что мозг постоянно сталкивается с физиологическим пределом увеличения метаболизма (Савельев, 2016). Поэтому понятно преобладание бессознательных процессов, т.к. выполнение автоматизированных неосознаваемых алгоритмов требует меньших ресурсов, чем ассоциативная сознательная деятельность. По аналогии с теорией модулярности сознания, предложенной Дж.А. Фодором (Fodor, 1983), можно предполагать наличие автономных бессознательных модулей. Похожей концепции придерживаются Б.Дж. Ваарс с коллегами (Vaars et al., 2007), считающие, что относительно автономные бессознательные «процессоры» конкурируют за доступ к глобальному рабочему пространству. Объединяясь, они могут достигать сознания и передавать сообщения другим «процессорам», чтобы подключить их к выполнению текущей задачи. По-видимому, наличие модулей — это фундаментальное свойство живых су-

ществ на всех уровнях организации (Barrett, Kurzban, 2006). В-третьих, важно помнить о том, что человеческий мозг характеризуется колоссальной индивидуальной изменчивостью (Савельев, 2015). Фундаментальные нейропсихологические исследования не должны базироваться на анализе индивидуальных случаев. Представление о разбросе нормативных вариантов мозгового обеспечения бессознательного может быть получено только при изучении больших репрезентативных выборок. Желательно дополнять результаты клинических исследований, выполненных на модели локальных поражений мозга, результатами исследований мозгового обеспечения психических функций в норме, проводимых в русле дифференциальной нейропсихологии.

Таким образом, мы рекомендуем расширить понимание психических функций, признав возможность достижения адаптивного результата без участия сознания. Любая психическая функция имеет многоуровневую организацию, при этом бессознательные и сознательные процессы постоянно взаимодействуют между собой при ее реализации. Полагаем, что в будущем методология нейропсихологии перестанет искусственно обособлять сознательные формы деятельности, а исследования бессознательного станут неотъемлемой частью изучения мозговой основы человеческой психики.

Благодарность

Авторы благодарят В.Ф. Петренко — доктора психологических наук, профессора, члена-корреспондента РАН, заведующего лабораторией психологии общения и психосемантики факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, который 01.03.2019 в личной беседе с Н.А. Хохловым поставил вопрос о современном состоянии нейропсихологии бессознательного.

Acknowledgement

The authors express their gratitude to V. F. Petrenko, DrSc in Psychology, professor, corresponding member of RAS, head of the Laboratory of Psychology of Communication and Psychosemantics (Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University) for having posed the problem of modern state of affairs in the neuropsychology of the unconscious in the course of private conversation with N.A. Khokhlov on 01.03.2019.

Литература

- Агафонов А.Ю. Когнитивная психомеханика сознания, или как сознание неосознанно принимает решение об осознании. Самара : Универс групп, 2006.
- Агафонов А.Ю., Куделькина Н.С. Экспериментальный эффект неосознаваемой семантической чувствительности // Современная экспериментальная психология: в 2 т. Т. 2. / под ред. В.А. Барабанщикова. М. : Институт психологии РАН, 2011. С. 9–27.
- Айзман Р.И., Кривошеков С.Г. Физиологические основы психической деятельности. М. : ИНФРА-М, 2013.
- Акопов Г.В. Психология сознания: Вопросы методологии, теории и прикладных исследований. М. : Институт психологии РАН, 2010.
- Аллахвердов В.М., Воскресенская Е.Ю., Науменко О.В. Сознание и когнитивное бессознательное // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2008. Вып. 2. С. 10–19. doi: 10.11621/pir.2009.0007

- Аллахвердов М.В., Scott T., Черная А.С., Аллахвердов В.М. Когнитивный контроль над изменением irrelevantных стимулов // *Современные технологии в медицине*. 2019. Т. 11. № 1. С. 63–68. doi: 10.17691/stm2019.11.1.07
- Асмолов А.Г. Классификация неосознаваемых явлений и категория деятельности // *Вопросы психологии*. 1980. № 3. С. 45–53. doi: 10.2753/RPO1061-0405190329
- Бассин Ф.В. Проблема бессознательного (О неосознаваемых формах высшей нервной деятельности). М. : Медицина, 1968.
- Баулина М.Е. *Нейропсихология*. М. : ВЛАДОС, 2018.
- Бекоева Д.Д. *Нейропсихологический анализ фиксированной установки* : дисс. ... канд. психол. наук. М., 1978.
- Бессознательное. Многообразие видения : сборник статей. Т. 1. / под ред. Ю.В. Макогоненко. Новочеркасск : Сагуна, 1994.
- Бехтерев В.М. *Сознание и его границы*. Казань : Типография Императорского университета, 1888.
- Бжалава И.Т., Лурия А.Р. Нарушение фиксированной установки при локальных поражениях мозга // *Неврология военного времени* / под ред. Н.И. Гращенкова. М. : Институт неврологии АМН СССР, 1947. С. 247–264.
- Бизюк А.П. *Основы нейропсихологии*. СПб. : Речь, 2010.
- Богданчиков С.А. А.Р. Лурия и психоанализ // *Вопросы психологии*. 2002. № 4. С. 84–93.
- Большой психологический словарь. 4-е изд., расш. / сост. и общ. ред. Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко. М. : АСТ: АСТ МОСКВА; СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2009.
- Бочоришвили А.Т. *Проблема бессознательного в психологии*. Тбилиси : Издательство Академии наук Грузинской ССР, 1961.
- Визель Т.Г. *Основы нейропсихологии. Теория и практика*. 2-е изд., перераб., расш. М. : АСТ, 2021.
- Гершуни Г.В. Изучение субсенсорных реакций при деятельности органов чувств // *Физиологический журнал СССР*. 1947. Т. 33. С. 393–412.
- Гершуни Г.В. Общие результаты исследований деятельности звукового анализатора человека при помощи разных реакций // *Журнал высшей нервной деятельности*. 1957. Т. 7. Вып. 1. С. 13–23.
- Григолава В.В. Бессознательное и установка // *Вопросы психологии*. 1984. № 3. С. 145–150.
- Ерзин А.И., Ковтуненко А.Ю. *Нейропсихология антиципации-I: Монография*. М. : Академический проект, 2020а.
- Ерзин А.И., Ковтуненко А.Ю. *Нейропсихология антиципации-II: Монография*. М. : Академический проект, 2020б.
- Жане П. *Психический автоматизм. Экспериментальное исследование низших форм психической деятельности человека* / пер. с фр. СПб. : Наука, 2009.
- Зальцман А.Г. Переработка неосознаваемой зрительной информации в правом и левом полушариях головного мозга // *Сенсорные системы*. 1989. Т. 3. № 1. С. 43–47.
- Каплан-Солмз К., Солмз М. *Клинические исследования в нейропсихоанализе. Введение в глубинную нейропсихологию* / пер. с англ.; под научн. ред. А.Ш. Тхостова. М. : Академический проект, 2016.
- Ковязина М.С. *Нейропсихологический синдром у больных с патологией мозолистого тела* : дисс. ... докт. психол. наук. М., 2014.
- Ковязина М.С., Фомина К.А. *Нейропсихологический потенциал метода «фиксированной установки» Д.Н. Узнадзе* // *Экспериментальная психология*. 2016. Т. 9. № 3. С. 91–102. doi: 10.17759/exppsy.2016090308
- Колесов Д.В. *Эволюция психики и природа наркотизма*. М. : Московский психолого-социальный институт; Воронеж : МОДЭК, 2000.
- Краткий словарь психоаналитических терминов // Фрейд З. *Психология бессознательного* : сб. произведений / сост., науч. ред., авт. вступ. ст. М.Г. Ярошевский. М. : Просвещение, 1990. С. 440–447.
- Круглый стол «Проблемы и перспективы психологического изучения нарушений произвольной регуляции деятельности» // *Наследие А.Р. Лурии в современном научном и культурно-историческом контексте: К 110-летию со дня рождения А.Р. Лурии* / Сост. Н.К. Корсакова, Ю.В. Микадзе. М. : Факультет психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, 2012. С. 286–327.
- Кунельская Н.Л., Резакова Н.В., Гудкова А.А., Гехт А.Б. *Метод биологической обратной связи в клинической практике* // *Журнал неврологии и психиатрии имени С.С. Корсакова*. 2014. Т. 114. № 8. С. 46–50.
- Лаврова О.В. *Онтология психического* // *Вопросы психологии*. 2010. № 3. С. 3–11.
- Ломов Б.Ф., Сурков Е.Н. *Антиципация в структуре деятельности*. М. : Наука, 1980.
- Лурия А.Р. *Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга*. М. : Изд-во МГУ, 1962.
- Лурия А.Р. *Мозг человека и психические процессы*. Т. II. *Нейропсихологический анализ сознательной деятельности*. М. : Педагогика, 1970.
- Лурия А.Р. *Основы нейропсихологии*. М. : Академия, 2003а.
- Лурия А.Р. *Природа человеческих конфликтов: Объективное изучение дезорганизации поведения человека* / под общ. ред. В.И. Белопольского. М. : Когито-Центр, 2002.
- Лурия А.Р. *Психологическое наследие : избранные труды по общей психологии* / под ред. Ж.М. Глозман, Д.А. Леонтьева, Е.Г. Радковской. М. : Смысл, 2003б.
- Лурия А.Р. *Этапы пройденного пути. Научная автобиография* / под ред. Е.Д. Хомской. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1982.
- Мазин В.А. *Бессознательное в советском Тбилиси*. СПб. : Скифия-принт, 2019.
- Невзоров А.Г. *Происхождение личности и интеллекта человека. Опыт обобщения данных классической нейрофизиологии*. СПб. : Анатомия и физиология, 2012.
- Немов Р.С. *Общая психология*. В 3 тт. Т. I. *Введение в психологию*. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2017.
- Никитина Е.А. *Познание. Сознание. Бессознательное*. М. : ЛИБРОКОМ, 2018.
- Николаева Е.И. *Психофизиология*. СПб. : Питер, 2021.

- Ожигова А.П. К проблеме эволюции высших корковых центров мозга человека // Биологическая эволюция и человек / под ред. Я.Я. Рогинского. М.: Изд-во МГУ, 1989. С. 200–219.
- Петрийчук Н.Д. Что такое «Я» — схемотехнический подход: основы схемотехники природных нейросетей. М.: КнигИздат, 2020.
- Петровский А.В. Введение в психологию. М.: Академия, 1995.
- Плужников И.В. Ключевые подходы к проблеме личности в нейропсихологии // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2014. № 3. С. 8–17.
- Прангишвили А.С., Бассин Ф.В., Шошин П.Б. Существует ли дилемма «бессознательное или установка»? // Вопросы психологии. 1984. № 6. С. 95–101.
- Савельев С.В. Возникновение мозга человека. М.: ВЕДИ, 2010.
- Савельев С.В. Изменчивость и гениальность. 2-е изд., доп. М.: ВЕДИ, 2015.
- Савельев С.В. Морфология сознания: в 2 тт. Т. 2. М.: ВЕДИ, 2021.
- Савельев С.В. Нищета мозга. 2-е изд., доп. М.: ВЕДИ, 2016.
- Сарджвеладзе Н.И. Бессознательное и понятие установки в концепции Д.Н. Узнадзе // Вопросы психологии. 1985. № 4. С. 114–120.
- Сериков А.Е. Свобода воли и ее утрата в контексте нейропсихологии // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия. Философия. Филология. 2012. № 2 (12). С. 63–78.
- Смирнов И.В. Психозкология. М.: ООО «Издательский дом “Холодильное дело”», ООО «Спецмонтаж-СТ», 2003.
- Смирнов И.В., Безносук Е.В., Журавлев А.Н. Компьютерный психосемантический анализ и психокоррекция на неосознаваемом уровне. М.: Прогресс-Культура, 1995.
- Соколова Е.Т. Мотивация и восприятие в норме и патологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976.
- Сороко С.И., Трубачев В.В. Нейрофизиологические и психофизиологические основы адаптивного биоуправления. СПб.: Политехника-сервис, 2010.
- Токарева Г.В., Дорфман Л.Я. ИмPLICITные процессы и их исследование в западной психологии // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». 2014. Т. 7. № 1. С. 17–27.
- Узнадзе Д.Н. Психология установки. СПб.: Питер, 2001.
- Узнадзе Д.Н. Философия. Психология. Педагогика: наука о психической жизни / пер. с груз.; под ред. И.В. Имададзе, Р.Т. Сакварелидзе. М.: Смысл, 2014.
- Фрейд З. Психология бессознательного: сб. произведений / сост., науч. ред., авт. вступ. ст. М.Г. Ярошевский. М.: Просвещение, 1990.
- Халецкий А.М. Уровни психической деятельности. М.: Медицина, 1970.
- Хомская Е.Д. Нейропсихология. 4-е изд. СПб.: Питер, 2010.
- Хронические нарушения сознания / под ред. М.А. Пирадова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Горячая линия-Телеком, 2020.
- Шилов Ю.Е. Когнитивные аспекты изучения бессознательного в современной психологии // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. Т. 17. № 1 (4). С. 907–912.
- Эйдемиллер Э.Г., Тарабанов А.Э. Современный нейропсихоанализ как интегративная научная и терапевтическая практика // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Т. 27. № 1. С. 64–78. doi: 10.17759/cpp.2019270105
- Яньшин П.В. Измерения бессознательного I. Микрокинетическое психосемантическое детектирование. Самара: ВЕК#21, 2013.
- Abt, L.E., & Bellak, L. (Eds.). (1950). *Projective Psychology: Clinical Approaches to the Total Personality*. New York: A.A. Knopf. doi: 10.1037/11452-000
- Alexander, P. et al. (2016). Readiness potentials driven by non-motoric processes. *Consciousness and Cognition*, 39, 38–47. doi: 10.1016/j.concog.2015.11.011
- Allakhverdov, V.M. (2009). The Role of Consciousness in Human Cognitive Activity. *Psychology in Russia*, 2, 124–140. doi: 10.11621/pir.2009.0007
- Asendorpf, J.B., & Scherer, K.R. (1983). The discrepant repressor: Differentiation between low anxiety, high anxiety, and repression of anxiety by autonomic-facial-verbal patterns of behavior. *Journal of Personality and Social Psychology*, 45 (6), 1334–1346. doi: 10.1037/0022-3514.45.6.1334
- Axmacher, N., & Heinemann, A. (2012). Toward a neural understanding of emotional oscillation and affect regulation: investigating the dynamic unconscious and transference. An interdisciplinary study. *Neuropsychoanalysis*, 14 (2), 141–155. doi: 10.1080/15294145.2012.10773698
- Baars, B.J., Ramamurthy, U., & Franklin, S. (2007). How Deliberate, Spontaneous, and Unwanted Memories Emerge in a Computational Model of Consciousness. In J.H. Mace (Ed.). *Involuntary Memory. New Perspectives in Cognitive Psychology* (pp. 177–207). Malden: Blackwell Publishing. doi: 10.1002/9780470774069.ch9
- Bargh, J.A., & Morsella, E. (2008). The Unconscious Mind. *Perspectives on Psychological Science*, 3 (1), 73–79. doi: 10.1111/j.1745-6916.2008.00064.x
- Barrett, H.C., & Kurzban, R. (2006). Modularity in cognition: Framing the debate. *Psychological Review*, 113 (3), 628–647. doi: 10.1037/0033-295X.113.3.628
- Barrett, L.F. (2017). The theory of constructed emotion: an active inference account of interoception and categorization. *Social Cognitive and Affective Neuroscience*, 12 (1), 1–23. doi: 10.1093/scan/nsw154
- Baxter, M.G. (2009). Involvement of medial temporal lobe structures in memory and perception. *Neuron*, 61 (5), 667–677. doi: 10.1016/j.neuron.2009.02.007
- Bazan, A., & Detandt, S. (2017). The Grand Challenge for Psychoanalysis and Neuropsychoanalysis: A Science of the Subject. *Frontiers in Psychology*, 8, 1259. doi: 10.3389/fpsyg.2017.01259

- Bechara, A., & Damasio, A.R. (2005). The somatic marker hypothesis: A neural theory of economic decision. *Games and Economic Behavior*, 52 (2), 336–372. doi: 10.1016/j.geb.2004.06.010
- Bechara, A., Damasio, H., Tranel, D., & Damasio, A.R. (1997). Deciding advantageously before knowing the advantageous strategy. *Science*, 275 (5304), 1293–1295. doi: 10.1126/science.275.5304.1293
- Berlin, H.A. (2011). The neural basis of the dynamic unconscious. *Neuropsychoanalysis*, 13(1), 5–31. doi: 10.1080/15294145.2011.10773654
- Berlucchi, G., & Marzi, C.A. (2019). Neuropsychology of Consciousness: Some History and a Few New Trends. *Frontiers in Psychology*, 10, 50. doi: 10.3389/fpsyg.2019.00050
- Bettiga, D., Lamberti, L., & Noci, G. (2017). Do mind and body agree? Unconscious versus conscious arousal in product attitude formation. *Journal of Business Research*, 75, 108–117. doi: 10.1016/j.jbusres.2017.02.008
- Bijleveld, E., Custers, R., & Aarts, H. (2009). The Unconscious Eye Opener: Pupil Dilation Reveals Strategic Recruitment of Resources upon Presentation of Subliminal Reward Cues. *Psychological Science*, 20 (11), 1313–1315. doi: 10.1111/j.1467-9280.2009.02443.x
- Blass, R.B., & Carmeli, Z. (2007). The case against neuropsychoanalysis: On fallacies underlying psychoanalysis' latest scientific trend and its negative impact on psychoanalytic discourse. *The International Journal of Psychoanalysis*, 88 (1), 19–40. doi: 10.1516/6NCA-A4MA-MFQ7-0JTJ
- Boag, S. (2008). Making sense of subliminal perception. In A.M. Columbus (Ed.). *Advances in Psychology Research*, 54 (pp. 117–139). New York: Nova.
- Bruner, J.S. (1957). On perceptual readiness. *Psychological Review*, 64 (2), 123–152. doi: 10.1037/h0043805
- Caprara, G.V., & Cervone, D. (2000). *Personality: Determinants, dynamics, and potentials*. New York: Cambridge University Press. doi: 10.1017/CBO9780511812767
- Cleeremans, A. (2001). Conscious and unconscious processes in cognition. *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*, 4, 2584–2589. doi: 10.1016/B0-08-043076-7/03560-9
- Coetzer, R., Roberts, C., Turnbull, O.H., & Vaughan, F.L. (2018). Neuropsychoanalytically informed psychotherapy approaches to rehabilitation: The North Wales Brain Injury Service–Bangor University experience 1998–2018. *Neuropsychoanalysis*, 20 (1), 3–13. doi: 10.1080/15294145.2018.1478747
- Colace, C. et al. (2010). Limbic system activity and drug dreaming in drug-addicted subjects. *Neuropsychoanalysis*, 12 (2), 201–206. doi: 10.1080/15294145.2010.10773647
- Coolidge, F.L. (2020). *Evolutionary Neuropsychology: An Introduction to the Structures and Functions of the Human Brain*. New York: Oxford University Press. doi: 10.1093/oso/9780190940942.001.0001
- Cooper, C. (1998). *Individual Differences*. London: Arnold.
- Damasio, A.R. (1994). *Descartes' error: Emotion, reason, and the human brain*. New York: Avon Books.
- Deecke, L. (2012). There are conscious and unconscious agendas in the brain and both are important — our will can be conscious as well as unconscious. *Brain Sciences*, 2 (3), 405–420. doi: 10.3390/brainsci2030405
- Dehaene, S. et al. (2001). Cerebral mechanisms of word masking and unconscious repetition priming. *Nature Neuroscience*, 4 (7), 752–758. doi: 10.1038/89551
- Di Giannantonio, M., Northoff, G., & Salone, A. (2020). Editorial: The Interface between Psychoanalysis and Neuroscience: the State of the Art. *Frontiers in human neuroscience*, 14, 199. doi: 10.3389/fnhum.2020.00199
- Edelman, G.M. (2004). *Wider Than the Sky: The Phenomenal Gift of Consciousness*. New Haven: Yale University Press. doi: 10.1172/JCI23795
- Fleury, G., Fortin-Langelier, B., & Ben-Cheikh, I. (2016). The Cardiac Rhythm of the Unconscious in a Case of Panic Disorder. *American Journal of Psychotherapy*, 70 (3), 277–300. doi: 10.1176/appi.psychotherapy.2016.70.3.277
- Fodor, J.A. (1983). *Modularity of Mind: An Essay on Faculty Psychology*. Cambridge: MIT Press. doi: 10.7551/mitpress/4737.001.0001
- Fox, K.C.R. et al. (2018). Affective neuroscience of self-generated thought. *Annals of the New York Academy of Sciences*, 1426 (1), 25–51. doi: 10.1111/nyas.13740
- Gallo, B., Farinelli, M., & Speri, L. (2013). Dreaming the body. *Neuropsychoanalysis*, 15(2), 177–184. doi: 10.1080/15294145.2013.10799829
- Gomes, C.A., Montaldi, D., & Mayes, A. (2015). The pupil as an indicator of unconscious memory: Introducing the pupil priming effect. *Psychophysiology*, 52 (6), 754–769. doi: 10.1111/psyp.12412
- Graham, K.S., & Gaffan, D. (2005). The role of the medial temporal lobe in memory and perception: evidence from rats, non-human primates and humans. *The Quarterly Journal of Experimental Psychology. B: Comparative and Physiological Psychology*, 58 (3–4), 193–201. doi: 10.1080/02724990544000059
- Greenwald, A.G. (1992). New look 3: Unconscious cognition reclaimed. *The American psychologist*, 47 (6), 766–779. doi: 10.1037/0003-066X.47.6.766
- Harris, S. (2012). *Free Will*. New York: Free Press.
- Hassett, J. (1978). *A Primer of Psychophysiology*. San Francisco: W.H. Freeman & Co.
- Hawkins, J., Lewis, M., Klukas, M., Purdy, S., & Ahmad, S. (2019). A Framework for Intelligence and Cortical Function Based on Grid Cells in the Neocortex. *Frontiers in Neural Circuits*, 12, 121. doi: 10.3389/fncir.2018.00121
- Herzog, M.H., Drissi-Daoudi, L., & Doerig, A. (2020). All in Good Time: Long-Lasting Postdictive Effects Reveal Discrete Perception. *Trends in Cognitive Sciences*, 24 (10), 826–837. doi: 10.1016/j.tics.2020.07.001
- Hills, T.T. (2019). Neurocognitive free will. *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences*, 286 (1908), 20190510. doi: 10.1098/rspb.2019.0510
- Ivonin, L., et al. (2015). Beyond cognition and affect: sensing the unconscious. *Behaviour & Information Technology*, 34 (3), 220–238. doi: 10.1080/0144929X.2014.912353
- Jackson, M. (2018). The mental apparatus in left MCA infarction: Relational language deficit and changes to ego function in conduction aphasia. *Neuropsychoanalysis*, 20 (1), 33–45. doi: 10.1080/15294145.2018.1474796

- Johnson, B. (2009). A “neuropsychanalytic” treatment of a patient with cocaine dependence. *Neuropsychanalysis*, 11 (2), 181–196. doi: 10.1080/15294145.2010.10773647
- Johnson, B., & Faraone, S.V. (2013). Outpatient detoxification completion and one-month outcomes for opioid dependence: A preliminary study of a neuropsychanalytic treatment in pain patients and addicted patients. *Neuropsychanalysis*, 15 (2), 145–160. doi: 10.1080/15294145.2013.10799827
- Kehyayan, A., Best, K., Schmeing, J.-B., Axmacher, N., & Kessler, H. (2013). Neural activity during free association to conflict-related sentences. *Frontiers in human neuroscience*, 7, 705. doi: 10.3389/fnhum.2013.00705
- Kenrick, D.T., & Griskevicius, V. (2013). *The rational animal: How evolution made us smarter than we think*. New York: Basic Books.
- Kensinger, E.A., Corkin, S. (2004). Two routes to emotional memory: distinct neural processes for valence and arousal. *PNAS*, 101 (9), 3310–3315. doi: 10.1073/pnas.0306408101
- Kihlstrom, J.F. (1999). The psychological unconscious. In L.A. Pervin, & O.P. John (Eds.). *Handbook of personality: Theory and research* (pp. 424–442). New York: Guilford Press.
- Kihlstrom, J.F., Barnhardt, T.M., & Tatarzyn, D.J. (1992). The Psychological Unconscious: Found, Lost, and Regained. *American Psychologist*, 47 (6), 788–791. doi: 10.1037/0003-066X.47.6.788
- Killgore, W.D., & Yurgelun-Todd, D.A. (2004). Activation of the amygdala and anterior cingulate during nonconscious processing of sad versus happy faces. *Neuroimage*, 21 (4), 1215–1223. doi: 10.1016/j.neuroimage.2003.12.033
- Kouider, S., Dehaene, S., Jobert, A., & Le Bihan, D. (2007). Cerebral bases of subliminal and supraliminal priming during reading. *Cerebral Cortex*, 17 (9), 2019–2029. doi: 10.1093/cercor/bhl110
- Lakatos, I. (1976). Falsification and the Methodology of Scientific Research Programmes. In S.G. Harding (Ed.). *Can theories be refuted?* (pp. 205–259). Dordrecht: D. Reidel Publishing Company. doi: 10.1007/978-94-010-1863-0_14
- LeDoux, J.E. (1998). *The emotional brain: The mysterious underpinnings of emotional life*. New York: Simon & Schuster.
- Libet, B. (2004). *Mind Time: The Temporal Factor in Consciousness*. Cambridge: Harvard University Press.
- Lolatto, R. et al. (2018). Exploration of Web-Sites Affects Autonomic Responses Related to Unconscious Emotions. *40th Annual International Conference of the IEEE Engineering in Medicine and Biology Society* (pp. 4615–4618). Honolulu: IEEE. doi: 10.1109/EMBC.2018.8513237
- Lopez-Franco, A., Alanis, A.Y., Lopez-Franco, C., Arana-Daniel, N., Lopez-Franco, M. (2018). Emotional system in complex cognitive activities of working memory: A literature review of its role. *Journal of Integrative Neuroscience*, 17 (3–4), 679–693. doi: 10.3233/JIN-180095
- Lucini, F.A., Del Ferraro, G., Sigman, M., & Makse, H.A. (2019). How the Brain Transitions from Conscious to Subliminal Perception. *Neuroscience*, 411, 280–290. doi: 10.1016/j.neuroscience.2019.03.047
- MacLean, P.D. (1978). A mind of three minds: Education the triune brain. In J.S. Chall, & A.F. Mirsky (Eds.). *Education and the brain, the 77th National Society for the Study of Education Yearbook* (pp. 308–342). Chicago: University of Chicago Press.
- Marini, S. et al. (2016). The bridge between two worlds: psychoanalysis and fMRI. *Reviews in the Neurosciences*, 27 (2), 219–229. doi: 10.1515/revneuro-2015-0031
- Mathiesen, B.B., Förster, P.L.V., & Svendsen, H.A. (2004). Affect regulation and loss of initiative in a case of orbitofrontal injury. *Neuropsychanalysis*, 6 (1), 47–62. doi: 10.1080/15294145.2004.10773440
- McFadden, J. (2020). Integrating information in the brain’s EM field: the cemi field theory of consciousness. *Neuroscience of Consciousness*, 6 (1), niaa016. doi: 10.1093/nc/νιαa016
- Metzinger, T. (2010). *The Ego Tunnel: The Science of the Mind and the Myth of the Self*. New York: Basic Books.
- Mithen, S. (1999). *The Prehistory of the Mind: The Cognitive Origins of Art, Religion and Science*. London: Thames & Hudson.
- Moccia, L., Mazza, M., Di Nicola, M., & Janiri, L. (2018). The Experience of Pleasure: A Perspective between Neuroscience and Psychoanalysis. *Frontiers in human neuroscience*, 12, 359. doi: 10.3389/fnhum.2018.00359
- Najström, M., Jansson, B. (2006). Unconscious responses to threatening pictures: interactive effect of trait anxiety and social desirability on skin conductance responses. *Cognitive Behaviour Therapy*, 35 (1), 11–18. doi: 10.1080/16506070510011566
- Nava, E., Romano, D., Grassi, M., & Turati, C. (2016). Skin conductance reveals the early development of the unconscious processing of emotions. *Cortex*, 84, 124–131. doi: 10.1016/j.cortex.2016.07.011
- Newton, T.L., & Contrada, R.J. (1992). Repressive coping and verbal-autonomic response dissociation: The influence of social context. *Journal of personality and social psychology*, 62 (1), 159–167. doi: 10.1037/0022-3514.62.1.159
- Northoff, G. (2011). *Neuropsychanalysis in Practice: Brain, Self and Objects*. Oxford: Oxford University Press.
- Northoff, G. et al. (2002). Orbitofrontal Cortical Dysfunction and “Sensori-motor Regression”: A Combined Study of fMRI and Personal Constructs in Catatonia. *Neuropsychanalysis*, 4 (2), 151–171. doi: 10.1080/15294145.2002.10773394
- Nuske, H.J., Vivanti, G., Hudry, K., & Dissanayake, C. (2014). Pupillometry reveals reduced unconscious emotional reactivity in autism. *Biological Psychology*, 101, 24–35. doi: 10.1016/j.biopsycho.2014.07.003
- Ornstein, R.E. (1992). *Evolution of Consciousness: The Origins of the Way We Think*. New York: Simon & Schuster.
- Özkarar, F.G., Göktepe, E., & Canbeyli, R. (2008). Ego fails to repress: the role of left frontal lobe hypoactivation in associative memory impairment in schizophrenia. *Neuropsychanalysis*, 10 (2), 189–199. doi: 10.1080/15294145.2008.10773587
- Panksepp, J., & Solms, M. (2012). What is neuropsychanalysis? Clinically relevant studies of the minded brain. *Trends in cognitive sciences*, 16 (1), 6–8. doi: 10.1016/j.tics.2011.11.005
- Panksepp, J., Lane, R.D., Solms, M., & Smith, R. (2017). Reconciling cognitive and affective neuroscience perspectives on the brain basis of emotional experience. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*, 76 (B), 187–215. doi: 10.1016/j.neubiorev.2016.09.010
- Penfield, W. (2015). *Mystery of the Mind: A Critical Study of Consciousness and the Human Brain*. Princeton: Princeton University Press. doi: 10.1515/9781400868735
- Pennebaker, J.W., Hughes, C.F., & O’Heeron, R.C. (1987). The psychophysiology of confession: linking inhibitory and psychosomatic processes. *Journal of personality and social psychology*, 52 (4), 781–793. doi: 10.1037/0022-3514.52.4.781

- Piaget, J. (1973). The Affective Unconscious and the Cognitive Unconscious. *Journal of the American Psychoanalytic Association*, 21 (2), 249–261. doi: 10.1177/000306517302100201
- Popper, K. (1963). *Conjectures and Refutations: The Growth of Scientific Knowledge*. London: Routledge & Kegan Paul.
- Prince, M. (1909). The unconscious. Chapters IV and V. *The Journal of Abnormal Psychology*, 3 (6), 391–426. doi: 10.1037/h0072025
- Pugnaghi, G., Memmert, D., & Kreitz, C. (2020). Loads of unconscious processing: The role of perceptual load in processing unattended stimuli during inattention blindness. *Attention, Perception, & Psychophysics*, 82 (5), 2641–2651. doi: 10.3758/s13414-020-01982-8
- Ramus, F. (2013). What's the point of neuropsychology? *The British Journal of Psychiatry*, 203 (3), 170–171. doi: 10.1192/bjp.bp.113.127217
- Redinbaugh, M.J. et al. (2020). Thalamus Modulates Consciousness via Layer-Specific Control of Cortex. *Neuron*, 106 (1), 66–75. doi: 10.1016/j.neuron.2020.01.005
- Revonsuo, A. (2017). *Foundations of Consciousness (Foundations of Psychology)*. New York: Routledge. doi: 10.4324/9781315115092
- Ruby, P.M. (2011). Experimental research on dreaming: state of the art and neuropsychanalytic perspectives. *Frontiers in Psychology*, 2, 286. doi: 10.3389/fpsyg.2011.00286
- Salas, C.E., Casassus, M., & Turnbull, O.H. (2017). A neuropsychanalytic approach to case studies. *Clinical Social Work Journal*, 45 (3), 201–214. doi: 10.1007/s10615-016-0596-z
- Sayin, A., & Ceylan, M.E. (2013). The Neurobiology of Transference. *The Journal of Mind & Behavior*, 34 (3/4), 233–258.
- Scheinin, A. et al. (2021). Foundations of Human Consciousness: Imaging the Twilight Zone. *Journal of Neuroscience*, 41 (8), 1769–1778. doi: 10.1523/JNEUROSCI.0775-20.2020
- Schultze-Kraft, M. et al. (2016). The point of no return in vetoing self-initiated movements. *PNAS*, 113 (4), 1080–1085. doi: 10.1073/pnas.1513569112
- Seirafi, M., De Weerd, P., Pegna, A.J., & de Gelder, B. (2016). Audiovisual Association Learning in the Absence of Primary Visual Cortex. *Frontiers in human neuroscience*, 9, 686. doi: 10.3389/fnhum.2015.00686
- Seth, A.K., Izhikevich, E., Reeke, G.N., & Edelman, G.M. (2006). Theories and measures of consciousness: an extended framework. *PNAS*, 103 (28), 10799–10804. doi: 10.1073/pnas.0604347103
- Sjöberg, R.L. (2021). Free will and neurosurgical resections of the supplementary motor area: a critical review. *Acta Neurochirurgica*, 12 (1). doi: 10.1007/s00701-021-04748-9
- Sloman, S., & Fernbach, P. (2017). *The Knowledge Illusion: Why We Never Think Alone*. New York: Riverhead Books.
- Smith, R., & Solms, M. (2018). Examination of the hypothesis that repression is premature automatization: A psychoanalytic case report and discussion. *Neuropsychanalysis*, 20 (1), 47–61. doi: 10.1080/15294145.2018.1473045
- Sokolov, E. (2013). *Psychophysiology of Consciousness*. Oxford: Oxford University Press.
- Solms, M., & Panksepp, J. (2012). The “Id” knows more than the “Ego” admits: Neuropsychanalytic and primal consciousness perspectives on the interface between affective and cognitive neuroscience. *Brain Sciences*, 2 (2), 147–175. doi: 10.3390/brainsci2020147
- Soon, C.S., Brass, M., Heinze, H.-J., & Haynes, J.-D. (2008). Unconscious determinants of free decisions in the human brain. *Nature Neuroscience*, 11, 543–545. doi: 10.1038/nn.2112
- Spence, S.A. et al. (2009). Toward a cognitive neurobiological account of free association. *Neuropsychanalysis*, 11 (2), 151–163. doi: 10.1080/15294145.2009.10773607
- Stoléru, S. (2004). Reading the Freudian theory of sexual drives from a functional neuroimaging perspective. *Frontiers in human neuroscience*, 8, 157. doi: 10.3389/fnhum.2014.00157
- Suzuki, W.A. (2009). Perception and the medial temporal lobe: evaluating the current evidence. *Neuron*, 61 (5), 657–666. doi: 10.1016/j.neuron.2009.02.008
- Suzuki, W.A., Baxter, M.G. (2009). Memory, perception, and the medial temporal lobe: a synthesis of opinions. *Neuron*, 61 (5), 678–679. doi: 10.1016/j.neuron.2009.02.009
- Suzuki, Y., Minami, T., & Nakauchi, S. (2018). Association between pupil dilation and implicit processing prior to object recognition via insight. *Scientific Reports*, 8, 6874. doi: 10.1038/s41598-018-25207-z
- Swaab, D.F. (2014). *We Are Our Brains: A Neurobiography of the Brain, from the Womb to Alzheimer's*. New York: Spiegel & Grau.
- Takarada, Y., & Nozaki, D. (2017). Pupil dilations induced by barely conscious reward goal-priming. *Neuropsychologia*, 103, 69–76. DOI: doi: 10.1016/j.neuropsychologia.2017.07.020
- Tiberg, K. (2007). (Ap)perceptual Distortions in a Case of Right-Hemisphere Lesion: Evidence from the TAT. *Neuropsychanalysis*, 9 (1), 59–65. doi: 10.1080/15294145.2007.10773542
- Tiberg, K. (2014). Confabulating in the transference. *Neuropsychanalysis*, 16 (1), 57–67. doi: 10.1080/15294145.2014.898410
- Tononi, G., & Edelman, G.M. (1998). Consciousness and Complexity. *Science*, 282 (5395), 1846–1851. doi: 10.1126/science.282.5395.1846
- Trevena, J., & Miller, J. (2010). Brain preparation before a voluntary action: Evidence against unconscious movement initiation. *Consciousness and Cognition*, 19 (1), 447–456. doi: 10.1016/j.concog.2009.08.006
- Turnbull, O.H., Jenkins, S., & Rowley, M.L. (2004). The pleasantness of false beliefs: An emotion-based account of confabulation. *Neuropsychanalysis*, 6 (1), 5–16. doi: 10.1080/15294145.2004.10773432
- Turnbull, O.H., Jones, K., & Reed-Screen, J. (2002). Implicit awareness of deficit in anosognosia? An emotion-based account of denial of deficit. *Neuropsychanalysis*, 4 (1), 69–87. doi: 10.1080/15294145.2002.10773381
- Unterrainer, H.F., Chen, M.J.-L., & Gruzelier, J.H. (2014). EEG-neurofeedback and psychodynamic psychotherapy in a case of adolescent anhedonia with substance misuse: Mood/theta relations. *International Journal of Psychophysiology*, 93 (1), 84–95. doi: 10.1016/j.ijpsycho.2013.03.011

- Unterrainer, H.F., Lewis, A.J., & Gruzelier, J.H. (2013). EEG-Neurofeedback in psychodynamic treatment of substance dependence. *Frontiers in Psychology*, 4, 692. doi: 10.3389/fpsyg.2013.00692
- Van der Ploeg, M.M. et al. (2017). Inducing unconscious stress: Cardiovascular activity in response to subliminal presentation of threatening and neutral words. *Psychophysiology*, 54 (10), 1498–1511. doi: 10.1111/psyp.12891
- Villa, K.K., Shevrin, H., Snodgrass, M., Bazan, A., & Brakel, L.A.W. (2006). Testing Freud's Hypothesis That Word Forms and Word Meaning Are Functionally Distinct: Subliminal Primary-Process Cognition and Its Link to Personality. *Neuropsychanalysis*, 8 (2), 117–138. doi: 10.1080/15294145.2006.10773521
- Whalen, P.J. et al. (1998). Masked presentations of emotional facial expressions modulate amygdala activity without explicit knowledge. *The Journal of Neuroscience*, 18 (1), 411–418. doi: 10.1523/JNEUROSCI.18-01-00411.1998
- Wiest, G., Lurger, S., & Baumgartner, C. (2012). Free will, agency, and the synthetic function of the ego: an investigation using cortical stimulation. *Neuropsychanalysis*, 14 (2), 135–140. doi: 10.1080/15294145.2012.10773697
- Wolk, P.C., Savoy, R.L., & Frederick, B.B. (2012). The neural correlates of vertical splitting in a single case study. *Neuropsychanalysis*, 14 (2), 157–163. doi: 10.1080/15294145.2012.10773699
- Yovell, Y. (2000). From hysteria to posttraumatic stress disorder: Psychoanalysis and the neurobiology of traumatic memories. *Neuropsychanalysis*, 2 (2), 171–181. doi: 10.1080/15294145.2000.10773303
- Yu, C.K.-C. (2016). Classification of typical dream themes and implications for dream interpretation. *Neuropsychanalysis*, 18 (2), 133–146. doi: 10.1080/15294145.2016.1236701

References

- Abt, L.E., & Bellak, L. (Eds.). (1950). *Projective Psychology: Clinical Approaches to the Total Personality*. New York: A.A. Knopf. doi: 10.1037/11452-000
- Agafonov, A.Yu. (2006). *Cognitive psychomechanics of consciousness, or how consciousness unknowingly makes a decision about awareness*. Samara: Publ. "Univers grup". (In Russ.)
- Agafonov, A.Yu., & Kudel'kina, N.S. (2011). Experimental effect of extramental semantic sensitivity. In V.A. Barabanshchikov (Ed.), *Modern experimental psychology*, 2 (pp. 9–27). Moscow: Publ. "Institut psikhologii RAN". (In Russ.)
- Aizman, R.I., & Krivoshchekov, S.G. (2013). *Physiological foundations of mental activity*. Moscow: INFRA-M. (In Russ.)
- Akopov, G.V. (2010). *Psychology of consciousness: Questions of methodology, theory and applied research*. Moscow: Publ. "Institut psikhologii RAN". (In Russ.)
- Alexander, P. et al. (2016). Readiness potentials driven by non-motoric processes. *Consciousness and Cognition*, 39, 38–47. doi: 10.1016/j.concog.2015.11.011
- Allakhverdov, M.V., Scott, T., Chernaya, A.S., & Allakhverdov, V.M. (2019). Cognitive Control of Irrelevant Stimulus Changes. *Sovremennye tekhnologii v meditsine (Modern technologies in medicine)*, 11 (1), 63–68. doi: 10.17691/stm2019.11.1.07 (In Russ.)
- Allakhverdov, V.M. (2009). The Role of Consciousness in Human Cognitive Activity. *Psychology in Russia*, 2, 124–140. doi: 10.11621/pir.2009.0007
- Allakhverdov, V.M., Voskresenskaya, E.Yu., & Naumenko, O.V. (2008). Consciousness and cognitive unconscious. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika (Bulletin of Saint Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogy)*, 2, 10–19. (In Russ.)
- Asendorpf, J.B., & Scherer, K.R. (1983). The discrepant repressor: Differentiation between low anxiety, high anxiety, and repression of anxiety by autonomic-facial-verbal patterns of behavior. *Journal of Personality and Social Psychology*, 45 (6), 1334–1346. doi: 10.1037/0022-3514.45.6.1334
- Asmolov, A.G. (1980). Classification of extramental phenomena and the category of activity. *Voprosy psikhologii (Questions of Psychology)*, 3, 45–53. doi: 10.2753/RPO1061-0405190329 (In Russ.)
- Axmacher, N., & Heinemann, A. (2012). Toward a neural understanding of emotional oscillation and affect regulation: investigating the dynamic unconscious and transference. An interdisciplinary study. *Neuropsychanalysis*, 14 (2), 141–155. doi: 10.1080/15294145.2012.10773698
- Baars, B.J., Ramamurthy, U., & Franklin, S. (2007). How Deliberate, Spontaneous, and Unwanted Memories Emerge in a Computational Model of Consciousness. In J.H. Mace (Ed.), *Involuntary Memory. New Perspectives in Cognitive Psychology* (pp. 177–207). Malden: Blackwell Publishing. doi: 10.1002/9780470774069.ch9
- Bargh, J.A., & Morsella, E. (2008). The Unconscious Mind. *Perspectives on Psychological Science*, 3 (1), 73–79. doi: 10.1111/j.1745-6916.2008.00064.x
- Barrett, H.C., & Kurzban, R. (2006). Modularity in cognition: Framing the debate. *Psychological Review*, 113 (3), 628–647. doi: 10.1037/0033-295X.113.3.628
- Barrett, L.F. (2017). The theory of constructed emotion: an active inference account of interoception and categorization. *Social Cognitive and Affective Neuroscience*, 12 (1), 1–23. doi: 10.1093/scan/nsw154
- Bassin, F.V. (1968). *The problem of the unconscious (On unconscious forms of higher nervous activity)*. Moscow: Publ. "Meditsina". (In Russ.)
- Baulina, M.E. (2018). *Neuropsychology*. Moscow: Publ. VLADOS. (In Russ.)
- Baxter, M.G. (2009). Involvement of medial temporal lobe structures in memory and perception. *Neuron*, 61 (5), 667–677. doi: 10.1016/j.neuron.2009.02.007
- Bazan, A., & Detandt, S. (2017). The Grand Challenge for Psychoanalysis and Neuropsychanalysis: A Science of the Subject. *Frontiers in Psychology*, 8, 1259. doi: 10.3389/fpsyg.2017.01259
- Bechara, A., & Damasio, A.R. (2005). The somatic marker hypothesis: A neural theory of economic decision. *Games and Economic Behavior*, 52 (2), 336–372. doi: 10.1016/j.geb.2004.06.010

- Bechara, A., Damasio, H., Tranel, D., & Damasio, A.R. (1997). Deciding advantageously before knowing the advantageous strategy. *Science*, 275 (5304), 1293–1295. doi: 10.1126/science.275.5304.1293
- Bekhterev, V.M. (1888). *Consciousness and its boundaries*. Kazan: Tipografiya Imperatorskogo universiteta. (In Russ.)
- Bekoeva, D.D. (1978). *Neiropsikhologicheskii analiz fiksirovannoi ustanovki: diss. ... kand. psikhol. nauk. (Neuropsychological analysis of fixed set)*. Ph.D. dissertation (Psychology). Moscow. (In Russ.)
- Berlin, H.A. (2011). The neural basis of the dynamic unconscious. *Neuropsychoanalysis*, 13(1), 5–31. doi:10.1080/15294145.2011.10773654
- Berlucchi, G., & Marzi, C.A. (2019). Neuropsychology of Consciousness: Some History and a Few New Trends. *Frontiers in Psychology*, 10, 50. doi: 10.3389/fpsyg.2019.00050
- Bettiga, D., Lamberti, L., & Noci, G. (2017). Do mind and body agree? Unconscious versus conscious arousal in product attitude formation. *Journal of Business Research*, 75, 108–117. doi: 10.1016/j.jbusres.2017.02.008
- Bijleveld, E., Custers, R., & Aarts, H. (2009). The Unconscious Eye Opener: Pupil Dilation Reveals Strategic Recruitment of Resources upon Presentation of Subliminal Reward Cues. *Psychological Science*, 20 (11), 1313–1315. doi: 10.1111/j.1467-9280.2009.02443.x
- Bizyuk, A.P. (2010). *Fundamentals of Neuropsychology*. Saint Petersburg: Rech'. (In Russ.)
- Blass, R.B., & Carmeli, Z. (2007). The case against neuropsychoanalysis: On fallacies underlying psychoanalysis' latest scientific trend and its negative impact on psychoanalytic discourse. *The International Journal of Psychoanalysis*, 88 (1), 19–40. doi: 10.1516/6NCA-A4MA-MFQ7-0JTJ
- Boag, S. (2008). Making sense of subliminal perception. In A.M. Columbus (Ed.). *Advances in Psychology Research*, 54 (pp. 117–139). New York: Nova.
- Bochorishvili, A.T. (1961). *The problem of the unconscious in psychology*. Tbilisi: Izdatel'stvo Akademii nauk Gruzinskoi SSR. (In Russ.)
- Bogdanchikov, S.A. (2002). A.R. Luria and psychoanalysis. *Voprosy psikhologii (Questions of Psychology)*, 4, 84–93. (In Russ.)
- Bruner, J.S. (1957). On perceptual readiness. *Psychological Review*, 64 (2), 123–152. doi: 10.1037/h0043805
- Bzhalava, I.T., & Luriya, A.R. (1947). Disturbance of fixed setting in local brain lesions. In N.I. Grashchenkov (Ed.), *War-time Neurology* (pp. 247–264). Moscow: Institut nevrologii AMN SSSR. (In Russ.)
- Caprara, G.V., & Cervone, D. (2000). *Personality: Determinants, dynamics, and potentials*. New York: Cambridge University Press. doi: 10.1017/CBO9780511812767
- Cleeremans, A. (2001). Conscious and unconscious processes in cognition. *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*, 4, 2584–2589. doi: 10.1016/B0-08-043076-7/03560-9
- Coetzer, R., Roberts, C., Turnbull, O.H., & Vaughan, F.L. (2018). Neuropsychoanalytically informed psychotherapy approaches to rehabilitation: The North Wales Brain Injury Service–Bangor University experience 1998–2018. *Neuropsychoanalysis*, 20 (1), 3–13. doi: 10.1080/15294145.2018.1478747
- Colace, C. et al. (2010). Limbic system activity and drug dreaming in drug-addicted subjects. *Neuropsychoanalysis*, 12 (2), 201–206. doi: 10.1080/15294145.2010.10773647
- Coolidge, F.L. (2020). *Evolutionary Neuropsychology: An Introduction to the Structures and Functions of the Human Brain*. New York: Oxford University Press. doi: 10.1093/oso/9780190940942.001.0001
- Cooper, C. (1998). *Individual Differences*. London: Arnold.
- Damasio, A.R. (1994). *Descartes' error: Emotion, reason, and the human brain*. New York: Avon Books.
- Deecke, L. (2012). There are conscious and unconscious agendas in the brain and both are important — our will can be conscious as well as unconscious. *Brain Sciences*, 2 (3), 405–420. doi: 10.3390/brainsci2030405
- Dehaene, S. et al. (2001). Cerebral mechanisms of word masking and unconscious repetition priming. *Nature Neuroscience*, 4 (7), 752–758. doi: 10.1038/89551
- Di Giannantonio, M., Northoff, G., & Salone, A. (2020). Editorial: The Interface between Psychoanalysis and Neuroscience: the State of the Art. *Frontiers in human neuroscience*, 14, 199. doi: 10.3389/fnhum.2020.00199
- Edelman, G.M. (2004). *Wider Than the Sky: The Phenomenal Gift of Consciousness*. New Haven: Yale University Press. doi: 10.1172/JCI23795
- Eidemiller, E.G., Tarabanov, A.E. (2019). Modern Neuropsychoanalysis as an Integrative Scientific and Therapeutic Practice. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya (Counseling Psychology and Psychotherapy)*, 27 (1), 64–78. doi: 10.17759/cpp.2019270105 (In Russ.)
- Erzin, A.I., & Kovtunencko, A.Ju. (2020a). *Neuropsychology of anticipation-I: Monograph*. Moscow: Akademicheskij proekt. (In Russ.)
- Erzin, A.I., & Kovtunencko, A.Ju. (2020b). *Neuropsychology of anticipation-II: Monograph*. Moscow: Akademicheskij proekt. (In Russ.)
- Fleury, G., Fortin-Langelier, B., & Ben-Cheikh, I. (2016). The Cardiac Rhythm of the Unconscious in a Case of Panic Disorder. *American Journal of Psychotherapy*, 70 (3), 277–300. doi: 10.1176/appi.psychotherapy.2016.70.3.277
- Fodor, J.A. (1983). *Modularity of Mind: An Essay on Faculty Psychology*. Cambridge: MIT Press. doi: 10.7551/mitpress/4737.001.0001
- Fox, K.C.R. et al. (2018). Affective neuroscience of self-generated thought. *Annals of the New York Academy of Sciences*, 1426 (1), 25–51. doi: 10.1111/nyas.13740
- Freud, S. (1990). *Psychology of unconscious: collected works*. Moscow: Prosveshchenie. (In Russ.)
- Gallo, B., Farinelli, M., & Speri, L. (2013). Dreaming the body. *Neuropsychoanalysis*, 15(2), 177–184. doi:10.1080/15294145.2013.10799829
- Gershuni, G.V. (1947). Exploring subsensory reactions at activities of sense organs. *Fiziologicheskii zhurnal SSSR (Physiological Journal of the USSR)*, 33, 393–412. (In Russ.)
- Gershuni, G.V. (1957). General results of the research activities of the human auditory analyzer using different reactions. *Zhurnal vysshei nervnoi deyatel'nosti (Journal of Higher Nervous Activity)*, 7 (1), 13–23. (In Russ.)

- Gomes, C.A., Montaldi, D., & Mayes, A. (2015). The pupil as an indicator of unconscious memory: Introducing the pupil priming effect. *Psychophysiology*, 52 (6), 754–769. doi: 10.1111/psyp.12412
- Graham, K.S., & Gaffan, D. (2005). The role of the medial temporal lobe in memory and perception: evidence from rats, non-human primates and humans. *The Quarterly Journal of Experimental Psychology. B: Comparative and Physiological Psychology*, 58 (3–4), 193–201. doi: 10.1080/02724990544000059
- Greenwald, A.G. (1992). New look 3: Unconscious cognition reclaimed. *The American psychologist*, 47 (6), 766–779. doi: 10.1037/0003-066X.47.6.766
- Grigolava, V.V. (1984). The unconscious and the set. *Voprosy psikhologii (Questions of Psychology)*, 3, 145–150. (In Russ.)
- Harris, S. (2012). *Free Will*. New York: Free Press.
- Hassett, J. (1978). *A Primer of Psychophysiology*. San Francisco: W.H. Freeman & Co.
- Hawkins, J., Lewis, M., Klukas, M., Purdy, S., & Ahmad, S. (2019). A Framework for Intelligence and Cortical Function Based on Grid Cells in the Neocortex. *Frontiers in Neural Circuits*, 12, 121. doi: 10.3389/fncir.2018.00121
- Herzog, M.H., Drissi-Daoudi, L., & Doerig, A. (2020). All in Good Time: Long-Lasting Postdictive Effects Reveal Discrete Perception. *Trends in Cognitive Sciences*, 24 (10), 826–837. doi: 10.1016/j.tics.2020.07.001
- Hills, T.T. (2019). Neurocognitive free will. *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences*, 286 (1908), 20190510. doi: 10.1098/rspb.2019.0510
- Ivoinin, L., et al. (2015). Beyond cognition and affect: sensing the unconscious. *Behaviour & Information Technology*, 34 (3), 220–238. doi: 10.1080/0144929X.2014.912353
- Jackson, M. (2018). The mental apparatus in left MCA infarction: Relational language deficit and changes to ego function in conduction aphasia. *Neuropsychanalysis*, 20 (1), 33–45. doi: 10.1080/15294145.2018.1474796
- Johnson, B. (2009). A “neuropsychanalytic” treatment of a patient with cocaine dependence. *Neuropsychanalysis*, 11 (2), 181–196. doi: 10.1080/15294145.2010.10773647
- Johnson, B., & Faraone, S.V. (2013). Outpatient detoxification completion and one-month outcomes for opioid dependence: A preliminary study of a neuropsychanalytic treatment in pain patients and addicted patients. *Neuropsychanalysis*, 15 (2), 145–160. doi: 10.1080/15294145.2013.10799827
- Kaplan-Solms, K., & Solms, M. (2016). *Clinical studies in neuro-psychoanalysis. Introduction to a depth neuropsychology* (Trans. from English). Moscow: Akademicheskii proekt. (In Russ.)
- Kehyayan, A., Best, K., Schmeing, J.-B., Axmacher, N., & Kessler, H. (2013). Neural activity during free association to conflict-related sentences. *Frontiers in human neuroscience*, 7, 705. doi: 10.3389/fnhum.2013.00705
- Kenrick, D.T., & Griskevicius, V. (2013). *The rational animal: How evolution made us smarter than we think*. New York: Basic Books.
- Kensinger, E.A., Corkin, S. (2004). Two routes to emotional memory: distinct neural processes for valence and arousal. *PNAS*, 101 (9), 3310–3315. doi: 10.1073/pnas.0306408101
- Khaletskii, A.M. (1970). *Levels of mental activity*. Moscow: Publ. “Meditsina”. (In Russ.)
- Khomskaya, E.D. (2010). *Neuropsychology* (4th ed.). Saint Petersburg: Piter. (In Russ.)
- Kihlstrom, J.F. (1999). The psychological unconscious. In L.A. Pervin, & O.P. John (Eds.). *Handbook of personality: Theory and research* (pp. 424–442). New York: Guilford Press.
- Kihlstrom, J.F., Barnhardt, T.M., & Tataryn, D.J. (1992). The Psychological Unconscious: Found, Lost, and Regained. *American Psychologist*, 47 (6), 788–791. doi: 10.1037/0003-066X.47.6.788
- Killgore, W.D., & Yurgelun-Todd, D.A. (2004). Activation of the amygdala and anterior cingulate during nonconscious processing of sad versus happy faces. *Neuroimage*, 21 (4), 1215–1223. doi: 10.1016/j.neuroimage.2003.12.033
- Kolesov, D.V. (2000). *The evolution of the psyche and the nature of drug addiction*. Moscow: Moskovskii psikhologo-sotsial'nyi institut; Voronezh: Publ. NPO “MODEK”. (In Russ.)
- Kouider, S., Dehaene, S., Jobert, A., & Le Bihan, D. (2007). Cerebral bases of subliminal and supraliminal priming during reading. *Cerebral Cortex*, 17 (9), 2019–2029. doi: 10.1093/cercor/bhl110
- Kovyazina, M.S. (2014). *Neiropsikhologicheskii sindrom u bol'nykh s patologiei mozolistogo tela: diss. ... doct. psikh. nauk. (Neuropsychological syndrome in patients with pathology of the corpus callosum)*. Doctoral dissertation (Psychology). Moscow. (In Russ.)
- Kovyazina, M.S., & Fomina, K.A. (2016). Neuropsychological potential of the method of “fixed set” of D.N. Uznadze. *Ekspierimental'naya psikhologiya (Experimental Psychology (Russia))*, 9 (3), 91–102. doi: 10.17759/exppsy.2016090308 (In Russ.)
- Kunel'skaja, N.L., Rezakova, N.V., Gudkova, A.A., & Geht, A.B. (2014). Biofeedback method in clinical practice. *Zhurnal neurologii i psikiatrii im. S.S. Korsakova (S.S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry)*, 114 (8), 46–50. doi: 10.17116/jnevro20141141218-11 (In Russ.)
- Lakatos, I. (1976). Falsification and the Methodology of Scientific Research Programmes. In S.G. Harding (Ed.). *Can theories be refuted?* (pp. 205–259). Dordrecht: D. Reidel Publishing Company. doi: 10.1007/978-94-010-1863-0_14
- Lavrova, O.V. (2010). Ontology of the mental. *Voprosy psikhologii (Questions of Psychology)*, 3, 3–11. (In Russ.)
- LeDoux, J.E. (1998). *The emotional brain: The mysterious underpinnings of emotional life*. New York: Simon & Schuster.
- Libet, B. (2004). *Mind Time: The Temporal Factor in Consciousness*. Cambridge: Harvard University Press.
- Lolatto, R. et al. (2018). Exploration of Web-Sites Affects Autonomic Responses Related to Unconscious Emotions. *40th Annual International Conference of the IEEE Engineering in Medicine and Biology Society* (pp. 4615–4618). Honolulu: IEEE. doi: 10.1109/EMBC.2018.8513237
- Lomov, B.F., & Surkov, E.N. (1980). *Anticipation in the structure of activity*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Lopez-Franco, A., Alanis, A.Y., Lopez-Franco, C., Arana-Daniel, N., Lopez-Franco, M. (2018). Emotional system in complex cognitive activities of working memory: A literature review of its role. *Journal of Integrative Neuroscience*, 17 (3–4), 679–693. doi: 10.3233/JIN-180095

- Lucini, F.A., Del Ferraro, G., Sigman, M., & Makse, H.A. (2019). How the Brain Transitions from Conscious to Subliminal Perception. *Neuroscience*, 411, 280–290. doi: 10.1016/j.neuroscience.2019.03.047
- Luriya, A.R. (1962). *Higher cortical functions in man and their disturbances in local brain lesions*. Moscow: Publ. MGU. (In Russ.)
- Luriya, A.R. (1970). *Human brain and mental processes. Vol. II. Neuropsychological analysis of conscious actions*. Moscow: Publ. "Pedagogika". (In Russ.)
- Luriya, A.R. (1982). *The stages of the traversed way: a scientific biography*. Moscow: Publ. Mosk. un-ta. (In Russ.)
- Luriya, A.R. (2002). *The nature of human conflicts: an objective study of disorganization of human behavior*. Moscow: "Kogito-Center". (In Russ.)
- Luriya, A.R. (2003a). *Fundamentals of Neuropsychology*. Moscow: Publ. "Akademiya". (In Russ.)
- Luriya, A.R. (2003b). *Psychological heritage: Selected papers on general psychology*. Moscow: Smysl. (In Russ.)
- MacLean, P.D. (1978). A mind of three minds: Education the triune brain. In J.S. Chall, & A.F. Mirsky (Eds.). *Education and the brain, the 77th National Society for the Study of Education Yearbook* (pp. 308–342). Chicago: University of Chicago Press.
- Makogonenko, Yu.V. (Ed.). (1994). *Unconscious. Diversity of vision: collected articles, 1*. Novocherkassk: Agentstvo "Saguna". (In Russ.)
- Marini, S. et al. (2016). The bridge between two worlds: psychoanalysis and fMRI. *Reviews in the Neurosciences*, 27 (2), 219–229. doi: 10.1515/revneuro-2015-0031
- Mathiesen, B.B., Förster, P.L.V., & Svendsen, H.A. (2004). Affect regulation and loss of initiative in a case of orbitofrontal injury. *Neuropsychoanalysis*, 6 (1), 47–62. doi: 10.1080/15294145.2004.10773440
- Mazin, V.A. (2019). *The unconscious in Soviet Tbilisi*. Saint Petersburg: Skifija-print. (In Russ.)
- McFadden, J. (2020). Integrating information in the brain's EM field: the cemi field theory of consciousness. *Neuroscience of Consciousness*, 6 (1), niaa016. doi: 10.1093/nc/νιαa016
- Meshcheryakov, B.G., & Zinchenko, V.P. (Eds.). (2009). *Big psychological dictionary* (4th ed.). Moscow: AST MOSKVA; Saint Petersburg: Praim-EVROZNAK. (In Russ.)
- Metzinger, T. (2010). *The Ego Tunnel: The Science of the Mind and the Myth of the Self*. New York: Basic Books.
- Mithen, S. (1999). *The Prehistory of the Mind: The Cognitive Origins of Art, Religion and Science*. London: Thames & Hudson.
- Moccia, L., Mazza, M., Di Nicola, M., & Janiri, L. (2018). The Experience of Pleasure: A Perspective between Neuroscience and Psychoanalysis. *Frontiers in human neuroscience*, 12, 359. doi: 10.3389/fnhum.2018.00359
- Najström, M., Jansson, B. (2006). Unconscious responses to threatening pictures: interactive effect of trait anxiety and social desirability on skin conductance responses. *Cognitive Behaviour Therapy*, 35 (1), 11–18. doi: 10.1080/16506070510011566
- Nava, E., Romano, D., Grassi, M., & Turati, C. (2016). Skin conductance reveals the early development of the unconscious processing of emotions. *Cortex*, 84, 124–131. doi: 10.1016/j.cortex.2016.07.011
- Nemov, R.S. (2017). *General Psychology. In 3 vol. Vol. I. Introduction to Psychology* (6th ed.). Moscow: Publ. Yurait. (In Russ.)
- Nevezorov, A.G. (2012). *Origin of human personality and intelligence. Experience in summarizing classical neurophysiology data*. Saint Petersburg: Anatomiya i Fiziologiya. (In Russ.)
- Newton, T.L., & Contrada, R.J. (1992). Repressive coping and verbal-autonomic response dissociation: The influence of social context. *Journal of personality and social psychology*, 62 (1), 159–167. doi: 10.1037/0022-3514.62.1.159
- Nikitina, E.A. (2018). *Cognition. Consciousness. Unconscious*. Moscow: Knizhnyj dom "LIBROKOM". (In Russ.)
- Nikolaeva, E.I. (2021). *Psychophysiology*. Saint Petersburg: Piter. (In Russ.)
- Northoff, G. (2011). *Neuropsychoanalysis in Practice: Brain, Self and Objects*. Oxford: Oxford University Press.
- Northoff, G. et al. (2002). Orbitofrontal Cortical Dysfunction and "Sensori-motor Regression": A Combined Study of fMRI and Personal Constructs in Catatonia. *Neuropsychoanalysis*, 4 (2), 151–171. doi: 10.1080/15294145.2002.10773394
- Nuske, H.J., Vivanti, G., Hudry, K., & Dissanayake, C. (2014). Pupillometry reveals reduced unconscious emotional reactivity in autism. *Biological Psychology*, 101, 24–35. doi: 10.1016/j.biopsycho.2014.07.003
- Ornstein, R.E. (1992). *Evolution of Consciousness: The Origins of the Way We Think*. New York: Simon & Schuster.
- Ozhigova, A.P. (1989). To the problem of higher cortical centres evolution of the human brain. In Ya.Ya. Roginskii (Ed.), *Biological evolution and man* (pp. 200–219). Moscow: Publ. MGU. (In Russ.)
- Özkarar, F.G., Göktepe, E., & Canbeyli, R. (2008). Ego fails to repress: the role of left frontal lobe hypoactivation in associative memory impairment in schizophrenia. *Neuropsychoanalysis*, 10 (2), 189–199. doi: 10.1080/15294145.2008.10773587
- Panksepp, J., & Solms, M. (2012). What is neuropsychoanalysis? Clinically relevant studies of the minded brain. *Trends in cognitive sciences*, 16 (1), 6–8. doi: 10.1016/j.tics.2011.11.005
- Panksepp, J., Lane, R.D., Solms, M., & Smith, R. (2017). Reconciling cognitive and affective neuroscience perspectives on the brain basis of emotional experience. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*, 76 (B), 187–215. doi: 10.1016/j.neubiorev.2016.09.010
- Penfield, W. (2015). *Mystery of the Mind: A Critical Study of Consciousness and the Human Brain*. Princeton: Princeton University Press. doi: 10.1515/9781400868735
- Pennebaker, J.W., Hughes, C.F., & O'Heeron, R.C. (1987). The psychophysiology of confession: linking inhibitory and psychosomatic processes. *Journal of personality and social psychology*, 52 (4), 781–793. doi: 10.1037/0022-3514.52.4.781
- Petrichuk, N.D. (2020). *What is "Me" – circuit approach: Fundamentals of circuitry of natural neural networks*. Moscow: Knig-Izdat. (In Russ.)
- Petrovskii, A.V. (1995). *Introduction to Psychology*. Moscow: Publ. "Akademiya". (In Russ.)
- Piaget, J. (1973). The Affective Unconscious and the Cognitive Unconscious. *Journal of the American Psychoanalytic Association*, 21 (2), 249–261. doi: 10.1177/000306517302100201
- Piradov, M.A. (Ed.). (2020). *Chronic disorders of consciousness* (2nd ed.). Moscow: Goryachaya liniya – Telekom. (In Russ.)
- Pluzhnikov, I.V. (2014). Key approaches to the problem of personality in neuropsychology. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya (Moscow University Psychology Bulletin)*, 3, 8–17. (In Russ.)

- Popper, K. (1963). *Conjectures and Refutations: The Growth of Scientific Knowledge*. London: Routledge & Kegan Paul.
- Prangishvili, A.S., Bassin, F.V., & Shoshin, P.B. (1984). Is there a dilemma “unconscious or set”? *Voprosy psikhologii (Questions of Psychology)*, 6, 95–101. (In Russ.)
- Prince, M. (1909). The unconscious. Chapters IV and V. *The Journal of Abnormal Psychology*, 3 (6), 391–426. doi: 10.1037/h0072025
- Pugnaghi, G., Memmert, D., & Kreitz, C. (2020). Loads of unconscious processing: The role of perceptual load in processing unattended stimuli during inattentive blindness. *Attention, Perception, & Psychophysics*, 82 (5), 2641–2651. doi: 10.3758/s13414-020-01982-8
- Ramus, F. (2013). What's the point of neuropsychanalysis? *The British Journal of Psychiatry*, 203 (3), 170–171. doi: 10.1192/bjp.bp.113.127217
- Redinbaugh, M.J. et al. (2020). Thalamus Modulates Consciousness via Layer-Specific Control of Cortex. *Neuron*, 106 (1), 66–75. doi: 10.1016/j.neuron.2020.01.005
- Revonsuo, A. (2017). *Foundations of Consciousness (Foundations of Psychology)*. New York: Routledge. doi: 10.4324/9781315115092
- Round table “Problems and prospects of psychological study of disturbances of voluntary regulation of activity” (2012). In N.K. Korsakova, & Yu.V. Mikadze (Eds.), *A.R. Luria's heritage in the modern scientific and cultural-historical context: to the 110th anniversary of A.R. Luria's birth* (pp. 286–327). Moscow: Fakul'tet psikhologii MGU imeni M.V. Lomonosova. (In Russ.)
- Ruby, P.M. (2011). Experimental research on dreaming: state of the art and neuropsychanalytic perspectives. *Frontiers in Psychology*, 2, 286. doi: 10.3389/fpsyg.2011.00286
- Salas, C.E., Casassus, M., & Turnbull, O.H. (2017). A neuropsychanalytic approach to case studies. *Clinical Social Work Journal*, 45 (3), 201–214. doi: 10.1007/s10615-016-0596-z
- Sardzhveladze, N.I. (1985). Unconscious and concept of set in conception of D.N. Uznadze. *Voprosy psikhologii (Questions of Psychology)*, 4, 114–120. (In Russ.)
- Savel'ev, S.V. (2010). *Origin of human brain*. Moscow: VEDI. (In Russ.)
- Savel'ev, S.V. (2015). *Variability and genius* (2nd ed.). Moscow: VEDI. (In Russ.)
- Savel'ev, S.V. (2016). *Brain poverty* (2nd ed.). Moscow: VEDI. (In Russ.)
- Savel'ev, S.V. (2021). *Morphology of consciousness: in 2 vol. Vol. 2*. Moscow: VEDI. (In Russ.)
- Sayin, A., & Ceylan, M.E. (2013). The Neurobiology of Transference. *The Journal of Mind & Behavior*, 34 (3/4), 233–258.
- Scheinin, A. et al. (2021). Foundations of Human Consciousness: Imaging the Twilight Zone. *Journal of Neuroscience*, 41 (8), 1769–1778. doi: 10.1523/JNEUROSCI.0775-20.2020
- Schultze-Kraft, M. et al. (2016). The point of no return in vetoing self-initiated movements. *PNAS*, 113 (4), 1080–1085. doi: 10.1073/pnas.1513569112
- Seirafi, M., De Weerd, P., Pegna, A.J., & de Gelder, B. (2016). Audiovisual Association Learning in the Absence of Primary Visual Cortex. *Frontiers in human neuroscience*, 9, 686. doi: 10.3389/fnhum.2015.00686
- Serikov, A.E. (2012). Free will and its loss in neuropsychological context. *Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii. Seriya: Filologiya. Filologiya (Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series: Philosophy. Philology)*, 2 (12), 63–78. (In Russ.)
- Seth, A.K., Izhikevich, E., Reeke, G.N., & Edelman, G.M. (2006). Theories and measures of consciousness: an extended framework. *PNAS*, 103 (28), 10799–10804. doi: 10.1073/pnas.0604347103
- Shilov, Yu.E. (2015). Cognitive aspects in researches of unconsciousness in contemporary psychology. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk (News of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences)*, 17 (1–4), 907–912. (In Russ.)
- Sjöberg, R.L. (2021). Free will and neurosurgical resections of the supplementary motor area: a critical review. *Acta Neurochirurgica*, 12 (1). doi: 10.1007/s00701-021-04748-9
- Sloman, S., & Fernbach, P. (2017). *The Knowledge Illusion: Why We Never Think Alone*. New York: Riverhead Books.
- Smirnov, I.V. (2003). *Psychoecology*. Moscow: OOO “Izdatel'skii dom «Kholodil'noe delo»”, OOO “Spetsmontazh-ST”. (In Russ.)
- Smirnov, I.V., Beznosyuk, E.V., & Zhuravlev, A.N. (1995). *Computer psychosemantic analysis and psychocorrection at extramental level*. Moscow: Izdatel'skaya gruppa “Progress” – “Kul'tura”. (In Russ.)
- Smith, R., & Solms, M. (2018). Examination of the hypothesis that repression is premature automatization: A psychoanalytic case report and discussion. *Neuropsychanalysis*, 20 (1), 47–61. doi: 10.1080/15294145.2018.1473045
- Sokolov, E. (2013). *Psychophysiology of Consciousness*. Oxford: Oxford University Press.
- Sokolova, E.T. (1976). *Motivation and perception in norm and pathology*. Moscow: Publ. Mosk. un-ta. (In Russ.)
- Solms, M., & Panksepp, J. (2012). The “Id” knows more than the “Ego” admits: Neuropsychanalytic and primal consciousness perspectives on the interface between affective and cognitive neuroscience. *Brain Sciences*, 2 (2), 147–175. doi: 10.3390/brainsci2020147
- Soon, C.S., Brass, M., Heinze, H.-J., & Haynes, J.-D. (2008). Unconscious determinants of free decisions in the human brain. *Nature Neuroscience*, 11, 543–545. doi: 10.1038/nn.2112
- Soroko, S.I., & Trubachev, V.V. (2010). *Neurophysiological and psychophysiological foundations of adaptive biocontrol*. Saint Petersburg: Politekhniko-servis. (In Russ.)
- Spence, S.A. et al. (2009). Toward a cognitive neurobiological account of free association. *Neuropsychanalysis*, 11 (2), 151–163. doi: 10.1080/15294145.2009.10773607
- Stoléru, S. (2004). Reading the Freudian theory of sexual drives from a functional neuroimaging perspective. *Frontiers in human neuroscience*, 8, 157. doi: 10.3389/fnhum.2014.00157
- Suzuki, W.A. (2009). Perception and the medial temporal lobe: evaluating the current evidence. *Neuron*, 61 (5), 657–666. doi: 10.1016/j.neuron.2009.02.008
- Suzuki, W.A., Baxter, M.G. (2009). Memory, perception, and the medial temporal lobe: a synthesis of opinions. *Neuron*, 61 (5), 678–679. doi: 10.1016/j.neuron.2009.02.009

- Suzuki, Y., Minami, T., & Nakauchi, S. (2018). Association between pupil dilation and implicit processing prior to object recognition via insight. *Scientific Reports*, 8, 6874. doi: 10.1038/s41598-018-25207-z
- Swaab, D.F. (2014). *We Are Our Brains: A Neurobiography of the Brain, from the Womb to Alzheimer's*. New York: Spiegel & Grau.
- Takarada, Y., & Nozaki, D. (2017). Pupil dilations induced by barely conscious reward goal-priming. *Neuropsychologia*, 103, 69–76. DOI: doi: 10.1016/j.neuropsychologia.2017.07.020
- Tiberg, K. (2007). (Ap)perceptual Distortions in a Case of Right-Hemisphere Lesion: Evidence from the TAT. *Neuropsychoanalysis*, 9 (1), 59–65. doi: 10.1080/15294145.2007.10773542
- Tiberg, K. (2014). Confabulating in the transference. *Neuropsychoanalysis*, 16 (1), 57–67. doi: 10.1080/15294145.2014.898410
- Tokareva, G.V., & Dorfman, L.Ya. (2014). Investigations of implicit processes in western psychology. *Vestnik YuUrGU. Seriya "Psikhologiya" (Bulletin of the South Ural State University. Series "Psychology")*, 7 (1), 17–27. (In Russ.)
- Tononi, G., & Edelman, G.M. (1998). Consciousness and Complexity. *Science*, 282 (5395), 1846–1851. doi: 10.1126/science.282.5395.1846
- Trevena, J., & Miller, J. (2010). Brain preparation before a voluntary action: Evidence against unconscious movement initiation. *Consciousness and Cognition*, 19 (1), 447–456. doi: 10.1016/j.concog.2009.08.006
- Turnbull, O.H., Jenkins, S., & Rowley, M.L. (2004). The pleasantness of false beliefs: An emotion-based account of confabulation. *Neuropsychoanalysis*, 6 (1), 5–16. doi: 10.1080/15294145.2004.10773432
- Turnbull, O.H., Jones, K., & Reed-Screen, J. (2002). Implicit awareness of deficit in anosognosia? An emotion-based account of denial of deficit. *Neuropsychoanalysis*, 4 (1), 69–87. doi: 10.1080/15294145.2002.10773381
- Unterrainer, H.F., Chen, M.J.-L., & Gruzelier, J.H. (2014). EEG-neurofeedback and psychodynamic psychotherapy in a case of adolescent anhedonia with substance misuse: Mood/theta relations. *International Journal of Psychophysiology*, 93 (1), 84–95. doi: 10.1016/j.ijpsycho.2013.03.011
- Unterrainer, H.F., Lewis, A.J., & Gruzelier, J.H. (2013). EEG-Neurofeedback in psychodynamic treatment of substance dependence. *Frontiers in Psychology*, 4, 692. doi: 10.3389/fpsyg.2013.00692
- Uznadze, D.N. (2001). *Psychology of set*. Saint Petersburg: Piter. (In Russ.)
- Uznadze, D.N. (2014). *Philosophy. Psychology. Pedagogy: mental life science* (Trans. from Georgian). Moscow: Smysl. (In Russ.)
- Van der Ploeg, M.M. et al. (2017). Inducing unconscious stress: Cardiovascular activity in response to subliminal presentation of threatening and neutral words. *Psychophysiology*, 54 (10), 1498–1511. doi: 10.1111/psyp.12891
- Villa, K.K., Shevrin, H., Snodgrass, M., Bazan, A., & Brakel, L.A.W. (2006). Testing Freud's Hypothesis That Word Forms and Word Meaning Are Functionally Distinct: Subliminal Primary-Process Cognition and Its Link to Personality. *Neuropsychoanalysis*, 8 (2), 117–138. doi: 10.1080/15294145.2006.10773521
- Vizel, T.G. (2021). *Fundamentals of Neuropsychology. Theory and practice* (2nd ed.). Moscow: Publ. AST. (In Russ.)
- Whalen, P.J. et al. (1998). Masked presentations of emotional facial expressions modulate amygdala activity without explicit knowledge. *The Journal of Neuroscience*, 18 (1), 411–418. doi: 10.1523/JNEUROSCI.18-01-00411.1998
- Wiest, G., Lurger, S., & Baumgartner, C. (2012). Free will, agency, and the synthetic function of the ego: an investigation using cortical stimulation. *Neuropsychoanalysis*, 14 (2), 135–140. doi: 10.1080/15294145.2012.10773697
- Wolk, P.C., Savoy, R.L., & Frederick, B.B. (2012). The neural correlates of vertical splitting in a single case study. *Neuropsychoanalysis*, 14 (2), 157–163. doi: 10.1080/15294145.2012.10773699
- Yan'shin, P.V. (2013). *Measurements of unconscious I. Microkinetic psychosemantic detection*. Samara: OOO "Izdatel'stvo VEK#21". (In Russ.)
- Yovell, Y. (2000). From hysteria to posttraumatic stress disorder: Psychoanalysis and the neurobiology of traumatic memories. *Neuropsychoanalysis*, 2 (2), 171–181. doi: 10.1080/15294145.2000.10773303
- Yu, C.K.-C. (2016). Classification of typical dream themes and implications for dream interpretation. *Neuropsychoanalysis*, 18 (2), 133–146. doi: 10.1080/15294145.2016.1236701
- Zal'tsman, A.G. (1989). Processing of extramental visual information in the right and left cerebral hemispheres. *Sensornye sistemy (Sensory systems)*, 3 (1), 43–47. (In Russ.)
- Zhane, P. (2009). *Psychic automatism. Experimental study of lowest forms of human mental activity* (Trans. from French). Saint Petersburg: Nauka. (In Russ.)

Оригинальная статья

УДК 159.9.07, 005.32, 796.01:159.9
doi: 10.11621/npj.2021.0112

Женщина в структуре Федерации бокса России: профессиональная мотивация и связь с психологическим благополучием

А.Ю. Акимова*, Национальный исследовательский университет «ННГУ им Н.И. Лобачевского», Нижний Новгород, Россия

ORCID: 0000-0002-5750-8409

Е.Н. Васильева, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний Новгород, Россия

ORCID: 0000-0001-5829-0571

О.М. Исаева, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний Новгород, Россия

ORCID: 0000-0002-0926-5182

*Для контактов. E-mail: anna_ak@rambler.ru

Актуальность статьи. Россия является мировым лидером по числу женщин, входящих в состав управленческих органов в спорте высших достижений. При этом профессиональная мотивация женщин, осуществляющих деятельность в сфере бокса, и ее связь с психологическим благополучием не были специальным предметом изучения. Вместе с тем, целенаправленное управление мотивацией сотрудников могло бы способствовать повышению их профессиональной эффективности, удовлетворенности реализацией себя в профессиональной сфере и, вследствие этого, достижению устойчивого психологического благополучия.

Цель: изучение профессиональной мотивации женщин, являющихся сотрудниками Федерации бокса России (ФБР), и ее связи с психологическим благополучием.

Описание хода исследования. Был проведен опрос 39 женщин в возрасте от 23 до 59 лет, являющихся членами ФБР. Для исследования профессиональной мотивации были использованы опросник профессиональной мотивации Э. Деси и Р. Райана (в адаптации Е.Н. Осина, Т.Ю. Ивановой, Т.О. Гордеевой) и авторская анкета. Для изучения психологического благополучия применялась шкала К. Рифф в адаптации Л.В. Жуковской, Е.Г. Трошихиной.

Результаты исследования позволили определить факторы привлекательности деятельности в ФБР. Среди них лидирующее место занимают «интерес к деятельности», «возможности профессионального развития» и «коллектив». Внутренняя профессиональная мотивация доминирует, что согласуется с данными о привлекательности выполняемой в ФБР деятельности вследствие наличия интереса к ней, возможностей личностного развития, ощущения психологического благополучия от процесса и результатов этой деятельности. Установлены положительные корреляционные связи автономной профессиональной мотивации с психологическим благополучием.

Выводы. Полученные данные позволили описать профессиональную мотивацию женщин, работающих в ФБР, и ее связь с психологическим благополучием.

Ключевые слова: профессиональная мотивация, теория самодетерминации, психологическое благополучие, бокс, женщина в боксе.

Для цитирования: Акимова А.Ю., Васильева Е.Н., Исаева О.М. Женщина в структуре Федерации бокса России: профессиональная мотивация и связь с психологическим благополучием // Национальный психологический журнал. 2021. № 1 (41). С. 149–159. doi: 10.11621/npj.2021.0112

Поступила 24 октября 2020 / Принята к публикации 13 января 2021

Women in the structure of the Russian Boxing Federation: professional motivation and connection with psychological well-being

Anna Yu. Akimova*, National Research University “NNSU named after N.I. Lobachevsky”, Nizhny Novgorod, Russia
ORCID: 0000-0002-5750-8409

Elena N. Vasilyeva, National Research University “Higher School of Economics”, Nizhny Novgorod, Russia
ORCID: 0000-0001-5829-0571

Oksana M. Isaeva, National Research University “Higher School of Economics”, Nizhny Novgorod, Russia
ORCID: 0000-0002-0926-5182

*Corresponding author. E-mail: anna_ak@rambler.ru

Background. Russia is the world leader in the number of women who are members of management bodies in top achievements sports. At the same time, the professional motivation of women engaged in boxing activities and its connection with psychological well-being have not yet been object of a special study. However, targeted management of staff motivation could help to increase their professional efficiency, satisfaction with their performance in the professional sphere and, as a result, achieve sustainable psychological well-being.

Objective. To study the peculiarities of professional motivation of women who are employees of the Russian Boxing Federation (RBF), and its connection with psychological well-being.

Design. The survey involved 39 women aged 23 to 59 who hold positions in the FBF. The tools used were: the Questionnaire of professional motivation by E. Desi and R. Ryan (adapted by Osin E., Ivanova T., and Gordeeva T.), and the Questionnaire of psychological well-being by K. Riff (adapted and modified by L.V. Zhukovskaya and E.G. Troshikhina).

Results of the study made it possible to determine the attractiveness factors of activities in the FBF: the main ones are “interest in activities,” “opportunities for professional development”, and “team”. Internal professional motivation dominates, which is consistent with the data on the attractiveness of the activities performed in the RBF due to interest in it, the possibility of personal development, a sense of psychological well-being from the process and the results of activities. Positive correlation of autonomous professional motivation with psychological well-being has been established.

Conclusion. The data obtained made it possible to describe the peculiarities of professional motivation of women-employees of the Russian Boxing Federation and its connection with psychological well-being.

Keywords: professional motivation, self-determination theory, psychological well-being, boxing, woman in boxing.

For citation: Akimova A.Yu., Vasilyeva E.N., Isaeva O.M. (2021). Women in the structure of the Russian Boxing Federation: professional motivation and connection with psychological well-being. National Psychological Journal [Natsional'nyy psikhologicheskiy zhurnal], 14 (1), 149–159. doi: 10.11621/npj.2021.0112

Received October 24, 2020 / Accepted for publication January 13, 2021

Включение в 2012 году женского бокса в программу Олимпийских игр дало мощный толчок развитию и популяризации бокса среди женщин, как в мире, так и в Российской Федерации. Сегодня, наравне с мужчинами, российские женщины представляют бокс на международной арене в качестве спортсменов, тренеров и международных судей.

Развитием и популяризацией бокса в России, повышением его роли в гармоничном развитии личности, укреплении здоровья и формировании здорового образа жизни занимается общероссийская общественная спортивная организация «Федерация бокса России» (ФБР). Среди приоритетных задач, стоящих перед ФБР, можно выделить организацию и проведение спортивных мероприятий по боксу в России и подготовку спортсменов — членов сборных команд России.

В состав управленческой команды ФБР включены женщины. Около половины женщин, работающих в ФБР, являются высококлассными спортсменами-боксерами, завершившими свою спортивную карьеру. Вторая половина — это женщины, не имеющие

спортивных заслуг в спорте (боксе). Организация и проведение спортивных мероприятий, направленных на популяризацию женского бокса, взаимодействие с региональными властями, представителями бизнеса и СМИ, участие в разработке и утверждении нормативных документов, обеспечение деятельности ФБР и координации работы сотрудников внутри нее — вот перечень основных задач, стоящих перед женщинами управленческой команды Федерации.

Развитию женского бокса в стране и повышению благополучия женщин-боксеров, закончивших свою спортивную карьеру, Федерация бокса России уделяет важное значение. В связи с этим, тема профессиональной мотивации, способствующей формированию благоприятной организационной среды и психологического благополучия женщин, представляется нам важной практической задачей. Ее актуальность обусловлена тем, что ни в России, ни за рубежом практически не исследовались личностные особенности сотрудников данной категории.

Проведенный анализ отечественных и зарубежных работ в базах научного цитирования Scopus и Web of

Анна Юрьевна Акимова —

кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии, Национальный исследовательский университет «ННГУ им. Н.И. Лобачевского», г. Нижний Новгород

ORCID:0000-0002-5750-8409

Anna Yu. Akimova —

PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of General and Social Psychology National Research University “NNSU named after N.I. Lobachevsky”, Nizhny Novgorod, Russia

ORCID:0000-0002-5750-8409

Елена Николаевна Васильева —

кандидат психологических наук, доцент кафедры организационной психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Нижний Новгород

ORCID:0000-0001-5829-0571

Elena N. Vasilyeva —

PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Organizational Psychology National Research University “Higher School of Economics”, Nizhny Novgorod, Russia

ORCID:0000-0001-5829-0571

Оксана Михайловна Исаева —

кандидат психологических наук, доцент кафедры организационной психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Нижний Новгород

ORCID:0000-0002-0926-5182

Oksana M. Isaeva —

PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Organizational Psychology National Research University “Higher School of Economics”, Nizhny Novgorod, Russia

ORCID:0000-0002-0926-5182

Science позволяет выделить три группы исследований, посвященных женщинам в спорте высоких достижений (в том числе и боксе).

Первая самая многочисленная группа исследований посвящена изучению личностных особенностей и специфике деятельности женщин — действующих спортсменов в разных видах спорта. Активно изуча-

Тема профессиональной мотивации, способствующей формированию благоприятной организационной среды и психологического благополучия женщин, представляется нам важной практической задачей. Ее актуальность обусловлена тем, что ни в России, ни за рубежом практически не исследовались личностные особенности сотрудников данной категории.

ются гендерная идентичность женщин (Blodgett et al., 2017; McGannon et al., 2019) и гендерные различия женщин и мужчин, занимающихся спортом (Jegher et al., 2017; Chen et al., 2019; Zhang et al., 2019), особенности восприятия женщинами собственного тела и удовлетворенность им (Филиппова, Шелиспанская, 2017; Fuerniss, Jacobs, 2019), особенности психоэмоциональных состояний спортсменок до и во время соревнований (Surina-Marysheva et al., 2015), поведенческие паттерны женщин-спортсменок, в частности, совладание со спортивной травмой, соревновательная надежность, агрессивное поведение и пр. (Магомедов, 2017; Olmedilla et al., 2018; Москвина, 2017).

Вторая группа исследований представлена небольшим количеством работ, посвященных анализу личностных особенностей и специфики деятельности действующих женщин-боксерок. Изучается психофункциональный статус и психоэмоциональное состояние спортсменок (Surina-Marysheva et al., 2015), взаимосвязь личностной идентичности, психологического благополучия и спортивных результатов женщин-боксерок (McGannon et al., 2019; Schinke et al., 2019), а также проблема психического здоровья и факторов, на него влияющих (Oftadeh-Moghadam, 2017; Oftadeh-Moghadam et al., 2020).

Исследователями анализируются вопросы влияния карьерных возможностей и карьерных барьеров, с которыми сталкиваются женщины-управленцы в спортивных организациях, на их самоощущение и готовность занимать управленческие позиции (Pfister, Radtke, 2009; Huberty et al., 2016). Изучаются особенности профессиональной мотивации женщин в спортивных организациях высокого уровня (Perez-Rivases et al., 2017), влияние стилей лидерства и пола руководителя на организационные результаты в спорте (Peacheu, Burton, 2011). Особое внимание привлекают работы, описывающие эффективность конкретных программ профессиональной подготовки девушек-спортсменок к деятельности в сфере управления и инструментов развития их лидерских компетенций (Taylor, 2016; Kraft et al., 2020; Clayton-Hathway, Fasbender, 2019).

Подчеркнем, что исследования, посвященные профессиональной мотивации женщин, осуществляющих свою профессиональную деятельность в струк-

туре спортивной организации, связанной с таким видом спорта, как бокс, представлены единичными работами.

Сама тема профессиональной мотивации персонала организаций является актуальной темой современной практики управления. Руководители компаний, линейные менеджеры, сотрудники служб управления персоналом стараются понять мотивы работников и, исходя из этого, создать соответствующую социально-психологическую обстановку, организовать их работу так, чтобы она приносила им удовольствие, а компании — повышение качества производимых товаров и оказываемых услуг и, возможно, дополнительную прибыль.

В последнее десятилетие внимание исследователей и практиков сконцентрировано на изучении темы профессиональной мотивации в рамках теории самодетерминации Ryan R. и Deci E., созданной в 1995 году и получившей дальнейшее развитие (Ryan, Deci, 2020; Мандрикова, 2010). В рамках данного подхода авторы выделяют внутреннюю мотивацию как стремление субъекта профессиональной деятельности выполнять работу ради интереса к самому процессу, удовольствия и радости от ее выполнения и внешнюю мотивацию как стремление к достижению целей, внешних по отношению к самой деятельности. Доказано, что внутренне мотивированная деятельность, в отличие от внешне мотивированной, связана с высоким уровнем субъективного благополучия, она сохраняется

Эмпирические исследования профессиональной мотивации в русле теории самодетерминации показали, что от соотношения автономной и контролируемой мотивации сотрудников зависит их результативность и психологическое благополучие.

даже в отсутствие внешних наград и наказаний и ведет к развитию компетенций (Осин и др., 2015).

Эмпирические исследования профессиональной мотивации в русле теории самодетерминации показали, что от соотношения автономной и контролируемой мотивации сотрудников зависит их результативность и психологическое благополучие. Автономная мотивация выступает устойчивым предиктором настойчивости работников в отношении выполняемой деятельности, их эмоционального благополучия на рабочем месте, она способствует принятию организационных изменений. Контролируемая же мотивация связана с эмоциональным истощением, выгоранием, невысоким уровнем приверженности организации (Ryan, Deci, 2020; Randall, Ryan, 2020; Perez-Rivases et al., 2017; Wray-Lake et al., 2019; Осин и др., 2015).

Под «психологическим благополучием» в нашей работе мы понимаем совокупность психологических механизмов позитивного функционирования субъекта и субъективную оценку меры близости его актуального состояния к состоянию желаемому, удовлетворенность актуальным уровнем жизни (Ryff, 2019). К. Рифф в своей концепции психологического благополучия

выделяет 6 его показателей: самопринятие человека, его позитивные отношения с социумом, управление окружающей средой, наличие жизненных целей, личностный рост и автономия (Ryff, 2019). Основная идея этой концепции состоит в том, что развитость данных личностных компонентов обеспечивает позитивное функционирование личности, нужную степень самореализации человека, которые отражаются на субъективном уровне через переживание удовлетворенности и счастья.

Существует незначительное количество исследований, посвященных психологическому благополучию

Проблема профессиональной мотивации женщин, осуществляющих собственную деятельность в спортивных организациях, в том числе в сфере бокса, является малоизученной и представляет научную новизну и практическую значимость.

женщин-спортсменов (Kim, James, 2019; Mirehie, Gibson, 2020; Marei Salama-Younes, 2018).

Резюмируя вышесказанное, можно заключить, что проблема профессиональной мотивации женщин, осуществляющих собственную деятельность в спортивных организациях, в том числе в сфере бокса, является малоизученной и представляет научную новизну и практическую значимость.

Проведение исследования

Цель исследования: изучение профессиональной мотивации женщин, являющихся сотрудниками Федерации бокса России (ФБР), и ее связи с психологическим благополучием.

Гипотезы исследования:

- Интерес к содержанию деятельности и стремление к личностному развитию являются основными профессиональными мотивами женщин, осуществляющих свою деятельность в ФБР.
- В структуре профессиональной мотивации женщин, осуществляющих свою деятельность в ФБР, внутренняя мотивация преобладает над внешней, автономная мотивация — над контролирующей.
- Существует взаимосвязь показателей профессиональной мотивации, способствующих реализации мотивов деятельности женщин-сотрудников ФБР с их психологическим благополучием.

Для оценки особенностей профессиональной мотивации женщин, осуществляющих деятельность в ФБР, нами были использованы следующие методы: опросник профессиональной мотивации Э. Деси и Р. Райана (в адаптации Е.Н. Осина, Т.Ю. Ивановой, Т.О. Гордеевой) и авторская анкета, направленная на получение общей информации об участниках исследования и их представлений о характеристиках привлекательности выполняемой деятельности. Для изучения психологического благополучия применялась шкала К. Рифф (в адаптации Л.В. Жуковской и Е.Г. Трошихиной).

Обработка результатов проводилась с использованием методов оценки различий значений изучаемых

показателей по критерию согласия Пирсона (для номинативных данных) и по критерию U Манна-Уитни (для количественных данных), а также корреляционного анализа (коэффициент корреляции Спирмена). Для статистической обработки результатов использовалась программа IBM SPSS Statistics 25.0 for Windows.

В исследовании приняли участие 39 женщин в возрасте от 23 до 59 лет, осуществляющих свою деятельность в Федерации бокса России и ее региональных отделениях (93% всех женщин, работающих в ФБР).

20 человек (51,28% выборки) — это женщины — профессиональные спортсмены, имеющие спортивные достижения (кандидаты в мастера спорта, мастера спорта России, мастера спорта России международного класса, заслуженные мастера спорта), за-

кончившие свою спортивную карьеру и осуществляющие в настоящее время профессиональную деятельность в рамках Федерации Бокса России. 19 человек (48,72%) — это женщины, профессионально не занимавшиеся спортом и осуществляющие деятельность в Федерации бокса России. Все участники исследования (100%) имеют высшее образование. 14 человек (35,9%) замужем и имеют детей. 25 человек (64,1%) — не замужем, детей не имеют.

Результаты исследования

На первом этапе исследования были проанализированы мотивы профессиональной деятельности и структура профессиональной мотивации женщин, осуществляющих свою профессиональную деятельность в ФБР.

Участникам исследования предлагалось выбрать из предложенных характеристик деятельности те, которые определяют ее привлекательность (рис. 1).

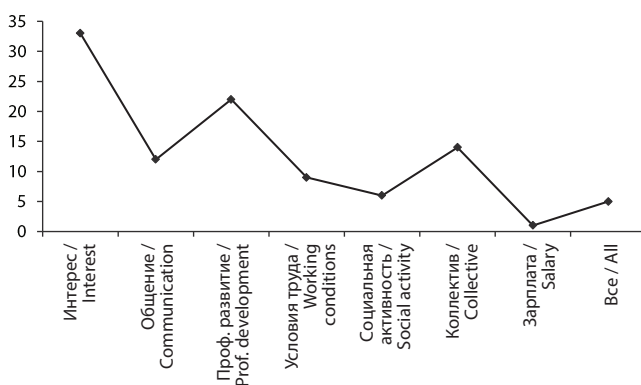

Рис. 1. Характеристики привлекательности занимаемой должности в Федерации бокса Российской Федерации (относительное количество выборов, в %)

Figure 1. Characteristics of attractiveness of the position held in the Boxing Federation of the Russian Federation (relative number of choices, in %)

Таблица 1. Значения показателей профессиональной мотивации женщин ФБР

№	Наименование показателя	Среднее значение по выборке	Стандартное отклонение
1	Внутренняя мотивация (ВМ)	4,33	1,06
2	Интегрированная мотивация (ИИТ)	3,92	1,00
3	Идентифицированная мотивация (ИДЭ)	3,73	1,02
4	Интроецированная мотивация (ИИТР)	2,17	1,14
5	Экстернальная мотивация (ЭКС)	1,97	1,10
6	Амотивация (АМ)	1,79	1,16
7	Автономная мотивация (Авт)	11,99	2,90
8	Контролируемая мотивация (Конт)	5,94	3,20
9	Индекс относительной автономии (RAI)	6,06	3,40

Table 1. Values of professional motivation in women within the Boxing Federation of the Russian Federation

№	Value	M	SD
1	Intrinsic motivation	4.33	1.06
2	Integrated motivation	3.92	1.00
3	Identified motivation	3.73	1.02
4	Introjectional motivation	2.17	1.14
5	External motivation	1.97	1.10
6	Amotivation	1.79	1.16
7	Autonomous motivation	11.99	2.90
8	Controlled motivation	5.94	3.20
9	RAI	6.06	3.40

Наиболее часто участники исследования выбрали интерес к деятельности (33%) и профессиональное развитие (22%) как привлекательные характеристики деятельности. Остальные характеристики выбирались реже (менее 14%). Отличия относительного количества выборов наиболее близких по значению характеристик (профессиональное развитие и коллектив) статистически значимы по критерию χ^2 Пирсона (4,17) на уровне значимости $p = 0,046$.

Таким образом, основными мотивами деятельности женщин в ФБР являются, во-первых, само содержание деятельности, во-вторых, возможность профессионального развития, предоставляемая Федерацией.

Обращает на себя внимание тот факт, что зарплата как привлекательная характеристика деятельности выбиралась участниками исследования реже остальных (1%).

Значения показателей профессиональной мотивации участников исследования представлены в табл. 1.

Результаты исследования свидетельствуют о более выраженном значении автономной мотивации по сравнению с контролируемой (отличия статистически значимы по критерию Манна–Уитни, $U = 180,5$; $p = 0,000$), что отражает преобладание самостоятельного выбора действий для достижения личностно и профессионально значимых целей над действиями, обусловленными внешними обстоятельствами.

Кроме того, показатель внутренней мотивации значительно выше остальных показателей (отличия от наиболее близкого к нему по значениям показателя

интегрированной мотивации статистически значимы по критерию Манна–Уитни, $U = 519$, $p = 0,005$). Преобладание внутренней мотивации характеризует выраженное стремление респондентов к выполнению работы ради интереса к рабочему процессу, к получению удовольствия и радости от ее выполнения. Полученные данные согласуются с выше представленными результатами о привлекательности выполняемой деятельности вследствие интереса к ней и возможности развития.

На следующем этапе были изучены показатели психологического благополучия участников исследования (табл. 2).

Согласно данным табл. 2, средние значения общего показателя психологического благополучия и соответствующих шкал имеют значения, близкие к верхней границе нормативных значений. Это свидетельствует о том, что для участников исследования характерно самоощущение целостности и осмысленности своей жизни. Женщины, осуществляющие свою деятельность в ФБР, имеют доверительные отношения с окружающими, заботятся о благополучии других; являются самостоятельными и независимыми; ощущают свою компетентность в управлении внешними событиями; воспринимают себя как развивающуюся личность, реализующую собственный потенциал в жизни; имеют жизненные цели и стремятся к их достижению; позитивно относятся к себе, принимают себя такими как есть, положительно оценивают свои прошлые и настоящие достижения.

Таблица 2. Значения показателей психологического благополучия женщин ФБР

№	Наименование показателя	Среднее значение по выборке	Нормативные значения
1	Психологическое благополучие (общий показатель)	384,47	351±23,93
2	Позитивное отношение с окружающими	64,88	58±7,59
3	Автономия	62,83	57±5,61
4	Управление средой	62,85	59±8,32
5	Личностный рост	65,70	63±7,90
6	Цели в жизни	66,33	59±6,99
7	Самопринятие	62,10	57±6,14

Table 2. Values of psychological well-being in women within the Boxing Federation of the Russian Federation

№	Value	M	Norma ± SD
1	Psychological well-being (integral indicator)	384.47	351±23.93
2	Positive relationship with others	64.88	58±7.59
3	Autonomy	62.83	57±5.61
4	Managing one's environment	62.85	59±8.32
5	Personal growth	65.70	63±7.90
6	Goals in life	66.33	59±6.99
7	Self-acceptance	62.10	57±6.14

Таблица 3. Результаты корреляционного анализа показателей психологического благополучия с показателями трудовой мотивации

Показатели	Психологическое благополучие			
	Позитивное отношение с окружающими	Автономия	Управление средой	Цели в жизни
Профессиональная мотивация				
Внутренняя мотивация	0,415**	0,352*	0,479**	0,478**
Интегрированная мотивация				0,321*
Экстернальная мотивация		-0,369*		
Автономная мотивация	0,332*		0,379*	0,373*

Примечание:* — уровень статистической значимости $p \leq 0,05$;
** — уровень статистической значимости $p \leq 0,01$.

Table 3. Results of correlation analysis of psychological well-being indicators with indicators of labor motivation

Показатели	Psychological well-being			
	Positive relationship with others	Autonomy	Managing one's environment	Goals in life
Professional motivation				
Intrinsic motivation	0.415**	0.352*	0.479**	0.478**
Integrate motivation				0.321*
Extrinsic motivation		-0.369*		
Autonomous motivation	0.332*		0.379*	0.373*

Note: * — level of statistical significance $p \leq 0.05$; * — level of statistical significance of $p \leq 0.01$.

Учитывая, что профессиональная мотивация является фактором удовлетворения значимых потребностей в результате деятельности и, вследствие этого — повышения психологического благополучия, были изучены взаимосвязи показателей профессиональной мотивации женщин, осуществляющих свою деятельность в ФБР, с показателями психологического благополучия.

Результаты корреляционного анализа представлены в табл. 3. Корреляционный анализ был проведен с использованием коэффициента корреляции Спирмена (Spearman's correlation coefficient).

Были установлены:

- положительные взаимосвязи следующих показателей психологического благополучия: «позитивное отношение с окружающими», «управление средой», «цели в жизни» с автономной мотивацией и «внутренней мотивацией» как ее

составляющей, что свидетельствует о более высоких значениях перечисленных показателей благополучия при самостоятельном выполнении работы ради интереса к самому процессу работы, удовольствия, радости от ее осуществления;

- положительная взаимосвязь показателя психологического благополучия «цели в жизни» с «интегрированной мотивацией», свидетельствующая о восприятии работы как осмысленной деятельности, способствующей достижению поставленных целей, находящейся в гармонии с другими сферами жизни и переживаемой как часть собственной идентичности (например, призвание);
- отрицательная взаимосвязь показателя психологического благополучия «автономия» с «экстернальной мотивацией», что может отражать более сильное стремление участников исследования к независимости в работе, способности противостоять социальному давлению и оценивать себя, исходя из собственных стандартов, при менее выраженном осуществлении деятельности ради получения внешних наград или избегания негативных последствий.

Обращает на себя внимание отсутствие взаимосвязей психологического благополучия с контролируемой мотивацией.

Обсуждение результатов

Современные подходы управленцев к вопросам мотивации персонала в большинстве своем опираются на положения теории самодетерминации Э. Деси и Р. Райана (Deci, Ryan, 2020). Умение руководителя создавать рабочую атмосферу, которая способствует развитию автономной мотивации персонала, когда сотрудники показывают прекрасные результаты деятельности и при этом они успешны сами — это один из тех управленческих навыков, без которых в настоящее время практически невозможно достичь успеха.

Результаты проведенного исследования показали, что для всех респондентов (и для женщин-спортсменов, завершивших спортивную карьеру и продолжающих профессиональный путь в Федерации бокса России, и для женщин-неспортсменов) характерен высокий уровень автономной мотивации и внут-

Результаты проведенного исследования показали, что для всех респондентов (и для женщин-спортсменов, завершивших спортивную карьеру и продолжающих профессиональный путь в Федерации бокса России, и для женщин-неспортсменов) характерен высокий уровень автономной мотивации и внутренней мотивации как ее важнейшего компонента.

ренней мотивации как ее важнейшего компонента. Полученные данные свидетельствуют о внутреннем стремлении женщин к иницированию действий по выполнению поставленных задач, о направленности на успешное завершение работы и поддержание эмоционально позитивных связей со значимыми людьми. Для поддержания внутренней мотивации, с точки зрения Э. Деси и Р. Райана (Deci, Ryan, 2020), важно

восприятие сотрудниками собственных действий как самостоятельно выбранных и совершенных. Вместе с этим, атмосфера в организации при автономной мотивации персонала характеризуется интенсивностью и сложностью деятельности, возможностью выбора способов выполнения рабочих задач, ясностью

Основные мотивы деятельности женщин, работающих в Федерации бокса России, касаются смыслов выполняемой деятельности. Участники исследования нацелены на дальнейшее личностное и профессиональное развитие, чтобы выполнять интересную для них работу.

роли, поддержкой коллег и руководителя, наличием обратной связи, а также позитивным социоморальным климатом (Осин и др, 2017). Такая среда способствует повышению готовности сотрудников к гибкому поведению, более высоким результатам (в частности, относительно задач, требующих креативности и системности мышления), удовлетворенности работой, повышению лояльности к организации и, в итоге, стимулирует поддержание высокой автономной мотивации.

Возможно поэтому результаты исследования показывают, что его участники среди наиболее значимых характеристик привлекательности организации отметили те, которые составляют содержание деятельности и возможность дальнейшего развития в рамках этой деятельности («интерес к деятельности» и «профессиональное развитие»). Следовательно, основные мотивы деятельности женщин, работающих в Федерации бокса России, касаются смыслов выполняемой деятельности. Участники исследования нацелены на дальнейшее личностное и профессиональное развитие, чтобы выполнять интересную для них работу. Они соотносят собственное будущее с реализацией своего личностного потенциала в данном виде деятельности. При этом материальная составляющая, как показали результаты исследования, не имеет решающего значения в выборе деятельности, в приоритете у респондентов оказалась возможность выявить и раскрыть свой личностный потенциал.

В ходе нашего исследования были установлены взаимосвязи автономной мотивации с рядом характеристик психологического благополучия у женщин, работающих в ФБР, а взаимосвязей контролируемой мотивации с характеристиками психологического благополучия не было выявлено.

«Автономия» как характеристика психологического благополучия связана с внутренней мотивацией (положительная взаимосвязь, $r = 0,352^*$, $p \leq 0,05$) и экстернальной мотивацией (отрицательная взаимосвязь $r = -0,369^*$, $p \leq 0,05$), что в совокупности отражает стремление всех участников исследования к независимости в жизни, самостоятельной регуляции своего поведения при менее выраженном желании осуществлять деятельность ради достижения материальных благ.

Согласно полученным нами результатам, существуют значимые положительные связи внутренней мотивации с четырьмя характеристиками психоло-

гического благополучия («позитивное отношение с окружающими», «автономия», «управление средой», «цели в жизни»), а автономной мотивации — с тремя характеристиками психологического благополучия («позитивное отношение с окружающими», «управление средой», «цели в жизни»). Таким образом, мы можем заключить, что профессиональная мотивация женщин, работающих в Федерации Бокса России, связана с психологическим благополучием, но парциально.

Организационная среда, стимулирующая проявление автономной, в том числе внутренней мотивации у персонала, в целом способствует их психологическому благополучию: осмысленности жизни, уверенности и компетентности при управлении повседневными делами и рабочими задачами, наличию близких, доверительных отношений с окружающими и умению находить компромиссы во взаимоотношениях, без ожидания внешнего поощрения. Психологическое благополучие как личностный ресурс, по мнению К. Рифф, дает возможность человеку реализовать себя, переживая при этом чувство удовлетворенности и счастья — у человека складываются позитивные отношения с социумом, ясные жизненные цели и ценности, которыми он руководствуется в своих поступках (Ryff, 2019).

Отсутствие связей профессиональной мотивации с показателями психологического благополучия «личностный рост» и «самопринятие» может свидетельствовать о том, что данные характеристики детерминированы иными, не связанными с профессиональной мотивацией причинами субъективного или объективного характера.

Выводы

Проведенное исследование позволило изучить особенности профессиональной мотивации женщин, осуществляющих свою деятельность в Федерации бокса Российской Федерации, и ее связь с психологическим благополучием. Полученные в ходе исследования результаты подтверждают выдвинутые в исследовании гипотезы.

Результаты исследования показали, что основными мотивами профессиональной деятельности женщин в Федерации бокса России являются интерес к деятельности и возможность профессионального развития. Материальное вознаграждение не является для них значимым мотивом деятельности.

Наиболее выраженной для женщин, работающих в ФБР, является внутренняя профессиональная мотивация, что согласуется с данными о привлекательности выполняемой деятельности вследствие интереса к ней, возможности личностного развития, ощущения психологического благополучия от процесса и результатов деятельности.

Установлены положительные корреляционные связи автономной профессиональной мотивации с психологическим благополучием.

Для поддержания готовности женщин, работающих в ФБР, к эффективному выполнению работы и сохранению высоких показателей психологического благополучия, необходимо проводить организаци-

реализации значимых профессиональных мотивов, достижению эффективных результатов деятельности и психологического благополучия персонала.

Наиболее выраженной для женщин, работающих в ФБР, является внутренняя профессиональная мотивация, что согласуется с данными о привлекательности выполняемой деятельности вследствие интереса к ней, возможности личностного развития, ощущения психологического благополучия от процесса и результатов деятельности..

онные мероприятия, направленные на поддержку автономной мотивации, а также их карьерного и профессионального развития.

Результаты исследования могут быть использованы Федерацией бокса России и иными организациями в практике управления для формирования благоприятной организационной среды, способствующей поддержанию автономной мотивации сотрудников,

Благодарность:

Коллектив авторов выражает признательность Кириенко Татьяне Анатольевне, первому заместителю генерального секретаря Федерации бокса России, председателю Совета ветеранов бокса России за помощь в организации и проведении настоящего исследования.

Acknowledgements

The authors express their gratitude to Tatiana A. Kirienko, first deputy of General secretary of Russian Boxing Federation, head of Russian Boxing Veterans Council for her help in organizing and performing the present study.

Литература:

- Магомедов М.М. Психологические аспекты травмы у спортсменов разного пола, занимающихся борьбой // Спортивный психолог. 2017. № 2 (45). С. 25–28.
- Мандрикова Е.Ю. Теория самодетерминации в организационном контексте: обзор зарубежных исследований // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2010. Т. 7. № 4. С. 126–140.
- Москвина А.В. К вопросу о прогнозировании соревновательной надежности гимнасток: результаты исследования // Спортивный психолог. 2017. № 3 (46). С. 55–59.
- Осин Е.Н., Сучков Д.Д., Гордеева Т.О., Иванова Т.Ю. Удовлетворение базовых психологических потребностей как источник трудовой мотивации и субъективного благополучия у российских сотрудников // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2015. Т. 12. № 4. С. 103–121.
- Осин Е.Н., Горбунова А.А., Гордеева Т.О., Иванова Т.Ю., Кошелева Н.В., Овчинникова Е.Ю. Профессиональная мотивация сотрудников российских предприятий: диагностика и связи с благополучием и успешностью деятельности // Организационная психология. 2017. Т. 7. № 4. С. 21–49.
- Филиппова С.А., Шелиспанская Э.В. Связь психологического благополучия и удовлетворенности телом в студенческом возрасте // Спортивный психолог. 2017. № 1 (44). С. 56–58.
- Blodgett A., Ge Y., Schinke R., McGannon K. (2017). Intersecting identities of elite female boxers: Stories of cultural difference and marginalization in sport. *Psychology of Sport and Exercise*, 32, 83–92. doi: 10.1016/j.psychsport.2017.06.006
- Chen X., Zhang, G., Yin X., Li Y., Cao G., Gutierrez-Garcia C., Guo L. (2019). The relationship between self-efficacy and aggressive behavior in boxers: the mediating role of self-control. *Frontiers in Psychology*, 10 (212), 1–9. doi: 10.3389/fpsyg.2019.00212
- Clayton-Hathway K., Fasbender U. (2019). Women as leaders and managers in sports: Understanding key career enablers and constraints in the British horseracing industry. *Women, Business and Leadership: Gender and Organisations*, 403–420. doi: 10.4337/9781786432711
- Fuerniss K. Jacobs J. (2019). We are strong: strategies for fostering body empowerment in a boxing program for middle school girls. *Journal of Sport Psychology in Action*, 11 (1), 45–56. doi: 10.1080/21520704.2019.1693456
- Huberty L.L., Moore M.E., Binigar S., Marks, W. (2016). The bent of human resource theory on gender equality: Examining work conditions for female leaders in U.S. collegiate athletic organizations. *Problems and Perspectives in Management*, 14 (3), 594–600.
- Jegher L., Bertrams A., Englert C. (2017). The self-reported aggressiveness of thai boxers, soccer players, and tennis player. *Zeitschrift für Sportpsychologie*, 24 (4), doi: 10.1026/1612-5010/a000201. Available at: URL: https://www.researchgate.net/publication/319256936_Die_selbstberichtete_Aggressivitat_von_Thaiboxern_Fussballern_und_Tennispielern (accessed 25.12.2020).
- Kim J., James J. (2019). Sport and happiness: Understanding the relations among sport consumption activities, long- and short-term subjective well-being, and psychological need fulfillment. *Journal of Sport Management*, 33, 119–132. doi: 10.1123/jsm.2018-0071
- Kraft E., Culver D., Din C. (2020). Exploring a women-only training program for coach developers. *Women in Sport and Physical Activity Journal*, 28, 173–179. doi:10.1123/wspaj.2019-0047
- Marei Salama-Younes (2018). Passion types and subjective well-being for French older adult runners. *Journal of Leisure Research*, 49 (3–5), 177–195. doi:10.1080/00222216.2018.1505160
- McGannon K., Schinke R., Ge Y., Blodgett A. (2019). Negotiating gender and sexuality: a qualitative study of elite women boxer intersecting identities and sport psychology implications. *Journal of Applied Sport Psychology*, 31 (2), 168–186. doi: 10.1080/10413200.2017.1421593
- Mirehie M., Gibson H. (2020). Women's participation in snow-sports and sense of well-being: a positive psychology approach. *Journal of Leisure Research*, 51 (4), 397–415. doi:10.1080/00222216.2019.1702485
- Oftadeh-Moghadam S. (2017). Female boxers and mental health. *Psychologist*, 30 (11). Available at: URL: https://www.researchgate.net/publication/321127707_Female_boxers_and_mental_health (accessed 25.12.2020)

- Oftadeh-Moghadam S., Phipps C., Thelwell R., Weston N. (2020). Navigating the rocky road: elite female boxers' perceptions of their boxing Journey. *Martial Arts Studies*, 9, 71–85. doi:10.18573/mas.100
- Olmedilla A., Rubio V., Fuster-Parra P., Pujals C., García-Mas A. (2018). A bayesian approach to sport injuries likelihood: does player's self-efficacy and environmental factors plays the main role? *Frontiers in Psychology*, 9 (6), 1–10. doi: 10.3389/fpsyg.2018.01174
- Peachey J.W., Burton L.J. (2011). Male or female athletic director? Exploring perceptions of leader effectiveness and a female leadership advantage with intercollegiate athletic directors. *Sex Roles*, 64 (5–6), 416–425.
- Perez-Rivases A.; Torregrosa M., Viladrich C., Pallares S. (2017). Women occupying management positions in top-level sport organizations: a self-determination perspective. *Anales De Psicología*, 33 (1), 102–113. doi: 10.6018/analesps.33.1.229171
- Pfister G., Radtke S. (2009). Sport, women, and leadership: Results of a project on executives in German sports organizations. *European Journal of Sport Science*, 9 (4), 229–243.
- Randall C., Ryan R. (2020). Moral self-determination: The nature, existence, and formation of moral motivation. *Journal of Moral Education*, 49 (3), 295–315. doi:10.1080/03057240.2020.1793744
- Ryan R., Deci E. (2020). Intrinsic and extrinsic motivation from a self-determination theory perspective: Definitions, theory, practices, and future directions. *Contemporary educational psychology*, 61:101860. doi:10.1016/j.cedpsych.2020.101860
- Ryff C. (2019). Entrepreneurship and eudaimonic well-being: Five venues for new science. *Journal of Business Venturing*, 34 (4), 646–663.
- Schinke R., Ge Y., Petersen B., Blodgett A., Dupuis-Latour, J., Coholic, D. (2019). Building a national team context based upon the identity challenges and intervention strategies of elite female boxers in their home training environments. *Journal of Sport Psychology in Action*, 10 (2), 94–105. doi: 10.1080/21520704.2018.1543221
- Surina-Marysheva E., Malkov V., Krivokhizhina L., Erlikh V. (2015). Features of psycho-functional status in skilled women boxers. *Journal of Physical Education and Sport*, 15 (4), 752–757. doi: 10.7752/jpes.2015.04115
- Taylor J. (2016). Investing in the Development of Young Female Sport Leaders: An Evaluation of the 'Girls on the Move' Leadership Programme. *Managing Sport and Leisure*, 21 (2), 75–90. doi:10.1080/23750472.2016.1210536
- Wray-Lake L., DeHaan C., Shubert J., Ryan R. (2019). Examining links from civic engagement to daily well-being from a self-determination theory perspective. *Journal of Positive Psychology*. 14 (2), 166–177.
- Zhang G., Chen X., Xiao L., Rost D. (2019). The relationship between big five and self-control in boxers: A mediating model. *Frontiers in Psychology*, 10 (8), 1–7. doi:10.3389/fpsyg.2019.01690

References:

- Blodgett A., Ge Y., Schinke R., McGannon K. (2017). Intersecting identities of elite female boxers: Stories of cultural difference and marginalization in sport. *Psychology of Sport and Exercise*, 32, 83–92. doi: 10.1016/j.psychsport.2017.06.006
- Chen X., Zhang, G., Yin X., Li Y., Cao G., Gutierrez-Garcia C., Guo L. (2019). The relationship between self-efficacy and aggressive behavior in boxers: the mediating role of self-control. *Frontiers in Psychology*, 10 (212), 1–9. doi:10.3389/fpsyg.2019.00212
- Clayton-Hathway K., Fasbender U. (2019). Women as leaders and managers in sports: Understanding key career enablers and constraints in the British horseracing industry. *Women, Business and Leadership: Gender and Organisations*, 403–420. doi: https://doi.org/10.4337/9781786432711
- Filippova S.A., Shelispanskaya E.H.V. (2017). The relationship between psychological well-being and body satisfaction at college age. *Sportivnyj psikholog*, 1 (44), 56–58. (In Russ.)
- Fuerniss K. Jacobs J. (2019). We are strong: strategies for fostering body empowerment in a boxing program for middle school girls. *Journal of Sport Psychology in Action*, 11 (1), 45–56. doi: 10.1080/21520704.2019.1693456
- Huberty L.L., Moore M.E., Binegar S., Marks, W. (2016). The bent of human resource theory on gender equality: Examining work conditions for female leaders in U.S. collegiate athletic organizations. *Problems and Perspectives in Management*, 14 (3), 594–600.
- Jegher L., Bertrams A., Englert C. (2017). The self-reported aggressiveness of thai boxers, soccer players, and tennis player. *Zeitschrift für Sportpsychologie*, 24 (4). doi: 10.1026/1612-5010/a000201. Available at: https://www.researchgate.net/publication/319256936_Die_selbstberichtete_Aggressivitat_von_Thaiboxern_Fussballern_und_Tennispielern (accessed 25.12.2020).
- Kim J., James J. (2019). Sport and happiness: Understanding the relations among sport consumption activities, long- and short-term subjective well-being, and psychological need fulfillment. *Journal of Sport Management*, 33, 119–132. doi:10.1123/jsm.2018-0071
- Kraft E., Culver D., Din C. (2020). Exploring a women-only training program for coach developers. *Women in Sport and Physical Activity Journal*, 28, 173–179. doi:10.1123/wspaj.2019-0047.
- Magomedov M.M. (2017). Psychological aspects of trauma in athletes of different sex, engaged in wrestling. *Sportivnyj psikholog*, 2 (45), 25–28. (In Russ.)
- Mandrikova E. YU. (2010). Self-determination theory in an organizational context: a review of foreign studies. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 7 (4), 126–140. (In Russ.)
- Mareï Salama-Younes (2018). Passion types and subjective well-being for French older adult runners. *Journal of Leisure Research*, 49 (3–5), 177–195. doi:10.1080/00222216.2018.1505160
- McGannon K., Schinke R., Ge Y., Blodgett A. (2019). Negotiating gender and sexuality: a qualitative study of elite women boxer intersecting identities and sport psychology implications. *Journal of Applied Sport Psychology*, 31 (2), 168–186. doi: 10.1080/10413200.2017.1421593. Available at: URL:https://www.researchgate.net/publication/340101673_Navigating_the_Rocky_Road_Elite_Female_Boxers'_Perceptions_of_Their_Boxing_Journey (accessed 25.12.2020)
- Mirehie M., Gibson H. (2020). Women's participation in snow-sports and sense of well-being: a positive psychology approach. *Journal of Leisure Research*, 51 (4), 397–415. doi:10.1080/00222216.2019.1702485
- Moskvina A.V. (2017). On the issue of predicting the competitive reliability of female gymnasts: research results. *Sportivnyj psikholog*, 3 (46), 55–59 (In Russ.)

- Oftadeh-Moghadam S. (2017). Female boxers and mental health. *Psychologist*, 30 (11). Retrieved from: https://www.researchgate.net/publication/321127707_Female_boxers_and_mental_health
- Oftadeh-Moghadam S., Phipps C., Thelwell R., Weston N. (2020). Navigating the rocky road: elite female boxers' perceptions of their boxing Journey. *Martial Arts Studies*, 9, 71–85. doi:10.18573/mas.100
- Olmedilla A., Rubio V., Fuster-Parra P., Pujals C., García-Mas A. (2018). A bayesian approach to sport injuries likelihood: does player's self-efficacy and environmental factors plays the main role? *Frontiers in Psychology*, 9 (6), 1–10. doi:10.3389/fpsyg.2018.01174
- Osin E.N., Gorbunova A.A., Gordeeva T.O., Ivanova T.Yu., Kosheleva N.V., Ovchinnikova E.Yu. (2017). Professional motivation of employees of Russian enterprises: diagnostics and links with well-being and success activity. *Organizational psychology*, 7 (4), 21–49. (In Russ.)
- Osin, E.N., Suchkov, D.D., Gordeeva, T.O., Ivanova, T.YU. (2015). Satisfaction of basic psychological needs as a source of work motivation and subjective well-being in Russian employees. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 12 (4), 103–121. (In Russ.)
- Peachey J.W., Burton L.J. (2011). Male or female athletic director? Exploring perceptions of leader effectiveness and a female leadership advantage with intercollegiate athletic directors. *Sex Roles*, 64 (5–6), 416–425.
- Perez-Rivases A., Torregrosa M., Viladrich C., Pallares S. (2017). Women occupying management positions in top-level sport organizations: a self-determination perspective. *Anales De Psicología*, 33 (1), 102–113. doi: 10.6018/analesps.33.1.229171
- Pfister G., Radtke S. (2009). Sport, women, and leadership: Results of a project on executives in German sports organizations. *European Journal of Sport Science*, 9 (4), 229–243.
- Randall C., Ryan R. (2020). Moral self-determination: The nature, existence, and formation of moral motivation. *Journal of Moral Education*, 49 (3), 295–315, doi:10.1080/03057240.2020.1793744
- Ryan R., Deci E. (2020). Intrinsic and extrinsic motivation from a self-determination theory perspective: Definitions, theory, practices, and future directions. *Contemporary educational psychology*, 61:101860. doi:10.1016/j.cedpsych.2020.101860
- Ryff C. (2019). Entrepreneurship and eudaimonic well-being: Five venues for new science. *Journal of Business Venturing*. 34 (4), 646–663.
- Schinke R., Ge Y., Petersen B., Blodgett A., Dupuis-Latour, J., Coholic, D. (2019). Building a national team context based upon the identity challenges and intervention strategies of elite female boxers in their home training environments. *Journal of Sport Psychology in Action*, 10 (2), 94–105. doi: 10.1080/21520704.2018.1543221
- Surina-Marysheva E., Malkov V., Krivokhizhina L., Erlikh V. (2015). Features of psycho-functional status in skilled women boxers. *Journal of Physical Education and Sport*, 15 (4), 752–757. doi: 10.7752/jpes.2015.04115
- Taylor J. (2016). Investing in the Development of Young Female Sport Leaders: An Evaluation of the 'Girls on the Move' Leadership Programme. *Managing Sport and Leisure*, 21 (2), 75–90. doi:10.1080/23750472.2016.1210536
- Wray-Lake L., DeHaan C., Shubert J., Ryan R. (2019). Examining links from civic engagement to daily well-being from a self-determination theory perspective. *Journal of Positive Psychology*. 14 (2), 166–177.
- Zhang G., Chen X., Xiao L., Rost D. (2019). The relationship between big five and self-control in boxers: A mediating model. *Frontiers in Psychology*, 10 (8), 1–7. doi: 10.3389/fpsyg.2019.01690

Оригинальная статья

УДК 159.922.6, 159.9.07
doi: 10.11621/npj.2021.0113

Представления старости в детском возрасте

В.А. Наумова*, Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга, Петропавловск-Камчатский, Россия,

ORCID: 0000-0001-9643-1048

Ж.М. Глозман, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

ORCID: 0000-0006 865 856

*Для контактов: naumovavalentina2011@mail.ru

Актуальность (контекст) тематики статьи. Актуальность исследования определена ограниченностью и порой противоречивостью исследований взглядов дошкольников по поводу пожилых людей. Стереотипы, предубеждения и дискриминация в отношении этой категории людей могут проявляться у детей в раннем возрасте. Однако природа формирования и факторы, влияющие на это явление, недостаточно известны.

Целью исследования стало изучение особенностей образа старого человека в детской выборке в зависимости от возможности/невозможности общения со своими бабушками и дедушками. Гипотеза исследования: дошкольники с дефицитом общения со старшим поколением будут демонстрировать нейтральный образ старого человека, а в конструкторе образа детей с достаточным уровнем общения с прародителями будет выражено присутствие эмоциональной составляющей.

Описание хода исследования. В исследовании участвовали 67 детско-родительских диад: 67 дошкольников в возрасте от 5 до 6,8 лет (56,7% девочек и 43,3% мальчиков); 67 родителей (85,1% матерей и 14,9% отцов) в возрасте от 23 до 59. В качестве методов исследования для изучения представлений (образа) старого человека в детской выборке применялся проективный метод рисуночного теста, в родительской выборке — метод «Направленного ассоциативного эксперимента» и анкетирование. Анкета включала вопросы, направленные на изучение взаимоотношений прародителей с ребенком и мнения родителей по поводу проблемы и участия/неучастия бабушек/дедушек в воспитании внуков.

Результаты исследования. В детской выборке образ старого человека скорее стереотипно нейтральный, но, в то же время, имеет определенную специфику. Было показано значение качества общения ребенка с бабушками и/или дедушками, которое детерминирует эмоциональную окраску восприятия формирующегося образа стариков и старости в целом. Для детей с опытом «дефицита общения» с прародителями образ старого человека персонализирован с «чужими» или «ничьими стариками». В родительской выборке представленные ассоциации демонстрируют взгляд на «отрицательный и положительный» образ старого человека через призму сохранения/несохранения жизненной компетенции, функционального благополучия, динамической системы здоровье/болезнь. Нейтральный образ респондентами репрезентируется как вариант вхождения в новый статус пенсионера и прародителя. Взаимовлияний между родительскими и детскими взглядами не было обнаружено.

Выводы. Ребенок дошкольного возраста может демонстрировать свой собственный уникальный взгляд на старого человека, совсем не тождественный взглядам родителей и окружающих, а также социальным стереотипам. Опыт конструктивного взаимоотношения прародителей и внуков может послужить надежной основой конструирования маленькими детьми позитивного образа старого человека и старости в целом. Перспективой дальнейшего исследования может стать изучение проблемы психологической культуры и готовности пожилого человека к диалогу с ребенком; проблемы организации эффективных программ «объединения старых и молодых», взаимообогащающих диалог поколений.

Ключевые слова: образ старости, родители и прародители, дошкольники, диалог поколений, образ пожилого человека, бабушки и дедушки.

Для цитирования: **Наумова В.А., Глозман Ж.М.** Представления старости в детском возрасте // Национальный психологический журнал. 2021. № 1 (41). С. 160–174. doi: 10.11621/npj.2021.0113

Поступила 8 июля 2020 / Принята к публикации 12 августа 2020

Representations of old age in childhood

Valentina A. Naumova*, Vitus Bering Kamchatka State University, Petropavlovsk-Kamchatsky, Russia

ORCID: 0000-0001-9643-1048

Janna M. Glozman, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0006 865 856

*Corresponding author. E-mail: naumovavalentina2011@mail.ru

Background. The relevance of the study is determined by the limited and sometimes contradictory studies of the views of preschoolers about the elderly. Stereotypes, prejudices and discrimination against older people can manifest themselves in children at an early age. However, the nature of the formation and the factors influencing this phenomenon are not well known.

Objective. The aim of the study was to study the features of the image of an old person in a children's sample, depending on the (in) ability to communicate with their grandparents. Research hypothesis: preschoolers with a lack of communication with the older generation will demonstrate a rather neutral image of an old person, and the presence of an emotional component will be expressed in the constructor of the image of children with a sufficient level of communication with their grandparents.

Design. The research involved 67 child-parent dyads: 67 preschoolers aged 5 to 6.8 years (56.7% girls and 43.3% boys); 67 parents (85.1% of mothers and 14.9% of fathers) aged 23 to 59. As research methods to study the representations (image) of an old person in the children's sample, the projective method of the drawing test was used. "Directed associative experiment" method and questioning were used in the parental sample. The questionnaire included questions aimed at studying the relationship of the grandparents with the child and the opinions of parents about the problem and (non) participation of grandparents in raising grandchildren.

Results. In the children's sample, the image of an old person is rather stereotypically neutral, but at the same time has certain specific features. The importance of the quality of communication between a child and his grandparents was shown, which determines the emotional coloring of the perception of the forming image of old people and old age in general. For children who experienced "lack of communication" with their ancestors, the image of an old person is personalized with "strangers" or "nobody's old men." In the parental sample the presented associations demonstrate a view of the "negative and positive" image of an old person through the prism of (non) preservation of vital competence, functional well-being, and a dynamic health / illness system. A neutral image is represented by respondents as a variant of entering the new status of a retiree and grandparent. No mutual influence was found between parental and childish views.

Conclusions. A child of preschool age can demonstrate his own unique view of an old person, which is not at all identical to the views of his parents, those around him and social stereotypes. The experience of a constructive relationship between grandparents and grandchildren can serve as a reliable basis for constructing a positive image of an old person and old age in general by young children. The prospect of further research can be the study of the problem of psychological culture and the readiness of an elderly person to dialogue with a child; problems of organizing effective "combining old and small" programs, mutually enriching the dialogue of generations.

Keywords: Image of old age; parents and grandparents; preschoolers; dialogue of generations

For citation: Naumova V.A., Glozman J.M. (2021). Representations of old age in childhood. National Psychological Journal [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal], 14 (1), 160–174. doi: 10.11621/npj.2021.0113

Received July 8, 2020 / Accepted for publication August 12, 2020

Введение в проблему

Дискуссии в области современных геронтопсихологических исследований все чаще репрезентируют варианты конструирования новых мировоззренческих позиций, опирающихся на приоритетные разработки концепций активного долголетия (Fernández-Ballesteros, Díez-Nicolás, 2008; Glozman, Naumova, 2016; Naumova, Glozman, 2019), жизнотворчества долголетия (Поставнев, 2009, 2019; Мищик, 2014; Кудрина, 2015; Наумова, 2019), дивидендов долгой жизни (Биггз, Хаапала, 2016; Стрижаченко, 2017; Biggs et al., 2011; Olshansky et al., 2012). Все большую популярность приобретают психо-социальные исследования многочисленных примеров организации активного взаимодействия старшего поколения с миром с опорой на позитивные аспекты функционирования старости и, как следствие, демонстрации вариантов высокопродуктивного и успешного старения (Бельцова, 2012; Глозман, Наумова, 2018).

Кроме того, на сегодняшний момент в обществе уже нельзя не заметить тенденцию к изучению представлений о средствах «ухода от традиционной старости». Так, например, динамично развивающиеся новые направления медицинской практики — «Anti-Ageing Medicine» («Медицина антистарения») или «Профилактика старения») предлагают инновационные технологии снижения темпов старения и сохранения эффективной трудоспособности стареющего человека (Крутько и др., 2015).

Медицина антистарения во многих странах мира успешно доказала, что способна, наряду с увеличением продолжительности жизни человека, способствовать сохранению ее качества. Повышение адаптационных возможностей организма и увеличение функциональных резервов — основные и довольно эффективные механизмы реализации гериатрических программ антистарения (Полуянова, 2017).

Демографические изменения возрастной структуры в сторону старения населения также продиктовали потребность разработки геронтомаркетинга, как инструмента активного формирования и воспроизводства спроса на товары и услуги, адаптированные к потребностям популяции пожилых людей. Благодаря возникшей маркетинговой деятельности, постепенно формируется новая культура потребления старшего поколения, в большинстве своем стремящаяся к укре-

Все большую популярность приобретают психо-социальные исследования многочисленных примеров организации активного взаимодействия старшего поколения с миром с опорой на позитивные аспекты функционирования старости и, как следствие, демонстрации вариантов высокопродуктивного и успешного старения.

плению здоровья и сохранению интереса к активной жизни в разной степени проявлений (Соловьева, Бойко, 2013).

Итак, если еще несколько десятков лет назад, размышляя о старом человеке, традиционно представляли образ человека только в «возрасте неминуемых утрат и потерь», то сегодня эти представления в большинстве своем могут быть абсолютно несостоятельными.

Валентина Александровна Наумова —

кандидат психологических наук, доцент кафедры теоретической и практической психологии психолого-педагогического факультета Камчатского государственного университета имени Витуса Беринга

ORCID: 0000-0001-9643-1048

<http://www.kamgu.ru/sveden/employees/pps/index.html>

Valentina A. Naumova —

PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Theoretical and Practical Psychology, Psychological and Pedagogical Faculty Vitus Bering Kamchatka State University, Petropavlovsk-Kamchatsky, Russia

ORCID: 0000-0001-9643-1048

Жанна Марковна Глозман —

доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории нейропсихологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, научный руководитель Научно-исследовательского центра детской нейропсихологии имени А.Р. Лурия

ORCID: 0000-0006 865 856

psy.msu.ru/people/glozman.html

Janna M. Glozman —

Doctor of Psychology, Professor, Leading Researcher, Laboratory of Neuropsychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, scientific director of the A.R. Luria, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0006 865 856

В то же время, в обществе не утрачивает актуальность проблема негативного влияния социально-перцептивных стереотипов старости. По мнению М.Э. Елютиной и Э.Е. Чекановой, «прессинг социальных стереотипов достигает такой силы, что большинство пожилых людей строят свое поведение в соответствии с ярлыком, конструируя при этом собственную «ущербность», которая инкорпорируется во внутрен-

Если еще несколько десятков лет назад, размышляя о старом человеке, традиционно представляли образ человека только в «возрасте неминуемых утрат и потерь», то сегодня эти представления в большинстве своем могут быть абсолютно несостоятельными.

нюю структуру личности, становясь заслоном для ее самореализации» (Елютина, Чеканова, 2003, С. 44). Ряд исследований также свидетельствуют о пагубных последствиях негативных стереотипов и установок старения на когнитивные и физические показатели пожилых людей (Levy, 2009; Armstrong et al., 2017), на их «самооценку одиночества», субъективное здоровье и принятие риска (Coudin, 2010). Обнаруженные факты позволяют размышлять о триггерных возможностях социально-перцептивных стереотипов, запускающих, с одной стороны, модели формирования поведенческой зависимости и пассивности самого стареющего человека, а с другой, — негативные стереотипы старости и старения, способствующие дискриминации, сегрегации и пренебрежению старшим поколением со стороны более молодых (Butler, 1969). Ряд исследований констатируют, что с возрастом число негативных оценок людей старшего поколения увеличивается, и уже 25-летней молодежи довольно трудно скрыть свое сформированное неприязненное отношение или различные проявления дискриминации по отношению к старым людям (Краснова, 2003; Колпина, 2015).

Некоторые исследования свидетельствуют о проявлении отрицательных взглядов на пожилых людей (Goldman, Goldman, 1981; Lynott, Merola, 2007) и дискриминации в отношении стариков (Johnson, 1999) у детей в раннем возрасте. Исследования взглядов дошкольников на пожилых людей ограничены и порой противоречивы. Так, например, в работе R.J. Goldman и J.D. Goldman, (Goldman, Goldman, 1981) отмечено, что дети младшего школьного возраста характеризуют пожилых людей как обязательно больных или с плохим здоровьем. В других исследованиях (Lynott, Merola, 2007) говорится, что младшие школьники считают стариков не активными, слабыми, медлительными, с дурным настроением, агрессивностью и нетерпением. Результаты изучения отношения детей к пожилой когорте констатируют у детей от 6 до 11 лет склонности к ее дискриминации, предпочтительное отношение к молодежи, по сравнению с пожилыми людьми (Babcock et al., 2016), и редкий выбор детьми от 9 до 11 лет пожилого человека как претендента на совместную досуговую деятельность (Davidson et al., 2008).

Однако в других исследованиях приводятся примеры иных представлений детей о стариках, как о людях добрых, дружелюбных, заслуживающих доверия, но, в то же время, менее умелых, умных и независимых, чем более молодое поколение. Кроме того, авторы делают акцент на том, что выбор характеристик пожилых людей детьми школьного возраста хорошо коррелирует с данными взрослой выборки (Fiske et al., 2002; Vauclair et al., 2018). Отдельные работы приводят данные о значимом влиянии родителей на формирование стереотипов о стариках у детей в раннем детстве (Gilbert et al., 2008; Degner et al., 2013), в возрасте от 9 до 10 лет и у подростков (Lineweaver et al., 2017). В одной работе (Flamion et al. 2019) на большой выборке (1151) было обнаружено, что на возрастные взгляды (стереотипы?) на старшее поколение у детей и подростков в возрасте от 7 до 16 лет влияют четыре фактора: пол (девочки больше демонстрируют позитивные отношения) и возраст ребенка (9–10 лет — более дружелюбный период), здоровье прародителей и качество общения с бабушкой и дедушкой (частые и хорошие контакты коррелируют с более благоприятными чувствами к пожилым людям).

Итак, в современном обществе проблема взаимоотношений поколений совсем не нова и довольно активно исследуется с разных точек зрения. Для жителей полуострова Камчатка проблема взаимоотношений прародителей и детей особенно актуальна и обладает определенной спецификой. Причин этого несколько. С одной стороны, низкая развитость социальных структур и медицины в условиях географической отдаленности и порой труднодоступности, резких климатических перепадов и сейсмической непредсказуемости часто вынужденно подталкивает стареющего человека на смену проживания в более благоприятных условиях жизни, хотя бы на этапах геронтогенеза. Таким образом, «пожилая миграция на материк в одну сторону» довольно типичная и заранее планируемая ситуация для нашего региона.

С другой стороны, много людей старшего поколения не имеют возможности (плохое здоровье, низкая

Мы можем констатировать реальный факт вынужденного дефицита общения младшего и старшего поколения. Вероятно, поэтому во многих камчатских семьях отношение детей и прародителей носит скорее факультативный характер. Поэтому изучение особенностей отношения детей к пожилому человеку в нашем регионе — весьма актуальная задача.

материальная обеспеченность) уехать или не мыслят свою жизнь «без красот вулканов и мощи океана», поэтому они вынуждены или сознательно оставаться в регионе, а их повзрослевшие дети, наоборот, уезжают далеко и «навсегда». Изначально они хотят только получить образование, но статистика свидетельствует, что, уехав, молодежь редко возвращается. Есть еще одна категория молодых семей, которые намеренно прибывают в регион для временного трудоустройства, чтобы заработать «много денег». При этом они не готовы к сложности выполнения «своих

проектов» и к «финансовой региональной действительности». Отсутствие материальной возможности препятствует регулярным или даже редким поездкам к родителям.

Таким образом, мы можем констатировать реальный факт вынужденного дефицита общения младшего и старшего поколения. Вероятно, поэтому во многих камчатских семьях отношение детей и прародителей носит скорее факультативный характер. Поэтому изучение особенностей отношения детей к пожилому человеку в нашем регионе — весьма актуальная задача.

Проведение исследования

Цель нашего исследования: изучение особенностей представлений образа старого человека в детской выборке в зависимости от возможности/невозможности общения со своими бабушками и дедушками.

Для реализации обозначенной цели, мы предполагали решить несколько исследовательских задач:

- изучить особенности представлений образа старого человека в родительской и детской выборках;
- проанализировать возможное влияние родителей на формирование детского стереотипа старости;
- выявить качественные особенности детских образов старого человека в зависимости от качества и возможности их общения.

Мы предположили, что дошкольники с дефицитом общения со старшим поколением будут демонстрировать скорее нейтральный образ старого человека, а в конструкторе образа детей с достаточным уровнем общения с прародителями будет заметно выражено присутствие эмоциональной составляющей.

Исследование проводилось в г. Петропавловск-Камчатский в рамках подготовки к «Международному дню пожилого человека» на базах «Центра развития ребенка — ДС «Рябинушка» и «Центра развития личности и психолого-педагогической помощи населению»¹.

Общая выборка составила 67 детско-родительских диад:

- 67 дошкольников в возрасте от 5 до 6,8 лет (56,7% девочек и 43,3% мальчиков). Ни один из опрошенных детей не имел серьезных заболеваний, трудностей в социализации и проблем в когнитивном развитии;
- 67 родителей (85,1% матерей и 14,9% отцов) в возрасте от 23 до 59 лет (56,7% — 23–35 лет; 43,3% — 36–59 лет). Высшее образование имели 55,2% респондентов, среднее специальное образование — 23,9%, среднее — 20,9%. О полной семье информировали 88% участников.

Все родители подтвердили добровольность участия в проекте, заполнив форму информированного согласия на себя и своего ребенка.

¹ Авторы выражают благодарность сотрудникам «Центра развития ребенка» и «Центра развития личности и психолого-педагогической помощи населению» за сотрудничество и создание благоприятных условий для эксперимента.

Во *взрослой выборке* в качестве методов исследования использовались анкетирование и «направленный ассоциативный эксперимент».

Анкета состояла из трех блоков:

1. Стандартные вопросы о социально-демографических характеристиках родителя.
2. Вопросы, направленные на получение информации о членах семьи старшего поколения и их взаимоотношениях с ребенком («Какое из следующих высказываний Вам ближе: «Общение моего ребенка с бабушкой и дедушкой достаточное», «Общение моего ребенка с бабушкой и дедушкой не достаточное», «Общение моего ребенка с бабушкой и дедушкой не обязательное», «Общение моего ребенка с бабушкой и дедушкой отсутствует?»»).
3. Вопросы, выявляющие мнения родителей по поводу проблемы участия/неучастия бабушек/дедушек в воспитании внуков («Какое из следующих высказываний Вам ближе²: «Лучше, когда бабушки и дедушки как можно больше участвуют в воспитании внуков», «Лучше, когда бабушки и дедушки ограниченно участвуют в воспитании внуков», «Лучше, когда бабушки и дедушки не участвуют в воспитании внуков?»»).

Метод направленного ассоциативного эксперимента был использован для изучения представлений родителей о пожилых и старых людях. В инструкции предлагалось написать любые ассоциации (не менее 5 слов) на словосочетание «старый человек». Варианты ответов были оценены независимыми экспертами³ (n = 25, от 18 до 47 лет, из них 60 % женщин и 40% мужчин) по шкале Лайкерта в диапазоне от -3 до +3. Слова со средним баллом от -3 до -1 были оценены как описывающие негативный образ, те, которые набрали от +1 до +3, как образ положительный и оценка от < -0,99 до + 0,99 отнесена к нейтральной позиции. Для каждой группы ассоциаций подсчитывался средний балл (Серкин, 2009). Дополнительно проводился качественный анализ ответов с использованием элементов контент-анализа.

В группе *детей дошкольного возраста* с целью получения информации об их представлениях о людях пожилого и старого возраста был реализован метод проективного рисунка («рисуночный тест»).

Предпочтение выбора данного метода обосновывается определенными возрастными преимуществами «золотой эры» детского рисунка, которые повышают информативность и ценность исследования:

- рисование для ребенка — естественная потребность, оно ему близко и приятно, часто носит игровой характер и не вызывает тревожных переживаний, ребенок, используя весь свой опыт, в

² Вопрос заимствован из работы Е. Вовк «Старики в семье: особенности межпоколенческого взаимодействия». URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2005/3/stariki-v-seme-osobennosti-mezhpokolencheskogo-vzaimodejstviya.html>

³ Авторы выражают благодарность за участие в экспертной оценке студентам заочного отделения психолого-педагогического факультета КамГУ имени В. Беринга, получающим второе высшее образование.

рисунке изображает свое представление действительности и сообщает отношение к ней (Мухина, 1981);

- рисунки дошкольников, как правило, предметны по форме, но по содержанию они сюжетны и часто сопровождаются речью, дополняющей рассказом то, что не смог передать рисунок (Запуниди, 2013);
- результаты рисуночного теста менее подвержены контролю сознания, что минимизирует проявления эффекта социального одобрения (Венгер, 2003; Лебедева, 2011);
- проективный характер рисуночного теста предполагает отсутствие структуры, навязываемой исследователем, поэтому респондент вынужден создавать собственную структуру или «экран, на который проецирует свои скрытые чувства, желания, идеи, конфликты» (Зинкевич-Евстигнеева, Кудзилов, 2004).

В инструкции ребенку предлагалось нарисовать его представления о старом человеке: «Пожалуйста, нарисуй, как ты представляешь (видишь?) старого человека».

Сбор данных проходил в подгруппах по 3–4 человека. Испытуемым были предложены лист бумаги формата А4, ластик, простые карандаши (твердые М или твердо-мягкие 2М), набор из восемнадцати цветных карандашей, содержащий все основные цвета спектра и черный (Венгер, 2003). Время выполнения заданий не ограничивалось. Непосредственно перед рисованием экспериментатор проводил игровые занятия с детьми с целью снятия у них возможного эмоционального напряжения и установления близких доверительных отношений. По окончании рисуночной деятельности детей просили рассказать о своем рисунке и дать ему название. Варианты названий оценивались независимыми экспертами — женщинами с высшим образованием (n = 15, от 18 до 47 лет) по шкале Лайкерта в диапазоне от -3 (соответствует отрицательному образу) до +3 (соответствует положительному образу). Кроме того, с целью изучения эмоционального отношения ребенка рисуночные тесты анализировались по ряду формальных показателей рисунка (выбор цвета, размер рисунков, их размещение на листе, степень тщательности и детализированности изображений, наличие штриховки, исправлений) (Венгер, 2003). Эстетика изображения не включалась в критерий анализа.

Результаты исследования

Образ старого человека у родителей

Анализ результатов анкетирования

В табл. 1 представлено частотное распределение ответов на вопросы анкеты по блоку 2 и 3 в двух возрастных группах родителей.

Как видно из табл. 1, больший процент родителей считают недостаточным общение своих детей с пра-родителями, но, в то же время, поддерживают идею о желательности их ограниченного участия в воспита-

Таблица 1. Сопоставление частоты выборов ответов на вопросы анкеты

	23–35 years old, % (n = 38)	36–54 years old, % (n = 29)	Fisher's criterion φ emp
Блок 2. Вопрос «Какое из следующих высказываний Вам ближе»			
Общение моего ребенка с бабушкой и дедушкой достаточное	40,5	34,5	0,48
Общение моего ребенка с бабушкой и дедушкой не достаточное	50,0	41,4	0,69
Общение моего ребенка с бабушкой и дедушкой не обязательно	0	0	0
Общение моего ребенка с бабушкой и дедушкой отсутствует	10,5	21,1	1,18
Блок 3. Вопрос «Какое из следующих высказываний Вам ближе»			
Лучше, когда бабушки и дедушки как можно больше участвуют в воспитании внуков?	26,3	31,0	1,87*
Лучше, когда бабушки и дедушки ограниченно участвуют в воспитании внуков?	57,9	55,2	0,22
Лучше, когда бабушки и дедушки не участвуют в воспитании внуков?	15,8	13,8	0,24

*p ≤ 0,05; **p ≤ 0,01

Table 1. Comparison of the frequency of choosing answers to the survey questions

	23–35 years old, % (n = 38)	36–54 years old, % (n = 29)	Fisher's criterion φ emp
Block 2. Question «Which of the following statements is closer to you»			
My child's communication with grandparents is sufficient	40.5	34.5	0.48
My child's communication with grandparents is not sufficient	50.0	41.4	0.69
Communication between my child and grandparents is optional	0	0	0
There is no communication between my child and grandparents	10.5	21.1	1.18
Block 3. Question «Which of the following statements is closer to you»			
Is it better when grandparents participate as much as possible in raising grandchildren?	26.3	31.0	1.87*
Is it better when grandparents have limited involvement in raising grandchildren?	57.9	55.2	0.22
Is it better when grandparents are not involved in raising grandchildren?	15.8	13.8	0.24

*p ≤ 0,05; **p ≤ 0,01

нии внуков. Это может косвенно отражать внутрисемейные конфликты и недостаточную эффективность диалога поколений.

На это также указывает значимо более частый выбор большего участия в воспитании подрастающего поколения родительской подгруппой в старшей возрастной группе (в возрастном диапазоне от 36 до 54 лет), когда «ершистость» и стремление к независимости у молодых родителей постепенно уступает место более рациональному осмыслению негативных и позитивных сторон взаимодействия со старшим поколением, подкрепляемому осознанием все большего приближения к статусу прародителей.

Важно отметить, что абсолютно все респонденты исключают возможность «не обязательного» общения своего ребенка с бабушкой и дедушкой, и довольно мало участников считают, что можно полностью обойтись без него.

Анализ результатов направленного ассоциативного эксперимента

Взрослые респонденты представили на экспертизу всего 319 ассоциаций, из них по 5 слов написали 89,6%, по четыре — 5,9% и всего по две — 4,5%.

Анализ экспертных оценок свидетельствует о более высокой частоте ответов (43,2%) в категории «нейтрального образа старого человека». Ответы, которые эксперты отнесли к категории «положительного образа» (17,9%), встречаются значимо реже, чем ответы категории «нейтрального образа» ($\varphi = 3,43^{**}$, $p \leq 0,01$) и «отрицательного образа» ($\varphi = 2,92^{**}$, $p \leq 0,01$).

Приведем примеры ассоциаций в выделенных категориях (в порядке убывания частоты):

- «нейтральный образ» — пенсия, бабушка/дедушка, внуки, пироги, возраст, общение, работа, дача, пришло время, морщины, ворчливость, хобби, безделье, путешествие, седина;
- «отрицательный образ» — одиночество, болезнь, бедность, слабость, страх, немощность, неизвестность, смерть, плохое здоровье, забвение, дом престарелых, инвалидность;
- «положительный образ» — крепкое здоровье, хорошая память, достаток, опыт, отдых, покой, мудрость, созерцание, уважение, советы, ресурс, жить дальше, независимость.

Таким образом, представленные ассоциации демонстрируют взгляд родительской выборки на отрицательный и положительный образ старого человека скорее через призму сохранения/несохранения жизненной компетенции, функционального благополучия, динамической системы здоровье/болезнь. Нейтральный образ респондентами репрезентируется как вариант вхождения в новый статус пенсионера и прародителя.

Взгляды дошкольников на «образ старого человека»

Анализ результатов рисуночного теста

Из предварительной беседы с педагогами детей, участвующих в эксперименте, было получено подтверждение их опыта опосредствованного «знакомства»

со старшим поколением через просмотры диафильмов/мультфильмов: «Было у бабушки сорок внучат» (А. Барто); «Встречайте бабушку» (А. Курляндский), «Дед Мазай и зайцы» (Н.А. Некрасов) и др., через чтение художественной литературы: «Надо дедушек любить, как без бабушек нам жить» (Л. Зиминая), «Волшебное слово» (В. Осеева), «Моя бабуленька» (О. Чусовитина), «Мой дедуля» (А. Чурбанова), «Дедушка» (Е. Дюк) и пр.

Наставники также свидетельствовали о сформированности у ребят разной степени замысла рисунка: промежуточного, шаблонного и целостного (Запуниди, 2013) и изобразительных навыков рисования человека, группы людей и семьи. Например, тематическое рисование: «Моя семья», «Мой лучший друг», «Мы в отпуске», «Мой день рождения» и т.п.

Анализ формальных показателей рисуночного теста:

- 44,8% детей приступили к работе сразу, 58,2% — с неохотой, много отвлекались (роняли карандаши, долго выбирали положение листа, поправляли одежду, меняли стульчик и т.д.);
- 65,7% работу выполняли только простым карандашом, 7,5% — используя один цвет (бледно-желтый, фиолетовый, салатный) и остальные 26,9% выбрали всю цветовую палитру;
- 40,3% рисунков — мелкие, из них у 17 детей графические образы расположены внизу листа, у 9 — в середине или чуть выше ее, у 13,4% детей графический образ крупного формата, из них 2 ребенка изобразили на весь лист лицо с детализированной прорисовкой его частей;
- у 85,1% детей в ходе эксперимента исправления не зарегистрированы, 11,9% ребят использовали ластик;
- 43,3% детей перед началом рисования рассказали экспериментатору о своих намерениях (например, Изабела 5,8 лет: «Я буду рисовать мамину тетю Марину. Мама говорит, что она уже совсем не молодая, но и не совсем старушка. Просто у нее плохо работает шея и голова ... Ой, наверно, поэтому она часто говорит маме гадости»⁴), 40,3% ребят на этапе своего творения вносили пояснения и дополнения (например, Миша 5,8 лет первым делом нарисовал рамку, поясняя, что его бабушка всегда лежит на кровати, потому что болеет и «всю мою жизнь» не ходит), 16,4% детей работали без комментариев.

Анализ оценки независимых экспертов названий детских рисунков и их комментариев

Экспертам предоставлялся рисунок с названием работы и стенограмма рассказа ребенка⁵.

Анализ оценок экспертной группы позволил разделить детские рисунки следующим образом: 53,7% работ оценены как информирующие о «нейт-

⁴ Мы сохранили семантику и грамматику детских высказываний.

⁵ Авторы выражают благодарность студентам психолого-педагогического факультета КамГУ имени В. Беринга за помощь записи стенограмм.

Рис. 1. «Нейтральный» образ старого человека

Figure 1. "Neutral" image of an old person

ральной» образе старого человека, 25,4% — как о «положительном» и 20,9% — как об «отрицательном».

Рассмотрим подробнее несколько конкретных рисунков из выделенных категорий (рис. 1–3).

Примеры комментариев к рисункам:

1а. Ваня 5,9 лет. «Старички ждут автобус». Комментарий: «На нашей остановке утром, когда мы с мамой едем в садик, я много вижу, ну, таких старичков. Они

не толкаются, не кричат, а спокойно ждут, когда их увезут куда надо... Водитель им разрешает входить в переднюю дверь, ведь там можно поставить их палки или сумки. Наверное, им надо в аптеку или больницу».

1б. Маша 5,11 лет. «Тети на пенсии». Комментарий: «Это тетя Катя с подружками. Она живет в нашем доме. На работу она не ходит, потому что она пенсионер, мне папа так сказал. Она ходит к подружкам,

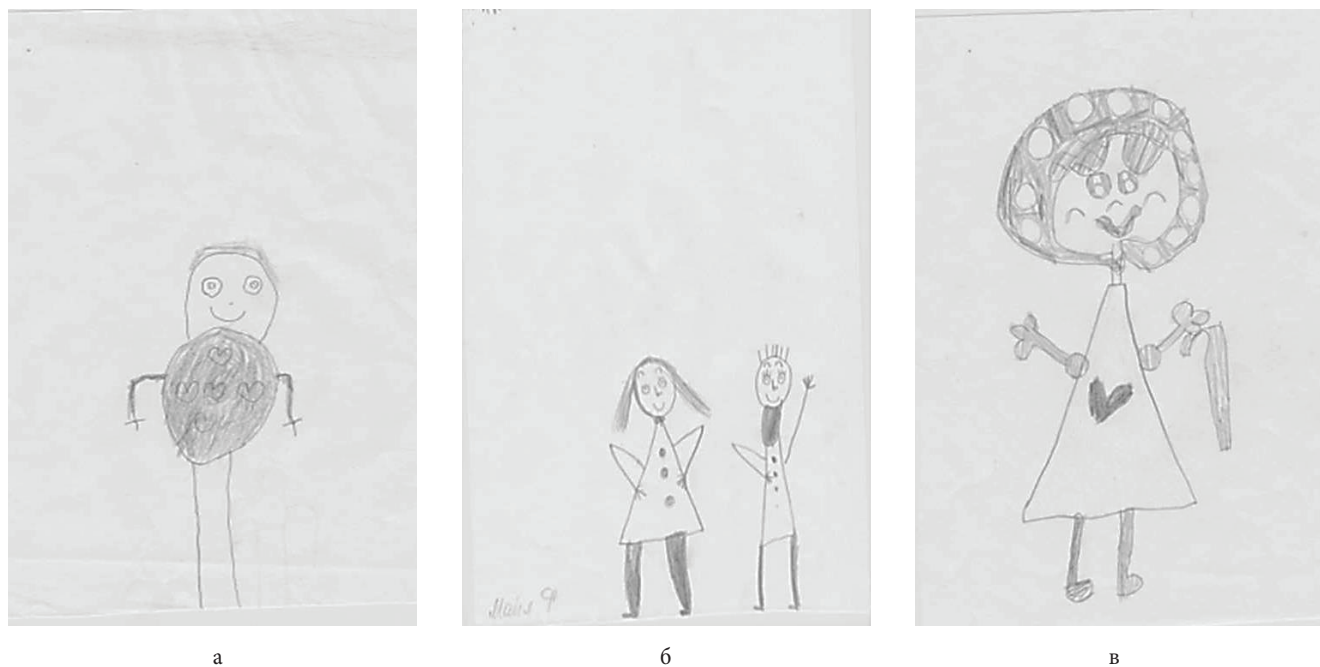

Рис. 2. «Положительный» образ старого человека

Figure 2. "Positive" image of an old person

Рис. 3. «Отрицательный» образ старого человека

Figure 3. "Negative" image of an old person

они там веселятся, пьют чай, рассказывают секреты... а потом дружно выгуливают себя».

1в. Вероника 5,6 лет. «Просто бабушка». Комментарий: «Я нарисовала бабушку, она старенькая. Она не злая, не добрая, просто уже бабушка, она в очках, с палочкой, с гулькой или с редкими волосами, а еще могут быть у нее такие, ну, некрасивые бусики. Она может быть грустной, она же уже плохо видит и медленно ходит. Таких бабушек много в автобусах, аптеках, на рынке, в магазинах, а еще на почте. Мама говорит, что они там деньги забирают, которые заработали, хотя уже на эту на работу не ходят, им там тяжело или скучно. Они могут на почте ссориться... но не сильно, потому что на них смотрят другие... и другие могут злиться на них».

Примеры комментариев к рисункам:

2а. Яна 6,2 года. «Моя любимая, многосердечная бабушка». Комментарий: «Это моя самая любимая-прелюбимая бабулечка Любочка. Она очень-преочень хорошая и добрая. Она сразу любит меня, моего маленького, просто еще лялечного братика Кирюшку, маму, папу и нашего Бимку (пес, от авторов). Она всегда все знает, везде успевает, всегда веселая, целует нас и дарит подарки. Она нам говорит, что она нас всех любит сразу, но иногда по-разному, но все равно мы у нее все в сердце. А я думаю, что бабулечка Любочка многосердечная, и мы в каждом ее отдельном сердце, как в домике. И мы ее любим, поэтому сердца у нее никогда не заболят».

2б. Майя 6,4 года. «Старики-разбойники». Комментарий: «Один раз, когда я гуляла, ну, со своими друзьями во дворе, мы видели этих смешных бабуся и дедусю. У бабушки была согнута спина, а у дедушки мало волос на голове и зубов не было ... Они

играли как на физкультуре, мы так в садике делаем с Ларисой Ивановной на спортивной площадке. Я ненавижу эту физ-ру, а мама говорит, что, если я буду лениться на физ-ре, буду тюхой и развалюхой, буду шаркать ногами как старушня. Но я сама видела, что они смеялись и не сильно шоркали ногами, а еще они вот так вот «хакали»: «Ха, ха», и руки вниз кидали, как из пистолета стреляли. Вот мы их так и назвали старики-разбойники, но они не страшные... мы потом за ними еще долго смотрели из-за гаражей...».

2в. Аня 5,1 год. «Моя добрая няня». Комментарий: «Это моя няня Таня. Она добрая. Когда я была совсем маленькой, Таня приходила часто, мама же работает. А папа у меня моряк, он охраняет нашу Родину... (громко охает — прим. автора), дома почти не бывает. Кому же за ребенком смотреть, чтобы он не убилися, не потерялся, не заболел? Конечно, только моей Тане. Мы с ней песни поем, вот такие... «Ягода малина», «Вот кто-то с горочки спустился», дальше сами знаете (смущенно смеется — наблюдение автора). А еще Таня научила меня пирожки лепить, делать колбаску сладкую, прыгать через лужи, пускать солнечных зайчиков. Сейчас Таня только звонит мне и я ей, когда грустно... Я же теперь большая, хожу на свою работу — в садик».

Примеры комментарией к рисункам:

3а. Слава 6,1 год. «Злая старушка». Комментарий: «Это наша соседка по даче. Она всегда громко говорит и даже кричит. Она много не довольная, заставляет слушать только ее и может даже поругать мою маму, она злая. Мама один раз даже плакала, я видел. Ее все боятся и даже бабушка Ира, которая живет с ней в одной даче. А баба-Ира добрая, говорит тихо, всегда гладит нашего котика «Шурупчика» и шутит

с нами, любит, когда мы приезжаем... да-да, она нам сама так говорит. Она ведь теперь одна, ее дети живут далеко, где-то в пустыни, а дед-Паша ведь умер. Он был хороший, потому что баба-Ира всегда всплывает, когда рассказывает, какой он был сорви-голова».

36. Миша, 5,8 лет. «Бабушка болеет». Комментарий: «В комнате, где живет бабушка, я бываю редко... там плохо пахнет. Она «всю мою жизнь» не ходит...».

37. Саша, 5,4 года. «Колькины грызуны». Комментарий: «У моего друга Кольки есть бабушка и дедушка. Он мне говорит, что они его все время грызут и кусают... не по правде, конечно. Колька мой самый грустный друг. Я стараюсь его веселить. Вот видите, я там сверху смешу Кольку».

Анализ результатов связи взглядов испытуемых родительской и детской выборки

В литературе мы обнаруживаем данные о влиянии родителей на формирование соответствующих возрасту стереотипов у детей. Так, результат ряда исследований отражает детерминирующее влияние родителей на формирование этнических и гендерных стереотипов и предрассудков в раннем детстве (Gilbert et al., 2008; Degner et al., 2013). Есть работы (Lineweaver et al., 2017), свидетельствующие о влиянии родителей на формирования возрастных стереотипов (в том числе, эйдетизма) на детей в возрасте от 9 до 10 лет и в подростковом периоде. Данные детей от 6 до 7 лет корреляции с показателями родителей не продемонстрировали.

Мы также предприняли попытку изучить означенный аспект (рис. 4).

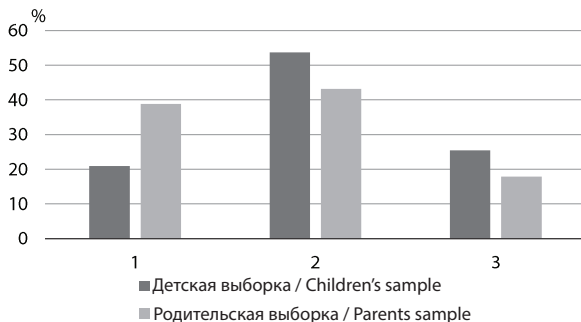

Рис. 4. Характер распределения позитивности образов старого человека в детской и родительской выборке (1 — «отрицательный образ»; 2 — «нейтральный образ»; 3 — «положительный»)

Figure 4. The nature of the distribution of the positivity of the images of the old person in the children's and parents sample (1 — "negative image"; 2 — "neutral image"; 3 — "positive image")

Как видно из рис. 4, родители и их дети показывают сходные картины распределения позитивного образа старого человека с преобладанием в сторону «нейтрального образа». Однако взаимовлияний между родительскими и детскими взглядами нами не было обнаружено ($r = 0,159$). Мы учитываем, что в исследовании участвовал только один из двух родителей, причем большинство составили матери, этот факт может определять полученные результаты. В то же время, ряд исследований подтверждает большую

схожесть взглядов маленького ребенка с матерью в области межгрупповых отношений (Degner et al., 2013; Задорова, Куфтяк, 2017). Мы солидарны с авторами работы (Flamion et al., 2020), которые считают, что ребенок в возрасте от 6 до 7 лет может продемонстрировать свой собственный уникальный взгляд на старого человека, совсем не тождественный родителям, окружающим и социальным стереотипам.

Анализ зависимости особенностей детских образов старого человека от качества и возможности их общения

Из родительских анкет нами было выяснено, что у 37,3% дошкольников есть возможность с определенной периодичностью (от нескольких раз в неделю или месяц) достаточного общения со старшими родственниками. К общению родители отнесли совместное проведение досуга (92%), разговоры по телефону или скайпу (96%), совместные поездки (76%) и/или проживание (44%). Другая часть детей (62,7%) не имеют такой возможности по ряду причин: старшее поколение проживает за пределами региона (71,4%) или в отдаленных (часто труднодоступных) районах Камчатки (21,4%), избегание или длительное конфликтное состояние взрослых (7,2%).

Как видно из табл. 2, в группе детей, имеющих возможность общаться с родными старшего поколения, значимо выражен как положительный образ стариков, так и отрицательный, а в другой группе значимо доминирует нейтральный образ. Нам стал интересен качественный анализ рисунков.

Выяснилось, что дети «достаточного общения» в своих работах отражают исключительно собственный опыт отношений с прародителями.

Таблица 2. Выраженность показателей позитивности образов старого человека в общей выборке детей и в подгруппах

Категории образов	Общая выборка, % (n = 67)	«Достаточное» общение, % (n = 25)	Ограниченное общение, % (n = 42)	Критерий Фишера ϕ эмп ¹
Отрицательный	20,9	32,0	14,3	1,69*
Нейтральный	53,7	8,0	80,9	6,48**
Позитивный	25,4	60,0	4,8	5,18**

* $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$

Примечание: показатели получены при сравнении подгрупп «достаточного» и ограниченного общения.

Table 2. The severity of the indicators of the positivity of the images of the old person in the total sample of children and in subgroups

Image categories	Total sample, % (n = 67)	"Sufficient" communication, % (n = 25)	Limited communication, % (n = 42)	Fisher's criterion ϕ эмп ¹
Negative	20,9	32,0	14,3	1,69*
Neutral	53,7	8,0	80,9	6,48**
Positive	25,4	60,0	4,8	5,18**

* $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$

Note: Indicators are derived from comparing subgroups of "sufficient" and limited communication

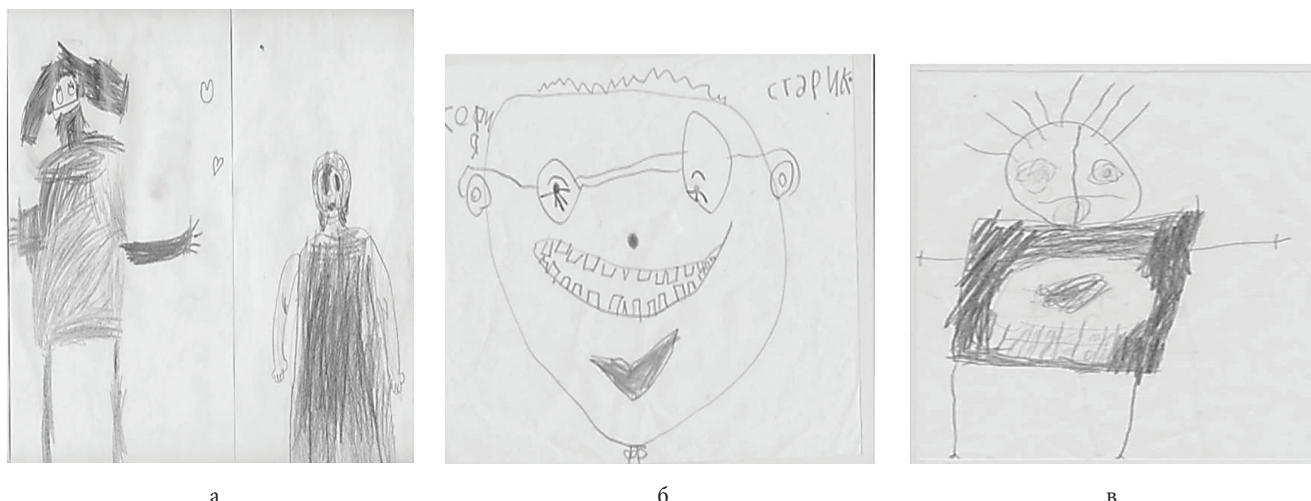

Рис. 5. Рисунки детей, имеющих достаточный опыт общения с прародителями (рисунок 5а эксперты оценили как «положительный образ», рисунок 5б «нейтральный», 5 в «отрицательный»)

Figure 5. Drawings of children who have sufficient experience in communicating with their grandparents. Figure 5a was assessed by experts as a “positive image”, figure 5b “neutral”, 5c “negative”.

Примеры комментариев к рисункам:

5а. Петя 5,7 лет. «Дружба деда с бабой». Комментарий: «Это мои любимые дедушка Петр Палыч и бабушка Инесса Яковлевна. Они давно живут, но все равно дружат. Я их люблю. Дедушка говорит, что бабуля наша не злая, но строгая и справедливая, поэтому с ней лучше не спорить. Бабуля часто строго зырничает на дедушку, чтобы он не агрессивничал и был организмовничал. Они всегда вместе, думаю, даже когда моей мамы и папы не было. Дедушка даже был на войне, но тогда он не был дедушкой... меня же еще не было у него. Дедушки и бабушки без внуков не бывают, или им плохо без внуков... Вот нам же хочется погладить или прижать котенка, ну поэтому им плохо без нас бабушкиных котятков. Это мне так старшая двоюродная сестра по секрету рассказала, когда я еще малышкой был... лет в три».

5б. Света 5,9. «Муж бабушки». Комментарий: «Я нарисовала моего второго дедушку. Первый дедушка давно умер, он был добрый — обнимал меня, целовал, говорил, что я его цыпленок, но скоро буду принцессой... А этот второй муж бабушки, ничего мне не говорит. Он вообще-то веселый, всегда смеется, но строго на меня смотрит. Бабушка хорошо к нему относится, он ей подает пальто и даже один раз сапоги помог одевать...».

5в. Оксана 5,2. «Бабушка робот». Комментарий: «Бабушка приходит к нам часто, приносит нам продукты, пылесосит, стирает и гладит белье, варит еду, перебирает шкаф... летом полет грядки... Когда все сделает, смотрит телевизор или пьет чай. На день рождения два раза давала мне деньги... Моя подружка называет мою бабушку роботом...».

В группе испытуемых «ограниченного общения» образы старости носят скорее поверхностный и собирательный характер (кто-то сказал, мы увидели и т.п.).

Обобщая представленный анализ работ данной детской выборки, мы можем констатировать, что в

целом для наших испытуемых образ старого человека скорее стереотипно нейтральный, но, в то же время, имеет определенную специфику. Качество общения ребенка с бабушками и/или дедушками определяет эмоциональную окраску формирующегося образа стариков и, скорее, старости в целом, что, в принципе, хорошо отражается на представлениях детей группы «достаточного общения».

Для детей с опытом дефицита общения с прародителями образ старого человека персонализирован с «чужими» или «ничьими стариками» (сосед, прохожий, прародители друзей и др.). Возможно поэтому их отношение к репрезентирующим образам эмоционально ровное, личной заинтересованности и значимости не отражающее. В то же время, мы можем отметить, что, говоря о стареющем человеке, дошкольники в большей степени отмечают его отзывчивость, душевную теплоту и благожелательность.

Обсуждение результатов

На наш взгляд, результаты проведенного исследования детского образа старого человека актуализируют проблемы в области диалога поколений. Выстраивание, поддержание и сохранение «мостиков» между прародителями и их только начинающими подрастать приемниками крайне важны и, вероятно, выгодны для обеих сторон.

Так, многие геронтологические работы акцентируют важность исследования поисков (трансформации) смысла жизни, возникающих у пожилого человека после выхода на пенсию (Анцыферова, 2001; Глуханюк, Гершкович, 2003; Глозман, Наумова, 2008). Мы солидарны с авторами, которые одним из решений вопросов смыслообразования старшего поколения считают трансляцию жизненного опыта поколению внуков (Ермолаева, 2012).

Результаты исследования Белостоцкой Д.И. и Зинченко В.П. (Белостоцкая, Зинченко, 2012) показали тождественность эмоциональных реакций и общность извлекаемых экзистенциальных смыслов дошкольниками и старыми людьми. Авторы подчеркивают важность уважительного и бережного отношения к детской непосредственности, как мгновенной эмоциональной интуиции, к детским переживаниям, рождающим смыслы. Причем, живое вос-

писываемый детьми пожилым людям, и в то же время может послужить надежной основой для конструирования маленькими детьми позитивного образа старого человека и старости в целом. Эмоциональное тепло и душевность стареющего человека, готовность к принятию и желание достичь совместного решения вряд ли может посеять зерно страха у маленького ребенка перед неизбежными изменениями в его старости.

Реальный опыт конструктивного взаимоотношения между участниками межпоколенного диалога может изменить образ низкой компетентности, приписываемый детьми пожилым людям, и в то же время может послужить надежной основой для конструирования маленькими детьми позитивного образа старого человека и старости в целом.

приятие и переживания у детей и у пожилых людей рождали общие смыслы. Данные факты говорят о возможности пожилого человека вступать в глубинный, смыслопорождающий диалог с ребенком, транслировать ему свой жизненный опыт.

Реальный опыт конструктивного взаимоотношения между участниками межпоколенного диалога может изменить образ низкой компетентности, при-

сти исследования возрастных стереотипов в дошкольном возрасте. В то же время, ряд вопросов остаются открытыми, определяя направления дальнейшего научного поиска, в частности, проблемы психологической культуры и готовности пожилого человека к диалогу с ребенком, проблемы организации эффективных программ «объединения старых и малых», взаимообогащающих диалог поколений.

Литература:

- Анцыферова Л.И. Психология старости: особенности развития психологии личности в период поздней зрелости // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 3. С. 86–99.
- Белостоцкая Д.И., Зинченко В.П. Восприятие художественного текста пожилыми людьми и дошкольниками: согласование смыслов // Культурно-историческая психология. 2012. Т. 8. № 3. С. 49–59.
- Бельцова И.А. Концепция «Успешное старение» как нормативный конструкт в формировании позитивного образа старости в демократическом обществе // Вестник экономики, права и социологии. 2012. № 1. С. 283–288.
- Бигтз С., Хаапала И. Долгая жизнь, взаимопонимание и эмпатия поколений / пер. с англ. А.А. Ипатовой // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 2. С. 46–58. doi: 10.14515/monitoring.2016.2.03
- Венгер А.Л. Психологические рисуночные тесты : иллюстрированное руководство. Москва : ВЛАДОСС-ПРЕСС, 2003.
- Вовк Е. Старики в семье: особенности межпоколенческого взаимодействия. [Электронный ресурс] // Журнальный зал : [сайт]. URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2005/3/stariki-v-seme-osobennosti-mezhpokolencheskogo-vzaimodejstviya.html>
- Глозман Ж.М., Наумова В.А. Жизненный опыт как потенциал успешного старения // Российский психологический журнал. 2018. Т. 15. № 3. С. 25–51. doi: 10.21702/rpj.2018.3.2
- Глуханюк Н.С., Гершкович Т.Б. Поздний возраст и стратегии его освоения. Москва : Московский психолого-социальный институт, 2003.
- Елютина М.Э., Чеканова Э.Е. Социальная геронтология. Москва : ИНФРА-М, 2004.
- Ермолаева М.В. Опосредствование в диалоге через поколение между детьми и пожилыми людьми // Культурно-историческая психология. 2012. Т. 8. № 2. С. 55–59.
- Задорова Ю.А., Куфтяк Е.В. Трансляция паттернов привязанности в поколениях семьи. [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России : электрон. науч. журн. 2017. Т. 9. № 2 (43). С. 10 : [сайт]. URL: http://mprj.ru/archiv-global/2017_2_43/nomer04.php — (дата обращения 01.05. 2020).
- Запуниди А.А. Особенности изобразительной деятельности у детей с разным уровнем замысла в рисунке // Национальный психологический журнал. — 2013. — № 1 (9). — С. 121–126. doi: 2079-6617/2013.0116
- Зинкевич-Евстигнеева Т.Д., Кудзилов Д.Б. Психодиагностика через рисунок в сказкотерапии. Санкт-Петербург : Речь, 2006.
- Краснова О.В. Эйджизм в работе с пожилыми людьми // Психология старости и старения : хрестоматия / сост. О.В. Краснова, А.Г. Лидерс. Москва : АСАДЕМА, 2003. С. 354–362.
- Крутько В.Н., Донцов В.И., Мамиконова О.А., Пырву В.В., Розенблит С.И. Диагностика старения и биологический возраст в медицине антистарения // Медицинские новости. 2015. № 2. С. 25–31.
- Кудрина Е.Л. Активация творческого потенциала пожилых людей в новых социально-культурных реалиях развития России // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2015. № 2 (8). С. 32–38.
- Лебедева Л.Д. Проективная методика «Рисунок семьи в образе цветов» в психологическом консультировании // Национальный психологический журнал. 2011. № 1(5). С. 133–137.
- Мишиха Л.П. Психологический антиэджинг: от гомеостаза к пассионарности // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2014. № 5. С. 190–192.

- Мухина В.С. Изобразительная деятельность ребенка как форма усвоения социального опыта. Москва : Педагогика, 1981.
- Полуянова И.Е. Медицина антистарения в санаториях Беларуси // Медицинские новости. 2017. № 7. С. 80–84.
- Поставнев В.М. Феноменология личности пожилых людей творческих профессий // Развитие личности. 2009. № 2. С. 100–115.
- Серкин В.П. Решение задачи о случайности/неслучайности количества групповых ассоциаций // Психологическая диагностика. 2009. № 4. С. 22–31.
- Соловьева Ю.Н., Бойко А.В. Концепция геронтомаркетинга и его инструментарий в виртуальной среде // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2013 № 5 (83). С. 87–88.
- Стрижицкая О.Ю. К вопросу об эмпирическом исследовании геротрансцендентности. [Электронный ресурс] // Мир Науки: научный интернет-журнал. 2017. Т. 5. № 6 : [сайт]. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/11PSMN617.pdf> (дата обращения 30.05. 2020).
- Armstrong B., Gallant, S.N., Li L., Patel K., & Wong B.I. (2017). Stereotype threat effects on older adults' episodic and working memory: a meta-analysis. *Gerontologist*, 57, 193–205. doi:10.1093/geront/gnx170
- Babcock R.E., MaloneBeach E.E., Hannighofer J., & Woodworth-Hou B. (2016). Development of a children's IAT to measure bias against the elderly. *J. Intergener. Relatsh*, 14, 167–178. doi: 10.1080/15350770.2016.1195245
- Biggs S., Carstensen L., & Hogan P. (2012). Social Capital, Lifelong Learning and Social Innovation. *Global Population Ageing: Peril or Promise?* Geneva :World Economic Forum, 39–41. Retrieved from: https://demographic-challenge.com/files/downloads/6c59e8722e82f7ffa0f1158d0f4e59/ageingbook_010612.pdf (accessed 20.07.2020).
- Butler R.N. (1969). Age-ism: another form of bigotry. *Gerontologist*, 9(4), 243–246. doi: 10.1093/geront/9.4_Part_1.243
- Coudin G. (2010). Help me! I'm old': How negative aging stereotypes create dependency among older adults. *Aging and Mental Health*, 5 (14), 516–523. doi: 10.1080/13607861003713182
- Davidson D., Luo Z., & Fulton, B.R. (2008). Stereotyped views of older adults in Children from the People's Republic of China and from the United States. *J. Intergener. Relatsh*, 5, 7–24. doi: 10.1300/J194v05n04_02
- Degner J., & Dalege, J. (2013). The apple does not fall far from the tree, or does it? A meta-analysis of parent-child similarity in intergroup attitudes. *Psychol. Bull.* 139, 1270–1304. doi: 10.1037/a0031436
- Fernández-Ballesteros R., & Díez-Nicolás J. (2008). Active aging. Mandatory retirement and a barrier. *Releasing the Potentials of Senior Scholars and Scientists Emerging Productivity in a New Era*. H.A. Becker & J.F. Schroots (Eds.). Amsterdam: ERGO, European Research Institute on Health and Aging, 81–109.
- Fiske S.T., Cuddy A.J.C., Glick P., & Xu, J. (2002). A model of (often mixed) stereotype content: Competence and warmth respectively follow from perceived status and competition. *Journal of Personality and Social Psychology*, 82 (6), 878–902. doi: 10.1037/0022-3514.82.6.878
- Flamion A., Missotten P., Jennotte L., Hody N., & Adam S. (2020). Old Age-Related Stereotypes of Preschool Children. *Front. Psychol.* 11:807. doi: 10.3389/fpsyg.2020.00807
- Gilbert, C.N., & Ricketts, K.G. (2008). Children's attitudes toward older adults and aging: a synthesis of research. *Educ. Gerontol.* 34, 570–586. doi: 10.1080/03601270801900420
- Glozman J.M., Naumova V.A. (2014). Art-therapy as a method for mobilizing personal resources in elderly. *Psychology in Russia: State of the art*, 3, 82–91 doi: 10.11621/pir.2014.0307
- Goldman, R.J., & Goldman, J.D.G. (1981). How children view old people and ageing: a developmental study of children in four countries. *Aust. J. Psychol.* 33, 405–418. doi: 10.1080/00049538108254708
- Johnson J. (1999). Ageism: Concept and Definition. In J. Johnson, B. Bytheway. *Aging and Later Life*, London: Sage Publications, 200–206.
- Levy B.R. (2009). Stereotype embodiment: a psychosocial approach to aging. *Current Directions in Psychological Science*, 18, 332–336. doi: 10.1111/j.1467-8721.2009.01662.x
- Lineweaver T.T., Roy A., & Horth M. (2017). Children's stereotypes of older adults: evaluating contributions of cognitive development and social learning. *Educ. Gerontol.* 43, 300–312. doi: 10.1080/03601277.2017.1296296
- Lynott P.P., & Merola P.R. (2007). Improving the attitudes of 4th graders toward older people through a multidimensional intergenerational program. *Educ. Gerontol.* 33, 63–74. doi: 10.1080/03601270600864041
- Naumova V., & Glozman J. (2019). Art therapy and successful aging. In *Book of Abstracts: XVI European Congress of Psychology (ECP 2019)*, Moscow: Moscow University Press. 1214–1215.
- Olshansky S.J., Beard J., & Börsch-Supan A. (2012). The Longevity Dividend: Health as an Investment. *Global Population Ageing: Peril or Promise?* Geneva: World Economic Forum, 57–60.
- Vauclair C.M., Rodrigues R.B., Marques S., Esteves C.S., Cunha F., & Gerardo F. (2018). Doddering but deareven in the eyes of young children? *Age stereotyping and prejudice in childhood and adolescence*. *Int. J. Psychol.* 53, 63–70. doi: 10.1002/ijop.12430

References:

- Antsyferova L.I. (2001) Psychology of old age: features of the development of personality psychology in late maturity. *Psychological journal [Psichologicheskii Zhurnal]*, 22(3), 86–99. (In Russ.)
- Armstrong B., Gallant, S.N., Li L., Patel K., & Wong B.I. (2017). Stereotype threat effects on older adults' episodic and working memory: a meta-analysis. *Gerontologist*, 57, 193–205. doi:10.1093/geront/gnx170
- Babcock R.E., MaloneBeach E.E., Hannighofer J., & Woodworth-Hou B. (2016). Development of a children's IAT to measure bias against the elderly. *J. Intergener. Relatsh*, 14, 167–178. doi: 10.1080/15350770.2016.1195245
- Belostotskaya D.I., Zinchenko V.P. (2012). Perception of a literary text by older people and preschoolers: coordination of meanings. *Cultural-Historical Psychology [Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya]*, 8(3), 49–59. (In Russ.)

- Biggs S., Carstensen L., & Hogan P. (2012). Social Capital, Lifelong Learning and Social Innovation. *Global Population Ageing: Peril or Promise?* Geneva :World Economic Forum, 39–41. Retrieved from: https://demographic-challenge.com/files/downloads/6c59e8722eec82f7ffa0f1158d0f4e59/ageingbook_010612.pdf (accessed 20.07.2020).
- Biggs S., Haapala I. (2016). Long life, mutual understanding and empathy of generations (transl. from English A.A. Ipatova) *Monitoring of public opinion: Economic and social changes [Monitoring obshchestvennogo mneniya: Economicheskkiye i sotsial'niye peremeni]*, 2, 46–58. doi: 10.14515 / monitoring.2016.2.03 (In Russ.)
- Butler R.N. (1969). Age-ism: another form of bigotry. *Gerontologist*, 9(4), 243–246. doi: 10.1093/geront/9.4_Part_1.243
- Coudin G. (2010). Help me! I'm old': How negative aging stereotypes create dependency among older adults. *Aging and Mental Health*, 5 (14), 516–523. doi: 10.1080/13607861003713182
- Davidson D., Luo Z., & Fulton, B.R. (2008). Stereotyped views of older adults in Children from the People's Republic of China and from the United States. *J. Intergener. Relatsh*, 5, 7–24. doi: 10.1300/J194v05n04_02
- Degner J., & Dalege, J. (2013). The apple does not fall far from the tree, or does it? A meta-analysis of parent-child similarity in intergroup attitudes. *Psychol. Bull.* 139, 1270–1304. doi: 10.1037/a0031436
- Elyutina M.E., Chekanova E.E. (2004). Social gerontology. Moscow: *INFRA-M*.
- Ermolaeva M.V. (2012). Mediation in dialogue through a generation between children and elderly people. *Cultural-Historical Psychology [Kul'turno-istoricheskaya Psychologiya]*, 8(2), 55–59. (In Russ.)
- Fernández-Ballesteros R., & Díez-Nicolás J. (2008). Active aging. Mandatory retirement and a barrier. *Releasing the Potentials of Senior Scholars and Scientists Emerging Productivity in a New Era*. H.A. Becker & J.F. Schroots (Eds.). Amsterdam: ERGO, European Research Institute on Health and Aging, 81–109.
- Fiske S.T., Cuddy A.J.C., Glick P., & Xu, J. (2002). A model of (often mixed) stereotype content: Competence and warmth respectively follow from perceived status and competition. *Journal of Personality and Social Psychology*, 82 (6), 878–902. doi: 10.1037/0022-3514.82.6.878
- Flamion A., Missotten P., Jennotte L., Hody N., & Adam S. (2020). Old Age-Related Stereotypes of Preschool Children. *Front. Psychol.* 11:807. doi: 10.3389/fpsyg.2020.00807
- Gilbert, C.N., & Ricketts, K.G. (2008). Children's attitudes toward older adults and aging: a synthesis of research. *Educ. Gerontol.* 34, 570–586. doi: 10.1080/03601270801900420
- Glozman J.M., Naumova V.A. (2014). Art-therapy as a method for mobilizing personal resources in elderly. *Psychology in Russia: State of the art*, 3, 82–91 doi: 10.11621/pir.2014.0307
- Glozman Zh. M., Naumova V.A. (2018). Life experience as the potential for successful aging. *Russian Psychological journal [Rossiiski Ispichologicheskii Zhurnal]*, 15(3), 25–51. doi: 10.21702 / rpj.2018.3.2. (In Russ.)
- Glukhanyuk N.S., Gershkovich T.B. (2003). Late age and strategies for its development. Moscow: *Moskovskii Psikhologo-sotsial'ni Institut*.
- Goldman, R.J., & Goldman, J.D.G. (1981). How children view old people and ageing: a developmental study of children in four countries. *Aust. J. Psychol.* 33, 405–418. doi: 10.1080/00049538108254708
- Johnson J. (1999). Ageism: Concept and Definition. In J. Johnson, B. Bytheway. *Aging and Later Life*, London: Sage Publications, 200–206.
- Krasnova O.V. (2003). Ageism in work with older people. Psychology of old age and aging. Reader for students of psychological faculties of higher educational institutions, Comp. O.V. Krasnova, A.G. Leaders. Moscow. *ACADEMA*, 354–362. (In Russ.)
- Krutko V.N., Dontsov V.I., Mamikonova O.A., Parvu V.V., Rosenblit S.I. (2015). Diagnostics of aging and biological age in anti-aging medicine. *Medical News [Meditsinskiye novosti]*, 2, 25–31. (In Russ.)
- Kudrina E.L. (2015). Activation of the creative potential of older people in the new socio-cultural realities of the development of Russia. *Professional education in Russia and abroad [Professional'noye obrazovanie v Rossii i za rubezhom]*, 2(8), 32–38. (In Russ.)
- Lebedeva L.D. (2011). Projective technique “Drawing of a family in the form of flowers” in psychological counseling. *National psychological journal [Natsional'niy psichologicheskii zhurnal]*, 1(5), 133–137. (In Russ.)
- Levy B.R. (2009). Stereotype embodiment: a psychosocial approach to aging. *Current Directions in Psychological Science*, 18, 332–336. doi: 10.1111/j.1467-8721.2009.01662.x
- Lineweaver T.T., Roy A., & Horth M. (2017). Children's stereotypes of older adults: evaluating contributions of cognitive development and social learning. *Educ. Gerontol.* 43, 300–312. doi: 10.1080/03601277.2017.1296296
- Lynott P.P., & Merola P.R. (2007). Improving the attitudes of 4th graders toward older people through a multidimensional inter-generational program. *Educ. Gerontol.* 33, 63–74. doi: 10.1080/03601270600864041
- Mishikha L.P. (2014). Psychological anti-aging: from homeostasis to passionarity. *Journal of scientific publications of graduate students and doctoral students [Zhurnal nauchnikh publikatsii aspirantov i doktorantov]*, 5, 190–192. (In Russ.)
- Mukhina V.S. (1981). The drawing activity of the child as a form of assimilation of social experience. Moscow. *Pedagogika*. (In Russ.)
- Naumova V., & Glozman J. (2019). Art therapy and successful aging. In *Book of Abstracts: XVI European Congress of Psychology (ECP 2019)*, Moscow: Moscow University Press. 1214–1215.
- Olshansky S.J., Beard J., & Börsch-Supan A. (2012). The Longevity Dividend: Health as an Investment. *Global Population Ageing: Peril or Promise?* Geneva: World Economic Forum, 57–60.
- Poluyanova I.E. (2017) Anti-aging medicine in the sanatoriums of Belarus. *Medical News [Meditsinskiye novosti]*, 7, 80–84. (In Russ.)
- Postavnev V.M. (2009). Phenomenology of the personality of older people in creative professions. *Personal development [Razvitiye Lichnosti]*, 2, 100–115. (In Russ.)
- Serkin V.P. (2009). Solving the problem of randomness / non-randomness of the number of group associations. *Psychological diagnostics [Psychologicheskaya diagnostika]*, 4, 22–31. (In Russ.)

- Solovieva Yu.N., Boyko A.V. (2013). The concept of geronto-marketing and its tools in a virtual environment. *News of the St. Petersburg State University of Economics [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo Ekonomicheskogo Universiteta]*, 5 (83), 87–88. (In Russ.)
- Strizhitskaya O. Yu. (2020). On the issue of empirical research of gerotranscendence. *World of Science [Mir nauki]: scientific Internet journal*, 5(6). [Electronic resource] Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/11PSMN617.pdf> (accessed: 30.05.2020). (In Russ.)
- Vauclair C.M., Rodrigues R.B., Marques S., Esteves C.S., Cunha F., & Gerardo F. (2018). Doddering but deareven in the eyes of young children? *Age stereotyping and prejudice in childhood and adolescence*. *Int. J. Psychol*, 53, 63–70. doi: 10.1002/ijop.12430
- Venger A.L. (2003). *Psychological Drawing Tests: An Illustrated Guide*. Moscow: Publishing house VLADOSS-PRESS. (In Russ.)
- Vovk E. (2005). Old people in the family: features of intergenerational interaction. *Otechestvennye zapiski*, 3(24). [Electronic resource]. Available at: <http://www.strana-oz.ru>. (accessed: 30.05.2020). (In Russ.)
- Zadorova Y.A., Kuftyak E.V. (2020). Translation of attachment patterns in generations of the family. *Medical psychology in Russia: electronic scientific journal*, 9(2), 43,10. [Electronic resource]. Available at: <http://mprj.ru> (accessed: 01.05.2020). (In Russ.)
- Zapunidi A.A. (2013). Features of visual activity in children with different levels of design in drawing. *National psychological journal [Natsional'nii psichologicheskii zhurnal]*, 1(9), 121–126. doi: 2079-6617 / 2013.0116. (In Russ.)
- Zinkevich-Evstigneeva T.D., Kudzilov D.B. (2006). *Psychodiagnostics through drawing in fairy tale therapy*. SPb: Rech, 2006. (In Russ.)

Оригинальная статья

УДК 159.923, 612.766, 793
doi: 10.11621/npj.2021.0114

Свободный танец как культурно-историческая практика импровизации

А.М. Айламазьян, МГУ имени М.В. Ломоносова, Школа антропологии будущего РАНХиГС, Москва, Россия.

ORCID: 0000-0002-8896-938X

Для контактов. E-mail: aida@heptachor.ru

Актуальность исследования. Пластические, выразительные аспекты поведения человека остаются малоисследованными в психологии. Обращение к импровизационным практикам обусловлено тем, что в них в наиболее яркой форме представлен момент рождения выразительного движения.

Цель исследования: анализ импровизационного танцевального действия, выявление условий его порождения. Выдвинуты гипотезы о формировании целостной личностной установки как готовности к совершению выразительного движения в ситуации музыкально-двигательной импровизации и о том, что принципы организации движения в практике свободного танца направлены на формирование установки, позволяющей выслушивать рождающиеся спонтанные, произвольные побуждения к движению, изменения тонуса и дыхания.

Проведение и методы исследования. Работа представляет собой теоретико-психологический анализ практики импровизационного танца. Методологический и теоретический аппарат культурно-исторической психологии и теории деятельности, концепции построения движения Н.А. Бернштейна используются для осуществления реконструкции условий порождения выразительных движений в ситуации музыкально-двигательной импровизации.

Результаты исследования. Проведенный анализ показал, что принципы организации движения, технические аспекты практики направлены на увеличение степеней свободы движения. Это позволяет усилить чувствительность к спонтанным реакциям и побуждениям, а также расширить ориентировку в ситуации музыкально-двигательной импровизации. При этом обеспечивается осмысленность движений и целостное включение личности в импровизацию.

Выводы. Наряду с практиками структурированных танцев или репродуктивных подходов к овладению выразительным движением, существуют и культурно-исторические практики импровизационных танцев. В ходе анализа данных практик выделяются психологические условия и особенности организации движения, позволяющие порождать самостоятельные действия, находить и опробовать новые цели, пластические формы. Порождение спонтанных движений и музыкально-пластическая импровизация возможны вследствие настройки всей личности человека. Открытость как установка личности имеет как свой смысловой компонент, так и моторный.

Ключевые слова: танцевальные практики, импровизация, спонтанность, выразительное движение, смысловые установки, символические движения, поза, живое движение.

Для цитирования: Айламазьян А.М. Свободный танец как культурно-историческая практика импровизации // Национальный психологический журнал. 2021. № 1 (41). С. 175–192. doi: 10.11621/npj.2021.0114

Поступила 4 ноября 2020 / Принята к публикации 18 декабря 2020

Free dance as a cultural-historical practice of improvisation

Aida M. Ailamazjan*, Lomonosov Moscow State University, School of anthropology of the future, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-8896-938X

*Corresponding author. E-mail: aida@heptachor.ru

Background. Plastic, expressive aspects of human behaviour remain underresearched by psychologists. The focus on practices of improvisation is determined by the fact that they show most vividly how expressive movement comes into being.

Objective. The aim of the study is to provide psychological analysis of improvised dance action, to identify the conditions of its generation. The hypothesis put forward concerns the formation of overall personal attitude that makes one ready to perform expressive movement in the context of musical-motional improvisation. It seems probable that the principles of movement organisation within free dance practices concern the formation of attitude that lets one perceive spontaneous, involuntary impulses to movement, changes of tonus and breath.

Design. The study is a piece of theoretic-psychological analysis of improvisation dance practice. In terms of methodological and theoretical basis the study relies on cultural-historical psychology and theory of action, as well as on N.A. Bernstein's conception of movement building. There theories allow to reconstruct the conditions of expressive movement generation in the context of musical-motional improvisation.

Results. The analysis performed has shown that the principles of movement organisation, the technical aspects of the practices studied are aimed at increasing the degree of freedom of movement. It allows to enhance the receptivity to spontaneous reactions and impulses and to widen the orientation within the context of musical-motional improvisation. It makes one move in a more meaningful way and to integrate the personality into improvisation.

Conclusions. Alongside with the practices of structured dances and reproductive approaches to mastering expressive movement, there are cultural-historical practices of improvisation dances. The analysis of such practices allows to single out psychological conditions and peculiarities of movement organisation that make one generate spontaneous actions, find and try new objectives, plastic forms. Generation of spontaneous movement and musical-plastic improvisation are possible due to tuning up the whole human personality. Openness as personal attitude has its meaningful as well as motional component.

Keywords: dance practices, improvisation, spontaneity, expressive movement, meaningful attitudes, symbolic movements, pose, live motion.

For citation: Ailamazjan A.M. (2021). Free dance as a cultural-historical practice of improvisation. National Psychological Journal [Natsional'nyy psikhologicheskij zhurnal], 14 (1), 175–192. doi: 10.11621/npj.2021.0114

Received November 4, 2020 / Accepted for publication December 18, 2020

Введение

Обращаясь к танцу как предмету нашего интереса, хочется отметить, что по-прежнему пластический аспект культуры остается мало исследованным и даже мало известным научной общественности. В последнее время появляются работы, посвященные философии и психологии танца. Так, преимущественно в зарубежной психологии затрагиваются нейрофизиологические аспекты танцевальной активности (Номанн, 2020), показана позитивная роль танца в развитии мышления, формировании уверенности и высокой самооценки (Lovatt, 2018; Patel, 2020), обсуж-

Каково отношение танца не к чему-то отдельному в человеке, в его психологической структуре, а к его сущности, к личности в целом? Вот вопрос, который хочется задать, но который не находишь в работах позитивистски настроенных психологов.

даются эволюционные аспекты танца, его биологическое значение, роль в выборе партнера (Dingfelder, 2010). Особое внимание уделяется практическим направлениям, использующим танец или музыкально-двигательную активность для медицинской и психологической помощи (Pinniger, Thorsteinsson, Brown et al., 2013; Millrod, 2020; Serlin, 2020), реабилитации пациентов с нарушениями движения (например, с болезнью Паркинсона, болезнью Альцгеймера, перенесших инсульт и др.) (Brown et al., 2005; Lewis et al., 2014; Lovatt, 2011; Апрелева-Коломейцева, 2015).

Давая общую оценку этим исследованиям, следует отметить биологизм в трактовке происхождения и эволюции танца и физиологизм в понимании механизмов, его реализующих. Попытки сугубо утилитарного объяснения функций танца, с одной стороны, призваны оправдать желание людей танцевать, заниматься таким «несерьезным» делом, но, с другой стороны, они как будто отказывают танцу в его собственной ценности, не видят его уникальное культурное предназначение. Каково отношение танца не к чему-то отдельному в человеке, в его психологической структуре, а к его сущности, к личности в целом? Вот вопрос, который хочется задать, но который не находишь в работах позитивистски настроенных психологов.

Усилившийся в последнее время интерес к проблематике телесности в философии и психологии (Подорога, 1995; Быховская, 1993; Эпштейн, Тульчинский, 2006; Тхостов, 2002) приводит к появлению работ, посвященных танцу, в том числе среди отечественных авторов (Луговая, 2008; Акиндинова, Амашукели, 2015; Шкурко, 2003; Козлов и др., 2006; Танцевальные практики ..., 2012). Философские и культурологические исследования танца раскрывают его связь с мировоззрением той или иной эпохи, позволяют увидеть в образности танца связь с определенными идеалами и ценностями. Однако, оставаясь заключенными в рамки культурного контекста, культурных норм и знаков, эти подходы не рассматривают танец как конкретную практику, преобразующую человека. Можно сказать, что в танце человек символически, но одновременно чувственно и действительно проживает то, что составляет базовые смыслы его бытия: вечное

возрождение жизни, переход в ничто и явление творения, метаморфозы и трансформации, обновление всего сущего, подвижность даже в покое, потенция движения в остановке... Эти образы мироздания открываются человеку в танце не умоглядно, не в объектной установке познания, а в опыте движения, соединенного с музыкой. Кружась в хороводе, человек воспроизводит вечный цикл рождения, закон, по которому живет Вселенная (Buckwalter, 2020). Законы мироздания открываются как формы собственного движения, как формы движения, соединяющие с другими людьми.

Обращение в нашем исследовании к импровизационным направлениям танца не случайно — в них в наиболее яркой форме представлен момент рождения выразительного движения, и можно поставить вопрос об условиях, при которых такое движение возникает (Scheubeck, 2019; McLeod, 2020; Sánchez García, Pinna-Perez, 2021).

Выразительные движения

Рассматривая выразительное движение в методологическом плане мы исходим из представлений о фундаментальной двойственности человеческой онтологии. Человек существует в нескольких мирах

Аида Меликовна Айламазян —

кандидат психологических наук, старший научный сотрудник кафедры психологии личности факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, научный сотрудник Школы антропологии будущего Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
ORCID: 0000-0002-8896-938X

https://istina.msu.ru/profile/aida_ailamazyan/

Aida M. Ailamazjan —

PhD in Psychology, Senior Researcher, Department of Personality Psychology, Faculty of Psychology Lomonosov Moscow State University, Research Fellow at the School of Anthropology of the Future of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

и нескольких реальностях одновременно. Конечно, это, прежде всего, мир нашей физической реальности и существования, в котором физическое время течет последовательно и линейно, а пространство обладает таким параметром, как расстояние, и его нужно преодолевать. Мы знаем, что нельзя одновременно находиться в двух точках пространства, так же как нельзя совмещать события во времени. Мы постигаем законы нашего физического существования с детства — ребенок знакомится с ними через свои действия, получая обратную связь посредством движений. Но наряду с этим опытом, ребенок начинает погружаться и в другой мир — мир символической реальности, и со временем человек учится сопрягать эти миры.

Философы по-разному рассматривали особенности человеческого бытия. Так, феноменолог М. Мерло-Понти обозначал эту проблему как двойственность реальности (Мерло-Понти, 2006). В философии М.М. Бахтина она представлена в сложных отношениях «Я — Другой», когда совмещаются разные позиции и восприятия: «Я для Другого» и «Я для себя» (Бахтин, 1979). В учении П.А. Флоренского говорится о символе, с помощью которого человек погружается в мир иного бытия (Флоренский, 2010). В философии Э.В. Ильенкова разрабатываются представления об идеальном как моменте деятельности. Оно фиксируется в форме орудия, техники, слова, символов, знаков и выступает в качестве значения и смысла (Ильенков, 1991). В психологии Л.С. Выготский

обращает внимание на символический пласт человеческого бытия и предпринимает попытку освобождения психологии от позитивистского понимания опыта. Обращение к высшим психическим функциям позволяет исследовать именно сложную реальность человеческого существования, в которой встречаются процессы натуральные и высшие, опосредствованные знаком. Неслучайно в методологии Л.С. Выготского мы постоянно находим этот механизм перекрещивания, встречи разных функций, процессов, деятельностей (Выготский, 2003).

Обращаясь к области движения, мы также исходим из понимания, что человеческое движение нельзя рассматривать только в плоскости исполнительного акта, как выполнение команды, локомоцию, перемещение, мышечное усилие, сокращение мышц. Движение как форма осуществления жизни, конечно, не может быть сведено к этому механическому процессу. Тот анализ движения, который предпринят в школе деятельности, демонстрирует подход к нему как к живому процессу, опосредованному психической ориентировкой. Процессы целеполагания, активность и поиск в ходе осуществления движения, направленность, мотивированность деятельности человека определяют психологические механизмы двигательных актов. Когда движение становится только ответным на стимулы внешней среды, оно теряет свою субъектность. Но также движение утрачивает свою субъектность, когда оно подчиняется шаблону и воспроизводит стереотипные формы, повторяет выученный урок.

О движении, исполненном поиска и встречающем неизвестность, и в то же время, целеполагающем, говорил Н.А. Бернштейн (Бернштейн, 1963, 1966, 1991; Фейгенберг, 2004). Такое движение является не реакцией на прошлое, а исходит из образа будущего, из его предвосхищения, как бы производит то, чего еще нет. Концепция Н.А. Бернштейна нашла свое отражение в теории деятельности в работах А.Н. Леонтьева, А.В. Запорожца, П.Я. Гальперина, в которых она наполнилась психологическим содержанием (Леонтьев, Запорожец, 1945; Гальперин, 2015; Запорожец, 1960).

Эти идеи были продолжены в работах В.П. Зинченко, посвященных предметному действию. Он указывает на связь предметного действия и живого движения, последнее он предполагает рассматривать как единицу психического. В.П. Зинченко, характеризуя живое движение, пишет: «За биомеханической картиной движения, составляющей его внешнюю форму, открывается его богатейшая внутренняя картина или форма, при описании которой невозможно обойтись без таких психологических понятий, как образ ситуации, образ действия, смысл, значение, рефлексия» (Зинченко, 2018, с. 129). Живое движение отличается от механического тем, что является не столько перемещением в пространстве, сколько овладением пространством. Как указывает автор, живое движение является средством обмена, преобразования пространства во времени. В нем присутствует свое вну-

Процессы целеполагания, активность и поиск в ходе осуществления движения, направленность, мотивированность деятельности человека определяют психологические механизмы двигательных актов. Когда движение становится только ответным на стимулы внешней среды, оно теряет свою субъектность.

треннее, субъективное пространство и время, которое так же реально, как и объективное пространство и время (Зинченко, 2018).

Ряд авторов предлагает рассматривать движения, двигательную активность в системе отношений личности. Так, Э.А. Колидзе подчеркивает, что личность овладевает своими отношениями в рамках двигательной активности или двигательной деятельности. При этом движении рассматривается как одновременно осуществляющееся в пространстве физическом, социальном и психологическом. «Двигательная деятельность рассматривается нами как процесс преобразования конкретным ребенком своих отношений физического, социального и психологического пространства, где тело ребенка выступает орудием “расширенного воспроизводства” его новой действительности» (Колидзе, 2008, с. 59).

В работе О.В. Протопоповой движение ребенка в физическом пространстве анализируется с точки зрения выражения его отношений к миру как личностной характеристики (Протопопова, 2002).

Несомненно, указанные подходы подчеркивают сложную реальность движения человека, которое, наряду с чисто физическим актом, осуществляет и деятельность в пространстве человеческих смыслов. Следует заметить, что в психологии мало исследова-

лись собственно символические движения или движение в символических, воображаемых ситуациях. Достаточно вспомнить, что в известном цикле экспериментов по изучению восстановления движения после ранений, выполненных под руководством А.Н. Леонтьева и А.В. Запорожца, отсутствовали задания на выполнение движения (поднять руку) в какой-либо воображаемой ситуации. Например, можно было бы предложить испытуемому представить, что на гвоздике висит шляпа, и нужно ее достать, или — сорвать яблоко с воображаемой ветки и т.п. В данном исследовании было показано, что уровень и характер выполнения движения зависит от типа двигательной задачи, которая ставилась перед испытуемыми — менялись координаты выполнения движения, характер афферентации, смысл движения для субъекта. Было показано, что, когда движение приобретало предметный смысл и выходило за пределы собственного тела в своей направленности, оно поднималось и на дру-

Благодаря движению, невидимое, только воображаемое, становится видимым, здесь присутствующим, осязаемым, воплощенным. Движения становятся знаками и символами другого пространства, возникает двойственная реальность музыкально-пластической импровизации.

гой уровень регуляции (Леонтьев, Запорожец, 1945).

Исследования особенностей действий в воображаемой ситуации, в том числе их доступности детям разных возрастов, проводились под руководством А.В. Запорожца. Так, было показано, что воспроизведение двигательных действий вне предметной ситуации в воображаемом плане доступно детям только с определенного возраста (Неверович, 1948; Запорожец, 1960). Еще в работах Л.С. Выготского указывалось, что в игровой деятельности ребенок для создания воображаемой ситуации нуждается в предмете. Подражательный жест с замещающим предметом выступает переходной формой при становлении знаково-символической функции (Выготский, 2003). Тема замещающих предметов интересовала Д.Б. Эльконина (Эльконин, 1976). Он установил, что требование ребенка младшего дошкольного возраста к предметам-заместителям по сходству минимальны. Главное заключено в возможности осуществить с их помощью специфическое движение, сходное по внешней форме. Д.Б. Эльконин описал условия возникновения игровой роли — к ним относятся способности выделять другого и себя как другого, а также выполнять движение от своего имени как от другого, адресованное себе лично как другому.

Обращаясь с тем же вопросом о символических движениях или движении в воображаемой ситуации к концепции Н.А. Бернштейна, нам также придется констатировать, что эти виды движений остались за рамками анализа. Можно отметить уровень В, отвечающий за суставно-мышечные увязки, управляющий большими «хорами» мышц. Он управляет ритмом движения, обеспечивая правильное чередование работы мышц-сгибателей и разгибателей. Именно с ним Н.А. Бернштейн связывает гимнастические и танцевальные движения (Бернштейн, 1966, 1991). Однако

данный анализ не учитывает символический смысл пластических движений и то пространственное, выходящее за границы собственного тела значение, которое они имеют. Символический уровень Е в концепции Н.А. Бернштейна мало описан и представлен движениями, обеспечивающими речь и письмо. Нам думается, что символическим смыслом могут быть пронизаны все уровни организации движения, в том числе нижележащие уровни способны играть ведущую роль в выразительном движении (Айламазьян, 2017).

В последнее время появились исследования, посвященные изучению психофизиологических механизмов выразительных движений (Нижельской и др., 2020).

Проблема символического движения и существование человека как бы в нескольких планах одновременно, совмещающее реальное, физическое и игровое символическое пространства, актуальна для театрального представления и теории театра. В театральной педагогике разрабатывалась проблема жеста и законов выразительного движения. В связи с этим, интересным является понятие психологического жеста.

Согласно С.М. Волконскому, психологический жест иллюстрирует не факт, а наше к нему отношение, он ничего не делает, но лишь выдает ту сторону нашего существа, которая наиболее задета тем, что мы видим или слышим. С.М. Волконский также подчеркивал отличие естественного и искусственного жеста. Естественный жест тяготеет к движению, а любой искусственный — к статике, к фиксации (Волконский, 2012).

Понятие психологического жеста занимает важное место в системе актерской техники М.А. Чехова. Он писал: «... жесты эти все же живут в каждом из нас как прообразы наших физических бытовых жестов. Они стоят за ними (как и за словами нашей речи), давая им смысл, силу и выразительность. В них невидимо жестикулирует наша душа. Это — психологические жесты» (Чехов, 1986, С. 204). Описывая работу актера над ролью, М.А. Чехов подчеркивал, что психологический жест представляет собой движение во внутреннем, символическом пространстве и выражает волю и чувства персонажа.

Тема психологического анализа жеста нашла свое продолжение в работах современных теоретиков театра. Так, А.Я. Бродецкий подчеркивает пространственное значение жестового движения. Направленность жеста, его целевая устремленность определяют его смысл, его значение и составляют топоному. «Цель знакового движения (знаковое местоположение) и есть основной базовый невербальный знак, который нуждается в самостоятельном терминологическом определении. Предлагается дать ему название — *топонома*» (Бродецкий, 2000, с. 20). Автор выдвигает концепцию знакового или символического строения пространства деятельности человека и подчеркивает, что мы существуем одновременно как бы в двух сферах: «Первая из них — обычная, земная, координаты которой (высота, ширина, глубина) ничего, кроме

себя самих, не значат; вторая — тоже конкретная, наблюдаемая сфера — имеет некоторую знаковую природу, ее координаты уже приобретают определенное смысловое значение, становятся знаками» (Бродецкий, 2000, с. 19).

Фундаментальная характеристика двойственности человеческого бытия находит свое отражение в работах по теории театра, сценического движения, танцевального движения, пластического танца и др. (Станиславский, Чехов, 2013; Назарова, 2016; Айламазьян, 2018).

Выразительное движение в ситуации музыкально-пластической импровизации

Вернемся к теме нашей статьи. В ситуации музыкально-двигательной, музыкально-пластической импровизации мы встречаемся с переживанием указанных реальностей: физического плана движения и символического пространства действия. В отличие от структурированной ситуации постановочных танцев, в которой необходимо точно повторить то или иное движение, в ситуации импровизации соответствующее движение нужно породить, найти. В каком-то смысле в ней нет образа будущего действия, он не задан определенно, заранее. Человек стоит перед неизвестностью и не знает, как будет себя вести, что будет делать в поиске выразительных средств. Такая принципиальная незаданность является неперенным условием открытости к символическому выразительному движению в ситуации импровизации. Само танцевально-пластическое действие можно охарактеризовать как воплощение в форме реального физического движения, реального поведения субъективного психологического пространства отношений и смыслов. В случае с музыкально-пластической импровизацией — это пространство музыкальных смыслов. Благодаря движению, невидимое, только воображаемое, становится видимым, здесь присутствующим, осязаемым, воплощенным. Движения становятся знаками и символами другого пространства, возникает двойственная реальность музыкально-пластической импровизации.

Рассмотрим более пристально ситуацию музыкально-пластической импровизации, когда перед человеком ставится задача ответить движением на звучащую музыку. Прежде всего, это ситуация высокой степени неопределенности, когда не задан ни конечный результат действия, ни способ действия, не заданы сами движения, и человек должен найти их в ходе импровизации, обрести, породить самостоятельно. Сама импровизация характеризуется тем, что образ будущего обретается в процессе движения, поисков и проб, в процессе самой двигательной деятельности. В таком случае движение должно содержать некий ресурс, потенциальность, позволяющую выйти за границы ожидаемого, представляемого, планируемого,

и расширить границы опыта, открыть новое. Однако заданной является сама музыка и пространство смыслов конкретного музыкального произведения.

Как показывает практика, музыкально-пластическая импровизация является сложной задачей. Накопленный большой опыт показывает, что умение действовать в ситуации импровизации и давать самостоятельный двигательный ответ напрямую не зависит от степени обученности танцам или от знания теории музыки. Мы наблюдали за поведением людей из разных профессиональных групп, и, как правило, они не имели каких-либо преимуществ, хотя отличались своими особенностями, характерными проблемами. Так, танцоры обычно поверхностно слышат музыку и выполняют тот или иной стандартный набор хореографических комбинаций. Музыканты стараются отразить в движении формально-динамические характеристики музыкальной формы. Актеры пытаются создать игровой образ, музыка для них выступает скорее поводом. Психологи стремятся к самовыражению. В целом можно заключить, что непредсказуемые неожиданные решения и действия в ситуации импровизации встречаются редко, особенно, в начале работы. Выделим типичные способы поведения, отражающие связь музыки и движения.

1. Музыка может выступать простым сигналом к движению. В этом случае движение слабо связано с характером музыки, последняя служит фоном, а не источником движения.

Согласно нашему предположению, принципы обучения и техника в практике музыкального движения направлены на то, чтобы предельно расширить степень свободы движения, увеличить зону поиска и вернуть движению его многомерность и многообразие. Этот способ выполнения движения позволяет получить доступ к спонтанным импульсам и непроизвольным аспектам выразительности, вернуть чувствительность к тем возможностям, которыми человек обладает.

2. Поверхностный, формальный ответ, соответствующий метро-ритмической стороне музыки. Такой ответ не требует включения эмоциональных реакций и может быть выполнен на основе рассудочных механизмов, например, счета.
3. Использование двигательных шаблонов или танцевальных движений, знакомых человеку — движения как бы накладываются на музыку — участники начинают вальсировать, вспоминать известные им «па», танцевать в других известных им стилях. Важно, что движение при этом определяется не столько музыкой и ее изменениями, сколько логикой самих танцевальных движений и характерной для них последовательностью.
4. Движение отражает общую эмоциональную атмосферу музыки, например, печальный или веселый, активный характер. Однако, улавливая общее настроение, участник не детализирует свое восприятие, не слышит развития, точек кульминации и разрешения музыкальных напряжений, возможно, изменения эмоций.
5. Выражение в движении эмоционально значимых личных переживаний. В данном случае музыка

выступает провокатором, вызывая «отреагирование» тех или иных эмоций, и является тем проективным полем, которое позволяет реализовать заветные желания, фантазии. Бросается в глаза частичность слышания музыкального произведения. Какие-то темы и настроения воспринимаются и находят яркое, даже преувеличенное воплощение в движении, а какие-то аспекты музыкального произведения игнорируются, не слышны участнику. Таким образом, отсутствует полноценное восприятие музыкального произведения.

Во всех перечисленных случаях можно отметить отсутствие целостного взаимодействия с музыкой на смысловом уровне, и, значит, в них не происходит главное — движение не приобретает выразительный характер, не возникает той двойственной реальности, в которой движение связывает физический мир и символический. Для этого должна измениться изначальная установка сознания, чтобы возникла открытость новому опыту и целостному восприятию музыки. На формирование этой установки, по сути, и направлена практика. Компоненты этой установки включают в себя смысловую, личностную и двигательную, психофизическую составляющие. На смысловом уровне в рамках музыкально-двигательной деятельности эта установка представляет собой готовность

Диалогичность танца позволяет выйти за рамки индивидуального опыта, личного, всегда ограниченного мнения и увидеть или создать то, что превосходит возможности и горизонты отдельных участников, отдельного сознания. В танце происходит действительное возвращение к со-знанию и к первичным способам созидания как со-творчества.

откликнуться на музыкальное произведение, настрой на восприятие музыкальной интонации, открытость музыке. Эта установка, как мы предполагаем, имеет и более общее значение на уровне личности — как особое отношение к миру и к Другому, как стремление к целостности и полноте собственного бытия.

В школе психологии деятельности понятие установки изначально разрабатывалось в контексте двигательной активности. Так, представление о личностной установке было введено в исследование психологических механизмов, регуляции движений при восстановлении движений после ранения (Леонтьев, Запорожец, 1945). Было показано, что личностная установка опосредовала психологическую структуру движения и уровень его выполнения. Она определялась как компонент внутренней моторики, влияющий на готовность к тому или иному движению и выражающий отношение к действию и поставленной двигательной задаче. В дальнейшем в работах, посвященных изучению формирования произвольных движений, используется понятие смысловой установки, которая находит свое выражение в психо-тонических компонентах моторики (Запорожец, 1960). А.В. Запорожец ссылается на исследования О.В. Протопоповой, предложившей выделять инструментальные, целевые и психо-тонические фоновые компоненты моторики (Протопопова, 2002). Последние

определяют отношение человека к тому, что он делает, к цели его действия, движения.

Значение работы О.В. Протопоповой для нашего исследования состоит в том, что в ней мы находим классификацию и описание психомоторных личностных типов, в которых прослеживается связь между особенностями моторики человека и личностными чертами. Так, открыто-диагональный тип характеризуется, с одной стороны, открытостью к миру, к общению с другими людьми, к изменениям и инициативе, а с другой, его движения и жесты так же несут открытый характер и совмещают в себе несколько плоскостей и направлений (Протопопова, 2002; Айламазьян, Князева, 2008).

Важный вклад в изучение процессов установочной регуляции деятельности внес А.Г. Асмолов. Им была сформулирована гипотеза об уровневой структуре установочной регуляции в соответствии с уровневым строением деятельности. Уровень смысловой установки обеспечивает общую направленность деятельности и проявляется, в том числе и в психо-тонических компонентах моторики (Асмолов, 2002).

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что открытость новому опыту как целостная личностная установка включает в себя, наряду со смысловой составляющей, и двигательную. Моторный компонент установки проявляется, прежде всего, на базовых

уровнях регуляции движения, выделенных Н.А. Бернштейном. Это уровень тонической регуляции, регуляции позы, уровень поддержания равновесия, уровень синергий. Базовые, нижележащие уровни регуляции движений оказываются тесно

связаны с эмоциональной оценкой действия и личностной настройкой на происходящее. Эти уровни в конечном счете определяют, какие движения могут произойти, а какие — нет.

Наше предположение состоит в том, что создание условий для музыкально-двигательной импровизации включает в себя как работу на смысловом уровне (уровень содержания музыкального произведения), так и на двигательном. Особая техника движения, принципы организации движения направлены на формирование установки или настройки, помогающей «выслушивать» рождающиеся спонтанные, непроизвольные побуждения и импульсы к движению, изменения мышечного тонуса и дыхания.

Прежде, чем обратиться к принципам работы с движением в музыкально-двигательной или пластической импровизации, попытаемся разобраться в особенностях управления движением человека. Посмотрим, как эта проблема поставлена в работах Н.А. Бернштейна и его современных последователей (Бернштейн, 1963, 1966, 1991; Гурфинкель и др., 1965; Фейгенберг, 2004).

К характерным особенностям человеческого движения относится та избыточность степеней свободы, которая свойственна двигательному аппарату. Многообразие подвижности суставов, незаданность способов движения в направлении достижения цели,

многообразии возможных траекторий — все это создает особые условия реализации действия и ставит перед субъектом задачу выбора или уменьшения степеней свободы при выполнении движения. Помимо анатомических особенностей двигательного аппарата, избыток степеней свободы также связан с тем, что мышцы, осуществляющие движение, являются упругими, не жесткими двигателями. Упругая податливость мышц делает управление ими сложной задачей, ведь легче управлять жесткими тягами (Фейгенберг, 2004).

Современные исследования в области биомеханики и физики живого движения переосмысливают идеи Н.А. Бернштейна и формулируют принцип избыточности или избыточности элементов управления, избыточности состояний, избыточности возможных траекторий движения (Латаш, 2020).

Автор концепции пытается понять эволюционный смысл такой неоптимальной конструкции человеческого тела с точки зрения физических законов выполнения движения: «Согласно принципу избыточности, кажущиеся избыточными элементарные переменные не устраняются во время естественных действий, но используются для стабилизации важных переменных, характерных для задачи. Слово стабилизировать используется здесь в прямом значении — как способность быстро возвращаться в желаемое состояние или к желаемой траектории при таких факторах, как различные начальные условия, спонтанно изменяющиеся внутренние состояния тела и неожиданные изменения внешних сил» (Латаш, 2020, с. 69).

Для человека, в отличие от робота, машины, характерны иные способы управления движением, которые М.Л. Латаш называет параметрическими, предполагающими для достижения целей изменение параметров окружающей среды и состояния собственного мышечного аппарата. В результате мы встречаемся с неуправляемым многообразием движения в многомерном пространстве элементарных переменных (Латаш, 2020).

Опираясь на данные положения, рискнем предположить, что психологическое строение действия будет влиять и на способы осуществления реализующего его движения. Так, человек способен поставить произвольную задачу овладения движением, выбрать разные стратегии его выполнения, может сделать движение достаточно искусственным, механическим, отклониться от естественных способов регуляции живого движения.

Если посмотреть, какой танцевальный опыт уже имеется у людей, или как происходит обычно обучение выразительному движению, то можно отметить следующее. Из целостной деятельности вычлениваются движения, элементы, которые, как правило, разучиваются отдельно от их смысловой, символической основы. Отработка этих движений становится самостоятельной задачей. Движение, как следствие, выполняется в координатах собственного тела, а не

в символически означенном внешнем пространстве (это может быть пространство общения). Опора на зрительную обратную связь с помощью зеркала вносит существенный вклад в реализацию поставленной цели — достижение определенных внешне наблюдаемых параметров движения.

Указанные особенности психологической структуры действия, направленность целей связаны и с характерными физиологическими и биомеханическими способами управления движением. Основная стратегия управления состоит в снижении степеней свободы движения (двигательного аппарата), что достигается за счет уменьшения степени изменчивой упругости мышц. Вырабатывается привычка держать тело в постоянном напряжении, что позволяет сделать мышечный аппарат более «жестким», а значит,

Импровизация осуществляется как живой процесс, отвечающий на все изменения в движении, в эмоциональном состоянии, возникающие в режиме актуального восприятия и действия. Как практическая деятельность, сталкиваясь с реальностью, она выходит за пределы предшествовавших сознательных планов, а также требует максимальной мобилизации человека, его личностных ресурсов и порождает эмоционально заряженное, напряженное поле действия.

и лучше контролируемым. Произвольная регуляция движений, осуществляемых отдельно различными частями тела, достигает своего предела, «размонтируя» ряд синергий, мышечных связей и сопряжений. Такой тип регуляции позволяет достигнуть точности в воспроизведении движений, но делает движение искусственным, механическим. Его преимущества очевидны лишь в идеальных, искусственных условиях, когда параметры окружающей среды остаются неизменными. Живое движение можно превратить в неживое, добываясь внешней имитации того или иного поведения, и достигая максимального произвольного контроля.

Музыкально-пластическая импровизация изначально направлена на то, чтобы сделать движение живым, сделать самого человека живым, а значит, чувствующим, неравнодушным, открытым к смыслам музыки, и, одновременно, непредсказуемым, свободным от шаблонов и заданности. Неслучайно в самом языке практики важное место занимает использованные противопоставления «живое — неживое». Многие участники, обнаруживая свою душевную и телесную невовлеченность, обозначают это состояние как нежизненность, мертвость какой-то части себя, своего тела, личности. Наоборот, включаясь в импровизацию, ощущая свой контакт с музыкой, другими участниками, они говорят, что чувствуют себя живыми, настоящими, подлинными, полными энергии.

Согласно нашему предположению, принципы обучения и техника в практике музыкального движения направлены на то, чтобы предельно расширить степень свободы движения, увеличить зону поиска и вернуть движению его многомерность и многообразие. Этот способ выполнения движения позволяет получить доступ к спонтанным импульсам и произвольным аспектам выразительности, вернуть чув-

Рис. 1. Кинестетическая чувствительность: выполнение движения с опорой на мышечное чувство, уменьшение значения зрительного анализатора. Фото Т. Матвеевой.

Figure 1. Kinesthetic sensitivity: performing a movement relying on muscle perception, the role of visual analyser is diminished. Photo by T. Matveeva.

ствительность к тем возможностям, которыми человек обладает. Уместно вспомнить слова В.П. Зинченко, посвященные живому движению: «Главный парадокс в психологии можно сформулировать так: получение строго — в пределе — единственного — результата достижимо лишь при условии огромного числа возможных путей к нему. Иначе: свобода есть условие творчества» (Зинченко, Моргунов, 1994, с. 207).

Рассмотрим принципы организации движения и особенности техники в музыкально-пластической импровизации (Руднева, 2013; Руднева, Фиш, 1972; Айламазьян, 2013).

1. *Повышение роли кинестетического чувства и уменьшение роли зрительного анализатора при выполнении движения.* Это достигается, благодаря отказу от зеркала в процессе занятий, движения выполняются с опорой на мышечное чувство. Помимо этого, кинестетика активизируется с помощью ряда упражнений на регуляцию мышечного тонуса, в которых сильное напряжение сменяется полным

Рис. 2. Чередование фаз напряжения и расслабления. Фото М. Бурьгина.

Figure 2. Alternating phases of tension and relaxation. Photo by M. Burygin.

расслаблением мышц. Знакомство с различными приемами выполнения движений, такими, как маховость, пружинность, текучесть, также требует управления тонусом с опорой на кинестетическое чувство (рис. 1).

2. *Умение снимать избыточное хроническое мышечное напряжение,* освободиться от него. Это умение тренируется как в ходе специальных настроечных упражнений без музыки, так и в ходе овладения музыкально-двигательными упражнениями и формами.

3. Фундаментальным принципом организации последовательности движений, отдельных фаз тех или иных движений является *чередование напряжения и расслабления.* Например, при выполнении махового движения можно отчетливо выделить активную фазу замаха и следующую далее фазу пассивного падения, освобождения. В пружинном движении также есть момент усиленного сжатия пружины, преодоления ее сопротивления и реализации, высвобождения ее потенциала, использования накопленной энергии. Текучее движение представляет собой очень тонкое и дифференцированное изменение уровня напряженности в мышцах, последовательное распределение этих напряжений и расслаблений, как волна текущих по телу (рис. 2).

4. *Удержание равновесия с помощью динамического центра тяжести* одновременно с отказом от статичного способа поддержания равновесия в вертикальном положении. Динамический или смещенный центр тяжести предполагает умение двигаться в падении и использовать вес тела при выполнении самых разных движений, в том числе при перемещении в пространстве. Так называемое неустойчивое равновесие усложняет управление движением и требует участия всех уровней регуляции. Одновременно оно предполагает снятие произвольного контроля в определенные моменты выполнения движения. Как правило, это приводит к растормаживанию целого ряда импульсов, снятию избыточного напряжения с определенных зон тела и к активизации эмоциональных реакций. В целом, движение с динамическим центром

Рис. 3. Динамический центр тяжести, принцип неустойчивого равновесия. Фото М. Бурьгина.

Figure 6. The principle of breathing. Photo by A. Kornilov.

Рис. 4. Правило противодвижения (контрапоста). Фото М. Бурьгина.

Figure 4. The rule of counterposture (counterpost). Photo by M. Burygin.

тяжести требует постоянной ориентировки в изменяющихся параметрах собственного тела и окружающей среды и активного включения механизмов коррекции движений (рис. 3).

5. Движение с динамическим центром тяжести становится возможным с помощью использования принципа противопоставления, когда различные части тела двигаются в противоположные стороны, устанавливая сложное равновесие. О законе противопоставления и противовеса говорил еще С.М. Волконский: «Закон противопоставления в том состоит, что части человеческого тела располагаются в постоянном противоречии направления» (Волконский, 2012, с. 109). Правило контрапоста, описанное в античные времена скульптором Поликлетом, также основано на законе противопоставления или противодвижения (рис. 4, 5).

Современные теоретики театра, разрабатывая концепцию пре-экспрессивности как условия актерской выразительности, формулируют принцип шаткого (неустойчивого) или экстремально-обыденного равновесия и принцип оппозиций. Так, авторы театральной антропологии Э. Барба и Н. Саварезе рассуждают: «По-

Рис. 6. Принцип дыхательности. Фото А. Корниловой.

Figure 6. The principle of breathing. Photo by A. Kornilova.

Рис. 5. Правило противодвижения (контрапоста). Фото А. Корниловой.

Figure 5. The rule of counterposture (counterpost). Photo by A. Kornilov.

чему все кодифицированные своды правил сценического поведения и на Востоке, и на Западе имеют ту же константу, тот же “закон” изменять повседневную технику ходьбы, перемещаясь в пространстве и сохраняя тело в неподвижности? Это преобразование обыденной техники телесного поведения (и связанная с ним выработка экстремально-обыденной техники) обычно достигается путем нарушения равновесия. Результат — получение устойчиво нестабильного равновесия. Отказываясь от естественного равновесия, актер/танцовщик проникает в пространство равновесия-люкс, где царит кажущаяся избыточной усложненность напряжений, требующая максимальных энергетических затрат» (Барба, Саварезе, 2010, С. 141). Оппозиция, согласно данным авторам, возникает вследствие действия разнонаправленных усилий — «... одно из правил, позволяющих актеру демонстрировать зрителю собственное сценическое бытие, предполагает взаимное напряжение противоборствующих сил: это правило оппозиции» (Барба, Саварезе, 2010, с. 13).

6. Принцип дыхательности означает включение процессов дыхания в средства музыкально-двигательной выразительности. Он осуществляется посредством активизации процессов дыхания в ответ на звучащую музыку. Дыхательная подстройка или выслушивание дыхания в музыке создает в результате феномен единства музыки, движения и дыхания (рис. 6).

Указанные аспекты техники музыкально-пластической импровизации разрушают сложившиеся стереотипы движения, увеличивают степени свободы, усложняют способы выполнения движения, одновременно позволяют «выслушивать» рождающиеся спонтанные импульсы и непроизвольные реакции на музыку.

Другие аспекты техники обеспечивают направленность и избирательность этой реакции, как бы позволяют выразить позицию личности, одновременно делают ее осмысленной и целостной.

Рис. 7. Принцип целостности: базовая стойка, выстроенность тела по вертикали. Фото М. Бурьгина.

Figure 7. The principle of wholeness: basic position, vertical body orientation. Photo by M. Burygin.

7. Принцип целостности. Он подразумевает целостное включение тела в движение. Идею целостности, как характеризующую выразительное движение, можно найти в работах теоретиков театра, а также среди рассуждений практиков, актеров, режиссеров, художников. О том, что в выразительном движении даже отдельной части тела задействованы и остальные части, что движение выполняется как бы всем телом, писали С.М. Волконский, С.М. Эйзенштейн, К.С. Станиславский, Вс.Э. Мейерхольд, М.А. Чехов и многие другие.

Приведем отрывок из книги А.Я. Бродецкого, посвященной выразительному движению: «Чем отличается статический жест от жестового движения, легко понять, взяв в руки обычную куклу. Вы можете как угодно двигать ее головой или рукой, но красноречивой от этого кукольная “пластика” не станет. Все дело в том, что у человека в знаковом движении (а любое его движение всегда означает что-либо) задействованы практически все мышцы тела, только в разной степени. Даже прищурю глаз сопутствует чуть заметное движение плеч, шеи и, хотя и менее заметные, движения других частей тела. Чувство этой особенности человеческой пластики, кстати, отличает профессионального актера кукольного театра: движения руки куклы он сопровождает акцентированными движениями кукольной головы и корпуса» (Бродецкий, 2000, с. 15–16).

Целостность движения в музыкально-двигательной импровизации организуется, благодаря особым способам выполнения движения, когда импульс от движения (толчка, вдоха, переноса центра тяжести) распространяется на все тело. Также важную роль играет «выстроенность» тела, его особая стойка, когда оно не ломается по вертикали и импульсы движения передаются от одной части к другой, части тела двигаются взаимозависимо (рис. 7).

Рис. 8. Центрированность движения. Фото А. Корниловой.

Figure 8. Centeredness of movement. Photo by A. Kornilov.

Рис. 9. Центрированность движения. Фото А. Корниловой.

Figure 9. Centeredness of movement. Photo by A. Kornilov.

Рис. 10. Обращенность жеста. Фото Т. Матвеевой.
Figure 10. The addressedness of gesture. Photo by T. Matveeva.

Как показывают эмпирические наблюдения, целостность движения сопровождается и психологической целостностью личности, связностью ее частей — ее ценностей, мотивов. Наоборот, «разорванность» в теле, «переломы» в вертикали, нецелостность в движении отражают противоречивость мотиваций, несложившуюся систему ценностей, отторжение какой-то части себя.

8. Целостность движения и телесного включения обеспечивается также *центрированностью* — наличием центра движения. Центр движения в музыкально-двигательной импровизации располагается в точке солнечного сплетения. Это означает, что все движения мыслятся как исходящие из этой точки. С биомеханической позиции движения организованы таким образом, что силовые линии и оси основных направлений пересекаются в этой точке (рис. 8, 9).

Представления о центре движения мы находим уже в системе Ф. Дельсарта, а А. Дункан говорит об этом как о своем открытии (Айседора Дункан, 1989). Для М.А. Чехова важно найти начальную точку для психологического жеста, ее местоположение определяет характер и смысл жеста (Чехов, 1986).

Рис. 11. Направленность выразительного движения. Фото М. Бурягина.
Figure 11. The directedness of expressive movement. Photo by M. Burygin.

Проведенный нами анализ различных пластических систем и танцевальных практик показал, что они включают в себя представления о наличии центра движения и реализуют их на практике в той или иной начальной стойке, определяющей возможные движения и способы их осуществления. Разные положения центра движения и, соответственно, разные танцевальные стойки отражают определенные образы человека, актуальные для данной культуры. Так, центр движения, расположенный в точке солнечного сплетения, характерен для античной культуры и ее наследников. Мы видим, что во многих европейских народных танцевальных традициях присутствует такое положение центра. К ним относятся, например, фламенко и русский народный танец. Как правило, данные танцы или пластические системы подчеркивают ценность искреннего сердечного порыва, одновременно утверждается гармония разума и чувства, их единство, взаимообогащение. Можно говорить о просветленном переживании, направленном на благие цели, о любви, эросе, о стремлении к высшим духовным ценностям.

Центр движения, расположенный чуть ниже пупка, т.е. в нижней части живота, встречается не менее часто и свойственен культурам Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии, Индии, китайской, японской культуре. Низко расположенный центр движения приводит и к низкой посадке, достаточно устойчивой, подчеркивающей связь человека с Землей, с материальным, телесным существованием.

На первый взгляд неожиданным кажется отношение к центру движения в системах современного танца. В них можно встретить понятие *полицентрики* или множественности центров движения. В этом случае движение одновременно инициируется из нескольких центров. Характерно, что эта начальная точка движения может быть расположена на периферии тела. Достаточно яркий эффект такого подхода проявляется в своеобразных, как бы намеренно дисгармоничных, разорванных формах движения. Они коррелируют и с представлениями о личности,

Рис. 12. Диалогичность, направленность жеста. Фото А. Корниловой.
Figure 12. The dialogue nature of gesture, its directedness. Photo by A. Kornilova.

Рис. 13. Взаимодействие в движении. Фото Т. Матвеевой.
Figure 13. Interaction in movement. Photo by T. Matveeva.

лишенной единства, целостности. В последнее время становятся популярными теории множественной личности, теории, отрицающие иерархию мотивов и т.п. Движение, как видим, отражает этот образ человека, лишенный иерархии, согласованности, внятности намерений.

9. *Направленность* выразительного движения делает его знаковым, осмысленным. Почувствовать направленность жеста означает включиться в поток музыкальных смыслов. Можно сказать иначе: через направленность жеста обретается, строится символическое пространство музыкального произведения в реальном физическом пространстве танца-импровизации. Направленность жеста вверх — как обращение к неким высшим силам, к Небу, к высоким устремлениям. Иначе — когда жест направлен вдаль, за горизонт, к желанной цели, мечте, к другому человеку и т.п. (рис. 10, 11, 12).

Ф. Дельсарт одним из первых заговорил о направленности жеста как его психологической характеристике. А.Я. Бродецкий идею направленности жеста

Рис. 14. Диалогичность и взаимодействие в танце. Фото М. Бурьгина.
Figure 14. Dialogue and interaction in dance. Photo by M. Burygin.

положил в основание топономики, топономического анализа выразительного движения (Бродецкий, 2000).

10. *Взаимодействие в движении* как одна из форм выражения музыкальных смыслов. Техника взаимодействия между участниками основана на принципах неустойчивого равновесия и противодвижения или установления равновесия за счет противовеса. Общий баланс возникает, благодаря тому, что участники отдают вес друг другу, буквально падают в разные стороны или навстречу. Эти сложные, нестатичные способы контакта требуют постоянной ориентировки в собственном теле, его положении, в положении и состоянии тела партнера. Необходимо предугадывать действия другого человека или тонко реагировать на них, принимая возможные изменения (рис. 12, 13).

Такой усложненный способ контакта безусловно расширяет процессы ориентировки и делает взаимодействие по-настоящему живым, учитывающим многообразие реакций каждого. Присутствие Другого становится осязаемой реальностью.

Характер взаимодействия становится также важным диагностическим средством, демонстрирующим позицию в общении, отношение к другому человеку, к людям. Особенно ярко проявляется уровень доверия, возможно, обусловленный базовыми смысловыми установками.

Коллективный, совместный характер музыкального движения, с одной стороны, расширяет поле возможностей импровизации, увеличивает степень неопределенности ситуации, а с другой, помогает сделать движение осмысленным, диалогичным. Общение с другим человеком отражает музыкальное переживание и заложенные в музыке смыслы (обращения, вопроса, мольбы, и т.д.). Диалогичность танца позволяет выйти за рамки индивидуального опыта, личного, всегда ограниченного мнения и увидеть или создать то, что превосходит возможности и горизонты отдельных участников, отдельного сознания. В танце происходит действительное возвращение к сознанию и к первичным способам созидания как со-творчества (рис. 14).

Исследователи указывают на возможности диалогического творчества в танце. «Объединенные этой общей художественной целью, партнеры способны творить то, что каждому из них в отдельности неизвестно и недоступно», — пишет Е.К. Луговая (Луговая, 2008, с. 94–95). Далее автор подкрепляет свою мысль цитатой из работы Г.Г. Гадамера: «То, что скрыто от нас из-за слепой привязанности к собственному мнению, именно в диалоге нам открывается» (цит. по Луговая, 2008, с. 95).

Закключение

Описанные особенности организации движений, настроенных компонентов позволяют «выслушивать», легче обнаруживать те спонтанные реакции на музыку, которые возникают у участников танцевальной импровизации. Включение спонтанных реакций,

двигательных, дыхательных, лежит в основе импровизации, однако этот процесс далек от импульсивности, механистичности, случайности.

Импровизация представляет собой сложную деятельность, опосредствованную музыкальным переживанием, осмыслением музыкальных звучаний. Это означает, что возникающие спонтанные действия подвергаются оценке и селекции, преобразованию. Импровизация осуществляется как живой процесс, отвечающий на все изменения в движении, в эмоциональном состоянии, возникающие в режиме актуального восприятия и действия. Как практическая деятельность, сталкиваясь с реальностью, она выходит за пределы предшествовавших сознательных планов, а также требует максимальной мобилизации человека, его личностных ресурсов и порождает эмоционально заряженное, напряженное поле действия. Импровизация может быть отнесена к инициативным, самостоятельным формам поведения и представляет собой пробно-продуктивные действия (в терминологии Д.Б. Эльконина), направленные на порождение осмысленного жеста, выразительного движения, музыкально-двигательного образа.

Можно предположить, что формирование готовности к музыкально-пластической импровизации предполагает формирование сложной системы установочных и настроечных механизмов регуляции деятельности. Эти установки не могут носить локальный или периферический характер, они входят в структуру личности, в ее смысловой строй и обеспечивают открытость спонтанным импульсам и реакциям, двигательным и дыхательным, в ответ на звучащую музыку. На смысловом уровне за открытостью музыке стоит отношение личности к миру, к Другому, к людям: принятие мира, жизни, чувствительность, интерес к переживаниям и мнениям других людей, возможность единения с ними, диалогического общения и др. На двигательном уровне эта установка выражается в соответствующих познотонических компонентах моторики, обеспечивающих увеличение степеней свободы движения, его многообразия, динамическое равновесие и др.

Задача управления становится более сложной, когда возрастает количество параметров движения; усложняется выполнение тех движений, которые в обыденной жизни не требуют таких усилий. Этот неустойчивый и усложненный способ выполнения движений создает условия для целостного включения личности в импровизационное действие, для мобилизации ее ресурсов и раскрытия потенциальных возможностей. Новые решения не только обнаруживают себя в процессе импровизации, но и проверяются на практике: свободный танец может быть рассмотрен как модель инициативного, самостоятельного действия, направ-

ленного на порождение новых целей, задач и апробацию их в действии.

Импровизационный танец, таким образом, обнаруживает глубокую связь с внутренним миром человека, а включение в танцевальную деятельность формирует открытость как свойство личности, как базовое отношение к миру.

Выводы

В данной статье мы не касались подробно ситуации обучения музыкально-двигательной импровизации, в основном рассматривая особенности движения в свободном танце. Мы пытались ответить на вопрос, каким образом возникает спонтанное действие, как происходит выход за пределы шаблона, известного и осуществляется поиск новых символических движений. В связи с этим мы рассматривали технические особенности музыкально-пластической импровизации.

Проведенный анализ показал, что особую роль в организации символических движений играют надстроечные компоненты, которые направлены на увеличение степеней свободы и усложнение выполнения движений, целостное включение всего тела. В свою очередь, это приводит к увеличению многообразия способов выполнения движения, растормаживанию

Проведенный анализ показал, что особую роль в организации символических движений играют надстроечные компоненты, которые направлены на увеличение степеней свободы и усложнение выполнения движений, целостное включение всего тела. В свою очередь, это приводит к увеличению многообразия способов выполнения движения, растормаживанию эмоциональных импульсов и «выслушиванию» спонтанных побуждений к движению, изменению мышечного тонуса и ритма дыхания в ответ на звучащую музыку

эмоциональных импульсов и «выслушиванию» спонтанных побуждений к движению, изменению мышечного тонуса и ритма дыхания в ответ на звучащую музыку. Можно говорить о расширении ориентировочных процессов в данных условиях, о важной роли кинестетики в регуляции движений (Silveira, 2020), о влиянии эмоциональных реакций на поисковое импровизационное действие.

С другой стороны, такие аспекты организации движений, как целостность или целостная включенность, центрированность, направленность жеста и др., позволяют сделать процесс импровизации направленным, пристрастным, а движению стать выразительным жестом в символическом пространстве музыкальных смыслов. Диалогическое взаимодействие участников в танце, сложные формы контакта и сопряжения усилий являются еще одним условием, расширяющим опыт и помогающим поиску движений в ситуации музыкально-пластической импровизации.

Литература:

- Айламазян А.М. Выразительный человек: Психологические очерки. М.: Когито-Центр. 2018. 233 с.
- Айламазян А.М. Движение и становление личности // Национальный психологический журнал. 2017. № 2 (26). С. 73–84. doi:10.11621/npj.2017.0208
- Айламазян А.М. Метод музыкального движения в практике дошкольного и начального школьного образования: методические материалы. М.: ФИРО. 2013. 80 с. (ФГОС «Дошкольное образование»). ISBN: 978-5-85630-093-1.
- Айламазян А.М., Князева Т.С. Связь моторики человека с его личностными характеристиками // Вопросы психологии. 2008. № 2. С. 62–73.
- Айседора Дункан: Дункан А. Танец будущего. Моя жизнь; Шнейдер И.И. Встречи с Есениным: Воспоминания : Мистецтво. 1989. 349 с.
- Акиндинова Т.А., Амашукели А.В. Танец в традиции христианской культуры. СПб.: Изд-во РХГА. 2015. 239 с.
- Апрелева-Коломейцева А.Т.В. О роли двигательной активности в практике доказательной музыкальной терапии // Журнал практического психолога. 2015. № 3. С. 108–115.
- Асмолов А.Г. По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии. М.: Смысл. 2002. 480 с. ISBN: 5-89357-112-6.
- Барба Э., Саварезе Н. Словарь театральной антропологии. Тайное искусство исполнителя. М.: Артист. Режиссер. Театр. 2011. 320 с.
- Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство. 1979. 424 с.
- Бернштейн Н.А. Новые линии развития в физиологии и их соотношение с кибернетикой // Философские вопросы физиологии высшей нервной деятельности и психологии. М.: Изд-во Академии наук СССР. 1963. С. 299–322.
- Бернштейн Н.А. Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М.: Медицина. 1966. 349 с.
- Бернштейн Н.А. О ловкости и ее развитии. М.: Физкультура и спорт. 1991. 288 с.
- Бродецкий А.Я. Внеязычное общение в жизни и искусстве: Азбука молчания: Учеб. пособие для творческих учеб. заведений, фак. педагогики и психологии. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС. 2000. 192 с.
- Быховская И.М. Человеческая телесность как объект социокультурного анализа (история проблемы и методологические принципы ее анализа) // Труды ученых ГЦОЛИФКа: 75 лет: Ежегодник. М.: 1993. С. 58–68.
- Волконский С.М. Выразительный человек. Сценическое воспитание жеста (по Дельсарту). СПб.: Лань, Планета музыки. 2012. 176 с.
- Выготский Л.С. Психология развития человека. М.: Смысл; Эксмо. 2003. 1136 с.
- Гальперин П.Я. Лекции по психологии: учебное пособие. М.: КД «Университет». 2015. 400 с. ISBN 978-5-98227-761-9.
- Гурфинкель В.С., Коц Я.М., Шик М.Л. Регуляция позы человека. М.: Наука. 1965. 256 с.
- Давыдов В.В. Теория развивающего обучения. М.: ИНТОР. 1996. 542 с.
- Запорожец А.В. Избранные психологические труды: В 2 т. Т. 1. Психическое развитие ребенка. М.: Педагогика. 1986. 320 с.
- Запорожец А.В. Развитие произвольных движений. М.: АПН РСФСР. 1960. 264 с.
- Зинченко В.П. Психология предметного действия. М.: Центр гуманитарных инициатив. 2018. 384 с. ISBN: 978-5-98712-876-3.
- Зинченко В.П., Моргунов Е.Б. Человек развивающийся. Очерки российской психологии. М.: Тривола. 1994. 304 с.
- Ильенков Э.В. Философия и культура. М.: Политиздат. 1991. 464 с.
- Козлов В.В., Гиршон А.Е., Веремеенко Н.И. Интегративная танцевально-двигательная терапия. СПб.: Речь. 2006. 286 с.
- Коллизей Э.А. Двигательная деятельность ребенка в пространстве его отношений к действительности. Балашов: Изд-во БГПИ. 2001. 140 с.
- Латаш Марк Л. Физика живого движения и восприятия / Пер. с англ. А.В. Семенова. – М.: Когито-Центр. 2020. 357 с. ISBN: 978-5-89353-597-6.
- Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: В 2 т. Т. 1. М.: Педагогика. 1983. 392 с.
- Леонтьев А.Н., Запорожец А.В. Восстановление движения. Психофизиологическое исследование восстановления функций руки после ранения. М.: Советская наука. 1945. 231 с.
- Луговая Е.К. Философия танца. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та. 2008. 131 с.
- Мерло-Понти М. Видимое и невидимое. Минск: И. Логвинов. 2006. 400 с.
- Назарова Н.В. Понятие непрерывности в сценическом существовании актера: опыт наблюдений и сопоставлений // Журнал практического психолога. 2016. № 2. С. 61–69.
- Неверович Я.З. Овладение предметными движениями в преддошкольном и дошкольном возрасте // Известия АПН РСФСР. Вып. 14. 1948. С. 167–196.
- Нежнов П.Г. Опосредствование и спонтанность в модели «культурного развития» // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2007. № 1. С. 133–146.
- Нижельской В.А., Ковалева А.В., Панова Е.Н. Влияние представлений чувственно-ориентированных образов на параметры вертикальной позы и биоэлектрической активности головного мозга у актеров в процессе перевоплощения (пилотное исследование) // Национальный психологический журнал. 2020. № 2 (38). С. 108–117.
- Подорога В.А. Феноменология тела. Введение в философскую антропологию. Материалы лекционных курсов 1992–1994 годов. М.: Ad Marginem. 1995. 336 с.
- Протопопова О.В. Моторика и психоортопедия // Психология аномального развития ребенка: Хрестоматия. В 2 тт. / Под ред. В.В. Лебединского, М.К. Бардышевской. Т. 2. М.: ЧеРо; Высшая школа; МГУ. 2002. С. 687–729.
- Руднева С.Д. Основы техники музыкального движения (основы психофизической подготовки) // Перекрестки и параллели. Альманах № 4. М.: Волшебный фонарь. 2013. С. 76–90.

- Руднева С.Д., Фиш Э.М. Ритмика. Музыкальное движение. М.: Просвещение. 1972. 334 с.
- Станиславский К.С. Работа актера над собой; Чехов М.А. О технике актера. — М.: Артист. Режиссер. Театр. 2013. 496 с. ISBN: 978-5-87334-105-4.
- Танцевальные практики: семиотика, психология, культура / Под общ. ред. А.М. Айламазьян. М.: Смысл. 2012. 287 с. ISBN: 978-5-89357-300-8.
- Тхостов А.Ш. Психология телесности. М.: Смысл. 2002. 287 с.
- Фейгенберг И.М. Николай Бернштейн: от рефлекса к модели будущего. — М.: Смысл. 2004. 239 с.
- Флоренский П.А. Иконостас. М.: Мир книги; Литература. 2010. 464 с.
- Чехов М.А. Литературное наследие. В 2-х т. Т. 2. Об искусстве актера / Вступ. статья М.О. Кнебель. М.: Искусство. 1986. 559 с.
- Эльконин Б.Д. Педагогика развития: проба как конструкт образовательной системы // Педагогика развития: ключевые компетентности и их становление: Материалы 9-й научно-практической конференции. Апрель, 2002. Красноярск: Краснояр. гос. ун-т. — 2003. С. 5–22.
- Эльконин Д.Б. Психология игры. М.: Педагогика. 1976. 304 с.
- Эпштейн М.Н. Философия тела; Тульчинский Г.Л. Тело свободы. СПб.: Алетея. 2006. 432 с. ISBN: 5-89329-908-6.
- Шкурко Т.А. Танцевально-экспрессивный тренинг. СПб.: Речь. 2003. 192 с.
- Brown, S., Martinez, M.J., & Parsons, L.M. (2005). The Neural Basis of Human Dance. *Cerebral Cortex*, 16 (8), 1157–1167. doi:10.1093/cercor/bhj057
- Buckwalter, M. (2020). Hold my hand: A somatic analysis of Sacred Circle Dancing. *Journal of Dance & Somatic Practices*, 12 (2), 1 December 2020, 239–254 (16). doi: 10.1386/jdsp_00026_1
- Dingfelder, S.F. (2010, April). Dance, dance evolution. *Monitor on Psychology*, 41 (4). Available at: <http://www.apa.org/monitor/2010/04/dance> (accessed 17.10.2020).
- Homann, K.B. (2020). Dynamic Equilibrium: Engaging and Supporting Neurophysiological Intelligence Through Dance/Movement Therapy. *Am J Dance Ther*, 42, 296–310. doi:10.1007/s10465-020-09337-4
- Lewis, C., Annett, L.E., Davenport, S., Hall, A.A., & Lovatt, P. (2014). Mood changes following social dance sessions in people with Parkinson's disease. *Journal of Health Psychology*, 21 (4), 483–492. doi: 10.1177/1359105314529681
- Lovatt, P. (2018). *Dance Psychology*. — Lulu.com. — 240 p. ISBN–13 : 978-0244960568
- Lovatt, P. (2011). Dance confidence, age and gender. *Personality and Individual Differences*, 50 (5), 668–672. doi:10.1016/j.paid.2010.12.014
- McLeod, Sh. (2020). Dance improvisation through Authentic Movement: A practice of discernment. *Journal of Dance & Somatic Practices*, 12 (2), 1 December 2020, 191–205 (15). doi: 10.1386/jdsp_00023_1
- Millrod, E. (2020). Medical Dance/Movement Therapy in the Infusion Room: A Model for Individual Sessions with Adults in Active Treatment. *Am J Dance Ther*. 42, 61–89. doi: 10.1007/s10465-020-09323-w
- Patel, D.K. (2020). Building Emotional Resilience and Physical Stability Through Movement Therapy for Sports (MTS®): A Case for Applying MTS® as a Tool for Enhancing Athletic Performance Among Professional or Trained Athletes. *Am J Dance Ther*, 42, 256–276. doi:10.1007/s10465-020-09334-7
- Pinniger, R., Thorsteinsson, E.B., Brown, R.F. et al. (2013). Tango Dance Can Reduce Distress and Insomnia in People with Self-Referred Affective Symptoms. *Am J Dance Ther*, 35, 60–77. doi:10.1007/s10465-012-9141-y
- Sánchez García, L., Pinna-Perez, A. (2021). Expressive Flamenco ©: An Emerging Expressive Arts-Based Practice. *Am J Dance Ther*. doi: 10.1007/s10465-020-09339-2
- Scheubeck, S. (2019). Colours on the surface of my body in motion: The relationship between synaesthesia and dance improvisation. *Journal of Dance & Somatic Practices*, 11 (1), 1 July 2019, 25–37 (13). doi: 10.1386/jdsp.11.1.25_1
- Serlin, I.A. (2020). Dance/Movement Therapy: A Whole Person Approach to Working with Trauma and Building Resilience. *Am J Dance Ther*, 42, 176–193. doi: 10.1007/s10465-020-09335-6
- Silveira, J.C.F. (2020). Somatic ways of approaching a kinesthetic mode of attention in dance. *Journal of Dance & Somatic Practices*, 12 (1), 1 August 2020, 29–45 (17). doi: 10.1386/jdsp_00011_1

References:

- Ajlamaz'jan A.M. (2013) Musical movement method in preschool and elementary school education: methodological materials. Moscow: FIRO, 80 p. (Federal State Educational Standard «Preschool education»). ISBN: 978-5-85630-093-1. (in Russ.)
- Ajlamaz'jan A.M. (2017) Movement and personality formation. *National journal of psychology. [Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal]*, 2017, 2 (26), 73–84. doi:10.11621/npj.2017.0208 (in Russ.)
- Ajlamaz'jan A.M. (2018) Expressive human: psychological essays. Moscow: Kogito-Centr, 233 p. (in Russ.)
- Ajlamaz'jan A.M., Knjazeva T.S. (2008) Connection between human motion skills and personality traits. *Issues of psychology. [Voprosy psihologii]*, 2, 62–73. (in Russ.)
- Ajsedora Dulkan (1989) Dulkan A. Dance of the future. My life; Shnejder I.I. Encounters with Esenin. Memories. Kyev: Mistectvo, 349 p. (in Russ.)
- Akindinova T.A., Amashukeli A.V. (2015) Dance and Christian culture traditions. Saint Petersburg: Izd-vo RHGA, 239 p. (in Russ.)
- Apreleva-Kolomejceva A.T.V. (2015) On the role of motion in the practice of evidence-based musical therapy. *Journal of practical psychologist. [Zhurnal prakticheskogo psihologa]*, 3, 108–115.
- Asmolov A.G. (2002) On the other side of conscience: methodological problems of non-conventional psychology. Moscow: Smysl, 480 p. ISBN: 5-89357-112-6. (in Russ.)

- Bahtin M.M. (1979) *Aesthetics of verbal art*. Moscow: Iskusstvo, 424 p.
- Barba Je., Savareze N. (2011) *Vocabulary of theatre anthropology. A performer's secret art*. Moscow: Artist. Rezhisser. Teatr, 320 p. (in Russ.)
- Bernshtejn N.A. (1963) New directions of development in physiology and their relation to cybernetics. *Philosophic questions of higher brain functions physiology and psychology*. [Filosofskie voprosy fiziologii vysshej nervnoj dejatel'nosti i psihologii]. Moscow: Izd-vo Akademii nauk SSSR, pp. 299–322. (in Russ.)
- Bernshtejn N.A. (1966) *Outlines of movement and activity physiology*. Moscow: Medicina, 349 p. (in Russ.)
- Bernshtejn N.A. (1991) *On agility and its development*. Moscow: Fizkul'tura i sport, 288 p. (in Russ.)
- Brodeckij A.Ja. (2000) *Non-verbal communication in life and art: Bases of silence. Handbook for art schools, pedagogy and psychology schools*. Moscow: Gumanit. izd. centr VLADOS, 192 p. (in Russ.)
- Brown, S., Martinez, M.J., & Parsons, L.M. (2005). The Neural Basis of Human Dance. *Cerebral Cortex*, 16 (8), 1157–1167. doi:10.1093/cercor/bhj057
- Buckwalter, M. (2020). Hold my hand: A somatic analysis of Sacred Circle Dancing. *Journal of Dance & Somatic Practices*, Volume 12, Number 2, 1 December 2020, 239–254 (16). doi: 10.1386/jdsp_00026_1
- Byhovskaja I.M. (1993). Human body as object of sociocultural analysis (history of the problem and methodological bases for its analysis). *Works by GCOLIFK scholars. 75 years. Yearbook*. [Trudy uchenyh GCOLIFKa: 75 let: Ezhegodnik], Moscow, pp. 58–68.
- Chehov M.A. (1986). *Literary heritage. 2 vols. Vol. 2. On actor's art. / Introduction by M.O. Knebel*. Moscow: Iskusstvo, 559 p. (in Russ.)
- Dance practices: semiotics, psychology, culture. (2012). / Ed. by A.M. Ajlamaz'jan. Moscow: Smysl, 287 p. ISBN: 978-5-89357-300-8. (in Russ.)
- Davydov V.V. (1996). *Theory of development through education*. Moscow: INTOR, 542 p. (in Russ.)
- Dingfelder, S.F. (2010, April). Dance, dance evolution. *Monitor on Psychology*, 41 (4). Available at: <http://www.apa.org/monitor/2010/04/dance> (accessed 17.10.2020). (in Russ.)
- Fejgenberg I.M. (2004). Nikolaj Bernshtejn: from reflex to modelling future. Moscow: Smysl, 239 p. (in Russ.)
- Florenskij P.A. (2010). *Iconostasis*. Moscow: Mir knigi; Literatura, 464 p. (in Russ.)
- Gal'perin P.Ja. (2015). *Lectures on psychology: handbook*. Moscow: KD "Universitet", 400 p. ISBN 978-5-98227-761-9. (in Russ.)
- Gurfinkel' V.S., Koc Ja.M., Shik M.L. (1965). *Regulation of human posture*. Moscow: Nauka, 256 p. (in Russ.)
- Homann, K.B. (2020). Dynamic Equilibrium: Engaging and Supporting Neurophysiological Intelligence Through Dance/Movement Therapy. *Am J Dance Ther.* 42, 296–310. doi:10.1007/s10465-020-09337-4
- Il'enkov Je.V. (1991). *Philosophy and culture*. Moscow: Politizdat, 464 p. (in Russ.)
- Jel'konin B.D. (2003). Pedagogics of development: trial as an educational system construct. Pedagogics of development: key competences and their elaboration: materials of the IXth scientific-practical conference. April, 2002. Krasnojarsk: Krasnojarsk gos. un-t, pp. 5–22. (in Russ.)
- Jel'konin D.B. (1976). *Psychology of game*. Moscow: Pedagogika, 304 p. (in Russ.)
- Jepshtejn M.N. (2006). *Philosophy of body*. Tulchinskij G.L. The body of freedom. Saint Petersburg: Aletejja, 432 p. ISBN: 5-89329-908-6. (in Russ.)
- Kolidzej Je.A. (2001). *Children's motional activity in the environment and their perception of reality*. Balashov: Izd-vo BGPI, 140 p. (in Russ.)
- Kozlov V.V., Girshon A.E., Veremeenko N.I. (2006). *Integrative dance-motional therapy*. Saint Peterbburg: Rech', 286 p. (in Russ.)
- Latash Mark L. (2020). *Physics of live motion and perception. / Transl. from English by A.V. Semenova*. Moscow: Kogito-Centr, 357 p. ISBN: 978-5-89353-597-6. (in Russ.)
- Leont'ev A.N. (1983). *Selected works on psychology. 2 vols. Vol. 1*. Moscow: Pedagogika, 392 p. (in Russ.)
- Leont'ev A.N., Zaporozhec A.V. (1945). *Restoring motion. Psycho-physiological study on the recovering of hands' functions after injury*. Moscow: Sovetskaja nauka, 231 p. (in Russ.)
- Lewis, C., Annett, L.E., Davenport, S., Hall, A.A., & Lovatt, P. (2014). Mood changes following social dance sessions in people with Parkinson's disease. *Journal of Health Psychology*, 21 (4), 483–492. doi:10.1177/1359105314529681
- Lovatt, P. (2011). Dance confidence, age and gender. *Personality and Individual Differences*, 50 (5), 668–672. doi:10.1016/j.paid.2010.12.014
- Lovatt, P. (2018). *Dance Psychology*. — Lulu.com. — 240 p. ISBN–13 : 978-0244960568
- Lugovaja E.K. (2008). *Philosophy of dance*. Saint Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 131 p. (in Russ.)
- McLeod, Sh. (2020). Dance improvisation through Authentic Movement: A practice of discernment. *Journal of Dance & Somatic Practices*, 12 (2), 1 December 2020, 191–205 (15). doi: 10.1386/jdsp_00023_1
- Merlo-Ponti M. (2006). *The visible and the invisible*. Minsk: I. Logvinov, 400 p.
- Millrod, E. (2020). Medical Dance/Movement Therapy in the Infusion Room: A Model for Individual Sessions with Adults in Active Treatment. *Am J Dance Ther.* 42, 61–89. doi: 10.1007/s10465-020-09323-w
- Nazarova N.V. (2016). The idea of continuity in actors' stage existence: an experience of observation and comparison. *Journal of practical psychologist*. [Zhurnal prakticheskogo psihologa], 2, 61–69. (in Russ.)
- Neverovich Ja.Z. (1948). Mastering controlled motion at preschool and elementary school age. *Bulletin of APN RSFSR*. [Izvestija APN RSFSR], 14, 167–196. (in Russ.)
- Nezhnov P.G. (2007). Mediation and spontaneity in the "cultural development" model. *Bulletin of Moscow University*. [Vestnik Moskovskogo universiteta], Section 14. Psychology, 1, 133–146. (in Russ.)

- Nizhel'skoj V.A., Kovaleva A.V., Panova E.N. (2020). The influence of representation of sense-oriented images on the parameters of vertical posture and bioelectric activity of brain in actors in the course of scenic image incarnation (pilot study). *National journal of psychology. [Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal]*, 2 (38), 108–117. (in Russ.)
- Patel, D.K. (2020). Building Emotional Resilience and Physical Stability Through Movement Therapy for Sports (MTS®): A Case for Applying MTS® as a Tool for Enhancing Athletic Performance Among Professional or Trained Athletes. *Am J Dance Ther*, 42, 256–276. doi:10.1007/s10465-020-09334-7
- Pinniger, R., Thorsteinsson, E.B., Brown, R.F. et al. (2013). Tango Dance Can Reduce Distress and Insomnia in People with Self-Referred Affective Symptoms. *Am J Dance Ther* 35, 60–77. doi:10.1007/s10465-012-9141-y
- Podoroga V.A. (1995). Phenomenology of body. Introduction to philosophic antropology. Materials of lecture courses, 1992–1994. Moscow: Ad Marginem, 336 p. (in Russ.)
- Protopopova O.V. (2002). Motor skills and psychoorthopedics. *Psychology of children's anomalous development: anthology. [Psihologija anomal'nogo razvitija rebenka: Hrestomatija]*. 2 vols. Ed. by V.V. Lebedinski, M.K. Bardyshevskaya. Vol. 2. Moscow: Chero; Vysshaja shkola; MGU, pp. 687–729. (in Russ.)
- Rudneva S.D. (2013). Fundamentals of musical motion techniques (fundamentals of psycho-physical education). *Crossroads and parallels. Almanac. [Perekrestki i paralleli. Al'manah]*, 2013, 4. Moscow: Volshebnyj fonar', pp. 76–90. (in Russ.)
- Rudneva S.D., Fish Je.M. (1972). Rhythmics. Musical motion. Moscow: Prosveshhenie, 334 p. (in Russ.)
- Sánchez García, L., Pinna-Perez, A. (2021). Expressive Flamenco ©: An Emerging Expressive Arts-Based Practice. *Am J Dance Ther*. doi: 10.1007/s10465-020-09339-2
- Scheubeck, S. (2019). Colours on the surface of my body in motion: The relationship between synaesthesia and dance improvisation. *Journal of Dance & Somatic Practices*, 11 (1), 1 July 2019, 25–37 (13). doi: 0.1386/jdsp.11.1.25_1
- Serlin, I.A. (2020). Dance/Movement Therapy: A Whole Person Approach to Working with Trauma and Building Resilience. *Am J Dance Ther*, 42, 176–193. doi: 10.1007/s10465-020-09335-6
- Shkurko T.A. (2003). Dance-expressive training. Saint Petersburg: Rech', 192 p. (in Russ.)
- Silveira, J.C.F. (2020). Somatic ways of approaching a kinesthetic mode of attention in dance. *Journal of Dance & Somatic Practices*, 12 (1), 1 August 2020, 29–45 (17). doi: 10.1386/jdsp_00011_1
- Stanislavskij K.S. (2013). Actor's self-development; Chehov M.A. On actor's technique. Moscow: Artist. Rezhisser. Teatr, 496 p. ISBN: 978-5-87334-105-4. (in Russ.)
- Thostov A.Sh. (2002). Psychology of corporeality. Moscow: Smysl, 287 p. (in Russ.)
- Volkonskij S.M. (2012). Expressive human. Stage training of gesture (according to Delsart). Saint Petersburg: Lan', Planeta muzyki, 176 p. (in Russ.)
- Vygotskij L.S. (2003). Psychology of human development. Moscow: Smysl; Jeksmo, 1136 p. (in Russ.)
- Zaporozhec A.V. (1960). Development of controlled motion. Moscow: APN RSFSR, 264 p. (in Russ.)
- Zaporozhec A.V. (1986). Selected papers on psychology: 2 vols. Vol. 1. A child's psychical development. Moscow: Pedagogika, 320 p. (in Russ.)
- Zinchenko V.P. (2018). Psychology of substantial action. Moscow: Centr gumanitarnyh iniciativ, 384 p. ISBN: 978-5-98712-876-3. (in Russ.)
- Zinchenko V.P., Morgunov E.B. (1994). Human being that develops. Outlines of Russian psychology. Moscow: Trivola, 304 p. (in Russ.)